

1

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

ISSN 0206-8680

КИНОСЦЕНАРИИ

1987

ИЗДАЕТСЯ
С 1973 ГОДА

1

1987

КИНОСЦЕНАРИИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

- 3 *И. Агеев*
НЕСПОРТИВНАЯ ИСТОРИЯ
- 28 *М. Хмелик*
МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА
- 56 *Ю. Разыков*
ИЗ УЗБЕКСКОЙ КУХНИ
- 77 *А. Ярушников*
НАТАШКИНА ЛЮБОВЬ
- 105 *Е. Лобачевская*
КОРАБЛЬ
- 131 *М. Шелехов*
СЫН ЧАЙКИ
- 154 *Ю. Арабов*
«SILENTIUM!»
- 185 *В. Вардунас*
ПРАЗДНИК НЕПТУНА
- 194 *А. Зинчук*
...БЫТЬ ХОРОШО ОДЕТЫМ И НЕ
ИМЕТЬ ДОЛГОВ

ГОСКИНО СССР
МОСКВА • 1987

От редакции

Предлагаемый читателям первый номер альманаха 1987 года не совсем обычен. Все опубликованные на его страницах произведения принадлежат перу драматургов-дебютантов. Их имена, за исключением, может быть, одного Владимира Вардунаса, еще не значились в титрах фильмов. Почти все эти сценарии написаны недавно, но есть и такие, что довольно долгое время пролежали на киностудиях без движения. Надеемся, что произведения молодых авторов, отобранные редакционной коллегией альманаха для этого номера, представят интерес для наших читателей.

Главный редактор В. СОЛОВЬЕВ

Редакционная коллегия:

О. АГИШЕВ, С. АНТОНОВ, Е. ГАБРИЛОВИЧ,
Е. ГРИГОРЬЕВ,
Р. ИБРАГИМБЕКОВ, В. СЫТИН, С. СОЛОВЬЕВ,
В. ТРУНИН, В. ЧЕРНЫХ

Ответственный секретарь Е. КЛЕЙНЕР

Номер подготовили к печати:

О. ГОРБАЧЕВА, Н. РЮРИКОВА,
Т. ПОКРОВСКАЯ, М. СЕРГИЕНКО

Технический редактор Л. РЯБЫКИНА

Корректор И. ШАРАЕВСКАЯ

Мл. редактор Т. ЕРМОЛОВА

© В/О «Союзинформкино»

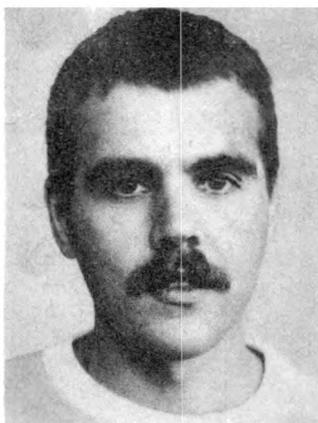
Сдано в набор 17.12.86. Подписано к печати 16.01.87. А08315
Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 16,9+0,32 Уч.-изд. л. 20,6
Усл. кр.-отг. 17,54 тыс. Печать офсетная. Бумага типограф. «Сыктывкар»
Гарн. таймс. Тираж 67.850 экз. Заказ № 3118. Цена 1 р. 20 к.

Всесоюзное объединение «Союзинформкино» 109017, Москва,
Б. Ордынка, 43. Тел. 231-11-33.

Адрес редакции: 103006, Москва, Воротниковский пер., д. 12.
Телефон 299-47-74

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический
комбинат В/О «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
142300 г. Чехов Московской области.

ПЕРВЫЙ ЭКЗАМЕН

Мое знакомство с Игорем Агеевым началось с телефонного звонка народного артиста РСФСР Георгия Тараторкина.

— На курсы сценаристов поступает ленинградец Игорь Агеев. По моему, он интересный литератор...

Когда идут вступительные экзамены на курсах или во ВГИКе, звонят многие, я в эти дни стараюсь не подходить к телефону. К тому же эффект от таких звонков чаще всего противоположный: настораживаешься и находишь в абитуриенте больше недостатков. Но я помнил, как лет десять назад, когда в театре им. Моссовета репетировалась моя пьеса, Г. Тараторкин, исполнитель главной роли, дал мне несколько очень дельных советов. Он хорошо чувствует и понимает драматическую литературу, поэтому его рекомендация отложилась в памяти.

Экзамены на Высшие курсы сценаристов трудные. На каждое место претендуют несколько одаренных писателей. Их вступительные работы читают не менее десяти драматургов. Игорь Агеев экзамены выдержал, больше всех сомнений было у меня. Всегда хочется, чтобы в кинематограф пришел писатель оригинальный, со своей «провинцией», которой до него в кино не было. Для этого, конечно, нужен талант, но и биография тоже. И. Агееву было тогда 26 лет, он закончил актерский факультет Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии и работал актером в ТЮЗе.

К сожалению, мои опасения оправдывались: поначалу в работах Агеева было много вторичного. За два года учебы можно овладеть приемами сценарного ремесла, это не так уж трудно, если есть литературные способности, а кино ведь мы смотрим с детства, и каждый в нем кое-что понимает. Главное все-таки в том, что ты хочешь рассказать людям и захотят ли они это слушать и смотреть. И. Агеев хотел рассказать о своем поколении, но шел от характеров, которые он играл на сцене, а эти характеры были уже открыты другими драматургами. Да и сюжеты, которые он предлагал, многократно были использованы и в литературе, и в драматургии.

Я поступил, наверное, волюнтаристски, рекомендуя И. Агееву отказаться от своих прошлых замыслов и начать с нуля. Слушатель курсов пошел на обувную фабрику и написал сценарий из жизни обувщиков. Сценарий во многом был интересным и снова во многом вторичным. Да и невозможно создать нечто новое и оригинальное, не зная ни среды, ни тех сложных ситуаций, которые сложились в производстве за последние годы.

И снова был тупик. Хорошо воспитанный, интеллигентный Игорь разозлился. Это было единственное, что меня обрадовало в тот момент. Если разозлился, значит, найдет.

— В чем вы видите выход для меня?—спросил он тогда.

— Писать о том, что очень хорошо знаешь и о чем очень хочется писать...

Через неделю он принес заявку на «Неспортивную историю», которая публикуется в этом номере альманаха. Потом родился и сценарий, подготовленный в Центральной сценарной студии Госкино СССР. Студия «Ленфильм» проявила к сценарию интерес, однако замешкалась, и киносценарист А. Александров, за несколько дней до этого назначенный одним из руководителей новой мастерской детского и юношеского фильма при «Мосфильме», сразу же приобрел сценарий. Такое случалось не часто, чтобы за дебютанта в киносценаристике боролись две лучшие киностудии страны. Думаю, теперь, когда все большие киносценаристы не только создают сценарии, но и руководят кинопроцессом, таких случаев будет все больше. Ведь киносценарист в работе своего коллеги сразу видит ее достоинства и не впадает в панику при недостатках, которые поправимы.

И. Агеев теперь уже выдержал экзамен вхождения в профессиональное кино. Эти же экзамены ему теперь придется сдавать всю жизнь. Второй и третий сценарий обычно пишутся труднее, чем первый, но потом, как говорили мне когда-то мои старшие коллеги, будет чуть легче...

Валентин Черных

ИГОРЬ АГЕЕВ НЕСПОРТИВНАЯ ИСТОРИЯ

Меня зовут Татьяна Серебрякова, мне четырнадцать лет.

Возможно, вы слышали мою фамилию. Ну, уж во всяком случае те, кто интересуется спортивной гимнастикой. В прошлом году была чемпионкой мира по бревну и опорному в отдельных видах.

Наверное, по гроб жизни буду помнить...

Хельсинки. Большой дворец спорта «Яхалле» — так, кажется, он у них называется. Трибуны забиты до отказа, стекают вниз темной, безликой массой к ярко освещенному помосту с гимнастическими снарядами. А на бревне — я. С самого последнего ряда выгляжу, наверное, этаким козявочкой на жердочке.

Сегодня отработала чистенько, с подъемом. Теперь — финал комбинации. Тапочки по бревнышку — тук-тук-тук. Фиксация. Фляк назад — раз! И тут же соскок — сальто в два оборота!.. Тишина. Слышен лишь стук моих копыт о помост. Гвоздем, не шелохнувшись, в

пол воткнулась, ручки назад, а на лице улыбка от уха до уха — так-то, граждане судьи, мне это и не трудно совсем. Тишину как ветром сдуло. Иду от снаряда, спинка прямая, строго носок тяну, а на трибунах крики, свист, аплодисменты. Все сливается в один протяжный вой, шарахается в огромной четырехугольной чаше из угла в угол, резонирует, как в бане. Проектора слепят.

Спускаюсь с помоста. Девки меня встречают, тормозят, целуют, я отмываюсь. Вадим, наш тренер, меня по плечу рукой и большой палец вверх — мол, «молоток»! Он не какой-нибудь. Целоваться не лезет.

Только присела на лавочку, олимпийку на плечи накинула, как эти финны снова будто с цепи сорвались: орут, руками машут. В чем дело?.. Оценка — десять, ноль! Табло «Омега» крутит мою десятку на все четыре стороны, любуйтесь на здоровье!

Через сектор-бокс в раздевалку протиснуться почти невозможно — такая толпа. Местные блюстители порядка с трудом коридор для нас пробивают. Я

росточка небольшого, иду, а сверху руки тянутся, в руках программки, ручки, фломастеры. Автографы раздают налево-направо. Вот кто-то подsunул мою фотографию—подписала. Один, пожилой, шустрый, дал мне фломастер, а вместо программки, руку сует, до локтя рубашку закатал—распишитесь, мол. Подумала секунду и на предплечье, с тыльной стороны, свою размашистую закорючку ему поставила. Доволен, аж в ладоши захлопал. А ко мне уже новые программки тянутся... То там, то тут фотовспышки—хлоп! Хлоп-хлоп! Хлоп!..

Пресс-центр. Сидим в мягких удобных креслах—я, девчонки, Вадим, наш начальник команды. Перед нами, на столиках, микрофонов!.. Телевизионщики с киношниками еще длинные такие колбасины подсовывают. Вадим головой кивает, отвечает что-то скупое, сдержанно. Вопрос ко мне. Подаюсь всем телом вперед, улыбаюсь, несу какую-то чухню, первое, что в голову придет. Мол, все в порядке, граждане журналисты, мне что чемпионкой стать, что в лужу плюнуть... Обстановка деловая. Дядьки спину гнут, зубы свои заграничные в улыбке скалят. Кто смиренно с диктофончиком сидит, кто записывает что-то, пристроив блокнот на подлокотник, кто с фотоаппаратами бегаёт туда-сюда... Наш начальник команды встал, руку к груди: спасибо, мол, за внимание. Нам заплодировали. Какая-то тетка, которая моей матери в бабушки ходит, мне цветы сунула и блокнотик—опять автограф. Солидный, в дымчатых очках, руку мне поцеловал и тоже блокнотик протягивает. Расписалась, не жалко...

Мелькают газетные заголовки, фотографии. «Королевы помоста». Гимнастка застыла в воздухе высоко над бревном. «Успех советской сборной». Брусья. Летит гимнастка с перекладинами, ноги разведены, носочки оттянуты. «Браво, девушки!», «Так держать!», «Советские гимнастки—чемпионки мира».

Пьедестал почета. Татьяна стоит на верхней ступеньке, на груди медаль, руки с букетом цветов победно подняты вверх...

И на этом смолкает вступительная музыка, заканчиваются титры...

И вот наступил тот проклятый день. Его я тоже никогда не забуду...

Спортзал. Обычная, рядовая тренировка. За окнами темень. Ноябрь на дворе. В зале пусто. Только мы с Вадимом, как всегда, задержались. Отрабатываем связку для новой комбинации.

— Соберись!—слышу голос Вадима.

Я, уткнув глаза в пол, смотрю на носки своих тапочек, трясущей башкой: сейчас, мол, соберусь.

— Делай!—командует Вадим.

Вадим наш такой... Как бы это сказать?.. Эмоций—никаких. Кажется, никогда не сердится, никогда не радуется. Ему к полтиннику, пожалуй, но выглядит на тридцать пять—сорок. Он сам в прошлом из гимнастов. Росту в нем чуть больше ста семидесяти, то есть на полголовы меня длиннее. Можно было бы сказать «повыше», но выше «бронзы» на общесоюзных Вадима никогда не поднимало. Пришлось большую часть жизни «умирать в своих учениках». Брюшко на это время «наумирал», стрижка коротенькая слегка пошедела. Складки на щеках появились. Но для своих лет сбит он крепко, железно сбит. Серьезный мужчишка, одним словом...

Ножки мои по матам прошлёпали, оттолкнулись от подкидной. Как перышко наверх взлетела, и тут... Смотрю на бревно, а оно троеится, и будто туман перед глазами.

— Вперед!—требует Вадим.

Я постояла-постояла, сделала шаг и кубарем вниз. Вадим меня подстраховал, взял за плечи, встряхнул слегка:

— Ну? В чем дело?

Я глаза в сторону и плечами передернула. Вадим меня отпустил, подошел к бревну, облокотился на него и говорит, не поворачиваясь:

— Опять твои фокусы?—И вздохнув:—Дождешься, девушка, вот поедет Жукова вместо тебя через год на олимпийские.

— Это из молодых, что ли?—спрашиваю, а сама «руки в боки» и носком тапка мат протираю.—Она наглая, как танк, а техники никакой.

— Ну, сегодня никакой, а завтра... Силина и Жаркова тоже не предполагали, что ты так быстро проклюнешься.

— Жу-ко-ва... Ха! Жукова!—Это я как бы себе, а потом поворачиваюсь и Вадиму в спину:—Да я ей морду разобью!

— Молодец.— Вадим проходит мимо меня, треплет по загривку: — Давай, давай. На бревно. Работаем.

Иду на исходную.

— Готова?

Я глубоко вздыхаю и резко выпускаю воздух.

— Делай! — командует Вадим.

Смотрю в торец, а бревно высокое-высокое. Просто Эверест какой-то.

— Делай! — повышает голос Вадим.

Разбегаюсь. Тол-чок!.. И тут же пол уезжает куда-то далеко-далеко. А Вадим внизу совсем крошечный, будто с Исаакиевского собора на него смотрю. Зал шатается, все ходуном ходит, такая круговерть! На этот раз он даже поймать меня не сумел. Только ручками в воздухе махнула и на маты — бабах!

Поднимаю голову, Вадим надо мной стоит, руки за спиной:

— Ну?..

— Баранки гну! — огрызаюсь. Сажусь на мат и коленку ушибленную растираю.

Вадим опускается передо мной на корточки.

— Да что с тобой сегодня, что случилось? — мягко так спрашивает, заботливо. А это еще хуже, чем нож под сердце.

— Устала.

— И только?

— А чего еще-то?

Вадим поднимается, снова руки за спину:

— Тогда вставай.

— Не встану!

— Встала, и на бревно! — повышает голос Вадим.

— Не могу!

— Слов таких не знаю! — заводится.

Сию секунду-другую, потом вскакиваю, иду к скамейке, хватаю шмотки и из зала.

— Назад! — слышу голос Вадима, но не оборачиваюсь. — Татьяна! Вернись, я сказал!..

— Да идешь ты!.. — говорю тихо, сквозь зубы, чтобы не услышал.

Дверью шарахнула так, что по залу гул пошел...

Кажется, этот гул еще стоял у меня в ушах, когда дня через три я сидела на стуле перед грузным, восточной наружности, толстопузым дядькой в белом халате. Дядька сильно сопел, навалившись грудью на стол, быстро выводил

на казенном бланке непонятные крупные каракули.

Кроме двух стульев, стола, рукомойника и кушетки, в кабинете ничего не было. Белые стены, белые занавески на окнах.

Дядька писать закончил, выбрался из-за стола.

— Идем, — сказал.

Дверной ручки в этом кабинете тоже не оказалось. Дядька достал из кармана халата специальный ключ, вставил в дырку, повернул, и дверь открылась.

Навстречу нам с банкетки поднялся Вадим, ожидавший в коридоре.

— Зайдите... — сказал ему дядька. — А ты подожди нас здесь.

Я вышла. Вадим зашел. Щелкнул замок. Уселась на банкетку и стала ждать...

...Минут через сорок после этого догоняю Вадима, на ходу застегивая куртку. Идем по аллее больничного парка. Под ногами и вокруг мокрые желто-красные листья. День для ноября на редкость яркий, хоть солнца и не видно.

Вадим суров, руки засунул в карманы плаща. Идет медленно, смотрит куда-то вперед, в самый конец аллеи. Мимо то и дело проходят какие-то тетки в белых халатах, в накинутых сверху пальто и куртках.

Пристраиваюсь рядом с тренером, поглядываю на него снизу вверх, он молчит, и я молчу.

— Ну и чего вам наговорил этот специалист - психопат? — интересуюсь наконец.

Вадим по-прежнему молчит, только листья шуршат под ногами.

— Вадим Петрович!.. — настаиваю.

Он останавливается возле скамейки, пробует пальцами — не грязная ли?

— Присядем-ка, — говорит. И устраивается на самый краешек. — Вот, значит... — Лицо у Вадима, будто ему килограмм клюквы в рот запихнули. — Так-то... — И снова молчит.

— Чего? — не понимаю я.

— Перестарались мы с тобой, девушка. — Вадим зябко поводит плечами. — Нервишки у тебя того... подизносились...

— Это как? — спрашиваю осторожно.

— Истощение нервной системы... Не уследил... Отдохнуть тебе надо. — Вадим кашляет, прочищает сорвавшиеся в конце фразы связки. — Отдохнуть...

Кажется, начинаю понимать, куда он клонит:

— И долго,— говорю,— отдыхать будем?

— Год... Может, больше года.

— Год?!— меня со скамейки будто кто пинком подбрасывает.— Да ведь через год... без тренировок... Не то что ваша Жукова, всякая мелюзга из подготовилки меня так обставит! Даже помост мести для меня никакой перспективы! Вы это понимаете?!

Вижу, что понимает. Не вчера же родился. Встает со скамейки, в глаза не смотрит. Как-то неловко по плечу меня похлопал и пошел вперед.

— Вадим Петрович!

Не оборачивается.

— Вадим Петрович!.. Вадим Петрович!..

Идет, руки в карманах.

— Ах ты!..

От бессилия, наверное,— вижу на земле какую-то палку, нагибаюсь и швыряю ему вслед. Палка летит по дуге и несильно, но все-таки попадает Вадиму между лопаток. Не оборачивается, не останавливается, только еще глубже втянув голову в плечи, уходит от меня все дальше и дальше...

Вот, стало быть, все теперь позади... Вернулась домой, к матери, в нашу халупу однокомнатную, наш малогабаритный сарайчик в Автово (есть такой район в Ленинграде).

Стою в прихожей этакой куклой неживой. Чемодан с вещами на полу, сумка через плечо. Мать меня прижала к себе, по спине гладит.

— Девочка моя...— приговаривает.

У нас на стене, напротив входных дверей, зеркало. Вижу там ее спину и свое отражение. Лицо мое, прямо скажем, особой радости по поводу возвращения в «гнездо родное» не выражает. Скорее наоборот—растерянная какая-то физиономия в зеркало смотрит.

— Ну, что?..— Мать берет меня за плечи, разглядывает.

Пробую улыбнуться— не показывать же ей, что мне повеситься хочется.

— Раздевайся.— Мать поддевает мой нос пальцем, берется за чемодан и тащит его в комнату.— Ох, какой он у тебя тяжеленный,— щебечет.— Ты уж извини, что не смогла встретить. И так еле-еле у начальницы с обеда отпросилась.

— Ничего, я на такси...

Слушаю ее вполуха, снимаю сумку с плеча, расстегиваю куртку, продолжаю разглядывать себя в зеркале.

Мама у меня такая же низкорослая и некрасивая, как я. Выглядит, правда, молодо. Еще два-три года, и будем с ней, как две подружки...

— Я тебе тут специальный угол выгородила.— Тараторит без остановки.— Ширмой отгородила. Письменный стол приволокли вместе с тетей Зиной... Ты тетю Зину-то помнишь?—И, не дожидаясь ответа, дальше:— Ее Борька в армию ушел, так она его стол нам отдала. Мне, говорит, ни к чему, а твоя— пусть учится...

Куртку— на вешалку, шапочку вязаную с головы долой и в рукав. Снимаю кроссовки, вижу—шлепанцы для меня приготовлены, на коврик стоят. Шлепанцы так шлепанцы— залезаю. Чувствую спиной, мать в прихожую вышла.

— А что,— спрашиваю,— твой Сергей Иванович так больше и не приходит? Сбежал?

Мать смотрит не мигая, улыбка какая-то грустная.

— Боже мой, Танька,— говорит,— ты ведь у меня совсем взрослая стала...

Мне неловко от ее взгляда, руки вдруг лишними оказались. Сунула их в карманы джинсов, чтоб не мешали.

— А я рада, что так случилось.— И не понятно, о чем она, обо мне или об ее Сергее.— Вдвоем веселее...

Я на всякий случай кивнула, хотя какое тут веселье? Сейчас прямо в пляс пойду от радости...

— Иди руки мой,— говорит и идет мимо меня на кухню.— Сейчас кормить тебя буду. Домашние-то щи небось лучше интернатских?

— Хуже,— это я себе под нос буркнула.— Спасибо.— И тащусь в ванную руки мыть...

Сажу за столом, на кухне, в котлете ковыряюсь. Наконец, положила вилку, тарелку от себя отодвинула.

— Не хочешь?— Мать сидит рядом, щи уплетает.

Я башкой мотнула— спасибо, мол, не хочу.

Мать тарелку убрала, наливает в стакан молоко из пакета. Шустренько сгоняла к буфету, возвращается, а в руках плетенка, а в плетенке—булочки. Сдобные такие пампушечки, сахарной пудрой сверху присыпаны.

— Вот испекла твои любимые.— Ставит плетенку передо мной и снова к столу, щи доедать.

Смотрю на булки, сглатываю слюну.

— Мне нельзя,—говорю.

— Почему?

— Растолстею.

— Ну и что?—удивляется.

— Мне форму держать надо.

— Зачем? Теперь-то зачем?..

Сейчас понимаю, это у нее случайно тогда вырвалось. Да и она, впрочем, сразу сообразила, что глупость спрашивает. Только мне-то ее «зачем», как соль под кожу. Губы поджала, плетенку от себя толкнула так, что все булки по столу. Вскочила и к окну. Стою, подоконник сжимаю, смотрю на улицу, главное—не разреветься.

— Господи, Танюша.—Мать сзади подошла, руку на плечо положила.— Ерунда всё это, я тебе скажу. Разве в этом дело?—Вздыхнула.—Все еще впереди, жизнь-то не кончена. Она ведь у тебя только-только начинается.

За окошком серенький денек, дворик наш серенький, деревья голые торчат, а с неба—первые серенькие снежинки...

Видел бы меня кто-нибудь из наших девок, как я скромненько, «примерной Нюрой», вдоль стеночки иду по школьному коридору! Оборжались бы. Мимо всякие пионеры и школьники бегают, орут как сумасшедшие.

Я, Татьяна Серебрякова,—ученица средней школы. Первый раз—в восьмой класс! Ауг, Танюша! Дожили!..

Дверь в кабинет математики нараспашку, занятия еще не начались. Потопталась в коридоре и шагнула... Стою на пороге, а будущие соратники на меня—ноль внимания. Двое-трое в мою сторону глянули мельком—мол, что это там такое вкатилось? И снова за свои дела. Кто книжку читает, кто пишет что-то, кто просто трепется.

Не успела толком оглядеться, вдруг сзади на меня налетает какой-то шустрый, маленький такой живчик. Волосы светлые сосульками под «горшок» подстрижены, вся рожа в конопушках, глаза—щелки, как у поросенка.

— Чего встала-то?!—Это он мне, что я ему дорогу загородила.

— Это какой класс?—спрашиваю.

— Восьмой,—кванул и к переднему столу, за которым черненький, кучерявый книжку читает.

— «А» или «Б»?—я ему вдогонку.

— Бэ-э!..—проблеял, как баран, оглянулся и тут же кучерявому:—Шлепа, дай скатать!

— Не успеешь.—Кучерявый даже глаз на него не поднял.

— Успею,—убеждает шустрый.

Кучерявый посмотрел на него, пока страницу переворачивал, кивнул на соседний стол:

— Там. В порядке очереди...

За этим столом человек пять-шесть сгрудились, аккуратно домашнее задание срисовывают. Шустрый к ним пристраивается—кому-то на спину тетрадку забросил и застрочил торопливо.

Постояла я, посмотрела и пошла по проходу между столами, место себе искать. Там портфели, тут сумки, тут сидят—все забито. Наконец вижу, девица за предпоследним столом в сумке копошится, а рядом стул вроде бы свободен.

— Свободно?—спрашиваю.

Ой, как она на меня посмотрела! Так только на этих смотрят... ну, которые в кунсткамере, в банках заспиртованы.

— Занято,—шепелявит. Достала из сумки косметичку, орет:—Маша!—И бежит к девицам, которые пасутся вокруг центрального стола, точнее—вокруг смазливой, подкрашенной девахи. (Я ее еще раньше заметила).—Во, посмотри!—шепелявит шепелявая и вытаскивает из косметички картонку, на которой сережки приколоты.

Эта шикарная Маша со знанием дела руку за сережками протянула. Девицы обступили ее так, что шепелявой и места не осталось. Она вертится рядом, пытается через головы на свои сережки посмотреть.

— Девочки! Девочки!..

В классе три ряда столов. Гляжу, все три последних стола не заняты. Устроилась в углу, за тем, что ближе к стенке. На один стул сама села, на другой сумку бросила. Только за ручкой и тетрадкой полезла, слышу откуда-то сверху кукарекающий басок:

— Э! Подруга! Освободи плацкарт.

Поднимаю голову. Передо мной верзила стоит прыщавый—два метра с кепкой. Убрала сумку, освободила ему стул, тот, что к проходу ближе.

— Ты чего, плохо слышишь?—гнусавит верзила.—Это мое место.

— Все твое?—спрашиваю.

— Все мое,—соглашается.

— А не жирно? Лицо не треснет?

У него от удивления чуть глаза не повыпрыгивали. Стукнул кого-то, который передо мной сидел, по спине:

— Тюха, это кто такая?

— Не знаю, Шур,—отзывается Тюха.

— Ты кто?—Это Шура уже у меня спрашивает.

Я ничего не отвечаю, сижу, вперед смотрю, будто рядом нет никого.

— Халиков!—зовет кого-то верзила.

— Ша!..—отзывается тот самый шустрый живчик, что на меня налетел, и через секунду спешит к нам, перелезая через столы. Рожа у него довольная, видно, успел списать, тетрадку на ходу в папку запикивает.—Чего?

— Ну-ка, Халява, выкинь отсюда эту дуру.—И на меня пальцем.

— А чего?—интересуется Халиков.

— Выкинь, сказал. Видишь, прилипла к стулу и не отлипает.

— Ну, ты!..—Халиков кидает на стол свою папку.—Исчезни.

Делаю вид, будто это не ко мне, но боковым зрением вижу, что верзила ждет более активных действий, а Тюхавпередисидящий повернулся к нам, любопытствует, чем дело кончится.

— Банан в ухе застрял?—спрашивает Халиков и ручонкой ко мне тычется.

— Убери грабли,—говорю ему спокойно.

— Чего?—и хватает меня за шиворот.

Встаю, беру его за запястье и сжимаю что есть силы. У Халикова пальчики побелели, кисть руки скукожилась, коленки подкосились, даже крикнуть не может.

— Пус-ти...—кряхтит.

Я отпустила, кинула ему папку и снова села за стол как ни в чем не бывало. Халиков морщится от боли, кисть разминает, на своего Шуру смотрит. Тюха тоже на верзилу уставился.

Может, этот Шура и придумал бы что-нибудь, только тут зазвенел звонок и вместе с ним, как по команде, в класс вошли училка и завуч школы Валентина Николаевна. (Я с Валентиной познакомилась, когда мои документы в школу принимали). Все бросились места свои занимать.

— Ладно,—разрешает длинный Шура,—живи до перемены.

И они с Халиковым за соседним столом устроились.

— Садитесь, садитесь,—говорит Валентина.—Я на минуту...

Валентине Николаевне за пятьдесят. Она вся круглая, на кубышку похожа. Лицо мясистое, доброе, как у деда Мороза, очки на носу. На большом пальце—связка каких-то ключей. Помоему, она с ними никогда не расстается.

— Друзья,—продолжает завуч, складывая руки на животе,—у меня для вас приятное известие.—Ищет глазами по рядам.—А где же?..—и видит меня.—Ах, вот ты куда забралась?

Встаю. Понятно—обо мне речь пойдет.

— Знакомьтесь—Татьяна Серебрякова,—говорит Валентина Николаевна,—ваш новый товарищ. Она мастер спорта международного класса, чемпионка мира по спортивной гимнастике...

В классе звучит дружное «У-у!..», и все в мою сторону оборачиваются. Не думайте, на лицах особого восторга нет. Любопытство, ирония, даже насмешка.

— Тихо, тихо,—успокаивает их Валентина.—От лица педсовета, дирекции и себя лично выражаю надежду, что ты и в буднях, так сказать, не уронишь своего высокого звания. А вы, друзья, думаю, подружитесь с Танечкой и можете ей стать достойным членом вашего коллектива.

— Ага. Поможем,—говорит та самая Маша. С ленцой говорит, я бы сказала, снисходительно.

— Вот и хорошо,—не замечая ее иронии, улыбается Валентина.—Словом, добро пожаловать, в добрый час...

— Можно?—В дверях какой-то парень, опоздавший к началу урока.

— Опаздываем, Панов?—журит его завуч.

— Извините.

— Иди, садись,—разрешает Валентина.

Панов этот идет на свое место, а завуч говорит, обращаясь к училке, стоящей в стороне, у доски:

— Елена Михайловна, у меня—все, начинайте урок... До свидания.

Все встанут и тут же, как только Валентина выходит, садятся. А я стою. Почему, не знаю. Стою, и все тут.

— Ну, что же...—Училка бросает классный журнал на стол, смотрит в мою сторону.—Рада знакомству. Меня зовут Елена Михайловна, я твой классный руководитель.

Вот уж не думала, что училки такими

бывают! Молодая, красивая, волосы рыжие, густые, сзади заколкой перехвачены. Глаза, фигурка—все на месте. Просто супервумен какая-то, а не училка.

— Кстати,— Елена переводит взгляд на мои джинсы,— у нас в школе девочки в брюках не ходят.

— А в чем ходят ваши девочки?— С чего вдруг я ей хамить начала, сама не знаю.

— Как и положено девочкам— в юбках, в платьях,— объясняет Елена без обиды.

— А-а,— говорю.— А если у меня без штанов ноги мерзнут? Что тогда?

— Тогда ходи на руках,— подает голос кучерявый, у которого все списывали.

Все стадо заржало. Елена тоже улыбается:

— Садись. Надеюсь, мы друг друга поняли.— В журнал посмотрела:— Дежурный?

— Тюхин,— вскакивает с места впередисидящий.

— Больные, отсутствующие?

— Нет.

— Кто к доске?

И лес рук в ответ. Ну просто идиллия, да и только!

Закончился мой первый урок. Вокруг Елены— толпа. Лезут к ней с вопросами, тетрадки под нос подсовывают: «Елена Михайловна, а бэ плюс единица или минус? А почему минус?..» Заботы у людей! Прохожу мимо них, выхожу в коридор.

— Эй!— Меня догоняет шепелявая, с сережками.— У нас сейчас литература, это направо, в самом конце. Меня Лидой зовут, Шептуновой. А ты правда чемпионка?

Ничего ей не отвечаю. Думает, я сразу забыла ее «занято»?

— Ты чего молчишь-то?— семенит рядом, на меня поглядывает.

— А с кем говорить-то?

— Ой! Ой! Ой! Подумаешь! Какие мы страшные!— шепелявит.— Марина, погоди!— И бежит догонять ту самую Машу, которая на самом деле Марина.

— Посторонись!— слышу сзади знакомый басок.

Отхожу в сторону. Шура едет верхом на Халикове. Ноги у Шуры длинные, по паркету волочатся. А Халява согнулся пополам, еле-еле костыли передвигает.

— Но!..— орет длинный и подгоняет Халяву папкой по заду.— Рысью давай!

Проехали мимо. Странно, но этот Шура на меня даже не взглянул. Забыл, что ли, свое обещание?

Подхожу к кабинету русского языка. Берусь за дверную ручку, дергаю— заперто.

— Это ж надо! Какая тяга к знаниям!

Оглядываюсь— Марина стоит у стенки с девицами, усмехается. Дебилки из ее окружения тоже хихикают. И Шептунова вместе с ними.

— Отдохни пять минут,— советует Марина.

Пропускаю ее шуточки мимо уха, иду к противоположной стене, бросаю сумку на пол, стою, жду, когда перемена закончится. Смотрю по сторонам. Вижу в углу, возле окон, такую картину: Шура пригнул Халикова за шею к паркету и пытается его снова оседлать, а тот, бедный, вырывается, повторяет одно и то же:

— Пусти, Шур... Ну, Шура... Пусти...

— Два раза уронил? Уронил. Теперь еще два штрафных круга.— И чтобы Халява его лучше понял, на каждом слове Шура отпускает Халикову чувствительные щелбаны.

— Кончай, пятиэтажный!— просит Халиков.— Ну ты, дурак, пусти...

— Я дурак?!— картинно возмущается Шура.— Это тебе за дурака.— И награждает Халяву подзатыльником, а потом, развернув, бьет его ногой по задку.

Халиков, чудом удержавшись на ногах, отлетает метра на два, почесывает ушибленный затылок.

— Иди сюда,— приказывает Шура пятиэтажный.

— Не пойду,— гнусаво отзывается Халява.

— Иди, хуже будет.

— Ну, кончай...

— Иди, сказал!

Халиков пробует убежать, но пятиэтажный в два прыжка догоняет его, зажимает голову Халявы под мышкой и снова учит щелбанами. Рядом, облокотившись на подоконники, стоят мои одноклассники и ни слова этому длинному кретину. Наоборот, кто-то ржет, кто-то без эмоций наблюдает, кто-то делает вид, будто его это не касается. А пятиэтажный тем временем волтузит несчастного Халикова как хочет. Тот

уже ничего не говорит, только постанывает. Отделяюсь от стены и прямым ходом к Шуру. А тот:

— Это тебе за папу.—Щелбан.—Это тебе за маму.—Еще щелбан.—А это от меня лично.—Подзатыльник.

— Чего ржете?—подходя, говорю веселым наблюдаателям, а затем пятиэтажному:—Ну ты, высокий, вся сила в рост ушла? Кровь до мозгов не достает?

У Шуры аж челюсть до пупа. Отпустил Халяву, смотрит на меня сверху вниз. Моя макушка ему еле до груди достает.

— Напрашиваешься, спортсменка?—оглядывается на притихших зрителей.—Гуляй отсюда, пока я добрый.—И к Халикову:—Халява, два штрафных круга!

Тот уже было сделал шаг к пятиэтажному, я встала между ними.

— Откатался, Шура,—говорю.—Ходи ногами—здоровью помогает.

— Чего, играем мы,—Халиков за спиной гнусит.

— Заткнись,—брошаю через плечо.

Пятиэтажный снова по сторонам огляделся, усмехается. В рекреации потише стало, все в нашу сторону уставились. Те, кто со спины на меня смотрели, наверное, не поняли ничего. Просто пятиэтажный дернулся вперед, шагнул, а потом вдруг на колени передо мной грохнулся и, когда я отошла в сторону, мордой пол припечатал. Мне наш массажист точку одну показывал, если туда даже пятилетний двумя пальцами что есть силы ткнет, человек как бы засыпает на несколько секунд и еще секунд сорок просыпается.

В общем, Шура на пол прилег, а я слышу, кто-то за спиной присвистнул. Оглядываюсь—Панов на меня смотрит. Лицо не то, чтоб красивое, но есть в нем что-то... Посмотрел он на меня, головой мотнул и отвернулся, наблюдает, как пятиэтажный в себя приходит. Я вернулась к своей сумке, взяла ее, полезла внутрь, чтобы руки как-то занять.

В это время Халява пятиэтажному подняться помогает:

— Шур, ты в порядке?

— Уйди, гнусь!

— Ты чего... Это ж не я, это она...

— Я тебя сегодня с твоей шмакодавкой из школы не выпущу, понял?—и замахиивается.

Халява в сторону отскакивает. Шура

встает, отгоняет от окна двух-трех, опирается о подоконник, дышит тяжело.

В это время приходит училка по литературе, класс отпирает.

— Просили тебя?—подходит ко мне Халява.—Это же Шура, пятиэтажный.

— Ну и что?

— Дура ты,—говорит,—просили ее!..

И зазвенел звонок.

Звонок звенел и тогда, когда я застегнула куртку, подхватила на плечо сумку и к выходу двинула. Гляжу, в тамбуре стоит Халиков.

— Стой!—говорит.—Смотри.—И через стекло на улицу пальцем тычет.

Перед школой трамвайная линия, сразу за ней—дорога, за дорогой подворотня. У подворотни топчаться трое—пятиэтажный и еще два каких-то не из нашего класса.

— Ты бегать быстро умеешь?—интересуется Халиков.

— Ну?

— Если сразу вправо, могут и не догнать.

— А эти двое—кто?

— Лимон и Гуська... Они раньше у нас учились, теперь рядом, в пэтэу.

Мимо проходил Панов. Глянул в нашу сторону и на улицу вышел.

— Можно было бы Лёху попросить...

— Кого?

— Панова,—вздыхает Халиков.—Да он не поймет. Ему теперь примерным надо быть.

— А что?

— Да!..—машет рукой Халява.—Он тут связался по глупости с компанией. Обворовали палатку и засыпались. Ну, Елена, наша классная, его вытащила. Взяли на поруки.

— Веселая у вас школа, я гляжу!—усмехаюсь.

— Нормальная,—вздыхает Халиков.

— Ладно, идем.

— Ты чего, чокнулась?

— Не плачь, пошли.—Открываю дверь на улицу.—Не ночевать же тут...

Спускаюсь с крыльца. Те трое меня заметили, подались вперед. Халиков плетется сзади, шагах в пяти. Лицо у него, будто на расстрел ведут.

— Ну-ка, отойдем на два слова,—говорю Шуру-пятиэтажному, двух шагов не доходя.

У того испуг в глазах, на дружков озирается. Сломался парень.

— Да не бойся, не трону,—
успокаиваю.

Его приятели загоготали. Шура ухмыльнулся, делает вид, что ему море по колено:

— Идем...

Отвела его в сторону, говорю, улыбаясь, тихо, но внятно:

— Слушай, Шурик... Сам запомни и вот этим передай: если еще хоть раз ты или кто-нибудь из них Халикова пальцем тронет... Я не поленюсь, в спортшколу сгоняю, привезу своих, и с вами такое сделаю! Понял меня? Я спрашиваю, ты понял?

— Да ладно,— отмахивается.

— И еще запомни,— говорю.— Если Халикова вообще кто-нибудь тронет, пусть даже не по твоей воле и ты об этом знать не будешь, получать за него придется только тебе. Персонально. Всегда.

— Да ладно,— опять отмахивается.

— Гляди, Шурик, мое дело предупредить.— Кричу Халикову:— Пошли!

Халява, перепуганный как заяц, ко мне подбегает, и мы идем.

— Халява! Иди сюда!— зовет один из тех двух, с сигаретой во рту.

— Обойдешься!— бросаю через плечо.

— Чего-о?— тянет тот.— Повыступай!— И идет за нами.

Халиков пробует бежать, я удерживаю его за руку:

— Спокойно.

Останавливаюсь, поворачиваюсь к дружку пятиэтажного.

— Лимон, не трогай ее!— Шура кричит.

Лимон останавливается в нерешительности. Жду секунду-другую, потом говорю Халяве:

— Идем...

И мы идем дальше, не оглядываясь. А эти, наверное, собрались за нашей спиной, мой ультиматум обмозговывают.

— Ух ты! Можно посмотреть?— говорит Халиков.

Я над столом полки повесила, разместила на них свои «боевые награды». Теперь он на этот «иконостас» из медалей и кубков таращится.

— Золотая?— вертит в руках медаль.

— Бронза,— вставляю в комбайн кассету,— золотые выше. Вон видишь, семь штук.

— Чистое золото?

— Не-а,— врубаю музыку,— серебро с позолотой.

— Во, нормально!— тут же переключаясь на магнитофон, говорит Халява.— «Акай»?

Киваю, плюхаюсь в кресло. На нас накатывают стереоволны тяжелого рока.

— Откуда привезла?

— Оттуда, оттуда...

— А ты в Америку ездила?— смотрит на меня, как на гуманоида.

— В Штаты—нет. В Канаде была, в Японии. Да ты садись, Халява, чего стоишь? Кстати, у тебя нормальное имя есть?

— Есть,— говорит.— Федя.

— Присаживайся, Федюня...

Халиков присаживается на самый краешек, осматривается по сторонам. Так себя только в музее ведут. Или перед кабинетом зубодера.

— Халявой—это тебя пятиэтажный прозвал?

— Не,— отвечает,— Шлепаков... Ну, такой... Кучерявый.

— Который у вас самый умный?

— Ага. Ни слова в простоте. Он, как энциклопедия,— все знает.— Халиков берет со стола кассетник с наушниками «плэйер», языком щелкает.— А видео у тебя нет?

— Видео нет,— и смеюсь.

— А у Маринки Шитиковой есть,— шмыгает носом Халява.— Ну, у этой...— И он очень смешно показывает Машу-Марину.

— У нее-то откуда?

— Ха!— Халиков бережно возвращает «плэйер» на стол.— У нее папаша знаешь кто? В порядке папаша. Такие фильмы, говорят, классные привозит.

— А ты что, сам не видел?

— Шас! Она только девок на видик таскает. Да и то по выбору.

Смотрю на Халикова. Какой-то он весь жалкий. Пиджачишко жеваный, потасканный, рубашка стирания-перестирания, пузыри на коленях, на правом носке шерстяном—дырка, палец торчит. Сидит, цапки разные заграничные у меня на столе разглядывает.

— Слушай, Федюня... хочешь, я тебя подстригу?

— Зачем?— обалдевает.

— Ну,— говорю,— чего ты ходишь, как гопник волосатый?

— Ну и что?— обижается.

— От жизни отстаешь! Во, гляди.—

Достаю из ящика стола пару каталогов, раскладываю перед ним. С обложки смотрят фирменные мальчики с белыми зубами, все как один подстрижены коротко.—Давай оформим тебя под «бокс»?

— Да ну,—возражает, но как-то неуверенно.

— Давай, я умею.—Достаю фен, расческу, ножницы, полотенце.—А то я смотрю, скучно вы живете. Пятиэтажный, шпана, Маша-Марина с папой, Шлепаков... Детский сад какой-то! Пошли в ванную, голову мыть,—щелкаю ножницами.

— Не, я не буду.

— Вставай,—тащу его за руку.—Хватит у Шурика в шестерках бегать, пора личностью становиться.

— Панком, что ли?

— Панки эти твои,—наставляю,—пустышки и дрянь. А я из тебя индивидуальность сделаю. Вперед!—Рывком поднимаю с кресла, сую ему в руки фен, расческу, полотенце.—Топай!

— Да я...

— Иди, иди,—подталкиваю его в спину.

На следующий день входим с Халиковым в класс.

— Ой, мамочки мои, дерзайте меня!—орет Шептунова; руками трясет, будто взлететь хочет.

Все девки, которые, как всегда, вокруг Маши-Марины, в нашу сторону уставились. Шлепаков от книжки оторвался.

— Кто ж тебя так? Бедолага,—задумчиво как-то сказал и снова в книжку.

А Федюня подстрижен классно и «рингом» перехвачен. «Ринг» я ему подарила. Такая шерстяная лента на голову—тепло, красиво, удобно.

Идем по проходу. В классе полный шок и восторг. Со всех сторон шуточки, вопли, комментарии:

— Халява, отпад!

— Во дает!

— Двадцать копеек, Халява!

Маша-Марина улыбается криво, смотрит не на Халикова, а на меня. Я отвернулась, прошла мимо, устроилась за своим столом. Халиков в центре класса застрял, девки его задержали, руками хапают, вертят в разные стороны:

— Ну-ка, повернись, Халявочка!

— Какой ты у нас симпатиченький стал!

— Девочки, я в атаке!

Халиков вырвался, но тут у него на пути возник Нечаев—весь как на шарнирах, дерганый, на Буратино похож.

— А это чего?—говорит.—Дай померить.—И срывает с головы Халикова «ринг».

— Не лапай!

— погоди.—Нечаев отталкивает Халикова, одной рукой пробует натянуть «ринг» на голову, другой несильно бьет Халяву по лбу. И не успевае Нечаев надеть «ринг», как его бросает вперед затрещина Шуры-пятиэтажного. Шура как раз в класс вошел, двигался на свое место и увидел, что Нечаев Халикова—по лбу.

— Ты чего, Шур?—Нечаев тут же возвращает «ринг» Халикову.—Я же шучу.

— Еще раз так пошутить,—говорит пятиэтажный,—я тоже пошучу. Обхохочешься. Гуляй!

И Нечаев моментально «гуляет».

— Привет,—здоровается Шура с Халиковым и видит меня.

Встаю из-за стола ему навстречу.

— Здорово,—протягиваю руку.—Как жизнь?

— Ничего, течет нормально.—Пятиэтажного аж распирает от счастья, что я с ним за руку.—Твоя работа?—кивает на Халикова.

— Моя,—говорю.—Нравится? Могу и тебе устроить по благу.

Улыбается, доволен.

— Вообще держись меня, Шура,—советую пятиэтажному,—человеком будешь...

Звенит звонок, входит Елена.

— Садитесь. Дежурный!

— Халиков.—Федюня встает.

— Больные, отсутствующие?—Елена поднимает глаза на Халяву и замолкает. Брови ее вверх ползут.—Халиков...

— Больных, отсутствующих нет.

— Я не о том,—Елена встает из-за стола,—что это у тебя на голове?

— «Бокс»,—шмыгает носом Халиков.

— А вот это? Тряпочка?

— Это «ринг».

— Зачем?

— А он это,—Халява показывает жестом,—знания спрессовывает.

По классу смешок прошелестел.

— Понятно. Сними,—сухо сказала, как отрезала.

— Почему это?— встаю из-за стола.— А если ему нравится?

— А ты опять в джинсах?— переключается Елена на меня.— Я же вчера предупреждала...

— А я вот не понимаю, извините,— перебиваю,— почему нельзя в джинсах. Почему «ринг» на голове—нельзя?

— Действительно, Елена Михайловна,— поддерживает впередисидящий Тюхин.— Почему?

— «Ринг» уже не в моде, да и джинсы тоже,— возникает Маша-Марина.

— Плевать. Мне нравится,— говорю.

В классе загалдели—кто за, кто против.

— Тихо,— успокаивает всех Елена,— дискуссию отложим на потом. Школа—не дискотека.— И мне:— Поэтому прошу тебя, Серебрякова, иди сейчас домой и переоденься.

— А если не пойду?

— Я не начну урок.

Смотрим друг на друга. Тишина. Слышно, как под окнами проезжает трамвай...

Стою в коридоре, смотрю в окно. За окном медленно-медленно падает снег. На дворе физкультурник объясняет малышне технику ходьбы на лыжах.

Слышу, чьи-то каблуки справа застучали—Валентина Николаевна идет по коридору, меня увидела:

— Татьяна?

Разворачиваюсь к ней, сумку с подоконника снимаю, через плечо перекидываю.

— Здравствуй, Танюша. А почему ты здесь? Опоздала?

— Здравствуйте, Валентина Николаевна. Меня выгнали.

— Кто?

— Елена Михайловна.

— Почему?

— Да вот,— показываю на джинсы,— нельзя, говорит, в брюках у вас.

Валентина гремит ключами, смотрит на меня. Я голову в сторону, изучаю потолок.

— Иди сейчас в класс,— говорит,— а завтра придешь в форме. Договорились?

— Я бы с радостью, Валентина Николаевна,— пожимаю плечами.— Только она не пустит.

— Скажи, я разрешила.

— Не пойду,— отворачиваюсь к окну.

— Почему?

— Не пойду, и все. Она у вас вообще! Какая-то...— И замолкаю.

Валентина заходит с другой стороны, снова гремит ключами.

— Пойдем-ка вместе, Танюша,— говорит мягко, ласково даже.— А с Еленой Михайловной я потом поговорю. Обещаю тебе. Договорились?

Валентина ждет. Киваю наконец утвердительно, и мы идем к кабинету математики.

— Здравствуйте,— Валентина входит в класс, предупреждает общее приветствие.— Не вставайте, я на секунду.

Пятиэтажный у доски потеет, Елена рядом, пробует ему что-то втолковать.

— Елена Михайловна,— говорит Валентина,— вы уж разрешите Серебряковой присутствовать на занятиях.

— Не могу, Валентина Николаевна.— Елена вытирает тряпкой мел на руках.— Видите ли, дело в том, что...

Я уже было назад дернулась, Валентина меня удержала.

— Я в курсе. И мы с Татьяной обо всем договорились. Так что уж вы разрешите...— И, не дожидаясь ответа, мне:— Иди на место.

Я—что? Я—ничего. Пошла на место. Боковым зрением вижу, Елена сосредоточенно каждый свой пальчик тряпочкой вытирает.

— До свидания,— обращается Валентина к классу.

Все встают.

— Да,— вспоминает завуч,— Елена Михайловна, зайдите ко мне на большой перемене.

Елена молча кивает. Валентина выходит, и все садятся.

Чувствую чей-то взгляд. Панов. Глаза у него, не глаза, а пулемет крупнокалиберный. Выпустил по мне пару очередей и отвернулся.

— Ну что же,— Елена голову вскинула, улыбается,— продолжим...

И улыбка, надо сказать, ей не слишком удалась...

Неделя прошла, может, больше, сейчас уже не помню. Словом, в один из выходных дней, вечером, иду к площади Искусств. Сзади два моих «телохранителя» — Халиков и пятиэтажный. Шурик у меня теперь тоже с «боксом» и «рингом». Я в наушниках, проводки от них к внутреннему карману куртки тянутся. Зима, фонари уличные горят,

настроение—в ритме музыки, которая у меня в голове бухает.

Возле главного входа в филармонию—толпа. Знакомые физиономии из нашего класса маячат. Подходим. С кем-то за руку здороваюсь, кому-то просто головой киваю. Зауважал меня народ.

У самого входа Елена стоит. Рядом с ней какой-то мэн в дубленке, Панов, Марина с двумя-тремя нашими «морковками», Шлепаков.

Смахиваю наушники на шею. Передо мной Нечаев возникает:

— Серебрякова, у меня места хорошие и билет лишний.

— Подари его своей бабушке,— отвечаю.

Все мою шутку оценили. И сам Нечаев ржанул. Я поворачиваюсь к Халикову:

— Федюня, сгоняй к Елене, возьми на нашу долю с Шуриком.

Халява за билетами побежал.

— А что это за мэн рядом с Еленой?— интересуюсь у пятиэтажного.

— Это ее муж.— Шура резинку пережевывает.— Эстет или искусствовед какой-то. Они с пятого класса нас по балетам таскают.

Подбегает запыхавшийся Халява, билеты протягивает.

— Ребята, заходим!— кричит Елена и машет рукой.

Двинулись всем стадом ко входу...

Сидим в партере, ряду в десятом. Справа от меня Халиков, слева Шура—пятиэтажный.

На сцене за роялем Илья Рындин—известный пианист. Пальцы у него легкие, падают на клавиши, словно капельки, каждый в десятую долю секунды извлекает нужную ноту.

Музыка льется в зал. Гипнотизирует. У Халикова рот приоткрыт, и сам он вперед всем телом подался, будто магнитом его притягивает. Закрвила Федюне рот ладонью снизу. Глянул на меня, откинулся на спинку, носом шмыгнул.

Кресла через четыре Елена со своим эстетом. Эстет ее за руку держит, а она глаза прикрыла, музыку слушает.

Оглянулась назад. Шлепаков. Лицо серьезное, складка на переносице, двумя пальцами тербит себя за кончик носа быстро-быстро.

А вот пятиэтажному скучно. Резинку жует, люстру изучает.

Прозвучали заключительные аккорды. Рындин руки с клавиатуры сбросил, потом с банкетки приподнялся, кланяется.

А из зала аплодисменты, цветы, «Браво!» Ну, и так далее...

Стоим на углу площади Искусств и улицы Бродского, той, что к Невскому выходит. Публика после концерта в основном разошлась, только наш восьмой «Б» в полном составе снег на асфальте утрамбовывает.

— Может, сами двинем?— рассуждает пятиэтажный.— Не дети.

— Елена просила подождать,— как бы выражает общее мнение Шлепаков.— Время позднее. Все-таки она за нас отвечает.

Народ это дело обсуждать принялся:

— А где она, Елена-то?

— Ну чего ты, бывает, надо человеку.

— Так ведь околеем.

— Подождешь.

Я молчу. Мне на это дело наплевать. Я другого жду. И дождалась...

Из служебного подъезда выходит Рындин. Следом за ним его жена, в шубке, с цветами, и еще какой-то дядька. Жена Илья Семеновича с этим дядькой болтает, а Рындин вперед идет. Все трое направляются к рындинскому «Вольво».

Откальываюсь от наших и топаю им навстречу.

— Здравствуйте, Илья Семенович!

Рындин голову вскинул, лицо в улыбке расплывается:

— Танечка? Какими судьбами?

— Да вот на вашем концерте была.

— Здравствуйте, Таня,— кивает мне жена Илья Семеновича и дядьке вполголоса объясняет, кто я такая. Дядька тоже головой закивал, улыбается.

— Добрый вечер,— это я им, а затем Рындищу:— Спасибо, Илья Семенович. Вы сегодня очень хорошо играли.

— Правда? Благодарю. Вот, Олег, познакомься, это...

— Да я уже в курсе,— продолжает улыбаться дядька. Оглянулась назад на секунду. Наши в шеренгу выстроились, тарачатся, «варежки» пооткрывали.

— Ты сейчас куда?— спрашивает Илья Семенович.

— Домой. Я теперь у мамы живу, в Автово.

— Так милости прошу.— Рындин на

машину показывает.— Подвезем?

— Илюша...— Жена Рындина смотрит на него: мол, ты сейчас устал, а нам совсем в другую сторону.

— Ничего-ничего,— успокаивает ее Илья Семенович,— мы с Танюшей, так сказать, старые приятели. Заодно поболтаем по дороге.— И показывает, чтобы я устраивалась рядом с ним, на переднем сиденье.

Смотрю, к нашим уже Елена подошла со своим эстетом. Однокласснички наперебой говорят ей что-то, в мою сторону показывают.

— Елена Михайловна, меня подвезут!— кричу и сажусь в машину.

Илья Семенович выжимает педаль газа, отпускает сцепление, и мы вырливаем.

А я вижу краем глаза, что наши все еще стоят на углу вместе с Еленой, нас провожают. Лицо Елены запомнилось: растерянное какое-то и строгое одновременно...

Утро. Погодка что надо. Идем с Федюней в школу.

— Привет,— нагоняет нас Шлепаков.

— Привет.

— Слушай-ка, Серебрякова,— Шлепаков говорит,— а откуда ты Рындина знаешь?

— Илью Семеновича-то? На кубок Европы в Испанию ездили. У него там как раз гастроль. Жили в одной гостинице.

Шлепаков головой мотнул, еще вопросик бросил:

— Слушай-ка, а ты со многими вот так... живьем, на «ты» и за руку?

— Есть немного,— усмехаюсь.

— Ну-ну,— одобряет Шлепаков.— Тут Халява болтал, у тебя дома медали, кубки... Библиотека приличная...

— В гости, что ли, напрашиваешься?

— Да нет,— смеется,— я в том смысле, если есть что-нибудь интересное почитать...

Подходим к школьному крыльцу.

— Федюня,— протягиваю руку за своей сумкой, которую Халиков на плече тащит.

Халява сумку мне передает, я ее неловко подхватываю, и сумочка моя на землю—шлеп! А из сумки—тетрадки, учебники...

Федюня было дернулся, чтобы все это подобрать, я его незаметно удержала за руку. А Шлепакова, наоборот,

удерживать не стала. Тот манатки мои кинулся в сумку захихивать. На одно колено опустился, потом и на другое. Стоит на коленях, протягивает мне сумку, говорит:

— Только ручка, видишь, раскололась...

— Спасибо, Вовик,— смотрю на него сверху, забираю сумку, расколотую ручку в сторону выкидываю.— Заходи как-нибудь, книжки посмотришь. Я же не знаю, что тебя конкретно интересуется.

И пока Шлепаков поднимался, пока снег с коленок отряхивал, мы с Халиковым вверх по ступенькам, в школу потопали...

...Вхожу в туалет к умывальнику— пальцы пастой перепачканы от ручки той, что раскололась. Отмыть надо. Слышу из-за двери приоткрытой:

— Да эта ваша Серебрякова просто из кожи вон лезет, чтобы хоть как-нибудь выпендриться!

Голос больно знакомый. Кажется, Маша-Марина выступает. Точно! Шептунова возражает ей:

— Да ну, Маска, ты вообще... Нормальная она баба.

— Завидуешь ты ей, Шитикова, и все тут...— еще чей-то голос.

— Я? Чему?

Оставляю умывальник в покое, подхожу к дверям поближе. Все-таки интересно иногда про себя послушать.

— Чемпионка, чемпионка!..— продолжает Шитикова.— Да она от того и выпендривается, что теперь—ноль без палочки. Вытурили ее из гимнастики, и что осталось-то? Вы посмотрите хорошенько—ни рожи, ни кожи! Ходит какой-то коробок плоский на двух спичках. Плечи—во! Все остальное—во!.. Полумальчик, полу...

Договорить она не успела. Потому что больше я слушать не могла, запахнула дверь.

Маша-Марина, как меня увидела, тут же заткнулась. Девки по моему лицу тоже поняли, что кое-что я успела услышать. Впрочем, Марина Шитикова от испуга довольно быстро оправилась. Вставляет в рот сигарету незажженную, говорит Шептуновой:

— Лид, дай спичечку...

Иду медленно к Маше-Марине, гляжу на нее в упор. Девочки—по стеночкам, мне дорогу уступают.

Шитикова чувствует, от конфликта не уйти. Собрала все силы, устояла на

меня. Сигарета во рту, взгляд наглый, насмешливый:

— Ну?

Вынимаю у нее сигарету изо рта, растираю пальцами.

— Курить—вредно.

— Ты, оказывается, еще и хамка?

Посмотрела я на пальцы свои перепачканные, на красивое Машино лицо... И сверху вниз, ото лба до подбородка, ее по морде—шашь! Мазнула только, не ударила! Но тут у Маришки, видно, нервы израсходовались. Как завизжит страшным голосом, как напролом из туалета двинет!..

А я—за ней. «Догоню—убью»,—думала тогда...

Несемся по школьному коридору. Огибаем по мере возможности попадающих на пути пионеров и школьников. Правда, одного-двух все-таки приходится уронить.

— Леша!..—Марина за спину Панова прячется.

Тот, как всегда, в стороне, один. Учебник химии захлопнул, встал у меня на пути.

— Тебе чего?—спрашивает.

Стою перед ним, молчу. Тут же рядом возникает пятиэтажный и Халиков.

— Чё такое?—интересуется пятиэтажный и кивает на Панова.—Этот, что ли, заводится? Ты чего, Панов?

Гляжу, Леша правую руку из кармана вынимает. Маша-Марина из-за спины его выглядывает, перепуганная, через всю рожу синяя полоса.

— Не надо, Леш... Тебе нельзя... А они нарочно...

— Стоп! Спокойно, мальчики!—останавливаю порыв моих «телохранителей».—Это мое дело. Сама разберись... Отдыхай, Шурик.

Жду, пока пятиэтажный и Халиков отчались, потом еще раз смотрю на Панова, поворачиваюсь и иду по коридору назад, к туалету.

Урок химии. Лабораторная. На столе у каждого пробирки, спиртовки, растворы...

— Работаем, время пошло.—Химичка смотрит на ручные часы, садится за кафедру и углубляется в чтение какого-то детектива.

Беру со стола склянку, встаю, иду по классу. Останавливаюсь возле стола, за которым Маша-Марина сидит.

— Мариша,—отвлекаю ее, потом, наклонившись, говорю шепотом в самое ухо:—Хочешь, я тебе то, что в баночке, на морду вылью, и ты хуже меня сделаешься? Скажу—случайно. Попробуй, докажи...

Выпрямляюсь. Вижу по ее глазам: понимает, что не шучу.

— Ну хорошо,—продолжаю негромко, вполголоса, но так, чтобы слышали те, кто за соседними столами.—Я—ноль без палочки. А ты? На папу своего надеешься? Так, не дай бог, с папой не сегодня-завтра случится что-нибудь? Кто ты такая сама по себе? Кукла безмозглая. Рожей своей гордишься?—И как бы между прочим, я на этих словах склянку открываю.—Так ведь это тоже не навсегда...

Ох, как она перепугалась! Вся прямо вжалась в стул, будто ее туда вдавили.

— Что ты, Танечка,—заговорила быстро, быстро,—я ведь ничего... Я так... Я пошутила... Извини меня, пожалуйста, я больше никогда... Я ведь из зависти, Таня, только из зависти... Прости меня... Не надо... Я больше...

— Серебрякова, почему ты не на своем месте? Я ведь все вижу.—Это химичка.—Что у вас там за собрание?

— Извините, Инга Максимовна,—говорю.—Марина меня обидела сегодня утром, а теперь решила извиниться.

— Да?—слегка обалдевает химичка.—Очень хорошо... Только можно было бы это сделать и во время перемены.

Пожимаю плечами, улыбаюсь, закрываю склянку и, не глядя на Шитикову, иду на свое место.

— Работаем!—наставляет химичка и снова погружается в мир шпионских страстей...

Елена закрывает дверь на ключ, подходит к столу, достает из ящика мой «плэйер» с наушниками, идет ко мне. В классе—никого. Остались один на один после уроков.

— Возьми.—Елена кладет «плэйер» передо мной.—И прошу тебя, больше не приноси его в школу.

— Могу идти?—запихиваю магнитофон в сумку.

— Нет.—Елена усаживается рядом.—Хочу поговорить с тобой, не возражаешь?

Бросаю сумку под ноги, беру пальцы в замок, устраиваю руки на столе.

— Видишь ли, Таня,—начинает проповедь,—я давно за тобой наблюдаю. Мне кажется, ты себя неверно ведешь... Каждый раз ты почему-то противопоставляешь себя всему классу. Честно говоря, я не очень люблю спорт, но тем не менее... Он, по-моему, учит другому? Не так?

Молчу. Меня этот «разговор по душам» только раздражает.

— Конечно, я отдаю должное твоим спортивным успехам,—продолжает,—однако разве это основание, чтобы... Ну, хотя бы вчерашний случай после концерта. Неужели ты не понимаешь, что по отношению к твоим же друзьям...

— Кто ты такая?—спрашиваю громко, до боли сжимаю пальцы.—Кто ты такая, чтобы меня учить?

Елена вздрогнула, выпрямилась, лицо стало строгим, холодным:

— Во-первых, почему «ты»?—повышает голос.

— А почему вы мне тыкаете?

— Видишь ли,—прищуривается, складывает руки на груди,—я тебя немножечко старше. А во-вторых, учить тебя—моя прямая обязанность.

— Учите,—соглашаюсь, киваю на доску.—«А плюс бэ сидели на трубе»...

— Но мне бы еще хотелось, чтобы вы людьми при этом стали.

— А я, по-вашему, еще не человек? А кто—человек? Шитикова? Шлепак-ов? Халиков? А может, Шурапятиэтажный?—Встаю из-за стола.—Да уж если на то пошло... Я в свои четырнадцать такое уже сделала, такое от жизни получила, чего вы, Елена Михайловна, за все свои будущие годы не увидите! Просидите до пенсии в своей средней школе. Для средненьких... Думаете, не понимаю, почему беситесь? Мешаю вам. Да! Потому что я не «средненькая», не из стада! А вам стадом управлять, конечно, легче! Все в одной форме, все одинаковые, все равны...

Тут я заткнулась. Потому что Елена с места встала и будто ударить собралась. Однако нет. Говорит довольно спокойным голосом, только смотрит как-то странно, вроде как впервые меня видит:

— Вот что, Серебрякова... Я вижу, говорить с тобой бесполезно. Не поймешь. Поверь, мне искренне жаль тебя, по-человечески, но, видимо, я ничем не смогу тебе помочь. Печально, я хотела...

— К директору потащите?—перебиваю.—Или мать в школу пригласить?

— Нет. Боюсь, ты сама очень скоро пожалеешь обо всем. До свидания.—Поворачивается и идет из класса.

— Как бы вам себя жалеть не пришлось.

— Ты мне грозишь?—останавливается.

— Вы же людей из них хотите,—киваю на пустые столы.—А в стаде, Елена Михайловна, людей не бывает.

Смотрит на меня тем же странным долгим взглядом, а потом открывает дверь и выходит в коридор.

Настроение после беседы с Еленой, надо сказать, подпортилось. Решила вечером с матерью в кино сходить, чтобы развеяться. Шагаем не спеша к кинотеатру. Мать держит меня под руку.

— ...И вообще не понимаю, чего она от меня хочет,—жалуюсь на Елену.—Я живу, никого не трогаю, а она в душу лезет, придирается по мелочам.

— Так ты из-за этого такая кислая?—мать спрашивает беспечно.

— А-а!—рычу.—Достала!

— Девочка бедная!—дурачится.—Замучила ее училка нехорошая.

— Перестань! Смешно ей!

— Мама завтра сходит к директору, скажет, чтобы доченьку не мучили.

— Ну, хватит, мама!—освобождаюсь от руки, которой она за меня держится.

— Ты что, Танюш? Ну, не сердись. Правда, хочешь, схожу к директору? Или позвоню?

Ничего не отвечаю. Разрешаю матери снова взять меня под руку. Идем, молчим. Мать с удовольствием, глубоко вдыхает морозный воздух.

— А хорошо, Танька, нам вдвоем, да?—улыбается.—Захотели вот—в кино пошли. Захотим, в театр пойдем. Или в музей... Танька, пойдем в музей! Я в музей черт-те сколько не была!

Я киваю в ответ: пойдем-пойдем.

— Да не кисни ты!—тормозит меня.—Бука какая! Улыбнись!

— Да ну.

— Дя-ню, — передразнивает. — Улыбнись!..

И я улыбаюсь, не выдержав. И мать улыбается. А потом мы даже смеемся, друг на друга глядя.

Подходим к кинотеатру. И тут я вижу Панова и Шитикову. Идут нав-

стречу, держат друг друга за руку, болтают. Улыбку у меня с лица как ветром сдуло. А они уже близко, метрах в двадцати...

Марина, меня заметив, останавливается. Глаза—будто не меня видит, а чудище страшное. Постояла секунду, а потом вдруг как сиганет в какую-то подворотню. Панов не понимает, в чем дело.

— Здравствуйте,—говорит, когда мы проходим мимо.

— Привет,—смотрю вперед, будто меня это не касается.

Мать с ним тоже поздоровалась.

— Это кто?—спрашивает.

— Учимся вместе.

Оглядываюсь, вижу, как Панов в подворотню идет Машу-Марину искать. Двигаем дальше. Вдруг я останавливаюсь:

— Знаешь, мам... Я, пожалуй, не пойду в кино.

— Почему?—удивляется.

— Так, расхотелось.

— Да что же это?..

— Ладно,—смотрю в сторону.—В общем, я пошла.

— А билеты?

— Билеты, билеты!—срываюсь.— Позвони своему Сергей Ивановичу! Чем в ванной под шум воды реветь... Сохнешь по нему, так нечего! Не девочка.

И я иду, почти бегу куда глаза глядят. А мать остается с билетами в руках возле кинотеатра.

Тишина. Мел по доске—тук-тук-тук... Моя рука пишет цифры, буквы, складывает, вычитает, извлекает корень и наконец выводит ответ: икс равен... Подчеркиваю его два раза, кладу мел в желобок под доской. Отрываю руки, смотрю в пространство.

Елена—у окна. Мельком взглянув на ответ, идет к учительскому столу.

— Можешь стирать,—говорит на ходу.—Пятерка.—И закрывает журнал:—Урок окончен.

В классе поднимается легкий шум—запихиваются в портфели и сумки учебники, тетради, ручки.

— Поскольку завтра мы с вами не увидимся,—перекрывая этот шум, повышает голос Елена,—математики у вас нет, небольшая информация... По традиции приглашаю всех на свой день рождения.

— У-у! О-о! А-а!—раздаются возгла-

сы. Доволен народ.

— Назначу сбор на шесть часов. Лучше, если без опозданий. Чай и традиционный пирог гарантируются.

— Не опоздаем, это же не в школу,—замечает кто-то.

— И меня приглашаете?—По-прежнему стою у свежесмытой доски.

— Ты для меня не исключение,—делает вид, будто ничего между нами не произошло.—До свидания,—громко говорит напоследок всем Елена и быстро выходит за порог.

— Мальчики-девочки!—тут же останавливаю общий порыв поскорее выбраться из класса.—У меня дополнительная информация! Тихо!—кричу.— Дайте сказать!

Все друг друга успокаивать начали. Пятиэтажный даже съездил кому-то по заливку, чтобы тот заглох. В общем, совсем меня народ зауважал.

— Неувязочка, братцы,—говорю.— У меня завтра тоже день рождения. И я вас тоже всех приглашаю.

Тут уж в классе совсем тихо стало.

— А как же Елена?—спрашивает кто-то.

— Я же не виновата,—говорю,— что в один день с ней родилась.

Народ призадумался. Друг на друга поглядывают.

— Нет,—продолжаю после паузы,— в конце концов, я не настаиваю. Кто хочет—к Елене. Кто хочет—ко мне.

Тишина в ответ.

— Мы по традиции в этот день у Елены...—неуверенно начинает Шептунова.

— Значит, ты, Шептунова, к Елене?—уточняю.—Иди! А вот ты, Маш, наверное, ко мне?

— Я? Конечно,—оторопев, соглашается Маша-Марина.

— А ты, Шлепаков? Ты давно хотел?

— В общем, да...—мнется.

— Да нет,—Шептунова тут же,—я просто... Традиция...

Вдруг Панов демонстративно поднимается с места, шагает по классу, проходит мимо меня и за дверь.

— Ладно,—заявляю,—я свой день рождения ради традиций отменять не собираюсь. Жду всех в шестнадцать тридцать. У меня всё.

Народ загалдел, к выходу потянулся. Шура-пятиэтажный ко мне пробивается, сумку мою тащит.

— Держи,—протягивает.

— Спасибо.—Идем с ним из класса.—Ты-то ко мне?

— Конечно! У Елены чай, разговоры заумные— тоска.

— Тогда у меня к тебе просьба...

И мы выходим в коридор...

И вот уже на усилителе бегают красные индикаторы мощности звука. Работает мой «Акай» на всю катушку. Обеденный стол сдвинут в угол. На столе бутерброды, закуски, напитки. Такой «аляфуршетик». Попробуйте-ка двадцать с лишним человек в нашей малогабаритной живопырке за столом разместиться! Тесно! Но каждый тем не менее смог себе место отыскать—кто журналы изучает, где девицы модные и шмотки нафотографированы, кто медали и кубки разглядывает, кто топчется посреди комнаты, танцует. Шлепаков устроился в углу с большим альбомом Босха, Шептунова мои цапки заграничные с девками обсуждает, Маша-Марина с Нечаевым на диванчике сидит, болтает о чем-то, сок со льдом через трубочку потягивая. Словом, все, как в лучших домах, не считая жилплощади.

Заглядываю в кухню. И там люди: Федюня, Тюхин, пятиэтажный. Шура во всю бутерброды наворачивает.

— Шурик,—зову его,—ты мне нужен на два слова.

— Сейчас,—рот набит до отказа, запивает бутерброд, ставит стакан на холодильник, ко мне направляется.

В это время, с телефоном в руках, в прихожей возникает Александрова Ленка. Есть у нас в классе такая—сплошное ничто.

— Тань, тебя к телефону.

— Спасибо,—забираю у нее аппарат.—Скажи там, чтобы музыку привернули.

Делаю знак пятиэтажному повременить, говорю в трубку:

— Да?..

— Танечка, это я,—слышу голос матери.

Иду с телефоном в ванную, прикрываю за собой дверь.

— Да, мама, я слушаю.

— Ну, как вы там, уже собрались?—спрашивает.

— Угу.

— Все у вас в порядке?

— Да.

— Ну, ладно... Значит, я уже освобо-

дилась, звони, если что, тете Любе.

— Хорошо.

— Вы там не очень шумите и часам к одиннадцати закругляйтесь, слышишь?

— Да, мама.

— Ладно...—довольна, что я ей не возражаю, слушаюсь.—Кстати, все забываю спросить, а по какому поводу гуляете?

— День рождения,—смотрю на себя в зеркало.

— Чей?—удивляется.

— Нашего класса.

— Ишь ты,—смеется,—придумают же! Ну все, целую...

— Пока.

Отношу телефон на кухню, возвращаюсь в прихожую, где у зеркала меня ждет пятиэтажный.

— Закрой,—кивает на дверь комнаты.

Шура моментально повинуется.

— Кого нет?—спрашиваю.

— Все здесь,—докладывает,—кроме Панова.

— А с ним ты говорил?

Молчит. Тут Витька Крыленко из комнаты в прихожую попробовал выйти. Пятиэтажный его обратно задвинул.

— Мне надо,—говорит Крыленко в щель.

— Потерпишь.—Пятиэтажный закрывает дверь наглухо, держит ее рукой, говорит мне:—Да бесполезно с Пановым говорить, он не из пугливых.

— От коллектива отстает,—качаю я головой.—Нехорошо.

— Да он давно напрашивается,—поддерживает меня пятиэтажный.

— У тебя счета с ним?—интересуюсь.

— Так... В друзьях когда-то ходили, до пятого класса, а потом... Долго рассказывать.

Смотрю на свои электронные. Время—семнадцать пятнадцать.

— Одевайся,—говорю,—есть возможность отличиться.

— Халяву берем?—просекает с полуслова.

— Возьми для кучности.

— А эти?—кивает на комнату.

— Пусть веселятся. Мы ведь ненадолго.

— Можно, что ль?—вылезает снова из-за двери Крыленко.

— Да иди, иди,—говорю ему.

Крыленко топает в туалет, а в комнате лупит музыка, дым стоит коромыслом—гуляет народ.

Стоим в парадном Елены. Я, Халиков, пятиэтажный. Ждем. Стенки возле лифта размазаны надписями: «Зенит» — чемпион» и так далее. Бывают же убудки, которые стены портят!

Смотрю на часы — семнадцать сорок пять.

Открывается входная дверь. Насторожилась. Однако тревога ложная — какая-то женщина пожилая вошла, увидела нас, остановилась в нерешительности. Потом быстро-быстро, опустив глаза, мимо прошмыгнула и по лестнице наверх — топ-топ-топ. Проводили ее взглядами. Слышим, как поднялась на второй этаж, погремела ключами. Дверь хлопнула, и снова тихо.

Пятиэтажный прокашлялся, на пол сплюнул. Халиков носом шмыгнул.

Опять заскрипела пружина на входе. Панов! Аккуратно придержал дверь ногой, нас пока не видит. В руках цветы, в бумагу завернутые. Надо же, к концу декабря — цветы!

Откалываемся от стены, выстраиваемся в шеренгу.

От входных дверей до лифта — лестничный парад, ступенек семь-восемь. Мы наверху, Панов — внизу. Увидел нас, притормозил.

— Привет, — делаю шаг вперед.

Панов молчит, смотрит на меня, не мигая.

— Приглашаю, — говорю, — Панов, тебя персонально.

— Не пойду, — отвечает без эмоций.

Оглядываюсь на пятиэтажного, тот умывается:

— Куда ты денешься, — говорит.

— Леш, — обращаюсь я к Панову, — я понимаю, Елена тебя от колонии отмазала и все такое... Так неужто теперь всю жизнь у нее в «шестерках» бегать?

Панов осторожно цветы на пол положил в сторонку, выпрямился и к нам идет. Ступенька, вторая, третья...

— Не мешай, — просит Шура и пробует меня в сторону отодвинуть.

А Панов уже близко.

— Стоп, мальчики, — спускаюсь на ступеньку вниз, к моим «телохранителям» лицом поворачиваюсь: — Шурик, подождите меня с Федюней на улице. Мне с Пановым поговорить надо.

— Не о чем нам с тобой говорить, — заявляет Панов.

— Спокойно, Шурик, — останавливаю пятиэтажного и Панову через плечо: — Помолчи, Леш.

— Я к тебе все равно не пойду, — снова делает заявление Панов.

— Туда, — Шура показывает наверх, — ты тоже не пойдешь.

— Посмотрим. — Панов хочет прорваться, но пятиэтажный толкает его ногой в живот. И Леша, удерживаясь за перила, считает ногами ступени в обратном направлении.

— Ну-ка, быстро на улицу! — зверею. — Оба! Чтоб духу вашего!..

— Как скажешь, — мрачно вздыхает Шура. — Пошли.

Они с Халиковым спускаются вниз, проходят мимо Панова, как мимо пугостого места, и выметаются на улицу.

Панов стоит какое-то время на месте, смотрит в пол, потом нагибается, подбирает цветы и идет ко мне.

— Отойди, — говорит.

Уступаю ему дорогу. Он проходит к лифту, нажимает на кнопку вызова. Лифт спускается, останавливается. Панов открывает дверь шахты.

— Постой, — прошу я его.

— Ну?

— Я... Я, может быть, люблю тебя, Панов, — говорю. — Потому и приглашаю.

Он смотрит на меня... И начинает смеяться.

— Не веришь? — гляжу исподлобья.

Панов ничего не говорит, смеется, заходит в лифт и уезжает. Его смех поднимается наверх вместе с ним.

У меня изнутри вырывается какой-то рык. Я что есть силы луплю по клетке шахты ногой и бросаюсь вниз. Вылетаю на улицу. Пятиэтажный и Халиков спешат навстречу.

— Ну что? Ушел? — спрашивает Шурик.

— Хрен с ним, — иду быстро, не останавливаясь. — Все равно никуда ему... — задыхаюсь.

Идем быстрым шагом, почти бежим.

Прошло два дня. Как сейчас помню, пятница была.

— Серебрякова! — слышу окрик Елены. — Магнитофон — мне на стол!

Поднимаюсь с места, «плэйер» висит на груди, наушники сброшены на шею.

— Я ж его не слушаю, — возражаю.

— Я тебя просила не приносить его в школу.

Пожимаю плечами, снимаю «плэйер», несу его Елене.

— А почему, Елена Михайловна?— вступает за меня Шептунова.— Она ведь его на перемене только...

— Несправедливо,— подхватывает кто-то.

— Тишина в классе!— срывается Елена и мне:— Пусть за магнитофоном мать зайдет.

Возвращаюсь на место.

— Ну, вообще!— возмущается Шептунова.— Скоро рта не дадут открыть.

— Шептунова,— говорит Елена,— может, тебе прогуляться захотелось?

— Мне?.. Нет.

— Тогда иди к доске, здесь и откроешь рот.

— Ну, порядочки... Совсем уже...— возмущается народ.

— Тишина!— стучит Елена ладонью по столу.

Перемена. В этот день у нас две пары— алгебра и геометрия. Сейчас— перерыв.

Подхожу к классу, оглядываюсь по сторонам. Вроде бы никто на меня не смотрит. Быстро открываю дверь...

...А в это время Елена Михайловна находилась в кабинете директора. Директор школы Георгий Матвеевич, грузный, лысоватый мужчина лет пятидесяти пяти, сидел за своим столом. Возле окон меряла шагами комнату Валентина Николаевна.

— Елена Михайловна,— говорил директор, поправляя на носу очки в роговой оправе,— вчера мне звонила мать Татьяны Серебряковой...

— Я уже предупреждала Елену Михайловну,— поддержала директора завуч.

— Да-да,— перебил ее Георгий Матвеевич.— И вот Валентина Николаевна жаловалась на вас. Нам кажется, вы не совсем верно ведете себя... м-м... по отношению к этой девочке.

— Георгий Матвеевич,— сказала Елена Михайловна,— пока я ее классный руководитель, я буду вести себя так, как считаю нужным...

...В классе—никого. Лежат на столах учебники, тетради... Подхожу к учительскому столу. Ключ торчит в ящике. Медлю секунду-другую, быстро выдвигаю ящик, вытаскиваю свой «плеер». На журнале—ручка Елены. Кладу ее в ящик, задвигаю. И в этот

момент за моей спиной открывается и закрывается дверь...

...— Да поймите же,— страстно говорила Валентина Николаевна,—девочка трудная, с огромной психологической травмой, растет без отца... Помягче надо с девочкой!..

— Я вот смотрю,— директор держал перед собой листок бумаги,—учится она хорошо, можно сказать, отлично учится. Дисциплину особенно не нарушает. Извините, я вас не понимаю, Елена Михайловна.

...Одной рукой держу Халикова у стены. Другой прижимаю к себе магнитофон.

— Ох, если заложишь, Халява, я с тобой такое сотворю.

— Чё ты, чё ты! Могила!..— лепечет.— Я ничего не видел.

— Иди,— отпускаю его,— встань на стреме с той стороны.

Халиков поправляет скомканный пиджачишко и выкатывается за дверь...

...— Конечно,— соглашалась с контраргументами Валентина Николаевна,— она, действительно, не такая, как все. Она—личность. Так это, по-моему, прекрасно, это приветствовать надо. А ее фокусы?.. Что ж, детское самолюбие. Она же, несмотря ни на что, еще ребенок! Надо ж ей утвердиться среди одноклассников.

— Боюсь, вы ее недооцениваете.— Лицо Елены Михайловны раскраснелось, волосы еще больше растрепались.

— Ну вот что,— сказал Георгий Матвеевич, тяжело приподнимаясь из-за стола.— Валентина Николаевна, в конце концов, права в одном. Как говорил Герцен, любовь, Елена Михайловна, все-таки более догадлива, чем... м-м... нелюбовь. Так что подумайте, пожалуйста. Серебрякова уже немало сделала для спорта... И для страны, если хотите. А теперь ее доверили нам. И давайте подойдем к этому со всей душой... м-м... и ответственностью...

...Выхожу из класса, прикрываю за собой дверь. Халява на стреме стоит, по сторонам смотрит.

— Ну, чего?— спрашивает.

— Ничего,— отвечаю.— Свободен.

И мы расходимся в разные стороны, будто нас здесь и не было.

Елена стоит у стола, ищет глазами ручку. Приподнимает журнал, проверяет руками бумаги. Наконец открывает ящик... Достав оттуда ручку, собирается было сделать в журнале какую-то запись, но тут, что-то вспомнив, снова лезет в стол.

— Серебрякова! Где магнитофон?

— Вам лучше знать,— встаю.

Елена еще раз, на всякий случай, заглядывает в ящик.

— Думаю, будет лучше, если ты сама его вернешь.

— У меня его нет,— изображаю на лице высшую степень удивления.

— В самом деле?

Беру сумку, открываю и демонстративно вытряхиваю все содержимое прямо на пол. Учебники, тетради... Бросаю туда же сумку, развожу руки в стороны:

— Обыщите.

В классе такая тишина, что аж в ушах звенит.

— Кто взял магнитофон?— спрашивает Елена и обводит глазами класс.

Молчание.

— А между прочим,— как всегда задумчиво, говорит Шлепаков,— у меня вчера книжку библиотечную кто-то...— он причмокивает губами.

— Ага,— подхватывает Александрова,— а у меня ручка пропала с золотым пером. Я сначала думала— потерялась, но я ее обычно в пенал кладу.

— И у меня два блока жвачки из портфеля— тю-тю!— заявляет Тюхин.

Смотрю, сначала один, другой, потом еще и еще, и, наконец, все поворачивают головы в сторону Панова.

Панов отворачивается, смотрит строго перед собой, никого не замечая.

Тут встает Шура-пятиэтажный и направляется прямо к нему.

— Вернись на место!— одергивает его Елена.

— А чего?— Шурик кивает на меня.— Вон ее уже обыскали.— И Панову:— Покажь папочку!

Леша в ответ подымает папку с пола, запихивает ее в стол.

— Обойдешься.

— Ну-ка, держи его,— приказывает Шурик Нечаеву и еще одному приятелю, который за соседним столом.

Начинается свалка. Панова за руки держат. Пятиэтажный папку из стола достает.

— Не смей!— кричит Елена и спешит Панову на выручку.

— Вот он!— Шурик подымает высоко над головой мой «плэйер».

Тут, конечно, общее «ах!» Елена останавливается. Панова отпускают. И Леша через всех на меня смотрит. Ой, как смотрит!.. Чувствую еще чей-то взгляд. Халыва. Глаза у него прямо треугольные от удивления.

Панов срывается с места и бежит из класса.

Шитикова было дернулась за ним, на меня оглянулась... Смотрю на нее в упор. Она глаза опустила, вернулась к своему стулу.

— Пожалуйста.— Шурик передает магнитофон Елене.

А я Халикову незаметно кулак показываю. Халыва кулак видит, втягивает голову в плечи, садится.

— Сколько волка ни корми, он все равно в лес...— мрачно замечает кто-то.

— Я не верю,— твердо говорит Елена, глядя на магнитофон.

— Коне-ечно,— тянет Шептунова,— любимый ученик. Традиций не нарушает.

— Шептунова!— срывается Елена.— Немедленно выйди за дверь.

— Почему это?— возмущается шепелявая Лидочка.

— И что же, так и будем с воругой в одном классе?!— Нечаев кричит.

— Правда глаза ест!

— К директору! Или в милицию!

— Правильно!.. Хватит с ним нянчиться!

— Ти-ши-на!— останавливает их Елена.— Шептунова, я просила тебя покинуть класс.

Лида, шмыгнув, встает, топает к выходу и стучит на прощанье дверью. Тут я, собрав разбросанные на полу учебники, перекидываю сумку через плечо, иду вслед за ней.

— На место!— приказывает Елена.

— К директору надо,— говорю всем, не обращая внимания на Елену.— И собрание. Чтобы рот не затыкали.

— К директору!— подхватывает пятиэтажный.

— К директору!— шумит Нечаев.

— К директору! К директору!..

Идем быстро по школьному коридору. Впереди я, чуть сзади пятиэтажный, Шептунова, Нечаев... Двадцать с лишним пар ног гулко шлепают по школе. За дверями кабинетов идут занятия. Сворачиваем направо, выходим на лестницу. Тах-тах-тах-тах!—дробно застучали по ступеням вниз...

...А в это время Елена Михайловна сидела в опустевшем классе, уткнув лицо в ладони.

Она устало провела пальцами ото лба до подбородка, подняла голову и тут заметила оставшегося за последним столом Халикова. Он сидел в классе один, не смел двинуться с места.

— Ну, а ты что же?—бесстрастно спросила Елена Михайловна.

— Я... Это...—Халиков встал, прижимая к себе папку.—Голова... Заболел я. Мне домой надо.

Елена Михайловна слабо кивнула и снова опустила лицо на ладони...

...Спускаемся с лестницы. Впереди длинный коридор. В конце коридора—кабинет директора. Идем. Теперь кажется, что все шагают в ногу. Так и хочется вслух: раз-два! Раз-два! Раз-два!..

...Леша Панов стоял в подворотне, напротив школы, прислонившись спиной к стене. Куртка на нем была расстегнута, шарф торопливо закручен вокруг шеи, вязаную шапочку Панов мял в руках. Отделившись от стены, вдруг решительно натянул шапочку на голову и направился через дорогу к школьному крыльцу. Остановился, пройдя метров пятнадцать, постоял, повернулся, пошел назад. Походя он зачерпнул с газона горсть снега. Вернулся на прежнее место, слепил снежок, жадно откусил от него чуть ли не половину, пожевал, выплюнул. Посмотрел на здание школы и изо всей силы вlepил на противоположную стену...

...Стоим в кабинете Георгия Матвеевича. Кабинет небольшой, так что мы еле-еле смогли все сюда втиснуться.

— Пригласите Елену Михайловну ко мне,—говорит директор,—а сами под-

нимайтесь наверх и ждите нас в классе.

— Так, может, милицию вызвать?—спрашивает кто-то за моей спиной.

— Обойдемся без милиции,—отвечает Георгий Матвеевич.—Пока не пойдем, так сказать... м-м... что к чему...

...Панов сидел у стены на корточках, сунув руки в карманы куртки, подняв лицо к каменному своду арки. Думал. Потом он встал, собрался было повернуться и уйти, но вдруг увидел высокочившего на крыльцо Халикова. Тот быстренько сбежал по ступенькам вниз и часто-часто, оглядываясь на школьные окна, затрусил через трамвайную линию.

Панов выглянул из подворотни, проследил за направлением движения Халикова и, повернувшись, бросился дворами, наперерез...

Халиков шел быстрым шагом, глядя под ноги, мимо кирпичной пятиэтажки, в которой жил. Он миновал одну-две парадные двери и свернул в небольшой проход, ведущий к третьей, своей. Поднял глаза и остановился как вкопанный. У входа его поджидал Панов. Их взгляды встретились.

Федюня вышел из оцепенения через три-четыре секунды. Попятился сначала, а потом, развернувшись, бросился бежать. Панов быстро догнал его, подсек ногу. Халиков грохнулся на заснеженный асфальт.

— Вставай,—сказал Панов.

Халиков зашевелился, повернулся на спину, сел.

— Вставай!—Леша схватил его за шиворот, поднял, поставил на ноги.

Халиков шмыгнул носом, потянулся было за валявшейся на асфальте папкой. Панов одной рукой встряхнул его, другой подобрал папку и так же, за шиворот, потащил Федюню к скамейке. Рывком усадил Халикова, сел рядом.

— Ну?.. Рассказывай.

— Чё? Чё?—засуетился Федюня.—Я ничего не знаю.—И он попытался встать.

— Все ты знаешь.—Панов силой удержал его рядом.—Рассказывай!

— Не,—мотнул головой Халява,—не знаю.

Панов встал, прошелся вперед-назад перед скамейкой, повернулся к Халикову и, взяв того за грудки, поднял, как куль.

— Я убью тебя,— сказал он убежденно.— Я убью тебя, Халява. Понимаешь?.. Не ради себя. Ради Елены.

— Пусти, пусти...— захрипел Халиков.

Панов с силой толкнул его на скамейку:

— Говори!

— Я не знал, что она тебе магнитофон подбросит,— заскулил Халява, потирая сдавленное горло.— Я думал, она его для себя...

Панов с облегчением выдохнул воздух, опустил на скамейку, рядом с Федюней.

— Ну вот и хорошо,— сказал устало.— Вот и хорошо...

Стоим скопом возле кабинета математики. Занятия во всей школе продолжались, но у нас следующий урок, историю, отменили в связи с событиями.

Ждем.

— Замнут это дело,— говорит Шептунова с сомнением,— начальству лишний скандал ни к чему.

— А мы-то на что?— возражает Нечаев.

— Куда они денутся?— грозит пятиэтажный.— Как скажем, так и будет.

Настроение в народе воинственное. Ходят кругами на одном месте, друг друга подбадривают, переглядываются, готовятся к бою.

— Шурик,— спрашиваю,— а куда Халява делся?

— Не знаю,— пожимает плечами,— здесь где-то был...

Вдруг слышим шаги. По коридору к нам идут Георгий Матвеевич, Валентина Николаевна, Елена. Лица у всех троих, будто касторки накушались. Серьезные, сосредоточенные.

Подходят. Елена дверь отпирает.

— Заходите,— говорит директор.

И мы потянулись в класс.

А в это время Панов и Халиков спешили к школе.

— Лёш,— вдруг остановился Федюня, когда они уже перешли трамвайную линию,— я туда не пойду.

— Пойдешь,— сказал ему Панов.

— Не,— возразил Халиков.— Скажи, будто ты сам догадался. Она ведь меня...

— Халява,— Панов положил руки Халикову на плечи,— я тебя очень про-

шу, пойдем!.. Мне одному не поверят, ты же знаешь. Ну, стань ты человеком, хоть на полчаса!

Халиков, опустив глаза вниз, отрицательно замотал головой.

— Что, мне тебя на руках нести, что ли?

Халиков шмыгнув носом, посмотрел куда-то в сторону.

— Ну?— потрепал его по загривку Панов.— Пойдем?..— Повернулся и зашагал к крыльцу.

Халиков постоял, постоял на месте и поплелся-таки вслед за ним, как на гильотину...

И вот Халиков и Панов стоят у доски, перед классом. Федюня глядит себе под ноги, ощущая себя человеком конечным. Панов смотрит на него, сунув руки в карманы брюк.

За учительским столом Елена, Георгий Матвеевич, Валентина Николаевна.

— Да ведь он его запугал!— вскакиваю с места.— Ведь Халяву запугать...

Тут я затыкаюсь, потому что вижу глаза моих одноклассников. Слов таких еще не придумали, чтобы рассказать, что в этих глазах! Беру свою сумочку и медленно-медленно иду по проходу к дверям. Тридцать пар глаз ведут меня, как под прицелом. Вдруг крик с заднего стола, словно молния. И кричит-то, кажется, Шура-пятиэтажный:

— Держи ее, гадину, а то уйдет!

Все тут же с мест повскакали. Руки ко мне потянулись. Я рванула, как на стометровке.

— Назад!— кричит что есть мочи Елена.— По местам!

И тут я успеваю из класса выскочить...

А в классе все вернулись за свои столы, и Елена, преодолевая удушье, выдавила из себя:

— Откуда в вас это?.. В том, что произошло... Что Серебрякова... Она сама, может быть, меньше всего виновата... И я, конечно, была последней идиоткой, когда понадеялась... Извините...— И Елена выбежала в коридор.

Нашла она меня в спортзале. Я на маты, под брусью забилась и там редела, как дура. Елена, видимо, долго искала меня по всей школе. Заглянула

и в спортзал. Темнота... Она уже было дверь прикрыла, но я всхлипнула громко. Елена нащупала рукой выключатель и в дальнем углу зала зажегся свет.

— Татьяна!—стоит на пороге, зовет меня.—Ты здесь?

Стараюсь не шуметь, задерживаю дыхание.

Елена проходит в зал, ее шаги гулко отдаются во всех углах.

— Где ты, девочка?—спрашивает в пустоту, оглядывается.

И тут я не выдержала. Я уткнулась в мат и так заревела!

— Танечка,—тут же спешит ко мне Елена.—Ну что ты, что ты?! Разве можно так?

— Оставьте меня,—кричу я в истерике.—Уходите! Я вас никого видеть не могу! Не хочу!.. Ничего не хочу!.. Я жить не хочу, слышите?! Оставьте!..

— Что ты такое говоришь, девочка?—Елена прикасается к моему плечу.—Так нельзя... Танечка, милая... Зачем же так? Успокойся, прошу тебя... Не надо, девочка...

Я приподнимаюсь с матов и с удивлением смотрю на Елену.

Ну и лицо, наверное, у меня тогда было! Глаз нет—одни щеки, нос распух, красный, как помидор. Волосы растрепались, пряди мокрые прилипли к щекам.

— Ну что ты, что ты?—говорит она и осторожно тянет руку к моей голове, проводит ладонью по волосам.

У меня снова слезы на глаза. Лицо кривится в гримасе, и я вдруг утыкаюсь в живот Елене, как если бы это была моя мать.

Елена одной рукой прижимает меня к себе, другой гладит по волосам, укачивает, как грудную:

— Ш-ш... Тише, тише, тише!.. Ш-ш!..

— Я... Я... Я...—задыхаюсь.—Я не хотела... Я ведь не со зла все это... Я от страха... Елена Михайловна...—перестаю реветь, поднимаю глаза на Елену.—Я всегда боялась. И сейчас боюсь... И вас тоже... И Шлепакова боялась, и пятиэтажного, и Панова, и Марину, и даже Халикова. Честное слово. Даже больше, чем они меня...

— Ну-ну, ну-ну...—приговаривает Елена, устраивает опять мою голову у себя на коленях и укачивает меня, укачивает...

— Мне ведь только пять лет было,—всхлипываю постоянно,—бабушка меня в школу олимпийского резерва за руку

привела. И с тех пор ничего в моей жизни, кроме гимнастики... Сборы, тренировки, соревнования... А когда бабушка умерла, я и вовсе в интернат, что при школе, отпросилась. А там своя жизнь... Мне Вадим, наш тренер, говорил: «Ты должна быть первой! Во что бы то ни стало». Я старалась. Вадим всегда рядом, за меня подумает, за меня решит... А здесь как? Все смотрят на тебя, как на калеку... А я думаю, я им все равно докажу! И ведь им нравилось, им ведь нравилось!..

— Да, Танечка, да...—согласно кивает Елена.—Это я во всем виновата.

— Вы—нет, вы—нет,—трясу головой и снова реву, уткнувшись в грудь Елене.

Она качивает меня, убаюкивает...

...Час прошел, наверное. Может, больше часа... По-прежнему сидим на матах, под брусьями. Я ноги поджала, руками обхватив, подбородок на коленях устроила.

Елена сидит ко мне в пол-оборота, ноги на пол спущены, руками голову подпирает.

— Это сложно, Таня,—говорит.—Может быть, в сто раз сложнее, чем по бревну без ошибок пройти. Ты думаешь, я сама все знаю?—вздыхает.—Иногда сидишь дома, думаешь о вас... И даже не представляешь,—как с вами быть, что делать дальше... А муж ругается: отвлекись, расслабься...

— А почему своих детей не заводите?—спрашиваю. Я уже не плачу. Лицо, правда, все еще красное и распухшее от слез.

Елена оглядывается на меня, как-то поспешно опускает глаза в пол.

— Надо завести,—советую.

— Вообще-то, конечно, надо бы...

— А чего?

— Так...—говорит Елена.—Ничего... Не получается пока.

— Почему?

— Так...

Не совсем понимаю, о чем она.

Смотрю на ладони, отдираю тонкую пленку кожи.

— Ты что делаешь?—спрашивает Елена.

— Кожа старая,—отзываюсь.—Мозоли от брусьев знаете какие? Теперь проходят...

Оставляю руки в покое, перевожу взгляд на окна спортзала.

Темно. На деревьях снег лежит, лунной посеребренный.

В зале—полумрак. Сидим с Еленой вдвоем на матах. Хорошо, тепло, уютно. Всю бы жизнь вот так. Кажется, будто время остановилось.

За окном новый день.

Школьная канцелярия.

Мать Татьяна стояла у стола. Женщина-делопроизводитель возилась с какими-то бумажками.

— По-моему, вы все-таки торопитесь,—говорила Валентина Николаевна, стоявшая за спиной у женщины.—У кого не бывает срывов. У всех они есть.

— Нет-нет, не уговаривайте,—возражала Татьяна мать.—Та школа, конечно, от дома подальше. Но... вопрос решен. Мне очень жаль... Тут и моя вина... Но теперь все дела к черту. И только дочь, только дочь...

— Нам тоже очень жаль расставаться с Татьяной,—вздыхнула завуч.—Скоро Новый год, потом каникулы... Знаете, у детей память короткая...

— Нет-нет, не уговаривайте.

Елена Михайловна находилась в этой же комнате. Сложив руки на груди, она вполуха слушала Валентину Николаевну и Татьянину мать. Смотрела через

окно на улицу. Вдруг заметила возле подворотни Татьяну. Та стояла, прислонившись спиной к стене, ковыряла ногой заснеженную землю.

— Извините,—бросила всем Елена Михайловна и выскочила из комнаты...

...Стою, смотрю на школьное крыльцо, носком сапога снег с асфальта сбиваю.

Вдруг на улицу выбегает Елена. Без шапки, без сапог, без шарфа. Только пальто сверху на плечи накинуто.

Сбежала по ступенькам и ко мне.

А я—ей навстречу.

Стоим, смотрим друг на друга. Между нами—трамвайная линия.

Я глаза вниз опускаю:

— Вы простите меня, Елена Михайловна... За все,—говорю.—И Леше Панову передайте, чтоб зла не держал.

Елена молчит, и я молчу. О чем еще говорить-то? И так все ясно.

— Простите,—говорю еще раз.

Звенит предупредительный звонок, и между нами проезжает трамвай.

Я поворачиваюсь и иду прочь. Чувствую спиной, трамвай проехал, а Елена все еще смотрит вслед.

Но я не обернулась. Она уже видела один раз, как я плачу. А второй раз этого никто не должен видеть. И не увидит больше. Это я обещаю...

ИСКУССТВО ЗАМЕТИТ ВСЕ

Мы привыкли к такому киноискусству, где даже отрицательные, тревожные стороны жизни обильно политы сладким сиропом. А какова жизнь юношества не придуманная, а действительная? Где подлинность среди океанов экранного сиропа и киселя?

Только в последнее время стали появляться кинопроизведения, которые пытаются пробиться к этому малоисследованному предмету. К ним относится и сценарий совсем еще молодой Марии Хмелик. Это ее дипломная работа на сценарном факультете ВГИК 1983 года и одновременно дебют в художественном кино (фильм ставится на киностудии им. М. Горького). Автором взята обыкновенная семья. В этой семье, в меру устойчивой, в меру благополучной, растет молодая девушка Вера. Полагаю, что она еще ходит в коричневом платье и черном фартучке. И в школе училась не так чтобы хорошо, но и не так чтобы совсем скверно. В норме. И на уроках, так думаю я, тоже вела себя в норме.

Но дело-то в том, что школа—это одно, а все вне ее пределов—совсем другое. В реальной жизни и она, и ее соученики, и соученицы, и многие прочие заняты в большинстве своем интересами, далекими от школьной сухости, ханжества, лжи, некое раздражение против всего «взрослого», обязательного—все это порождает поиск иного, своего. И вот бродит Вера по улицам и танцплощадкам, где то и дело вспыхивают драки—«стенка на стенку»,—и курит, и обнимается с парнями по парковым скамейкам и, как видно, не очень-то следует правилам целомудрия.

Нужно ли о таких, как Вера, писать для экрана? Педагогично ли это? Этично ли? Эстетично?

Я думаю, да, этично и эстетично. И нужно. Мы слишком долго и звонко декламировали с экранов, чтобы, наконец, позволить себе прийти к исследованию явлений, которых раньше чурались. От которых прятались. Которых смущались.

Полагаю, что «педагогично» прежде всего то, что не лжет: юный глаз зорок и сразу улавливает фальшь. Его понуждали принимать фальшь за правду, потому-то вне школы и аудиторий он и стал жить своей правдой, не предусмотренной учебниками. И это нам надо отчетливо, трезво видеть, а не зажмуривать веки.

Нам скажут: Вера явление единичное. Неправда! Она столь же обычна и множественна, как улица, жилой дом, метро. Она всюду. И заслуга Марии Хмелик в том, что она «поймала ее на перо».

Конечно же, сценарий М. Хмелик (а значит, и будущий фильм) вызовет дискуссии. Будут спорить о многих деталях—правильна ли, жизненна ли та или иная сцена: достойно ли поступила Вера, эта полушкольница, сойдясь со студентом Сережей; верно ли сделала, приведя его в отчий

дом? Будут, наверное, спорить и о нравственном праве автора ставить перед героиней дилемму: любимый или отец?

Пусть спорят! До чего же набили оскомину фильмы, где все непровержимо. И даже поспорить нельзя, не то чтобы поругаться! Хватит с нас валериановых капель, довольно себя успокаивать! Я вовсе не хочу утверждать, что вся молодежь у нас такая, как показано в сценарии М. Хмелик. Далеко не вся. Но есть и такие и, повторяю, их очень много. Число их не уменьшается, а, может быть, увеличивается.

Случается, общество кое-чего не замечает. Или прикинулось, что не замечает. Искусство же должно замечать все. И заметит. Если, конечно, будет всматриваться в окружающее пристально, с интересом и без боязни увидеть и отразить.

Евг. Габрилович

МАРИЯ ХМЕЛИК МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА

Шоссе шло по степи. Лето было жаркое, трава выгорела, обесцветилась и стала такого же цвета, как пыль на дороге. Верин папа — Николай Семенович, обливаясь потом, жал на газ своего грузовика и обгонял возникающие перед ним легковые машины. Иногда он вынимал платок и вытирал загорелое мокрое лицо, бормоча под нос что-то неразборчивое.

Наконец появились пятиэтажные блочные дома вперемежку с одноэтажными белыми домиками. Начинаясь город, на противоположном конце которого плескалось такое недосыгаемое сейчас для Николая Семеновича море...

Поставив машину во дворе под деревом, Николай Семенович кинулся в подъезд и побежал по лестнице. Бежать ему было тяжело, потому что лет ему было за сорок и был он довольно толстый. Трясущейся рукой он вставил ключ в замок, открыл дверь и очутился у себя дома. Навстречу выскочила его жена Рита.

— Полюбуйся на нее! — закричала Рита, но Николай Семенович первым делом кинулся в ванну. Там он мычал что-то, поливая водой голову, спину, грудь, а заодно и пол.

— Школу кончила, — продолжала тем временем Рита, — а в голове не знаю уж чего там!..

Николай Семенович закрыл воду, взял полотенце, вытерся и не спеша пошел в комнату.

Его дочь Вера стояла на балконе и грызла семечки, сплевывая шелуху вниз.

— Ты как отца родного встречаешь, нахалка! — загремел Николай Семенович страшным голосом.

Вера не шелохнулась.

— Вот видишь! Вот так все время! Нету у меня больше сил!

Вера все также стояла на балконе. Слова родителей долетали до нее сквозь распахнутую дверь, занавешенную от мух белым тюлем.

— Поди сюда! Немедленно! Кому сказано!

Вера сплюнула в последний раз и обреченно вошла в комнату.

— Здравствуй, папа, — сказала она.

Николай Семенович набрал в грудь побольше воздуха, чтобы сказать еще что-нибудь гневное, но его перебила Рита:

— Кушать хочешь?

Он кивнул.

Рита вздохнула и вышла из комнаты. Сперва она пошла в ванную и вытерла оставленные мужем на полу лужи. Потом долго искала на кухне спички. Наконец нашла их. Голос Николая Семеновича слышался во всей квартире.

— Вера! — восклицал он. — Ты сообщаем, что делаешь! Ты чего маму изводишь! Вместо того, чтоб ей помогать, ты шляешься со своей Чистяковой! И курить еще начала!

Вера сидела на диване, засунув руки

в карманы своего старенького ситцевого холатика, уже не доходящего ей до колена.

— Это подружка тебя научила! Так чтоб я не видел ее больше! Чтоб ни на метр к нашему двору не приближалась! Какой у нее телефон?

Вера молчала.

— Телефон какой, спрашиваю!

— Она говорит, что у Чистяковой нет телефона,— сказала из кухни Рита.

— Так я проверю! В школу зайду и узнаю! И телефон! И адрес!— Николай Семенович перевел дух.— Ну как тебе не стыдно! Мы с мамой в твои годы уже работали,— он сделал паузу, чтобы эта мысль глубже вошла в сознание Веры.— А ты! Мы из последних сил бьемся, чтоб вас с Виктором на ноги поставить! Виктор, слава богу, человеком стал, а ты! Ты же делать ничего не хочешь! Только перед парнями вертишься!

— Она потому и курить начала!— выскочила из кухни Рита.— Чтоб видели все, какая она свободная! Делайте с ней, что хотите!

Вера молчала.

— Ты ведь будущая мать! Тебе— рожать. Какие же у тебя дети будут! Уроды!— Рита закашлялась, щеки ее покраснели, она вышла из комнаты.

У Веры дрогнули губы.

— Ну что ты молчишь!— не выдержал отец.— Двоечница!

Вера подняла глаза и сказала басом:

— А чего говорить-то?

— Рита опять вошла в комнату.

— Коля, обед готов,— сказала она.— А я сейчас буду звонить Виктору. Пусть он ей скажет, раз она нас не слушается.

Рита принялась настойчиво крутить диск телефона, а отец пошел обедать.

Вера сидела на диване и смотрела на стоящую на серванте фотографию, отпечатанную на дереве и покрытую лаком. Маленькая пухлощекая капризная девочка с бантиком в жидких волосенках была изображена рядом со строгим бритоголовым мальчиком.

С четвертой попытки Рита наконец дозвонилась.

— Это кто?! Соня?!— закричала она в трубку.— Чего давно не звоните? А Мишенька как? Здоров?.. У нас жарко... У вас дожди. Ой, как не повезло! А вы бы приехали с Мишенькой. Я соскучилась ужасно. Фруктов бы поел... Ну, у вас на рынке дороге,

наверное... Мишенька!!!— зашебетала Рита и прямо аж просияла от нежности.— Мальчик мой маленький! Лопоту-сечка! Ну скажи что-нибудь бабушке!.. Ой! Он «баба» сказал,— радостно повернулась Рита к Вере.— А как поет мой маленький? Та-та-та, поет!.. Соня, а зубок у него новых не вылезло? Ну ничего, вылезут!.. Соня, а Виктор дома?— голос Риты начал приобретать строгость.— Позови, пожалуйста... Витя! Здравствуй! Я насчет Веры звоню. Недавно полезла я к ней в сумку за ручкой, а у нее там сигареты! Да! Распечатанная пачка! Представляешь! В ее-то возрасте! Я сейчас ее позову, ты скажи ей, потому что меня она уже не слушается... Поди сюда,— Рита холодно протянула трубку Вере.

— Привет!— равнодушно сказала Вера.— Ага... Ага... Ага...— кивала она головой.— Сейчас. Пока.

Она вернула трубку матери и вышла на балкон. За ней вышел отец, ковыряя спичкой в зубах.

— Ну, что тебе Виктор сказал?

— Не кури— это вредно. И слушайся родителей,— ответила Вера, глядя на проходящую по двору соседку Иру.

Ира считалась красавицей. У нее были вытравленные перекисью волосы, махровые ресницы под тонкими бровками и кукольный пунцовый ротик.

Николай Семенович тоже с извечной мужской тоской во взоре глядел на Иру, которая с достоинством несла свое откормленное тело. Наконец он спохватился, испуганно покосился на Веру. Вера целиком была поглощена изучением Ириной сшитой из лоскутов юбки.

— Правильно сказал!— Николай Семенович прихлопнул ладонью по балконным перилам. Немного помолчав, он спросил:— Что куришь-то? «Мальборо» небось или еще что-нибудь с фильтром?

— Зачем же,— ответила Вера, пристально глядя на отца.— Я уже чего подешевле — «Приму» там или «Волну».

— Вот это правильно,— одобрил отец.— Деньги зря не тратишь.— Он достал из штанов «Приму» и шутливо протянул дочери:— Угощайся!

Но Вера вдруг отвернулась и всхлинула.

— Я ж шучу,— удивился Николай Семенович.

На балкон вышла Рита.

— Ты поедешь или останешься?

— Поеду,— с достоинством ответил

Николай Семенович.— Без меня никто ж работать не станет.

Рита кивнула и вышла. Через минуту отец с дочерью видели, как она быстрым, деловым шагом пересекала двор.

— Замуж еще не собираешься?— спросил отец.

Вера улыбнулась сквозь слезы.

— Не берут.

— Ничего. Ты своего не упустишь. Долго в девках сидеть не будешь. Но курить не надо. Вредно это.

Вера вздохнула.

— Ну все.— Он поцеловал Веру и ушел.

Вера осталась одна. На кухне она достала из кастрюли кусок холодного мяса. Бросив взгляд на мойку, полную грязной посуды, она вздохнула и пошла в комнату. Там легла на диван, полежа-ла немного, положив руки под голову. Взяла со стола журнал «Семья и школа» и стала читать.

— Вера, ну покатай нас на каруселях! Ве-ра!

Вера бегала по кругу, раскручивая карусель. Дети не давали ей отдохнуть и все кричали:

— Быстрее! Быстрее!..

...Детей на карусели постепенно становилось все меньше и меньше. Одних забирала родители, другие уходили сами. Наконец осталась только Оксана.

— Хочешь, я тебя покатаю?— спросила она.

— Нет, давай просто посидим,— ответила Вера.— Что ж твоя мама-то не идет?

...Вера смотрела, как из подъездов стали выходить к ожидавшим парням девушки, и пары медленно разбредались в разные стороны.

В беседке у подъезда зажгли свет, и мужики, сидящие вокруг стола, принялись стучать, играя в домино.

Слышнее стали смех, музыка, ругань, а также призывы к атаке и свист пуль, рвавшие из телевизора.

Решительно прошагала ватага мальчишек, человек двенадцать с палками. За ними бежал мальчик, держа в руках раздобытый где-то руль от детского велосипеда.

К Вере подошел ее бывший одноклассник Андрюша.

— Чего же ты с ними не пошел?—

насмешливо спросила Вера, кивнув вслед уходящим мальчишкам.

— Надоело,— ответил Андрюша.— Еще башку проломают. А мне вызов пришел из мореходки. Ехать скоро,— он посмотрел на Веру.

Она была бесстрашна.

За Оксаной наконец пришла мать.

— Спасибо,— сказала она Вере.— Очередь была за сосисками,— добавила она и с интересом посмотрела на Андрюшу.

Андрюша сел на качели:

— Мне ребята голубятню отдать хотели. Их в армию забирают. Я бы взял...

— А ты возьми для матери. Змей же ты ей оставлял, когда мы в колхоз ездили. Вернешься, голуби будут толстые!

— Так ребята ж раньше меня вернутся,— сказал Андрюша и вздохнул.— Помнишь, у тебя на шкафу белый голубь жил. Ты его боялась, он по ночам урчал. Куда ты его дела?

— К тетке отнесла,— усмехнулась Вера.— А она сварила суп. Ну что ты на меня так смотришь?!

— Чтоб лучше помнить.

— Перестань!

— Тебя сегодня ругали?

— Нет,— угрюмо ответила Вера.

— Я слышал. И отец твой приезжал.

— Зачем тогда спрашиваешь?

Помолчали.

— Кино сегодня интересное показывают,— сказал Андрюша.— Пойдем к тебе, посмотрим.

Вера внимательно посмотрела на него и опять усмехнулась.

— Пошли,— она решительно встала.

— К тебе?— с надеждой спросил он.

— На танцы.

Андрюша растерялся.

— Там же драться будут.

— Веселее же, чем так сидеть. Может, Чистякову встретим.

Танцплощадка находилась в глубине парка. Андрюша и Вера молча шли по аллее.

В кустах по бокам аллеи шла своя жизнь. Там курили, негромко переговаривались и постоянно перемещались с места на место, треща ветвями. Над деревьями возвышался силуэт «чертова колеса», поскрипывала цепями карусель

под названьем «Ветерок».

У танцплощадки стояли группами мальчишки, которых не пускали из-за возраста. Милиционеры их гнали, они отходили на несколько шагов и останавливались, возбужденно оглядываясь по сторонам.

На эстраде с двух сторон стояли динамики, из которых гремела музыка.

Андрюша и Вера купили билеты и вошли под пристальными взглядами милиционеров и дружинников. У одного милиционера на боку висела рация, из которой выплескивался чей-то бурчащий невнятный голос.

Андрюша нервничал. На площадке Вера начала протискиваться к середине, но он крепко взял ее за руку и не пустил.

— Я посмотрю, кто там из наших!— прокричала Вера.

— Не лезь,— сквозь зубы сказал Андрюша.

Вдруг милиционеры втиснулись в толпу и вывели оттуда кого-то покачивающегося и покорного.

Вере нравилась тревога и ожидание, которое испытывали окружающие, всеобщее возбуждение передалось и ей.

Она увидела свою подругу Чистякову, танцевавшую с незнакомыми Вере парнями. На Чистяковой было блекло-голубое платье, которое она сама себе сшила. Одно плечо у нее было обнажено, а с другой стороны она что-то неправильно пришила, и потому бретелька с оборками постоянно соскакивала с плеча. Но Чистякову это не смущало, она лихо ее поправляла и чувствовала себя очень уверенно.

— Лена!— крикнула Вера.

Чистякова оглянулась, помахала ей рукой. Когда музыка на минуту стихла, она приблизилась.

— С кем это ты?— спросила Вера.

— Сегодня познакомилась,— хвастливо ответила Чистякова.— Из института ребята.— Она поглядела на Андрюшу и ухмыльнулась.

— Чего ржешь?— обиделся он.— Сматывать пора отсюда.

Чистякова ухмыльнулась опять.

— Гляди, как этот на тебя смотрит,— зашептала она Вере.— Черт, забыла, как его зовут. Ничего он, правда?

Вера кивнула.

Снова заиграла музыка, и Чистякова вернулась к своим знакомым. Один из них спросил что-то у нее, она отве-

тила. Не спуская с Веры глаз, парень стал приближаться.

В это время на середине площадки ребята не спеша начали выстраиваться в две шеренги лицом друг к другу. Постепенно образовались две равные автономные половины с четко выраженной границей. Топчась под музыку, шеренги начали сходитьсь, пока не подошли вплотную.

Раздался чей-то воинственный свист, потом кто-то закричал, и в ту же секунду музыка стихла. Милиция забегала. Толпа хлынула в разные стороны: кто к выходу, кто, наоборот, в самую гущу драки. У узкого прохода началась давка. Мальчишки перекидывали через ограду свои палки и перелезали сами.

Андрюша тащил Веру за руку, прикрывая ее как мог от натиска толпы. Но тут кто-то рванулся, потом все побежало, и их развело в разные стороны.

Сверкая фарами, подъехали две милицейские машины. Милиционеры хватали всех, кто попадался под руку, и запихивали в фургоны...

Вера бежала по боковой аллее. Потом ринулась в кусты и остановилась перевести дыхание. Вместе с ней ринулись еще несколько человек. Через минуту мимо них проехала машина, высвечивая фарами тех, кто все еще бежал по аллее.

Рядом с Верой кто-то закурил. Это был парень, что танцевал в компании Чистяковой. Он приблизил спичку к лицу Веры.

— А, это ты... Спаслись вроде...

Невдалеке кто-то нервно хихикнул на его слова.

Они вышли из-за кустов и пошли по аллее к выходу.

— Как тебя зовут?

— Вера. А тебя?

— Сергей... А эта, которая с нами была, что, твоя подружка?

— Она мне, как сестра,— ответила Вера.

— Все люди братья,— усмехнулся он.— Вот только почему-то рожи у них часто разбиты.

Вера удивленно на него посмотрела. Он заметил, усмехнулся:

— По спине огрел кто-то. Все тело ноет... Что за парень с тобой был?

— Одноклассник.

— Одноклассник— это хорошо,— сказал Сергей.

Тут Вера увидела, что милицейская машина поворачивает на их аллею. Ку-

стов поблизости не было. Вера схватила Сергея за руку и потащила к ближайшей скамейке, обняла его. Сергей тоже прижал Веру к себе.

Машина проехала.

— Неплохое начало,— усмехнулся Сергей, отпуская Веру.— Как в кино.

— Ага!— кивнула Вера.— Если б не я, тебя сейчас забрали.

— За что?— плаксиво спросил Сергей.

— Там разберутся,— ответила Вера, не заметив его кривляний.

Сергей оглянулся.

— Кажется, что сейчас с ножом кто-нибудь вылезет... У-у-у,— он показал, как вылезет.

Вера засмеялась.

— Ах ты, умничка моя.— Сергей вдруг небрежно обнял ее и притянул к себе.

Вера рассердилась и отпихнула Сергея изо всех сил, так, что он повалился на скамейку. Сергей улегся поудобнее, достал сигарету и закурил, не предложив Вере, которая ждала этого. Глядя на небо, он курил, задумавшись. Вера украдкой его рассматривала.

В парке бурная жизнь постепенно стихала. Машины уехали. Но кое-откуда еще доносились редкие выкрики и свист.

— Ладно, пошли, чего тут торчать.— Сергей поднялся.

Вера не шелохнулась.

— Пошли, говорю,— лениво повторил он.

— Давай, вали отсюда!— вдруг закричала Вера.— Я ночевать тут буду!

Сергей пожал плечами и быстро пошел по аллее. Вера глядела ему вслед. Он уходил все дальше и дальше.

— Обернись!— прошептала Вера.

Он не оглянулся и вскоре исчез в темноте.

Вере стало страшно. Она поднялась со скамейки и побрела к выходу.

Вдруг перед ней возникла мужская фигура, и сразу же свет фонарика ослепил ее. Она замерла, прикрыла глаза рукой.

— А, Верка,— услышала она.

Человек осветил снизу фонариком свое юное лицо. Лицо было мало привлекательно, со свежей царапиной на лбу. Принадлежало оно Толику, Вериному приятелю.

— Андрюшу не видел?— устало спросила Вера.

— Андрюха!— позвал Толик.

— Чего?— Из-за кустов вылез пацан лет одиннадцати.

— Да не ты,— вздохнула Вера.

— Он домой пошел,— ответили из темноты.

— Закурить есть?— повернувшись на звук голоса, спросила Вера.

— Откуда?— ответили ей.

— Ну, пока.— Вера пошла дальше.

Дома она быстро мыла оставленную в раковине посуду, посматривая на будильник. Стрелки приближались к двенадцати.

Заскребся в замке ключ, хлопнула входная дверь. Это Рита вернулась с работы.

Вера стояла у окна и ела хлеб с маслом.

— Ты не спишь еще,— устало улыбнулась Рита.— Чего так?

— Телевизор смотрела,— ответила Вера.

У матери на щеках был нездоровый румянец.

— Как чувствуешь себя?— спросила Вера.

Мать в ответ махнула рукой.

— В троллейбусе говорили, что в парке опять драка была.

— Ужин разогреть?

— Да не хочу я есть,— сказала Рита.— Ты один хлеб жуешь. Картошки поешь с мясом.

— Ладно, мама, пошли спать,— улыбнулась Вера.— Поздно уже.

Рита кивнула, и вдруг улыбка сошла с ее лица.

— Я ж просила тебя полы помыть! А ты! Три дня назад еще просила!.. Паразитка!

— Завтра помою,— угрюмо ответила Вера.

— Завтра! Завтра! Каждый день одно и то же! Делать ничего не хочешь! Вера вздохнула и пошла в комнату.

Вера и Чистякова сидели в кафе. Они ели из вазочки мороженое и записывали его коктейлем, который напоминал обыкновенный компот.

Вместе с ними за столиком сидели девочка лет десяти и мужчина в кожаном пиджаке. Мужчина рассказывал девочке про Индию, а она внимательно слушала, накручивая на палец свою тонкую косичку.

— Раньше в Индии,— говорил муж-

чина,—по древнему обычаю, жена не имела права жить дольше мужа. Ее ждала ужасная смерть. Ее живую сжигали на костре одновременно с телом умершего.

— Я бы удрала,—сказала девочка.

Мужчина снисходительно улыбнулся, покосился на Чистякову и продолжал.

— Знаешь, самое интересное, что они сами этого хотели. В прошлом веке этот обычай запретили. Но, несмотря на строжайшие меры предосторожности, имелись случаи саможжения. Женщины кончали с собой не потому, что жизнь без мужа хуже смерти.—Он опять покосился на Чистякову.—Нет! Женщину толкал в костер какой-то внутренний импульс. Понимаешь?

Девочка кивнула восхищенно. Чистякова ухмыльнулась.

— Другими словами, непреодолимый призыв глубоко взволнованного духа,—победоносно закончил мужчина, перевел дух и спросил у девочки:—Как мама с папой?

— Хорошо,—ответила она и принялась за свое мороженое.

— Слушаешься?

Девочка кивнула, подавив вздох.

— Молодец,—сказал мужчина.—Ладно, ты посиди, а я пойду покурю...

Девочка опять кивнула.

Он встал и не спеша отправился к выходу. Девочка посидела минуту, задумчиво глядя ему вслед, и вдруг с криком:

— Папа! Папа! У меня вопрос!—кинулась за ним вслед.

— Как интересно,—сказала Чистякова.—Кем это он ей приходится?

— Первый папа, наверное,—ответила Вера.

— Эх,—вздохнула Чистякова,—если бы моя мама за всех своих любимых замуж выходила, то у меня было бы четыре папы. Водили бы они меня в кафе. Разговаривали со мной. И была бы я умная...

— Размечталась...

Чистякова засмеялась.

И вдруг Вера увидела Сергея. Он сидел за столом с девушкой и что-то говорил ей, нелепо размахивая руками. Девушка смотрела на него влюбленными глазами, которые казались очень большими за стеклами ее очков.

Вера отвернулась.

Чистякова с аппетитом доедала мороженое. Вера тоже немного поковыря-

ла свое и, не выдержав, опять посмотрела на Сергея.

Теперь девушка смеялась, а он, ослабившись, откинулся на спинку стула. Девушка смеялась долго, казалось, для того, чтоб доставить ему удовольствие.

Вера опять отвернулась.

— Послезавтра Андрюшу провожаем,—сказала Чистякова.—Пойдешь?

Вера пожала плечами:

— А писать ему будешь?

Вера промолчала.

— Он же любит тебя,—сказала Чистякова.

— Он пусть и пишет,—устало сказала Вера.—Пошли.

Но тут Чистякова преобразилась. Закинула ногу на ногу и, растягивая слова, произнесла:

— Ну надо же! Кого я вижу! Ну-ка, ну-ка...

— Перестань,—тихо сказала Вера.

— Вот он! Наш герой!—не унималась Чистякова.—Бросил девушку одну, в темном лесу! Ай, как нехорошо!

Сергей встал и, улыбаясь, подошел к их столику. За ним вслед пошла и очкастая девушка. Она оказалась почти на голову выше Сергея.

Вера уставилась в свой стакан.

— Я не верю в страсть повес, а без них в застое. Мимолетный интерес меня не устроит!—сказала Чистякова.—Это я сама сочинила. Хорошо, правда?

— Замечательно,—сказал Сергей, глядя на Веру.

— А я еще могу,—сказала Чистякова.—Слабой песенкой возник лучик односторонне. Уважаемый Сергей, я так одинока!

— От твоих стихов чесаться хочется,—не выдержала Вера.

Сергей захохотал.

Девушка смотрела на них, как на редких животных.

Чистякова тоже не церемонилась и нагло разглядывала ее с ног до головы. Потом вдруг ойкнула и прикрыла рот рукой, испуганно глядя на девушку. Та встрепенулась.

— У тебя петля поехала. И в таком месте!—сделав страшные глаза, сказала Чистякова.—Идем покажу!

Она крепко взяла девушку под руку и вывела из зала.

Сергей переминался с ноги на ногу, потом решил, сел рядом с Верой.

— Занято,—сказала она, не поднимая глаз.

Он вскопчил с притворным испугом.
— Здесь отец с ребенком сидят... Сюда,—она указала на место Чистяковой.

— Вот уж не думал, что увидимся,—сказал Сергей веселым голосом.

— Почему?

— Казалось так почему-то.

Они помолчали, не глядя друг на друга.

— Тебе сколько лет?—спросил Сергей.

— А сколько надо?—в ответ спросила Вера.

— Переходный возраст, что ли?

— Заткнись,—сказала Вера.

Сергей засмеялся.

— Тетенька,—жалобно позвала Вера официантку,—сколько с нас?

— Пять рублей, шесть копеек.

— А с нас?—спросил Сергей.

— Пять рублей, шесть копеек,—как автомат повторила официантка.

Сергей достал десять рублей с мелочью и отдал ей.

— Это за всех,—сказал он.

Вера встала и быстро пошла к дверям.

На улице у входа в кафе Чистякова курила с соседом по столу. Девочка вертелась рядом.

— Проводи ребенка, Вера!—крикнула Чистякова.—Вам по пути!

— Сама провожай,—огрызнулась Вера и прошла, не останавливаясь.

Сергей шел рядом.

— Давай газировки попьем,—предложил он.

Вера молча шла к троллейбусной остановке.

Сергей поймал ее за локоть.

— Ну, все. Постарайся расслабиться.—Он легко провел рукой по ее лбу.—И послушай, что я тебе скажу.

Вера замерла и впервые посмотрела ему в глаза.

— Ты мне нравишься,—сказал он.—Давай дружить?

— Давай,—неожиданно тихо согласилась Вера.

Сергей остановил такси, запихнул туда Веру и сел рядом.

Машина остановилась у пятиэтажного кирпичного здания. У входа вывеска: «Общежитие металлургического института».

— Вот мы и дома!—жизнерадостно сказал Сергей.

Не отпуская Вериной руки, он поднялся на пятый этаж. Быстро вошел в одну из дверей и замер на пороге.

В комнате на стульях, кроватях и на подоконнике сидели и разговаривали в сигаретном дыму человек десять. При появлении Сергея они умолкли.

— Та-ак... Чего это вы тут делаете?—медленно оглядев сидящих, спросил он.

— Сидим! Дожидаемся!—откликнулись ему.—А ты, как всегда, болтаешься неизвестно где! Договорился с администратором?

Вера на несколько секунд осталась в коридоре, размышляя, уйти или подождать еще немного. С противоположных концов коридора, широко улыбаясь, шли два негра. Вера почти вбежала в комнату.

Сергей подвел ее к сидящему на стуле худому парню и сказал:

— Встань.

Парень пересел на кровать. Вера села.

— Где журналы?

Ему передали.

— Посмотри пока.

Вера покорно принялась рассматривать журналы. Они были иностранными.

— Значит, так.—Сергей повернулся к девушке с блокнотом и быстро начал ей диктовать:—Сначала у нас идет номер восемь, это минут на десять. Все разогреются, расслабятся. Потом четвертый, шестой...

Вера сердито листала журналы. Две сидящие напротив девушки украдкой рассматривали ее, и это раздражало.

Девушка записывала, остальные притихли.

— Сколько еще осталось?—спросил Сергей.

— Полчаса,—нестройным хором ответили несколько человек.

— Тогда повторим с первого по пятый.

— Я пишу,—поднял руку усатый парень.

— Нет, пусть Оля пишет.

— Почему это Оля?

— Потому что ты неграмотный,—сказала Оля.

Слова ее вызвали бурный смех.

— Как вас зовут?—прошептал сидящий рядом с Верой парень.

— Вера,—ответила она, подняв на него глаза.

Он был худой, невысокий. Вера

вспомнила, что видела его на танцах вместе с Сергеем.

— А меня Славик. Я художник.

— Да ну!—удивилась Вера.

— Знаете, я не настоящий художник. Без образования. Мы с Сережей вместе кончаем... Он меня заставляет вместо себя рефераты писать.

— Это картины такие?—не поняла Вера.

— Нет,—вздыхнул художник.

— У кого-нибудь есть еще ко мне вопросы?—спросил Сергей.

Ответа не было.

— Тогда жду вас завтра в десять с кассетами... Все свободны.

Никто не встал. Все переглядывались—кто со смешком, кто с недоумением, не зная, как отнестись к его словам.

А Сергей сел на корточки напротив Веры, спиной к остальным, взял у нее журналы, положил на пол.

— Вот и все,—улыбнулся он.

— А что это было?—спросила Вера.

— Дискотеку готовим в «Лунном камне».

— А-а-а,—Вера взглянула на него с уважением.—А ты что тут, самый главный?

— Самый умный,—усмехнулся Сергей.

Вера и Сергей лежали на узкой кровати.

— Который час?—спросила Вера.

Сергей зажег настольную лампу:

— Одиннадцать!

— Мама!—воскликнула Вера и кинулась к соседней кровати, где была сложена ее одежда. В две секунды напялила ее на себя.

— Как пожарник,—восхищенно сказал Сергей.—Тебя проводить?

— Ты что! Соседи увидят. Родители меня убьют!

— Кошмар!

Вера с улыбкой смотрела на него.

— Знаешь...—начала она.

— Нет,—очень серьезно ответил он.

— Ну, тогда я ничего тебе говорить не буду.

— Ну, скажи.

— Отвернись.

Сергей отвернулся.

— Помнишь, ты меня в парке бросил?

— Угу,—сказал Сергей в стену.

— Я разозлилась ужасно. А потом вдруг поняла, что жить без тебя не могу. Я тебе каждую ночь писала письма, а утром рвала и в туалет выбрасывала...

— Очень романтично,—сказал Сергей и вздохнул.

— А еще ходила по улицам, мужикам в лица заглядывала, головой во все стороны вертела... Вдруг ты где-то рядом. Чувствовала себя полной дурой.

— Почему?

— Ты ж меня бросил.

— Поди сюда,—тихо попросил Сергей.

Она присела на край кровати. Он притянул ее к себе и поцеловал.

— Все... Побегала я.

— Под ноги смотри. Не спотыкайся.

На пороге комнаты Вера обернулась и посмотрела на него.

— Ты теперь всегда будешь там стоять?—улыбнулся Сергей.

— Ты любишь меня?—спросила Вера.

— Разумеется,—ответил он.

Вера выбежала из комнаты, бегом спустилась по лестнице. Недалеко от дома была троллейбусная остановка. Троллейбус собирался тронуться, но, увидев несущуюся Веру, водитель открыл задние двери.

Вера пришла домой. Из кухни вышел, покачиваясь, Николай Семенович.

— Веруся,—сладко улыбаясь, проговорил он, глядя слезящимися глазами.—Вот я и приехал.

— Папа,—с тоской сказала Вера.

— Ну, прости...

— Ты ел?

— Не хочу.

— Иди, поешь немедленно!

Вера быстро пошла на кухню, поставила на плиту кастрюльку. Отец сидел сзади на табурете и виновато сопел.

— На!—Вера поставила перед ним тарелку и вышла.

Отец поплелся за ней.

— Ну, не могу я так... Веруся. Посиди.

— Сейчас мать придет. Иди кушай и ложись!

— Я соскучился за ней!

— Оно и видно,—сказала Вера и пошла стелить ему постель.

— Помнишь, ты маленькая была. Меня в кровать заталкивала. Сама — спичка... Упрешься в спину... раз-два, раз-два... — Отец засмеялся и погрозил пальцем. — Виктор, — вдруг сказал он.

— Чего?! — не поняла Вера.

— Приезжает.

— Зачем?

— Повидаться, — гордо ответил отец.

— А Соня?

— Один... — Николай Семенович покачнулся.

— Иди ешь! — заорала Вера.

— Веруся...

Хлопнула входная дверь, пришла с работы Рита.

— Мама, папа приехал! — выбежала ей навстречу Вера.

Рита улыбнулась, но тут перед ней возник Николай Семенович, и улыбка сразу же исчезла.

— Пеки... мать... — проговорил он, — пироги!

— Ты кушал? — спросила Рита.

— Его не заставишь, — сказала Вера.

Отец улыбался:

— Я звонил... Еду, говорит! Три дня! Вот!

— Виктор?... Это правда? — Рита радостно повернулась к Вере.

— Я ей говорю, а она не ве... — Николай Семенович икнул.

— Коля! — взмолилась Рита. — Умоляю...

— Я бриться сейчас буду! — заявил отец. — Где бритва?!

— На балконе, — язвительно сказала Вера. — Явился... Давно не виделись!

— Как разговариваешь! — завелся вдруг Николай Семенович. — Знаешь, когда она пришла? — повернулся он к жене. — Только что! Рас-пус-ти-лась!

Рита растерянно поглядела на Веру:

— Ты где была?

— Вот и я... Где?!

Вера молчала.

— Шляешься! — заорал Николай Семенович и покачнулся.

— Коля, — как можно спокойнее сказала Рита, беря его за руку. — Покушай. Мы сами разберемся.

— Пороли мало!

— Коля!!!

— Вот!.. Как мамаша, так и дочь!

Вера молчала.

Рита погладила мужа и стала направлять его к кухне, приговаривая:

— Ну-ну, не нервничай. Сейчас...

— Я бриться буду! — из последних сил рывкнул Николай Семенович, покачнулся и вдруг, схватившись рукой за сердце, сел на пол.

Рита кинулась его поднимать.

— Уйди! — хрипло выкрикнул Николай Семенович, отталкивая ее руки.

— Миленкий, — растерялась Рита.

— Уйди!

Рита всхлипнула и вышла на кухню.

Вера смотрела на отца, не понимая, что с ним происходит.

— Сердце, — сказал он, трезвея. Глаза у него стали жалкими, испуганными. Таким Вера не видела его никогда.

— Мама! — вскрикнула Вера.

— Не надо! — поморщился Николай Семенович.

Вера помогла отцу встать. Обнявшись, они добрались до кровати. Отец лег и заплакал.

— Больно...

— Подожди, я спрошу, может, у мамы есть что-нибудь.

— Нет! Не уходи!

— Давай тогда «Скорую» вызовем.

— Не надо, — он тихо выл, а Вера сидела рядом на кровати, сама еле сдерживая слезы. — Вот так помру, никто добрым словом не помянет.

— Ну, пап...

— Всю жизнь горбатил, здоровье свое гробил. Никто не любит.

— Успокойся, — Вера погладила отца по груди. — Закрой глаза. Закрой.

Он всхлипнул и послушался.

— Тихо-тихо... Ночь сегодня душевая... Все будет хорошо, папа, — шептала Вера. — Только ты не пей столько...

— Не буду, — сонным голосом пообещал отец.

— Видишь, как хорошо... И мама нервничать не будет. И сердце не будет болеть...

Отец уснул. Вера тихонько вышла из комнаты.

На кухне сидела мать.

— Нет у меня никаких больше сил, — сказала она, задыхаясь. — Зачем на лекарства столько денег тратим? С вами никаких лекарств не хватит... — Она налила себе воды из чайника. — А ты опять полы не помыла.

Вера вздохнула.

Провожали Андрюшу. Сидели, естественно, в полумраке, в комнате мерца-

ли свечи. Они стояли на шкафу, на столе, вокруг которого сидели Андриюшины одноклассники. Тихо играл японский кассетник. Вообще в квартире было много заграничных вещей.

Рядом с Андриюшей сидела его мама, красивая, молодая еще женщина. Время от времени она вытирала слезы.

Вера сидела напротив, Андриюша не спускал с нее глаз.

— Ребята, может, вы танцевать хотите?—спросила Андриюшина мама.— Давайте же стол подвинем.

Все с одобрением подхватили эту идею, засуетились, освобождая место для танцев.

— Ох, и грустно мне чего-то,— вздохнула Чистякова, стоя рядом с Верой.

Прошла мимо Андриюшина мама со стопкой тарелок.

— Пойдем, поможешь мне,— ласково улыбнулась она Вере.

Вера с неохотой пошла за ней, получив от Чистяковой сочувственный толчок в спину.

Андриюшина мама стояла на кухне у окна. Вера подошла, встала рядом.

— Тяжело нам теперь будет,— обняв Веру за плечи, сказала Андриюшина мама.— Доля наша такая, бабья: детей растить и любимого ждать.

Вера пристально и серьезно на нее взглянула.

— Полгода мужа дома не бывает. Теперь Андриюша туда же. Вместе корабли встречать будем, Вера.— Она помолчала.— Имя у тебя какое хорошее. Только ты дождись его, обязательно... Видишь, как он тебя любит.

Вера смотрела в окно.

— Письма будете друг другу писать, как мы с отцом в молодости.

На кухню вошел Андриюша.

— Вам ведь одним побыть хочется,— сказала Андриюшина мама.— Идите в мою комнату. Я тут посижу.

Опустив голову, Вера пошла перед Андриюшей по коридору.

В комнате он решительно подошел к испуганно глядевшей на него Вере и обнял изо всех сил. Потерся носом о ее волосы, поцеловал лоб, нос, губы. Она не сопротивлялась, потом сказала грубо:

— Ладно, хватит!—И оттолкнула его.

Андриюша послушно отошел. Вера поправила волосы.

— Думаешь, очень приятно все это

выслушивать?—спросила она.

— А что я могу ей сказать?

— Может, и замуж за тебя поэтому выйти?

— Выйдешь, куда денешься.

Вера удивленно посмотрела на него, такого взерошенного и несчастного, но так уверенно сказавшего эти слова. Она подумала и ответила насмешливо:

— Так ведь я другого люблю.

— Ну и что,—улыбнулся Андриюша.— В загранку ходить стану—сама прибежишь...

— Ага, и стоять буду на пристани, в море слезы ронять!.. Ты мне надоел! Я рада, что ты уезжаешь! Все понял?

Он кивнул.

— Очень хорошо,—сказала Вера устало.— Пошли потанцуем.

После танцев, несмотря на глубокую ночь, все пошли гулять по городу. Шли тихой улицей, тянувшейся вдоль моря. Плакучие ивы мели своими ветками асфальт. Иногда кто-то принимался петь, но песню не подхватывали.

— Что нового у тебя с этим Сережей?—спросила Чистякова.

— Ничего,—ответила Вера.

— Активней надо быть,— посоветовала Чистякова.— За такого парня бабы дерутся.

Вера взяла в руки две длинные ивовые ветки и обернула вокруг себя.

От порта к заводу тянулась железная дорога. По ней, загудев, пополз длинный состав с вагонами, груженными рудой.

— Надоело!—закричала Вера, перекрикивая шум поезда.— Надоело все!

К ней подошел Толик. Царапина все еще украшала его лоб.

— И чего ты, старуха, маешься?— участливо спросил он.— На, закури.

— Не хочу,—сказала Вера.

Чистякова вытащила сигарету у него из пачки.

— Ничего из жизни прошлой больше уж не повторится,—внимательно глядя на Веру, продекларировала она.— Только завтра, завтра, завтра, завтра что-нибудь случится...

— Это ты придумала, Чистякова?— восхищенно спросил Толик.

— Сама.

— Запиши, а то забудешь.

— Домой приду, запишу. Тут же темно.

— У меня фонарик есть.

— Ой, Толик, какой же ты настырный.— Чистякова погрозила ему пальцем.

На противоположной стороне улицы, недалеко от фонаря, засунув руки в карманы кожаного пиджака, стоял мужчина. Он смотрел в сторону ребят. Лицо его смутно просматривалось в темноте.

Недоуменно взглянув на мужчину, Толик пошел догонять остальных.

— Лена,— тихо позвал мужчину.

И Чистякова, вздрогнув, рванула к нему через дорогу. Он поймал, прижал к себе.

— Как это ты меня нашел?— тихо проговорила Чистякова.

— «Виновата ли я, виновата ли я,— загорланил на всю улицу Толик.— Виновата ли я, что люблю!..»

Пронеслась мимо «Скорая помощь».

Вера вышла из-за дерева, рядом стоял Андрей. Он взял ее за руку, и они пошли к морю.

Долго брели по пирсу, пока не дошли до конца. Освещенная фонарями плескалась мутная, темная вода.

Слева, где был металлургический завод, начали сбрасывать в воду раскаленный шлак. От этого небо, море и силуэт завода осветились багровым заревом. Над трубами горел синим пламенем газ.

— Мне страшно,— сказала Вера.

Николай Семенович и Вера ехали на грузовике в аэропорт встречать Виктора. Из города они уже выехали. Вера смотрела на дорогу, а отец ругал ее и заводился:

— Мать всю ночь не спала, все глаза проглядела в окно, тебя высматривала!

— Вы ж знали, где я была.

— Знали! Знали! А куда ты потом ходила, не знали!

Вера молчала.

— Куда?— Отец резко повернул к обочине и притормозил, заглядывая Вере в лицо.

Вера отворачивалась.

Их обогнали зеленые «Жигули». Водитель— женщина покрутила у виска пальцем. Николай Семенович увидел, рассердился теперь на водителя «Жигулей» и помчался вслед.

— Во всем решила стать похожа на подружку свою! Да?— Он посмотрел на Веру, потом на дорогу и, сосредоточен-

но сопя, добавил газу.— Так знай, я пойду к Андрюшиной маме и все узнаю! До секунды все знать буду! Поняла?! Вызов из училища пришел?

Вера молчала.

— Пришел вызов, я спрашиваю?!

Вера сжалась, но промолчала.

— Все Виктору расскажу, пусть знает, что из тебя выросло.

Машина взвыла, но «Жигули» они все-таки настигли и обогнали.

Тут Николаю Семеновичу пришла в голову новая мысль. Он опять резко свернул к обочине и остановился. Раздраженно погудев, «Жигули» объехали их во второй раз.

— А ну, дыхни,— сказал отец.

Вера не пошевелилась.

— Дыхни, кому сказано!— он приблизил к Вере свое лицо.

Вера дыкнула с достоинством и снисхождением.

— Еще раз!

Она дыкнула еще. Отец разочарованно отвернулся.

— Самолет уже приземлился,— сказала Вера.

Николай Семенович завел машину.

Обратно ехали втроем. В середине Виктор. Он был невысокого роста, похожий на отца, но пока еще не толстый, а коренастый.

— Что же Соня не приехала?— спросил Николай Семенович.

— Мы решили дать друг другу небольшой отдых,— ответил Виктор.

— Не понял,— сказал отец.

— Сложно объяснять... Фу, какая жара у вас!— Он покосился на Веру.— Как живешь?

— Распустилась!— сказал отец.

Вера отвернулась к окну и всхлипнула.

— Слезы женщины—это капли ее разума,— важно сказал Виктор.

Вечером всей семьей сидели за столом.

Мать, счастливая, в нарядном кримпленовом платье зеленого цвета, бегала из кухни в комнату с кастрюльками и тарелками, подкладывала сыну лучшие куски. А Виктор, разругавшись, благодушно говорил с присутщими ему занудливыми интонациями:

— Вы должны понять, что ребенок в семье не только объект, от которого

требуют чего-то и которого на каждом шагу контролируют. В семье должны быть дни, когда главный распорядитель, например, отец. Тогда все слушаются отца. А на следующий день главный распорядитель — Вера. И все слушаются Веру...

Вера хихикнула. Отец тоже снисходительно улыбнулся.

— Ничего смешного, — серьезно сказал Виктор. — В той семье, где так происходит...

— Что же ты от Сони уехал? — перебила Вера.

— А это тут при чем?

— Вера, — укоризненно сказал отец. — Вот ты всегда так. Вместо того, чтоб умного послушать, глупости мелешь!

— Это он-то умный? — Вера ткнула пальцем в Виктора и захохотала. — Да он сам не верит в то, что говорит! И вы не верите!..

Зазвонил телефон. Вера сразу же смолкла.

— Это тебя, Витя, — сказала Рита.

Виктор вышел.

— Вера, ну нельзя же так смеяться над братом, — с любовью глядя сыну вслед, сказала мать. — Что он о тебе подумает.

Вера молчала, потом резко встала и вышла на балкон.

— Что это с ней? — спросил Николай Семенович.

Вера поднялась по лестнице на последний этаж общежития, нашла комнату, в которой жил Сергей. Постояв в нерешительности перед дверью, она робко постучала.

— Вперед! — бодро ответили ей.

Вера вошла. Сергей сидел за столом и что-то писал.

— Это я, — сказала Вера.

Он вскочил, подхватил Веру, закружил по комнате, бросил на кровать и плюхнулся сам.

— У меня голова закружилась, — засмеялась Вера.

— У меня все время кружится!

— Врешь!

— Честное слово!

— Что ты писал?

— Да этот доклад несчастный для дискотеки! Пишу, а в голове: скорей бы ты пришла, скорей бы ты пришла!

Дверь без стука открылась, на пороге возник усатый парень.

— У тебя консервный нож есть? — спросил он. — Извините, — насмешливо поклонился он Вере.

В коридоре слышались оживленные голоса. В одной из комнат намечался сабантуй.

Сергей встал, отодвинул в столе ящик, начал искать. Парень терпеливо дожидался.

— Ты скоро? — крикнул ему кто-то.

— Сейчас! — откликнулся он.

Сергей наконец нашел нож.

Усатый уже выходил из комнаты, когда мимо двери кто-то прошел — Вера не успела разглядеть. Но через секунду этот человек вернулся. И Вера узнала своего брата.

— Ты что здесь делаешь? — строго спросил он.

— Сижу, — ответила Вера.

— Сидишь? — Виктор поставил пакет на стол и сказал важно: — Один вот тоже сидел. Пьяный на подоконнике. Вывалился, естественно. С третьего этажа... Мозги из ушей. — Виктор вынул из пакета бутылку с пивом. — Привозят его к нам в больницу... Я дал ему один шанс из сотни, но он им не воспользовался, — достав из пакета сушеную рыбу, Виктор аккуратно разложил ее на газете. — Где у вас тут стул, поставить под нерв седалищный.

Сергей и Вера молча с интересом следили за ним.

— Вот вы — молодцы, хладнокровно слушаете. А жена моя, Сонька, уши затыкает. И всем в Москве я надоел своими рассказами... Училась бы ты, Вера, хорошо, тоже бы врачом стала. Уехал я рано. Ты у меня отличницей была бы. Правда, женщине врачом тяжело поначалу. Такого насмотришься...

Виктор перестал жевать рыбу и впервые внимательно посмотрел на сестру и на Сергея.

— Вера, что у тебя с ним?

Вера растерялась, за нее ответил Сергей:

— Я жениться на ней хочу.

— Разбежался! — усмехнулся брат.

— Что ты сказал? — вздрогнув, Вера повернулась к Сергею.

— Родители обрадуются... — зловеще пообещал Виктор.

— Что ты сказал? — повторила Вера.

— Да шутит он, — опять влез Виктор.

— Ну что ты рта раскрыть не даешь! — возмутился Сергей. — Я хочу, чтоб ты стала моей женой... А ты хочешь?

Вера подумала, посмотрела на брата и сказала тихо:

— Хочу...

Виктор подскочил на стуле.

— Сдурела, да? В общаге нашла себе мужа! Весь двор над тобой смеяться будет!.. Ты посмотри! Ему же бабы на шею вешаться будут! При тебе! А ты стоять будешь и ушами хлопать! И бросит он тебя через месяц!—Виктор перевел дыхание и спросил жалобно:— Зачем она тебе нужна?

Сергей молчал и улыбался.

— Все, я иду звонить матери на работу!

— Ты швейной фабрике план сорвешь,—сказала Вера.— Все работу бросят, будут думать, как меня спасти.

— Поговори еще! Совсем стыд потеряла! Подожди, домой придешь, отец покажет тебе и мужа, и жену! Сразу умолкнешь!

Сергей встал, взял пакет, сложил в него рыбу и бутылки, протянул Виктору и сказал:

— Ты позвонить хотел. Вот тебе две копейки.

Виктор покраснел.

— Вера! Марш домой!—крикнул он с порога.

— Уже идет,—сказал Сергей и запер за ним дверь.

Вера сидела оглушенная. Сергей обнял ее.

— Чего это ты вдруг? Ни с того ни с сего,—спросила она.

— Жить хочу с тобой, видеть по утрам твое лицо, пока ты спишь.

— А я терпеть не могу, когда при мне кто-то спит,—улыбнулась Вера.

Вера вернулась домой, она увидела сидящих на кухне отца с братом. Мать еще не пришла.

— Явилась,—глядя на дочь с приторной лаской, сказал отец.— Тили-тили-тесто!—и заорал:— Шлюха портю-вая!

Вера стояла у плиты, затравленно глядя то на отца, то на брата. Виктора развезло. Он кивал на то, что говорил отец, но сказать сам ничего не мог. Временами он впадал в полудрему, положив голову на кулак.

— Замуж не терпится! Родителей спросила?!—отец подступил к ней вплотную.— Дома запру!.. Где он живет?

Вера молчала.

— Где он живет, я спрашиваю! Виктор,—он повернулся к сыну,—где он живет?! Гад!

— Не помню,—равнодушно ответил Виктор.

— Найду, не знаю, что с ним сделаю!—отец кипел от бессильной ярости.— Я мозги тебе живо вправлю!—он схватил Веру и начал трясти.— Вместо того, чтоб за учебниками сидеть, к мужикам бегала! Вызов пришел из училища? Пришел вызов, я спрашиваю!

Вера молчала.

Отец отпустил ее, сел за стол. Налил, выпил и всхлипнул.

— Сраму-то сколько! Что во дворе говорить будут! Плохо тебе с родителями..

Вера ушла в комнату. Легла в постель, укрылась до подбородка и, глядя на освещенные окна домов, счастливо улыбалась.

Утром Вера вошла в кухню. Мать возилась у плиты.

— Уйди,—сказала она.— Не травми душу.

— Ну, мам,—басом сказала Вера.

— Мам... Мам! Башки нет никакой. Отец все равно не допустит, чтоб вы распались.

— Я люблю его,—сказала Вера.

— Да что ты понимаешь про любовь-то!—возмутилась Рита.— Любит она! Это я любила, когда за отца твоего замуж шла! Когда троих сирот— братьев его—вместе с ним получила!

Рита яростно принялась резать капусту.

— Рассказывала,—сказала Вера.

— Еще раз послушай! Ты бы хорошо подумала на моем месте-то! Мать мне говорила: замучают они тебя стиркой да едой! Жрут-то все будь здоров! А еще огород и куры!.. Всю молодость свою на братьев его угробила! И Виктор еще родился! А не помогал ведь никто, сама все! Вот как любила!

— А сколько лет тебе тогда было?

— Девятнадцать.

— А мне восемнадцать скоро.

— Ну, тогда время другое было,—сказала Рита.— Так что не выдумывай. Вот получишь образование... А сейчас из головы выбрось.

Вера задумалась.

— Мам, знаешь, а мне кажется, что я ребенка жду,—невинно сказала она.

— Что?!—подскочила мать.

Из кастрюли что-то побежало с шипением на плиту.

— Мам, ну он же жениться не отказывается...

— А голова где была?

Вера вздохнула.

Рита вдруг с улыбкой поглядела на нее, но спохватилась и, придав голосу нужную строгость, сказала:

— Распустилась совсем!

— Мам,— тихо сказала Вера.

— Ну что еще?— Рита опять занялась обедом.

— Только ты отцу сама скажи... Жить мы, наверно, у нас будем, ладно?

— Ладно,— вздохнула Рита.— Тебе попроще будет, мать не свекровь ведь... И мне поспокойней... Должно же это было когда-нибудь случиться... Хочешь кого?

— Мальчика,— улыbnулась Вера.

— А я девочку хотела первую... По-мошницу.— Рита посмотрела на Веру и вздохнула.

И снова сидели в большой комнате за празднично накрытым столом. Мать— в кримпленовом своем зеленом платье, отец в костюме.

Ждали Сергея. Он все не шел. Вера высматривала его с балкона. Виктор угрюмо смотрел в пустую тарелку.

— Идет!— радостно влетела в комнату Вера.

Отец подтянулся. Мать быстро пошла на кухню.

В дверь позвонили, и Вера помчалась открывать.

Сергей был в белой майке и довольно потрепанных шортах.

— Жарко сегодня,— сказал он, чмокнув Веру в щеку.

— Нарочно, да?— прошептала она, тыча на майку.— Вырядился!

Они вошли в комнату. Взглянув на Сергея, Николай Семенович оторопел.

Сергей улыбался. Вера сказала голо- сом ведущей детского утренника:

— Познакомьтесь— это Сережа.

Николай Семенович встал:

— Николай Семенович.

Сергей пожал ему руку.

— Сергей,— протянул он руку вошедшей Рите.

— Ой, у меня рук нет,— кивнула она на блюдо с дымящейся уткой.

— Я не заметил... Знаете, я волну- юсь,— сказал Сергей.

Родители понимающе и одновременно растерянно заулыбались.

— Сергей,— он протянул руку Виктору.

Виктор пристально на него посмотрел и объяснил окружающим:

— Это он так шутит.

— Да, я пошутить люблю,— скромно сказал Сергей.

— Мы тоже любим,— засмеялся Ни- колай Семенович.

— После работы особенно,— добавила Вера.

— Садитесь, пожалуйста, давайте ку- шать.— Рита принялась раскладывать еду по тарелкам.

Отец разливал мужчинам водку, жен- щинам— вино.

— Чтоб все были здоровы,— сказал он.

Чокнулись, выпили до дна. Только Сергей отпил и поставил.

— Где ж это видано, чтоб так за здоровье пили!— возмутился отец.— До дна!

Сергей допил.

— Кушайте, дети,— вступила Рита.— Вера, накладывай Сереже заливного, икорки... Вы любите икорку из синень- ких?

— Я все люблю,— весело ответил Сергей.

Вера сидела довольная, что все так хорошо получается.

— Чем вы сейчас занимаетесь?— спросил отец.

— Я?— Сергей быстро дожевал и четко ответил:— Кончаю институт. По- лучу профессию инженера-технолога прокатно-штамповочного производства. После окончания института всего себя собираю посвятить избранной специ- альности и, естественно, любимой семье,— он кивнул на Веру.

— А родители?— осторожно спроси- ла Рита.

— Родители в данный момент нахо- дятся в братской Монголии, в долго- срочной командировке. Приедут через год. А вы чем занимаетесь, позвольте узнать?— Сергей повернулся к Нико- лаю Семеновичу.

Отец засмеялся.

— Молодец! В обиду себя не даст! Шофер я. А мама наша диспетчером работает на швейной фабрике.

— Очень интересно,— вежливо ска- зал Сергей.— Теперь давайте выпьем за родителей,— предложил он.— Только, если можно, мне— вина.

— Ну конечно же.—Рита сама налила ему.

Николая Семеновича это несколько разочаровало, но он бодро скомандовал:

— Поехали!—и выпил до дна.

Виктор вслед за ним. Сергей отпил.

— Что ж так плохо пьешь?—спросил отец.

— Нельзя выпивать вино залпом,—вежливо объяснил Сергей.—Сперва надо распробовать букет.

— Ах, букет,—повторил Николай Семенович.

— Гляжу я на вас и не пойму, вы что, свихнулись все?—вдруг высказался Виктор.

За столом возникла пауза.

— Посмотрите же вы на него!

— На себя лучше посмотрите, чучело,—со злостью сказала Вера.

— Акселератка сопливая,—огрызнулся Виктор.

— Перестаньте, дети,—взмолилась Рита.—При чужом!

— А он теперь не чужой!—Вера обняла Сергея за шею.—Он теперь нашенький. А этот брат пусть в Москву свою катится! Без него разберемся!

— Это шутят они так,—улыбнулся Николай Семенович.

— Я понимаю,—сказал Сергей.

— А теперь давайте выпьем за все хорошее,—провозгласила Рита.

Выпили и молча принялись за еду.

— Милиционер родился,—мрачно пошутил Виктор.

— Почему?—не поняла Рита.

— Примета такая, когда молчат за столом...

— А раньше говорили: тихий ангел пролетел,—сказала Рита.

— Ну, я пошел,—Сергей встал из-за стола.

— Куда пошел?—удивился отец.

— У меня через полчаса репетиция. Мы дискотеку готовим. Неудобно, ребята ждать будут... Я думаю, мы еще наговоримся.—Он изобразил самую обаятельную улыбку, на какую был способен.

Вера чуть не заплакала от обиды.

— Вы же не покушали,—растерянно сказала Рита.—Мы вас ждали, готовились...

— Дела, дела,—развел руками Сергей.

Николай Семенович обиженно сопел.

— Выпьем за нашу Веру под конец,—сказал он.

— Все-все,—Сергей покачал головой.—В другой раз. Сейчас мне больше нельзя...—Он быстро вышел из-за стола.

Хлопнула входная дверь.

— Да-а-а,—пробормотал Николай Семенович и выпил свою рюмку.—Познакомились.

Остальные члены семьи сидели, уткнувшись в свои тарелки, и жевали, не поднимая глаз.

Вера и Сергей загорали на пляже. Пляж был за городом, и потому он был чище и народу на нем было меньше.

— Зачем ты это сделал?—спросила Вера.

Сергей загорал с закрытыми глазами, в ответ он еле заметно пожал плечами.

— Мать с работы отпросилась, а ты просто взял и плюнул. Как свинья!

— Слушай,—Сергей открыл глаза,—а чего они мне так обрадовались? Будто всю жизнь ждали?

— А-а-а... Я им сказала, что у нас ребенок будет.

— Что?!—Сергей подскочил.

— Ну прямо, как моя мама,—засмеялась Вера.

— Это правда?

— Ты о чем?

— Это правда?!

— Нет! Неправда! Зато они вон как обрадовались!.. Видел бы, как они тают, когда им Витькин Мишка по телефону квакает. Тю-тю-тю, лопотусечка!..

— Трепло,—сказал Сергей.

— Ну, я же неопределенно сказала. Может быть, когда-нибудь... Тебе что—очень хочется?

Она посмотрела на него, он не шевельнулся. Вера медленно направилась к воде.

Окунулась и вышла. Постояла молча около Сергея и спросила:

— Зайдем сейчас в общагу за шмотками?

— За какими шмотками?—не понял Сергей.

— Виктор уехал, койка освободилась.

— Ну...

— Так надо же ее занять!

Лежа на диване, Сергей читал книгу. Вера стояла на балконе. Вечерело.

Мужики во дворе опять «зашибали

козла». Детей разбирали по домам родители. Во все стороны света разбредались влюбленные пары. Ватага мальчишек прошла с палками по двору. К подъезду приближался Николай Семенович. Он вежливо здоровался с соседями и старался шагать прямо.

Через несколько минут он был уже в квартире и пыхтел в прихожей, снимая обувь.

— Папа,— вышла ему навстречу Вера.— Сережа к нам переехал.

Николай Семенович постоял, соображая, потом вспомнил:

— Этот... В майке...

Вера кивнула и осторожно сказала:

— Здорово, правда? Хорошо ведь, когда все вместе!

— За-ме-ча-тель-но!— выговорил он и попал наконец в тапки.

— Я пойду обед разогрею.— Вера пошла на кухню.

Сергей высунул голову из кухни и сказал:

— Здрасьте!

— Драсте, драсте,— пробормотал Николай Семенович, думая о чем-то своем.— Вера!— крикнул он.— Где моя бритва!

— Зачем это?— поинтересовался Сергей.

Николай Семенович не ответил.

Вера на кухне тоже молчала.

— Вера!

— Иди кушай,— ответила Вера.

— Ве-ра!— голос отца начал приобретать угрожающие оттенки.

— Все стынет,— ответила Вера.

— Пойдем поедим, правда,— поддержал Сергей.

— Это еще кто?— вдруг спросил Николай Семенович.

— Папа, перестань!

Отец пристально посмотрел на Сергея и сказал:

— А я тут с друзьями... Перед выходным... Расслабился,— пояснил Николай Семенович и улыбнулся, потом нахмурился:— Что за дом! Выпить нечего.... Пойди, дочь, пощи...

На кухонном столе стояли две тарелки.

— Это мое место,— предупредил Николай Семенович и сел, прислонившись к стене.

Сергей сел напротив, глядя на него с интересом.

— На что семью кормить будешь?— спросил Николай Семенович, хлебая суп.

— На что все кормят.

— А где возьмешь?

— Где все.

Отец доел суп и крикнул:

— Вера! Ну осталась же бутылка!

Вера принесла бутылку вина.

— Давайте... Букет пробовать.— Он посмотрел на Сергея и усмехнулся. Обратившись к дочери, сказал:— Не люблю мужиков красивых.

— Я тоже,— поддержал Сергей.

— Значит, так... Ты даешь телеграмму в Монголию, чтоб родители знали... Мы с братьями поможем деньгами. На свадьбе человек сто соберется... Соседей тоже пригласим.

— Машина с куклой,— подсказал Сергей.

— Как у всех,— согласился отец.

— А как с фатой быть?

— Что с фатой? Фату купим.

— Ну, фату ведь... По обычаю...

— Вот ты про что,— нахмурился отец.— Никто ж знать не будет этого всего...

— Тогда конечно,— кивнул Сергей.

— Сережа шутит,— сказала Вера.— Мы решили, что не надо...

— Чего не надо?— не понял отец.

Он уже перешел на мясо с картошкой и соображал значительно лучше, но это заявление поставило его в тупик.

— Фаты, машины с куклой, свадьбы с оркестром,— объяснила Вера.— Я не хочу, чтобы мне «горько» кричали.

— А как я людям в глаза смотреть буду?— возмутился отец.— Виктору сыграли и тебе сыграем! Ничего с тобой не случится! Выдумала еще!

— А вы сами соберитесь без нас и празднуйте,— предложил Сергей.

— Умника привела,— заключил Николай Семенович, молча доел и встал из-за стола.— Я спать пошел,— сказал он Вере.

И ушел в комнату, громко хлопнув дверью.

— Обиделся,— сказала Вера.— Не надо было его сразу по башке этим...

— Ничего,— засмеялся Сергей.— Пусть привыкают.

Вера сосредоточенно выливали оставленное отцом вино обратно в бутылку.

Вера и Сергей бродили по усыпанной гравием дорожке, вдоль которой выстроились древние каменные бабы— скифские идолы, привезенные в краеведческий музей из окрестных степей.

Превратности судьбы и капризы погоды оставили следы на их фигурах. У некоторых ветрами стесало полголовы, у других недоставало нижней части тела.

— Эта,—Сергей подошел к самой высокой фигуре и положил руку на ее яйцевидную голову,—моя подружка. Мы с ней иногда шепчемся.

Вера засмеялась.

— Вот так и стоит тыщу лет. Бабушка моя была на них похожа,—заметила Вера.—Во дворе на лавке с таким лицом сидела. Может, и мама такой станет...

Из окна музея на третьем этаже на них с любопытством уставились две молоденькие сотрудницы.

— Твоя мама — «му-му»,—вдруг сказал Сергей.

— Это еще почему?

— На ее лице всегда одно выражение: «Что ж теперь поделаешь?»

— На твою еще посмотреть надо,—обиделась Вера.

— Моя не такая. Она бы давно взбунтовалась. А эта: «Коленька, опять выпил! Ну, иди поешь... Коленька! Я тебя весь выходной прождала. А ты забыл, что у нас дела! Ну иди поспи... Ой, сил моих больше нет!..» И все тянет, как бурлак!

— Я же ей помогаю,—сказала Вера.

— Не смейся!

— Ей самой такая жизнь нравится!

— Да ей подумать некогда: нравится—не нравится... Если она вообще еще думать не разучилась!

— Ну и иди в свою общагу, никто плакать не будет!—заявила Вера.

В окне уже было четыре сотрудницы. Они смотрели на Веру и Сергея, что-то обсуждая между собой.

— Я ж это говорю, чтобы ты сама такой не стала!—засмеялся Сергей.—Чтоб думать училась! Ты, наверное, считаешь, что у тебя семья образцово-показательная.

— Как у всех,—пожала плечами Вера.

— Что ж Виктор от вас дунул?.. Матери твоей сорок пять лет! А выглядит на пятьдесят пять!..

К четверем в окне присоединилась пятая, постарше, в темно-синем халате. Она перегнулась через подоконник и начала кричать пронзительным, стервозным голосом:

— Молодые люди! Вас сюда приглашали?!

— Не бойтесь, тетенька, мы их не украдем,—пообещала Вера.

— Я иду за милиционером!—взвизгнула тетенька.

— Нас здесь не поняли,—сказал Сергей.—Прощай, друг,—он постучал по голове самую высокую каменную бабу.

Они вышли со двора.

На улице Вера с гордым видом взяла Сергея под руку, и они не спеша пошли по направлению к центру.

— Один старик мне рассказывал, что вот здесь,—Сергей указал на блочное здание, у которого на крыше возвышались огромные буквы «ДОСААФ»,—вместо этого стояли две церкви. Одна большая, другая маленькая. Маленькой не хватало денег, и она занимала у большой. В праздники большой колокол большой церкви звонил: «Отдай долг, отдай долг!» А у маленькой колокола отвечали: «Живы будем—не забудем!»

Вера слушала невнимательно. Она смотрела на встречных девушек, на их реакцию, что она идет с таким красивым парнем. И одинаково радовалось Веру, когда они смотрели с завистью и когда делали вид, что не замечают.

На кухне Рита потрошила утку и говорила Вере тихим голосом:

— Станный он у тебя какой-то. Вчера видит, что я огурцы солю, спрашивает: «Куда столько?» Я говорю: «Отцу на закуску». «Вам нравится, что он пьет?»—спрашивает. Я говорю: «Нет, не нравится». А он говорит: «Зачем тогда вы сами ему закуску засаливаете?» Как будто, если огурцов не будет, отец пить перестанет.

Вера сидела за кухонным столом напротив матери и грызла семечки. Отрубленная острым ножом утиная голова покатила по столу. Вера брезгливо ее от себя отодвинула.

— Соседи говорили, что он за бабу Марусю заступаться полез. Что ж ты ему не объяснила?

— Объяснила,—сказала Вера.

— Несчастливая женщина. И правильно себя дед с ней ведет. Он распускаться ей не дает. Покричит она на лестнице, в себя придет... А Сереже влезть обязательно нужно. Неудобно теперь перед людьми... Не тошнит тебя?

— Нет.

— А я так до самых родов ведра с

водой таскала...

Хлопнула входная дверь, и в квартиру ввалился Николай Семенович.

— Друг сердечный где?—весело спросил он.

— На репетиции.

— На репетиции...—многозначительно повторил он.

— Ты б спросила его,—сказала Рита,—чего он так на репетиции эти рвется. О семье не думает.

Вера молчала.

— Ты была там хоть раз? Знаешь, чем занимается? Сходи... Может, расписываться-то раздумашь.

Отец сидел, привалившись спиной к стене, и смотрел осоловелым взглядом. Рита поставила перед ним тарелку.

— Только и знает, что нас срамить. Месяц до свадьбы, а он ведет себя так, будто ты ему надоела!

— У вас любовь... это,—отец задумался, наконец вспомнил слово.—Плутоническая!

— Какая?—переспросила Вера.

— Плутоническая.

— А как это?

— Ну, как у вас,—смутился Николай Семенович.

— Сказано тебе—плутоническая! Другая давно бы красная сидела, а ты все вопросы задаешь,—возмутилась мать.

— Чего мне краснеть, если я не знаю, как это?

— Так уж и не знаешь,—насмешливо сказала Рита.—Зачем тогда он к нам переехал? Другие гуляют год, разговаривают или вон, как в кино, стихи друг другу читают. А ты... Здрате, познакомьтесь... Теперь сюрпризы одни.

— Репетирует,—захихикал отец.—Артист!

В дверь позвонили.

— Иди открывай,—вздохнула Рита.

— Нет! Я!—решительно сказал Николай Семенович, встал и, твердо ставя ноги, вышел из кухни.—Заходи, заходи, заждались. Не устал?—послышался его притворно ласковый голос.

Сергей появился на кухне.

— Добрый вечер,—улыбнулся он.

— Добрый вечер,—ответила Рита и поставила еще одну тарелку супа.

Сергей сел, подмигнув Вере. Выглядел он действительно усталым. Она подмигнула в ответ и спросила:

— Сережа, что такое плутоническая любовь?

— Платоническая... Это когда друг друга любят, но вместе не спят и не целуются.

Вера торжествующе повернулась к отцу.

Отец молча встал и пошел в комнату. Слышно было, как он включил телевизор, и по квартире разнесся шум стадиона и резкий голос спортивного комментатора.

— Да, вот, я принес,—Сергей залез в карман и вытащил оттуда пачку денег.

— Что ж это?—брезгливо спросила Рита.

— Заработал.

— Вот здорово!—обрадовалась Вера.—А где?

— Приятель помог в одно место устроиться. Вроде дворника,—с аппетитом хлебая суп, объяснил Сергей.

Вера вскочила, поцеловала его и положила деньги на холодильник.

— Разбогатели,—язвительно сказала Рита.—Может, вы теперь и питаться отдельно будете?

— Мам, ты чего?—удивилась Вера.

— Ничего.—Рита тоже пошла в комнату.

Чистякова жила в одноэтажном побеленном домике, который был окружен фруктовыми деревьями и огородом. Под окном были посажены цветы. Рядом с конурой дремала собака.

Вера и Чистякова сидели в комнате. Чистякова крутила ногами швейную машину, сосредоточенно глядя на материал, который протрачивала. В ситцевом халате, без косметики на лице Чистякова дома отличалась от Чистяковой на улице. Сейчас она шила для Веры платье и очень старалась.

— На, померь,—она протянула Вере почти законченную вещь.

Вера надела. Это было белое платье такого же фасона, как голубое у Чистяковой. Опять одно плечо было открытым, а другое с дефектом. И ляпка сразу же начала спадать. А в остальном все было вполне пристойно.

— Снимай!—скомандовала Чистякова.

Вера послушно сняла. Потом села на тахту, застеленную домотканым покрывалом, облокотилась на украшенные вышивкой подушки.

— Что-то ты на себя не похожа,—повернувшись к Вере спиной, сказала Чистякова.

— В твоём платье?
— Да нет. Вообще.
— Как ты думаешь, ему понравится?—спросила Вера.
— Конечно,—Чистякова не сомневалась.

В комнату вошел ее брат, десятилетний мальчик, коротко остриженный, в майке и в шортах.

— Явился!—перестав шить, сказала Чистякова, встала и вlepила ему затрепину, но не больно. Лицо мальчика осталось невозмутимым.—Кто огород будет поливать? А? Мать целый день на работе! Я занята! А ты!.. Паразит!

Мальчик терпеливо все выслушал, потом сказал:

— Сейчас мультики посмотрю, полью ваш огород,—и вышел.

— Он и твой тоже! Подзаборник!.. Обед на плите! Еще горячий!—закричала ему вслед Чистякова и вернулась к швейной машине.—Снизу кружева, наверное, надо пристрочить?

Вера кивнула.

— А с родителями как он?

— Они про него гадости говорят. Он про них. Весело...

— Ну, это еще хорошо,—сказала Чистякова.—Мне мать рассказывала: у ее сотрудницы теща зятю голову проломила.—Чистякова ухмыльнулась.—А на твоём месте я бы в этот клуб вместе с ним ходила. Я бы знала, чем он там занимается.—Она с треском выдрала из платья нитки.

Из соседней комнаты донесся противный тоненький голосок какого-то персонажа из мультфильма:

— Бабушка лягушка, а правда, что ты в Африку летала? Хи-хи-хи-хи!

— Лена,—сказала Вера.—Я ничего не могу понять... Вроде у нас сейчас самое счастливое время, а мне выть хочется. Он их ненавидит. Они его... Почему?... У меня по ночам мозги трещат. Он спит, а я смотрю на него... Как жить, не знаю.

— Вот-вот, у меня точно так же,—вдруг сказала Чистякова.

— С кем?

— С Михаилом Петровичем. Помнишь, про Индию дочери рассказывал.

— В кафе?... Что ж ты молчала?—обиделась Вера.

— Ну, еще все так неопределенно,—махнула рукой Чистякова.—Знаешь, он против, чтобы я в училище связи шла.

— А я?—растерялась Вера.—Как же я там одна?

— Алевтина же с тобой.

— Сама с Алевтиной, с коровой этой, учишь! Подруга еще называется!

— Вообще-то мы уедем скоро, наверное,—мечтательно сказала Чистякова.

— Ага!—на пороге стоял брат Чистяковой.—Так мать тебя и пустит!

— Пошел вон отсюда!—закричала на него Чистякова.

Мальчик с достоинством удалился.

— А как же я?—повторила Вера.

— Заладила! Ты замуж выходишь!.. Знаешь, сколько телефонисткам платят?! Сиди весь день, в розетки тыкай! Алё, алё, говорите... Очень интересно!

— Ты ж сама меня туда уговорила.

— Конечно, это лучше, чем в яслях горшки мыть! Ладно, я уже решила все. Тебе пришел вызов?

Вера кивнула.

— И мне пришел. Я его порвала и выбросила,—с гордостью сообщила Чистякова и повернулась к швейной машине.

— Когда же ты уедешь?—печально спросила Вера.

— Он дела свои здесь кончит. Тогда уж...

— И молчала,—задумчиво повторила Вера.—Как у вас началось-то?

— Да я сама не пойму... Все само собой.—Чистякова опять повернулась к Вере. Глаза ее засветились.—Дочку его домой отвели. Потом договорились еще встретиться. Я поверить не могла, что ему со мной интересно...

— Он лысеть начинает,—заметила Вера.

— Да,—улыбнулась Чистякова.—Влюбился почему-то... Такой спокойный всегда. Ни разу не видела, чтоб заорал на кого-нибудь... Вежливый... Йогой занимается. И меня обещал научить.

— На ушах стоять?

— Смеешься. Это потому, что ты в этом вопросе невежественна.

— Что?!—Вера не поверила ушам.

— Да! Невежественна!—торжествующе повторила Чистякова.—А я уже одну позу знаю. «Ха» называется.

— Ха?

— Да. Показать?

Вера кивнула.

Чистякова быстро встала, вышла на середину комнаты, поставила ноги врозь. Сделала вдох, медленно подняла руки над головой.

— Задерживаем дыхание,—сдавленным голосом произнесла она. Потом вдруг резко наклонилась вперед, бросила руки вниз и выдохнула, выкрикнув:— Ха!

Медленно с серьезным лицом выпрямилась, снова подняла руки над головой и медленно опустила.

— Ну и что?—спросила Вера, немного разочарованная.

— Это очень полезная поза,—объяснила Чистякова.—Когда мы находимся в неприятном для нас обществе, его нечистая атмосфера прилипает к нам. И даже когда мы оттуда уходим, остается чувство омерзения. Сделав «Ха», мы очищаемся от психологических ядов, сохраняем душевное равновесие и противостояем внешним влияниям!

— Лена...—с тоской произнесла Вера.

Чистякова, не услышав, уселась за швейную машину. Вера вздохнула.

В окно было видно, как мальчик лениво поливает огород из шланга. Листья и стебли гнулись под напором воды.

Чистякова с ожесточением крутила машинку.

Поздно вечером Вера и Сергей вернулись домой.

Дверь на кухню была приоткрыта, и Вера из прихожей видела сутулую голую спину отца, сидевшего за столом.

Сергей сразу же пошел в комнату, а Вера к отцу на кухню.

Мать стояла у плиты и жарила рыбу. Из пластмассового белого репродуктора на холодильнике едва слышно доносилась музыка.

— А-а-а,—медленно растянул губы в улыбке Николай Семенович,—Веруся...

Перед ним стояла бутылка водки и тарелка салата из огурцов с луком.

— Забыла, что у меня день рождения,—проговорил он.

— Помнила,—ответила Вера.—Ты бы все равно раньше десяти сегодня не пришел.

— И мать помнила,—отец кивнул на бутылку.—Зови мужа своего, или кто он там тебе, не знаю... Пусть выпьет за здоровье мое...

— Не будет он пить, наверное,—осторожно сказала Вера.—И тебе хватит,—она поглядела на мать, ища поддержки.

Лицо у Риты было непроницаемым.

— Противно ему, значит,—с сожалением произнес Николай Семенович.

— Нет, устал просто...

— Устал,—отец слащаво улыбнулся.—Переработался...

Вера промолчала.

— А ты попробуй все-таки. Может, оторвется от книжки-то...

Вера вышла из кухни.

В комнате Сергей стелил постель.

— Идем к отцу,—сказала Вера.

— Это необходимо?—спросил Сергей.

— Прошу тебя.

— Пить с ним,—он поморщился.

— Ну, выпьем немного. Всем спокойней будет. Раньше спать ляжем.

Сергей нерешительно топтался.

— Идем скорее,—Вера тихо подталкивала его к двери.

Наконец привела на кухню.

Рита ловила в банке соленый огурец.

— Ну что, студент, как дела?—благодушно спросил Николай Семенович.

Сергей неопределенно пожал плечами.

— Учебный год скоро,—добавил отец.—А мне компания требуется. День сегодня такой, сорок семь стукнуло... Не пить же одному...

— Ты с друзьями уже,—вставила Вера.

— С друзьями—это закон,—ответил отец и разлил водку по рюмкам.—Ну, скажи тост,—попросил он Сергея.

— Ваше здоровье,—сказал Сергей.

— Добре... Поехали...

Выпили. Закусили.

— В твои годы я не такой был,—задумчиво грызя огурец, заявил Николай Семенович.—А ты... Что ты за мужик? С тобой ни поговорить, ни... Все за юбку держишься,—он кивнул на Веру.—Был бы ты шофером, загнулся через год... Хилый.

— Ты что к нему привязался?—спросила Вера.

— Мужчина в доме должен вести себя так!...Он стукнул кулаком по столу. Звякнула посуда.

— Мне завтра рано вставать,—сказал Сергей.

— Нам тоже,—ответила Рита.

— Может, спать пойдём?—предложила Вера.

Сергей встал.

Николай Семенович секунду непонимающе смотрел на него, потом вдруг заголосил, кривляясь:

— Зятек мой ненаглядный! Роднень-

кий наш! Хочешь, ноги поцелую! Выпей же рюмочку за здоровье Кольки!

— Папа!—взмолилась Вера.

— Молчи!.. Трудно тебе, что ли?! Забудь, что неученые!

— Перестань!—сказала Вера.

— Молчи! А то бросит тебя! Надо ешь ему! Дура!

— Цирк,—пробормотал Сергей и пошел из кухни.

— Стой!—крикнул Николай Семенович.—Стой!

— Не смейся людей,—тихо сказала Вера, взяв отца за руку.

Сергей входил в комнату.

Николай Семенович схватил лежавший на столе нож, вскочил, откинув табуретку, догнал Сергея и воткнул нож ему в спину.

Сергей покачнувшись оперся рукой о стену!

Николай Семенович поднял табурет, сел у стола и сказал устало:

— Вот...

Рита и Вера не двигались. В наступившей тишине стала слышна музыка.

— Вера...—спокойно позвал Сергей.

— Мамочка!—вскрикнула Вера, бросаясь к нему.

Рита оцепенела, тупо глядя на мужа, который сонно моргал глазами, только сейчас начиная понимать, что случилось.

В прихожей на тумбочке зазвонил телефон...

Вера сидела на обтянутой дерматином кушетке в больничном коридоре. Показался врач в болотного цвета коротком халате и в такой же шапочке. Рядом с ним молоденькая медсестра несла под мышкой кислородную подушку.

Вера встала и молча пошла за ними.

— Двадцатый раз повторяю,—не глядя на Веру, сказал врач,—девушка, к нему никого не пускают! Ходить за мной совершенно бесполезно!—и вошел в одну из дверей, куда посторонним вход воспрещен.

А медсестра презрительно сказала Вере:

— Ты тут всем надоела!—и пошла дальше.

Вера осталась стоять.

Мимо прошли сокурсники Сергея. Стараясь не глядеть на Веру, они остановились неподалеку от двери. Вера попыталась к ним подойти, но они

демонстративно не замечали ее. До Веры долетали обрывки их разговора:

— Валюша дала телеграмму...—дальше невнятно, потом:—Вылетают... Лекарство нужно...

— Какое лекарство?—хрипло спросила Вера.

Ей никто не ответил.

— Какое лекарство?—громче повторила она.

Появилась знакомая медсестра, и Валюша окликнула ее:

— Зина! Ну, что там?

Все повернулись в сторону Зины.

— Все так же,—ответила она, не останавливаясь.

Вера стояла, прислонившись к стене.

Дома Вера смотрела на Риту, которая вытирала слезы и тихо говорила:

— Ну пойми же ты! Сережа сам во всем виноват! Почему отец отвечать должен? Ты вспомни, он постоянно обижал нас. Вспомни, вспомни... Разговаривал презрительно... Вот папа и не сдержался.

Рита встала, взяла со стола толстую книгу.

— Вот мне женщины с работы юридический справочник достали. Ты почитай. И подумай... Без отца пропадем ведь! Жить на что будем?! Ты на папу посмотри! На нем же лица нет! Он же не перенесет, если посадят!

Вера молчала.

Вера, обхватив руками ноги, сидела под кустом во дворе краеведческого музея. Пекло солнце, и от раскаленного гравия подымался пар. Поэтому нижние очертания каменных баб Вера видела немного размытыми.

Припелелся разморенный от жары пионерский отряд. Впереди экскурсовод с указкой:

— Это древние идолы. Им поклонялись скифы, кочевые племена, которые населяли нашу землю много лет назад...—экскурсовод увидела Веру.—Девушка, здесь сидеть запрещается!

Вера встала и вышла на улицу.

— Витя! Ну хоть ты ей объясни! У меня все слова кончились!—говорила мать Виктору.—Она не понимает самых простых вещей!

— А что я могу ей сказать?

— Слушалась же она тебя раньше!
— Когда маленькая была,—
усмехнулся Виктор и посмотрел на Веру.

Она сидела на диване, глядя на них.

— Отвлечь ее надо чем-то,— важно сказал Виктор.— Транквилизаторы принимать... «Реланиум», например. Очень хорошее средство, обладает релаксирующим действием, проявляет тормозящее влияние на ствол головного мозга...

— Витя!— перебила его Рита.

— Что?

— Рецепт пиши...

На вершине холма Николай Семенович и Виктор расстлали брезент. Трава была жесткая, и брезент бугрился. Рита поставила сумку с продуктами и нагнулась, пытаясь выровнять бугры. За грузовиком Вера надевала купальник.

Под холмом был узкий пляж, откуда затаскивали в воду резиновые лодки рыбаки, приехавшие на легковых машинах. Их жены и дети плескались около них.

Николай Семенович осторожно отрезал ломтики сала.

— Сами коптили,— сказал он Виктору, протягивая кусок.

Рита вынимала из целлофанового пакета огурцы и помидоры.

— Вера, сходи за томатом,— велела Рита.

Вера медленно встала и пошла к машине.

— Ты уверен, что эта поездка поможет?— спросила Рита.

— Свежий воздух, море— лучше всяких лекарств. Главное, ведите себя так, будто ничего не случилось.— Виктор посмотрел на отца.

Тот смущенно улыбался, опустив глаза.

Вера шла от машины, неся в руках трехлитровую банку с томатным соком.

Положив сало на хлеб, а сверху пучок зеленого лука, Николай Семенович с аппетитом ел.

Вера поставила банку на брезент и села.

— Искупаемся?— предложил сестре Виктор.

Вера промолчала.

— Мы с мамой пойдем,— сказал Николай Семенович,— а вы машину постерегите.

Родители осторожно спустились к морю.

— Ну, давай!— вдруг с ненавистью сказала Вера.— Говори, что отец меня кормил, поил столько лет, а я в милиции сказать не могу, что Сережу он прирезал нечаянно! Тебя же для этого вызывали! Сразу звонить тебе кинулись!..

Виктор вздрогнул.

— Не надо, Вера,— попросил он.

Мать стояла по колено в воде и зябко поводила плечами. Загорелые руки и шея, которые платье оставляло открытыми, резко отличались от бледной дряблой спины.

— Здорово мамуля придумала?! А? Сережа сам на нож напоролся!.. Нетрезвый был!.. Интересно, правда? Думает, что ей поверят.

— Мама так сказать хочет? Это же глупо.— Виктор задумался.

Вернулись родители, отфыркиваясь, стали вытираться.

— Вода замечательная, теплая-теплая... О чем говорили?— весело спросила Рита.

Ей никто не ответил.

Отец пошел к грузовику, а Рита медленно отжала волосы и спокойно сказала, обращаясь к Виктору:

— Погляди, любовь у нее!.. Передачи отцу носить не она будет!— Рита накинула халат.— А захочу, скажу, что Сереженька твой сам на папу бросился! А отец, когда вырывался...

— Мама!— не выдержал Виктор.— За это же срок полагается.

— Ничего! Я их так запутаю, концов не найдут!.. А эта чего выдумала.— Она повернулась к Виктору.— Заявляет, я ребеночка жду!.. Мы обрадовались... Ждет она, как же! Двух сразу! Сводила ее к врачу! Наврала все! Дрянь!

Виктор вздохнул.

Вернулся отец. Он переоделся и, улыбаясь, встал рядом с Ритой.

Глядя на родителей, Вера медленно поднялась с брезента, и, делая глубокий вдох, подняла руки над головой. Резко наклонившись, бросила руки вниз и выдохнула, крикнув:

— Ха!— выпрямилась и еще раз в лицо родителям:— Ха! Ха!..

На секунду все обомлели. Первым очнулся Николай Семенович.

— Ты как с мамой разговариваешь?!— закричал он по привычке, но осекся, достал из кармана брюк расческу и стал приводить свою голову в

порядок.

Рита засунула руки в карманы.

— Змею выкормили,—спокойно сказала она.—Ты не дочь. Ты выродок... Рожать тебя не хотела. Отец настоял. Девочку ему было нужно!

— Рита!—вступил Николай Семенович.

— Молчи! Лучше бы я аборт сделала, чем видеть такое!.. Сил моих больше нет!—Рита нагнулась и начала собирать посуду.

Вера пошла к морю. Отец с Виктором вслед за ней.

— Врет она,—сказал отец.— Нервничает...

— Нечего утешать,—заявил Виктор.— Пусть знает! Я помню, как мать ревела... И родили вы Веру только затем, чтоб квартиру дали... Нечего тут лирику разводите...

— Я искупаюсь,—обернувшись к ним, басом сказала Вера.

Виктор отдал отцу рубашку и пошел за ней.

Молча вошли они в море. Поплыли.

Вера заплывала за буюк, легла на спину и стала смотреть, как с берега из-за горизонта приближалась к морю непонятно откуда взявшаяся огромная черная туча. Подплыл Виктор.

— Выходить пора, смотри, что делается,—сказал он.

— Выходи, если хочешь,—ответила Вера.

Виктор кивнул и поплыл к берегу. Спусти некоторое время Вера поплыла за ним.

Наконец ноги нащупали дно, Вера встала, посмотрела на тучу, подумала и нырнула. Вынырнула. Постояла, отдышавшись, нырнула опять. На этот раз под водой она пробыла больше и, когда выплыла, долго не могла прийти в себя.

Виктор уже поднимался на холм, когда подул сильный ветер, вода зарыбила и небольшие волны захлестнули Веру. Она поплыла к буйку.

Туча пришла быстрее, чем ее ждали. Стемнело, треснул гром, и сразу же по воде забил град. Через секунду за градом не стало видно берега.

А на море, там, куда туча еще не дошла, светило солнце, но ветер уже дул. Вера видела, как медленно опрокидывались резиновые лодки рыбаков. Откуда-то, перекатываясь по волнам с боку на бок, пронесся надувной матрас. Потом град пошел и там, и уже ничего не стало видно.

Наверху гремело, и градины величиной с мелкую гальку ударяли по голове, били по воде. Вера на спине поплыла к берегу. — Вера! Вера!—больше почувствовала, чем услышала она.

Через несколько минут рядом с ней оказался отец.

— Вера!—заорал он.— Чего же ты с нами делаешь!

Лицо у него было испуганным. Они поплыли к берегу. Когда плыть стало невозможно, они встали в воде и, пряча лица от града, побежали к берегу.

Отец тащил Веру за руку. Ей не хватало воздуха, она распахивала рот, как рыба, спотыкалась на каждом шагу, падая в воду.

На пляже, укрывшись с головой брезентом, стояли мать и Виктор. Увидев Николая Семеновича и Веру, они побежали к ним и, как были в одежде, вошли в воду, спрятали их под брезент. Медленно вышли из моря и встали у холма, где ветер дул с меньшей силой. Рита прижимала Веру к себе и тихонько выла:

— Напугала меня! Я ж не вынесу, если с тобой что случится! У меня же сердце разорвется! Доча! Миленькая моя, замерзла! Сними же рубашку, Витя! Дрожит, маленькая...

Николай Семенович одной рукой держал брезент, другой помогал Вере одеться. Изредка он всхлипывал.

— Я же для вас и живу только... Девочка моя,—Рита все прижимала к себе Веру, которая тоже заплакала у нее на плече.— Поплачь, деточка. И я с тобой... Все пройдет. И хорошо заживем... Лучше, чем жили. Да, Коля?

Николай Семенович кивнул.

Постепенно град утих, и почти сразу же выглянуло солнце.

Николай Семенович принялся стряхивать с брезента воду и сворачивать его.

На берег выходили рыбаки. Их перепуганные жены бежали к ним с холма. Рыбаки счастливо, немного растерянно улыбались.

Затарактели моторки спасателей. Они носились по морю, некоторые из них тащили за собой уцелевшие резиновые лодки.

Нерастаявший град лежал на земле островками, как первый снег. На пляже он мешался с песком.

Виктор поднял несколько градин.

— Ничего себе,—пробормотал он.— Горошек!

Они начали подниматься на холм.

— А в Южной Америке, кажется, на кого-то упала градина в килограмм,— добавил Виктор.

Рита, обняв Веру за плечи, ласково говорила:

— Все перемелется... Чего только между людьми не бывает. Молодая еще, не знаешь... Сходим в больницу, объясним, Сережа поймет. И согласится, увидишь. Он же у тебя умный парень... И поженитесь, и дети у вас будут. И все забудется...

Отец, сопя, шел впереди всех.

Вера опять сидела в больничном коридоре.

Прошли сокурсники Сергея, среди них два незнакомых Вере человека. Женщина лет сорока, молодая, с осунувшимся лицом, и мужчина с залысинами на лбу. Появился врач. Они вошли в ординаторскую. Ребята остались ждать.

Вера приблизилась и услышала, как Валюша сказала одной из девушек:

— Хорошо, хоть родителей пустили...—увидела Веру и добавила громко:—Смотри, эта опять здесь...

Девушки отошли от Веры. Вера осталась стоять у стены.

Ожидание было томительным.

Наконец вышли родители. Ребята окружили их. Отец что-то сказал. Мать провела рукой по лбу, по щеке...

Вера смотрела и находила в их лицах едва заметное сходство с Сергеем. Так и простояла, не двигаясь, не в силах отвести от них глаз, до тех пор, пока они не прошли мимо нее, тогда она сделала шаг от стены и сказала:

— Здравствуйте...

— Здравствуйте,—ответили они ей, не взглянув, не зафиксировав на ней своего внимания, и, не останавливаясь, пошли по коридору.

Вера сидела в тесном, заставленном шкафами кабинете следователя. На каком-то из шкафов еле слышно журчало радио.

Следователь — женщина среднего возраста с короткими, крашеными волосами — записывала то, что тихо и бесстрастно говорила ей Вера:

— Жили мы плохо. Из-за него... Часто возникали скандалы. Он доводил отца. Иногда меня бил. Отец сердился. Он делал это нарочно. Ему это нравилось...

— Кому?—не поднимая головы, спросила следователь.

— Сереже,—ответила Вера.

— Скажите, а отец ваш часто пил?

— Нет.

— Сколько раз в неделю?

Вера пожалала плечами.

— Ладно, продолжайте,—вдохнула следователь.

Вера помолчала, потом заговорила опять.

— В тот вечер он бросился на меня с кулаками. Отец вмешался, велел прекратить безобразия... Он сказал, чтобы все пошло вон. Отец повторил свое требование. Тогда он стал угрожать ножом...

— Кто кому?—спросила следователь.

— Сережа папе,—тихо ответила Вера.

Она вышла из кабинета. У дверей сидела Рита.

— Чего?—деловито спросила она.

— Все,—ответила Вера.

— Чего все?—обомлела Рита.—Чего ты ей сказала?!

Вера всхлинула. Рита успокоилась.

— Как я тебе говорила, да?!

Вера молчала.

Рита быстро полезла в сумочку, достала пачку таблеток в серебристой пластмассовой упаковке. Вытащила таблетку, протянула Вере.

— На, прими.

Вера оттолкнула ее руку.

— Виктор велел это пять раз в день принимать.

Она засунула таблетку Вере в рот, другую незаметно себе.

— К Сереже вместе пойдем или ты сама?

Вера молчала.

Они спускались по лестнице.

— А если хочешь, я одна схожу. Сейчас домой зайдем, я еду ему наберу и пойду. А ты поспи пока. Девочка моя, видишь, как все хорошо получается. А ты завтра сходишь, соскучилась небось...

Вышли на улицу. У табачного киоска Рита остановилась, купила пачку сигарет и сунула ее Вере.

— На, говорят, помогает при депрессии.

Вера безразлично приняла пачку, посмотрела на нее и бросила на землю.

— Чего же это ты делаешь?!—

возмутилась Рита.—Отцу отдадим. Зачем бросать-то! Некультурно же!..

Вера внимательно смотрела на мать.

— На следующий год в порядке будем,—не спеша прожевывая кусок мяса, говорил Николай Семенович.—Арендуем с братьями поле. Нашел я одного председателя. Посадим арбузы... Машина, слава богу, у меня есть... Помнишь соседа нашего в Новоселовке? Он свежие арбузы на Новый год ест. Хранит в соломе. А если продавать? Сечешь?

Виктор уже скис, уныло кивал головой.

— И тебе поможем. И Веру придем,—улыбнулся отец.—А соленый арбуз под водку, знаешь как!.. Рассол особенно,—отец засмеялся, потом обратился к дочери:—Веруся! Что грустишь?

Вера вздрогнула, встала и пошла к матери на кухню.

Рита заливала бульон в бутылку из-под кефира. Когда бутылка наполнилась, она достала из ящика кусок целлофана и надела на горлышко, прижав резинкой. Протянула Вере сумку.

— Фрукты я уже положила. Вот для бульона место... Осторожней в троллейбусе—не опрокинь.

Вера кивнула.

— И веселее будь! В прошлый раз мы с ним посмеялись даже!—Рита улыбнулась.—Бледненький, правда, такой... На, прими.—Рита сунула Вере в рот таблетку.—Запей.

Вера взяла сумку и вышла из квартиры. На лестнице она выплюнула таблетку.

Он лежал на кровати у стены, окрашенной масляной краской в голубой цвет. Руки он вытянул поверх одеяла, глаза равнодушно смотрели на Веру.

— Как ты себя чувствуешь?—не глядя на него, спросила Вера.

— Никак.

— Вот... Я яблок тебе принесла,—она вытащила из сумки яблоки и положила на тумбочку.—И бульон...

— Спасибо.

Он смотрел на нее. Вера опустила глаза.

— Следовательно была,—сказал Сергей.

— И что же ты ей сказал?—

насторожилась Вера.

Сергей заметил, чуть усмехнулся.

— Что ничего не помню.

Вера посмотрела на кровать, где лежал сосед Сергея. Он читал газету. На другой кровати сидел пожилой дядечка, а рядом с ним толстая тетка, жена, наверное. Она говорила певуче:

— Такой град, такой град!.. Помидоры все побило, огурцы. А в море рыбаки на лодках резиновых. Два наших голубя погибли, из голубятни вылетели...

— У нас только дождь был,—разочарованно сказал дядечка.

Сергей смотрел на Веру и молчал.

— Ребята к тебе приходят?—спросила она.

— Приходят.

— А родители где?

— Отдыхают.

— А выпишут скоро?

— Скоро.

Вера испугалась, посмотрела на Сергея. Он был спокоен.

— Прости меня.

— За что?

— Ну...—как объяснить, Вера не знала.—Мы без него пропадем... Понимаешь... Мама не может без него жить. Ты знаешь, она больна.

Сергей вдруг вздохнул.

Вера порывисто взяла его за руку и прошептала:

— Я люблю тебя,—но получилось неуместно, она сама почувствовала, тогда спросила:—Не болит?

Он молчал.

— Я люблю тебя!—громче повторила Вера.

Сосед, читавший газету, посмотрел на нее поверх очков и строго сказал:

— Не действуйте ему на нервы, девушка... Это вредно,—и опять уткнулся в газету.

Вера растерялась, отпустила руку Сергея. Встала, внимательно оглядела Сергея, его осунувшееся лицо, спокойные холодные глаза, руки...

— Все тогда,—медленно сказала она.—Будь здоров!

— Ты тоже не болей...

Вера сгорбилась и пошла к двери. Сумка, висевшая на плече, цеплялась за кровати и била по бедру...

Вера вернулась домой.

По квартире разносился мощный храп отца, спавшего в большой комнате

на разложенном диване. Виктор спал в комнате Веры.

Рита сидела на кухне и перебирала крупу.

— Ну что?—спросила она у Веры.

Вера не ответила, полезла в холодильник, достала из миски холодный фаршированный перец и стала его есть.

— Мама,—наконец сказала она.—Он больше ко мне не вернется.

— Он так и сказал?

Вера отвернулась и всхлипнула.

— Господи!—воскликнула Рита.— Нашла из-за чего!.. Подумаешь! Зачем он тебе нужен? Вернется Андрюша, за него и выйдешь. А этот, инженер... С Андрюшей тебе будет проще в сто раз и денег побольше... Это ведь тоже важно...

— Ты не понимаешь,—Вера посмотрела на Риту.—Я больше никогда его не увижу!

Рита встала, вытащила из глубины холодильника полбутылки водки.

— Отец оставил, ему завтра ехать рано... Давай по чуть-чуть?..

— Не хочу,—сказала Вера.

Тогда Рита достала из кухонного шкафа таблетки. Одну протянула Вере. Вера взяла, налила в чашку воды, запила. Они помолчали.

— За хлебом сходишь?—спросила Рита.

Вера кивнула.

Рита достала из кошелька мелочь.

Она стояла на перроне и глядела вниз на рельсы, блестящие на солнце, на мусор, валявшийся между ними. Показалась электричка, загудела, приближаясь к платформе. Вера внимательно смотрела на нее.

Электричка остановилась, раскрылись двери. Вера вошла и села у окна. Вагон постепенно наполнялся людьми.

— Верка! Ты чего здесь делаешь?—услышала она, повернула голову. Рядом с ней плюхнулся Толик с синяком под глазом.—А меня в армию забирают. К брату еду, попрощаться. А ты куда?

Вера очнулась.

— Никуда,—ответила она, быстро встала и выбежала из вагона.

Вера поднялась домой.

Положила купленный хлеб в хлебницу.

Из комнаты вышла Рита в ночной рубашке.

— Я ложусь,—сказала она.—Хлеб купила?

Вера кивнула.

— Ну ладно,—Рита зевнула.—Устала чего-то.—Она пошла в комнату.

Вера осталась одна на кухне. Постояла немного, глядя в окно, потом быстро открыла ящик, где Рита хранила лекарства. Порывшись в таблетках, она достала ту самую серебристую пачку, что выписал Виктор, поискала и нашла еще одну.

Из холодильника она вынула остатки водки, отломил кусок хлеба и сунула все это в сумку. Быстро пошла в прихожую.

Когда открывала замок входной двери, услышала сонный голос матери:

— Ты куда?

— Погуляю.

— В десять чтоб дома была!—сказала Рита.

На улице вечерело.

Вера быстро шла по двору. Кто-то крепко схватил ее за локоть. Она обернулась. Это был Андрюша.

— Утром уезжаю,—торопливо заговорил он.—Я все знаю... Бедная... Еле вырвался... Я тебя люблю! Идем!.. Я тебе все простил!..

Вера не понимала ни слова.

Андрюша тащил ее к своему подъезду.

— Матери дома нет... Ради тебя приехал!..

В подъезде он прижал Веру к стене и стал обнимать.

— Пусти,—попросила Вера.

Он не обращал внимания, целовал ее лицо.

Сверху кто-то спускался.

— Идем скорее,—прошептал Андрюша.

Вера схватилась рукой за перила.

Мимо них прошла маленькая Оксана. Увидела Веру и остановилась:

— Здравствуй,—сказала она.—

Почему ты со мной не играешь?

Вера попыталась улыбнуться.

— Пошла отсюда!—заорал на нее Андрюша.

Девочка испугалась и выбежала на улицу. Андрюша опять стал обнимать Веру.

— Не надо,—попросила она.

— Чего!—возмутился он.—

Динамила меня целый год!.. Сейчас уж ты пойдешь!

Он со всей силой рванул Верину руку, которой она держалась за перила, и потащил вверх по ступеням. Все ее попытки вырваться были бесполезны. Устав сопротивляться, Вера почувствовала безразличие ко всему и пошла за Андрюшей. Он остановился, посмотрел на ее равнодушное лицо и сказал устало:

— Ладно... Черт с тобой!—Открыл дверь в свою квартиру, вошел и захлопнул ее.

Вера отдышалась и медленно пошла вниз.

И опять Вера ехала в троллейбусе. Вышла у краеведческого музея. Постояла на противоположной стороне улицы, глядя на расходящихся сотрудников.

Войдя в музей, Вера направилась во двор к каменным бабам. Она останавливалась около каждой бабы, подолгу смотрела на них.

В конце аллеи она пробралась в кусты, села на землю, положила рядом сумку. Немного посидев, встала и опять вышла на аллею. Приблизилась к пулемету, потрогала его железные части. Покосилась на окна музея. Зажглось нижнее окно. Вероятно, там находился сторож.

Вера вернулась за кусты, села, открыла сумку, вытащила бутылку, отхлебнула. Подавилась, закашлялась, нашарила в сумке хлеб и запихала его в рот, запивая водкой. Отбросила пустую бутылку к кирпичной стене в нескольких шагах от кустов. Ударившись о стену, бутылка разбилась.

Вера достала из кармана серебристую пачку таблеток, поднесла ее к глазам, рассматривая буквы названия. Потом трясущимися руками начала вынимать таблетки и засовывать в рот. Когда первая пачка кончилась, Вера достала вторую...

...Сергей с кровати смотрел, как шевелились листья на деревьях в больничном парке.

Его сосед тщательно размешивал кусок сахара в чае. Ложка методично билась о стенки стакана...

...Большая крыса появилась у стены, деловито обнюхала осколки Вериной бутылки, села и посмотрела на Веру. Вера, не отрываясь, следила за ней.

Крыса медленно стала приближаться. Увидев кусок хлеба у Вериной ноги, она начала его есть, не спуская глаз с Веры. Вера попыталась отодвинуть ногу. Нога ее не слушалась. Тогда Вера закричала. Слабым тоненьким голосом...

...Сергей вздрогнул, сел в кровати, медленно опустил босые ноги на пол. Как лежачему больному, тапок ему не полагалось...

Сосед перестал мешать сахар и уставился на Сергея.

Опершись рукой о железную спинку, Сергей встал. Голова закружилась. Сосед сказал что-то, он не расслышал. Не отпуская спинки кровати, сделал шаг, потом другой...

Держась за что попало, Сергей медленно вышел из палаты в пустой коридор. Свет еще не зажгли. Из окон было видно, что на улице быстро темнело.

ИСКАТЬ СВОЙ ПОЧЕРК

...В те дни в дверях сценарной мастерской «Узбекфильма» возникало немало людей, и я бы, наверное, не обратил особого внимания на невысокого щуплого юношу в очках, если бы не молчаливая, подчеркнутая его сосредоточенность. Он и говорил, и слушал, и сидел на стуле, как бы весь уйдя в себя и напряженно, нахохлившись, размышляя о чем-то. Помню, я даже спросил, не случилось ли с ним чего по дороге на студию. Нет, не случилось.

Он принес один-единственный небольшой рассказ, и я прочел его тут же, при нем. Когда я сообщил, что уверен—это написано способным человеком, он вскинул голову, и я впервые увидел его глаза—вспыхнувшие искренней радостью глаза застенчивого подростка.

Так я познакомился с Юсуфом Разыковым.

Он стал готовиться к поступлению во ВГИК, и каждая его новая работа чем-то удивляла меня. То заранее обговоренный реальный сюжет вдруг оказывался решенным в каком-то условном, символическом ключе. То у него выстраивался невероятный, фантастический финал. То до неузнаваемости изменялись герои, то тема, а то и вовсе возникал новый сюжет. Было ясно: Разыков ищет. Нащупывает свои собственные точки опоры, свои личные подходы от реалий к образам, и тут ему лучше всего не мешать.

Во ВГИК он в том году не поступил. Возможно, сказался недостаток общей подготовки, а скорее всего—его просто не понял и не оценил мастер.

Пришлось начинать все сначала. Через год курс набирали Василий Иванович Соловьев и Людмила Александровна Кожина. Позднее к ним присоединился известный драматург Валентин Черных. Они с первого экзамена заметили Разыкова. Заметили его и студенты сценарного факультета, и работники кафедры, и я был свидетелем самого прекрасного протекционизма на свете: за Разыкова «болел» чуть ли не весь факультет.

...Месяца через три он пришел ко мне домой, принес свои первые виковские этюды и, пока я читал, сидел в своей обычной позе: отчужденно отведя взгляд, нахохлившись.

— Ну, как мастера?—спросил я.

Он, как когда-то, вскинул голову, и я увидел, как засветились теплотой сохранившие свою застенчивость его мальчишеские глаза.

Я понял, что мой Разыков в надежных руках.

В 1984 году как председатель жюри Московского фестиваля молодых кинематографистов я вручил ему, студенту четвертого курса, приз за лучший сценарий—по фильму «Лестница в доме с лифтом». Этот приз, присужденный безоговорочным и единогласным решением жюри, подтвер-

дил, что ни Разыков, ни ВГИК не ошиблись—рождается новый одаренный кинодраматург.

Дипломный сценарий Юсупа Разыкова «Из узбекской кухни» принят к постановке на родном «Узбекфильме». Это—успех. И немалый. И все же это только начало. Не только до упоения, но и до самой малой дольки полного удовлетворения, мне кажется, Разыкову еще очень далеко. Публикуемый в альманахе сценарий—строгая и честная киноповесть, но ее духовный объем, скрытый, но все же угадываемый в ней авторский потенциал предполагают и требуют дальнейшего роста.

Вправе ждать этого и все мы.

Одельша Агишев

ЮСУП РАЗЫКОВ ИЗ УЗБЕКСКОЙ КУХНИ

В тени плюс сорок. Великая и слепая власть зноя. Солнце выбелило небосвод, свело на нет его голубизну. Маревно дробит город, струит его к солнцу. Асфальт раскален и мнется. Вода рождает мысли о жажде, и вид ее не утешает.

Как тут жить?

Время близилось к полудню. В небольшом магазинчике канцелярских товаров маялись, изнуренные жарой и бездельем, двое молодых продавцов.

Умар стоял под вентилятором, торчавшим в потолке магазина, подставив лицо вялым струям. Аброр за прилавком развлекался портативной электронной игрой. Репродуктор шептал сельские новости. Покупатели не шли.

— Куда обедать пойдем?—спросил Умар, не меняя позы.

— Смотри сам,—отозвался Аброр,—я не пойду, мне надо в одно место сходить.

— Это в обед?! Да идите сейчас, какая разница.

— Ничего.

— Вы что, из-за нового? Его самого неизвестно где носит. А если и явится, я отбрешусь как-нибудь.

— Не нужно,—не отрываясь от игры, проговорил Аброр.

— Думаете, не поймет?

— Может, и поймет... Но мне этого не надо.

— Да-а,—протянул Умар,—начальник силен своим отсутствием.

Коробочка в руках Аброра издавала ритмичный писк.

Из проходной трикотажной фабрики Аброр звонил по телефону.

— Техотдел? Газиеву, пожалуйста... Барно? Здравствуйте, это Аброр... Не могли бы вы сейчас выйти? Да, я на проходной, хорошо, жду.

Ждать пришлось недолго. Девушка появилась у выхода и остановилась в нерешительности. Аброр шагнул к ней.

— Вы Барно?

— Да,—девушка стыдливо опустила голову.

— Ну, а я Аброр... Давайте на улицу, что ли, выйдем?—неловко предложил Аброр.

— Я ненадолго... У нас здесь строго.

— Понятно... Ну, вы до скольких обычно работаете?

— До четырех... Нет, до пяти,—сбилась девушка.

— Тогда я в пятницу зайду за вами. Вам удобно?

— Хорошо... Я пойду?

— Да, конечно.

Девушка ушла.

Аброр вышел на улицу, облегченно вздохнул. Затем поднял голову и увидел, как от окон третьего этажа разом отпрянули любопытные женщины.

— Господи, я-то думала, что свахи уже давным-давно устарели,—с улыбкой говорила ему мать за ужином.—

Вот тебе и тихоня-Фируза!

Аброр молча продолжал есть.

— Уж как она мне ее расписывала! И дома у нее всё блестит, и красавица, и умница, и соседи на нее не нахвалятся.—Мать покачала головой.— Мне вроде теперь нужно Фирузе подарок сделать?

— Понятия не имею... Это ваши радости,—холодно проговорил Аброр и отодвинул от себя тарелку.—Спасибо, мама.

— Ну посиди еще,—просительно взглянула на сына мать.

— Я завтра дежурю в магазине, надо рано вставать,—поднимаясь, сказал Аброр.

— Аброр...

— Да?—он остановился у дверей.

— А девушка тебе правда понравилась?

Аброр пожал плечами:

— Симпатичная.

— Ладно... Иди спи...

— Всё будет в порядке, мама,—берясь за дверную ручку, сказал Аброр.—Вот к осени подсоберу денег и приведу ее к нам. Будет вам помощница... Спокойной ночи.

Мать вздохнула и стала убирать со стола.

Было раннее утро.

Аброр подошел к дверям своего магазина и, собравшись отпереть замок, вдруг обнаружил, что на нем отсутствует пломба и в ушках лишь торчат куски проволоки.

В полной растерянности он огляделся вокруг.

Через некоторое время в магазинчике работала опергруппа уголовного розыска. Магазинчик был оцеплен. Собирались толпа.

Полусонный Умар, зарывшись с головой в картонные коробки, пересчитывал товар. Негромко переговариваясь, сновали сотрудники милиции. С улицы доносился густой лай рвавшейся в службу ищейки.

В углу торгового зала, у прилавка, молодой и усталый следователь допрашивал Аброра.

— Это всё?—потирая пальцами переносицу, спросил следователь.

— Да, всё.

— Хорошо... Что вы можете сооб-

щить о вашем новом завмаге?

— Ничего.

— Так-таки и ничего? Есть же у вас какое-то отношение к нему, какое-то мнение о нём.

— Нету.

— Ну что ж, такой ответ тоже может служить оценкой... Ну а ваш напарник, что вы можете сказать о нём?

Аброр промолчал.

— Что же вы молчите?

— Я бы хотел отвечать на вопросы, касающиеся лично меня.

Следователь неприязненно взглянул на Аброра.

— На какие вопросы вам отвечать—решать буду я!.. Знаю я вашу торгашескую солидарность. Окопались тут... Только и умеете, что купюрами шелестеть!.. Все, что мне будет надо, расскажешь как миленький!

Аброр смотрел на него ровным взглядом.

— Занимайтесь своими делами,—следователь отвернулся.

Аброр молча отправился помогать Умару.

К следователю подошел его помощник.

— Вот,—показал он пломбу.— Нашли на крыше.

— В лабораторию,—брезгливо поморщился следователь и направился к выходу.

Из подсобки с пиалой в руках появился новый завмаг Рахим—молодой мужчина лет тридцати.

Он взглянул на молодых продавцов. Дрогнули кончики губ в легкой улыбочке. Стараясь не расплескать чай, он прошел на улицу.

— Прошу,—протянул он пиалу следователю, нервно курившему возле милицейского УАЗа.—Это настоящий девьяносто пятый.

Следователь окинул Рахима коротким, полным презрения взглядом:

— Товарищ заведующий, чем объяснить тот странный факт, что вчера вечером магазин опечатавали не вы, как обычно, а Аброр Джалилов?—спросил он, глядя в сторону и не обращая внимания на протянутую пиалу.

— Замотался.—Рахим беспомощно пожал плечами.—Сами понимаете, магазинчик маленький, специализированный, что, к сожалению, не способствует выполнению плана. Вот и приходится бегать, вымалывать какой-нибудь хо-

довой товар, пусть и совсем другой номенклатуры. На одних чернильницах плана не сделаешь.

— Послушайте,—поморщился следователь,—меня мало интересуют ваши трудности. Вам никогда не убедить меня, что вы стараетесь для дела... Вы меня поняли? А посему дождитесь ревизора и через него передайте мне объяснительную записку.

Рассекая оцепление, он вышел из круга и пошел прочь.

Рахим снисходительно улыбнулся, затем перевел взгляд на ищейку, привязанную рядом. Достал из кармана и скормил ей кусочек сахару.

...Сыщики уехали.

Рахим перекинул табличку у выхода на «Закрыто» и повернулся к своим продавцам.

— Ну, перепугались? — улыбнулся он их растерянному виду.

— Да ну их,—храбрился Умар.— Нашли что-нибудь?

— Какая разница... Я думаю, мы заслужили несколько часов отдыха в прославленной чайхане Анвара-ота.

Он бросил на прилавок десяtku.

— Можете пригласить наших соседей, они наверняка уже обо всем прослышали. Посидим по-мужски. И вообще держитесь бодрее, откуда эта скорбь? Дядя милиционер приходил? Забудьте! Жизнь продолжается!.. Кстати, кто умеет плов делать?

Умар с сожалением покачал головой и вопросительно взглянул на Аброра.

— На сколько человек? — хмуро спросил тот.

Среди мастеров-ошпазов, колдовавших в летней кухне под прокопченным навесом, Аброр был самым молодым. Однако действия его были ничуть не менее уверенны и точны. Разве что он был менее разговорчив и реже отлучался от котла...

Сейчас все ошпазы сбились у выхода из кухни в просторный двор чайханы и слушали песню. Она доносилась от одной из многочисленных компаний, отдыхавших в чайхане. Пел молодой человек. Возглавлял компанию крупный седой мужчина. Уронив голову, с печалью на лице внимал он словам старинной песни.

Вся чайхана в десяток деревянных подмостков — суф — заморожено притихла.

Наконец песня смолкла. Еще некоторое время царил молчание, затем, осторожно вздохнув, заговорил седой:

— Спасибо тебе,—он горестно покачал головой.—Как мы живем... Страшимся своих грехов, мучаемся, страдаем — и снова грешим. Тянемся к свободе — и лжем. Суетливо списываем сегодняшний день в надежде, что завтрашний будет лучше — и снова грешим... И не знаем, сколько это будет еще продолжаться...

Присутствующие почтительно молчали.

Аброр наполнил чашку пловом, украсил головками вареного чеснока, посыпал рубленой зеленью и протянул Умару. В кухню торопливо вошел Рахим.

— Готово? Это кому? — деловито осведомился он.

— Чайханщику,—ответил Умар.

— Сделай ему другую, эту я заберу,—сказал Рахим и унес чашку во двор.

Во дворе он подошел к компании, где сидел седой.

— Здравствуйте, Шахрух-ака,—Рахим уважительно приложил свободную ладонь к груди.—Прошу вас ответить нашего плова.

Он протянул чашку. Ее тут же подхватили и поставили перед седым.

— А-а, Рахим,—с легкой усмешкой протянул тот.—Я слышал, у тебя несчастье...

— Пустяки,—Рахим скромно опустил голову.

— Тебе, наверное, нужна помощь? — Шахрух испытующе смотрел на Рахима.

— Мне достаточно и вашего внимания, Шахрух-ака...

— Хорошо, позвони мне.

Рахим едва заметно наклонил голову и отошел.

— Что молчишь? — проводив Рахима взглядом, спросил Шахрух сидящего рядом мужчине.

— Что-то тут не так,—с сомнением покачал тот головой,—Не на чем у него раскрутиться, я его магазин знаю.

— Да? А мне помнится, ты сам когда-то начинал с газетного киоска, а, Карим? А он взял ни с того ни с сего и сгорел...

Карим взглянул на Шахруха.

— Бог с вами, Шахрух-ака, у меня был товар...

Шахрух рассмеялся.

— Да, если этот парень так блефует, он далеко пойдет. Если придет к тебе, дашь ему какой-нибудь парфюмерии для пробы. Посмотрим,— заключил он.

...Рахим вернулся к своей компании.

— Ну что ж, можно нести плов!— с воодушевлением проговорил он, усаживаясь на одеяла.

С края суфы сорвался и побежал на кухню молодой продавец из приглашенных.

— Рахим-ака, а с кем это вы говорили?— спросил Умар.

— С кем... Этот человек директор магазина стройматериалов... Не надо вертеть головой!— одернул он Умара, когда тот обернулся на компанию Шахруха.— Люди отдыхают.

Появился Аброр с блюдом плова и поставил его в центр дастархана.

— Ну, по виду просто красавец!— с удовлетворением отметил Рахим.— Прошу!— пригласил он присутствующих и первым погрузил пальцы в край рисовой горки.

Мужчины принялись за еду.

— Прекрасно!— с наслаждением выдохнул Рахим.

— Угу,— с набитым ртом подтвердил еще один из гостей.

— Ешьте на здоровье,— хладнокровно произнес Аброр.

В это время к их уголку подошел старый чаханщик.

— Садитесь с нами, Анвар-ота!— компания потеснилась, освобождая для него место.

— Сидите, сидите, я на минуту,— отказался старик и спросил Аброра:— Сынок, это вы делали плов?

— Да. А что?

— Возьмите это назад,— старик положил на скатерть пятерку.— Не нужно никакой платы, отдыхайте так. А вас, сынок, когда вам только будет нужно; в моей чайхане будет ждать свободный котел. Вы настоящий мастер! Давно я такого плова не пробовал...

Рахим обернулся к компании Шахруха. Происходившее там приковало его внимание...

— Скажите мне ваше имя!— на прощание попросил Аброра чайханщик.

Аброр назвал себя.

— Ну, не буду вам мешать.— Старик приложил к груди ладонь и удалился.

— Такой плов можно консервировать и отправлять на экспорт!— весело проговорил один из гостей.

— И на этикетке написать: «Господин плов!»— поддержал его другой.

Умар мрачно проследил за взглядом Рахима и увидел у суфы Шахруха трех милиционеров...

Шахрух медленно поднял глаза на пожилого капитана.

— Здравствуй,— сказал капитан.

— Здравствуй, Султан...

— Я за тобой.

— И что, у вас все в порядке?— с сомнением спросил Шахрух.

— Можешь посмотреть ордер,— капитан положил руку в карман.

Шахрух усмехнулся.

— Зачем? Я тебе верю. Если ты говоришь, значит, у вас действительно все в порядке...

— Машина ждет, Шахрух.

— Что машине—она железная,— проговорил Шахрух.— Сейчас плов принесут, поешь с нами, Султан, не обижай ошпаза...

Гости выжидающе уставились на капитана.

— От плова не отказываются,— не сразу ответил капитан, кивнул своим помощникам и, сняв фуражку, первым сел к дастархану.

— Несите плов!— громко приказал Шахрух.

Гости подавленно молчали.

..Рахим отвернулся. Лицо его было мрачно.

Перед матерью Аброра сидели двое мужчин, соседи. С трудом подбирая слова, мать оправдывалась:

— Мне нелегко вам отказывать, дорогие соседи, но боюсь, что и в этот раз вы уйдете из моего дома ни с чем...

Мужчины переглянулись.

— Уважаемая Зеби,— начал старший из них,— что было, то было и прошло. Мы ведь тоже не малые дети. У каждого из нас свои дома, семьи, куча забот. Мы все это оставили и пришли к вам с уважением. Пусть и ваш сын ответит нам тем же. Вы мать, он должен вас послушать.

— Придет время, и на его свадьбе понадобятся наши услуги,— вступил в разговор второй мужчина.— Разве это хорошо, всякий раз мы приглашаем ошпаза из другой махалли!

Мать горестно вздохнула.

— Перед людьми стыдно!— сверкнул глазами старший.— Простите меня, но не такой у вашего сына возраст, чтобы

не считаться с нами!

В это время отворилась дверь и в комнату со двора вошел Аброр. Увидев соседей, он помрачнел.

— Добрый вечер,— проронил он.

— Здравствуй, Аброр-джан,— закивали мужчины.

Аброр взглянул на мать.

— Что, какие-нибудь проблемы?— спросил он тоном, не предвещавшим ничего доброго.

Уловив это, старший насупился:

— Нет, у нас все в порядке...

— Ужинать не буду, я сыт,— сказал Аброр матери и прошел в свою комнату.

Мужчины угрюмо молчали.

— Ладно,— произнес наконец старший,— пора нам по своим домам.

Они поднялись.

— Не обижайтесь, прошу вас,— поднялась вместе с ними мать.

— Нехорошо он себя ведет,— строго проговорил старший, остановившись у порога.— Не по-соседски... Думаю, Кудрат бы его не одобрил. Он бы нас одобрил. Нас бы понял, пусть мы в чем-то были и не правы. А усто* Кудрат был не последний человек в этом мире...

Мужчины ушли.

Мать вошла к Аброру. Он не раздевшись лежал на постели, с игрой в руках.

— Зачем они приходили?— спросил он.

— К тебе...

Аброр поднялся и сел на кровати.

— Вы меня извините,— сказал он твердым голосом,— но каждый раз они будут приходиться напрасно.

— Думаю, они больше никогда не придут,— проговорила мать и вышла из комнаты сына.

Рахим вызвал Аброра в подсобку, где у него был крохотный кабинет с телефоном.

— Как дела?— бодрым голосом спросил он.

— А что вы имеет в виду?— спросил в ответ Аброр.

— Ну, настроение, конечно.

— Ничего,— пожал плечами Аброр.

— А я, видишь ли, рассказал своим приятелям, какой ты у меня мастер, и прямо в беду попал— меня теперь в

покое не оставляют. Так что, если ты не приготовишь свой плов еще раз, я в лучшем случае прослышу болтуном. А это обидно.

— Что и говорить...

— Конечно! А среди них есть люди, мягко говоря, заметные. Так что я очень на тебя надеюсь, Аброр.

— Ладно, сделаю,— с неохотой согласился Аброр.

— Вот и прекрасно!— Рахим полез в карман за деньгами.— Вот возьми, это тебе на расходы. Можешь отправляться прямо сейчас, Умар тут и без тебя справится. А мы часам к шести будем в чайхане. Успеешь?

— Успею.— Аброр вышел из кабинета.

До кухни доносился здоровый хохот компании Рахима. Аброр у очага играл в свою игру, когда вошел раскрасневшийся Рахим.

— Ну что, готово?

— Давно,— холодно ответил Аброр, пряча игру в карман.

— Прекрасно, можешь подавать. Только сначала там надо слегка прибрать, пойдем.

Аброр с возмущением взглянул на него. Но тот, не дожидаясь, пошел назад.

Был уже вечер.

Аброр провожал Барно.

— Спасибо, дальше я сама,— остановилась девушка в начале узкой улочки.

— Здесь, значит, граница вашей махалли?

— Да. У нас здесь живет Герой соцтруда, и, наверное, когда-нибудь улицу назовут его именем.

— Повезло вашей улице,— усмехнулся Аброр.— А на нашей улице великих людей нет, одни студенты да шоферы.

— Почему же?— улыбнулась девушка.— Из студента может вырасти крупный ученый.

— Вряд ли. Их тщеславие не распространяется дальше соседского двора, даже на переулок не тянет. Да и вообще нашу улицу, кажется, скоро сравняют с землей. И будет на ее месте какой-нибудь сквер или модная баня с бассейном...

— А я не могу себе представить, что

* Усто— мастер (узб.)

нашей улицы вдруг не станет,— задумчиво проговорила девушка.

— Да,— вновь усмехнулся Аброр,— особенно обидно стало бы Герою труда...

Девушка смутилась.

— При чем тут это... Просто я выросла на этой улице.

— Да?— Аброр снисходительно взглянул на девушку.— Ну извините...

— Мне пора,— заторопилась Барно.

— Я вам позвоню.

— До свидания.— Девушка убежала в переулок.

— Аброр, зайди-ка,— позвал Рахим и ушел в подсобку.

Аброр со вздохом проследовал за ним.

Умар проводил его ревнивым взглядом.

Через некоторое время Аброр вернулся раздраженным. Он с грохотом двинул стул и сел.

— Что это с вами?— косо взглянул на него Умар.

— Да пошел он!— в сердцах бросил Аброр.— Нанялся я ему, что ли! Опять какого-то важного типа пригласил плов жрать! Видеть эти рожи не могу!

— Так откажитесь, в чем же дело,— усмехнулся Умар.

— Ничего,— решительно проговорил Аброр,— сам отстанет...

«Важным типом» оказался довольно молодой человек по фамилии Гулямов. Среди гостей Рахима он отличался немногословием и сдержанностью. Все присутствующие невольно обращали свои речи именно к нему. Сейчас говорил гладкий мужчина в летах:

— Я своего перепела назвал Эмиром, и вот почему... Судите сами—я в довольно почтенном возрасте, и вес у меня соответствующий, детей полон дом, и для каждого отец—бог! И вот я ношусь по двору с мухобойкой, чтобы этому подлецу Эмиру набить мух. А ведь он за день может две горсти слопать! Но зато что он по ночам вытворяет!— говоривший блаженно прикрыл глаза.— Это стоит жизни! Райские трели.

— Мой знакомый диктор на радио,— вступил в разговор Рахим,— учит своего кенара петь по специальной пластинке. Птичка запоминает мелодию,

ну и как-будто обрабатывает ее на свой птичий лад.

— Вообще кенар очень капризная птица,—махнул рукой владелец Эмира,—а в случае чего и в плов положить нечего, одни перья и клюв!

— Не скажите, уважаемый!— вступился за кенаров сухощавый мужчина—третий гость Рахима.— При дворе Тимура почиталось одним из изысканнейших блюдо, приготовленное из тысячи кенаровых язычков! Это был особый деликатес.

— Тоже вспомнили! Кто в наше время может позволить себе такое!— вздохнул любитель плова с перепелками.

— Как знать, уважаемый,— хихикнул тощий,— наш Шахрух и не такое мог себе позволить, и, уверяю вас, позволял, ни в чем себе не отказывал...

— Я взгляну на плов,— сказал Рахим Гулямову и удалился.

Гулямов пристально взглянул на тощего и негромко проговорил:

— Стыдно, уважаемый, в вашем возрасте распускать нелепые слухи... Согласитесь, что вы только что солгали...

Тощий испугался.

— А что я такого сказал?— пролепетал он.

Гулямов с презрением смотрел на него.

— Вот-вот,— усмехнулся он.— Лучше судите о своем языке, чем о кенаровом...

Над столом нависло молчание.

— Ну, как дела?— вошел к Аброру на кухню Рахим, азартно потирая руки.

— Подавать?

— Да, и побыстрее. Гулямов спешит.— Рахим доверительно тронул Аброра за плечо и заспешил назад.

Аброр проводил его насмешливым взглядом.

Высоко подняв блюдо над головой, Аброр подошел к сидящим.

— Прошу прощения,— церемонно проговорил он,— но плов совершенно размяк. Но не оставайтесь же вам голодными...

С этими словами он поставил на скатерть блюдо с огромной, в две дюжины яиц яичницей.

Рахим кинул растерянный взгляд на Гулямова.

Тот с интересом смотрел на Аброра.
— Могу быть свободным? Спасибо!
Приятного аппетита!—пожелал Аброр
компании и пошел прочь.

Некоторое время над дастарханом ца-
рило молчание.

— Как, вы сказали, зовут этого пар-
ня?—спросил Гулямов Рахима.

— Аброр,—вздыхнул Рахим.

Аброр стоял перед Рахимом и молча
ждал. Их разделял прилавок.

Первым нарушил молчание Рахим:

— Ваша вчерашняя шутка пришлась
по вкусу моим друзьям.

— Надеюсь, я не пересолил?

— Нет, в самый раз.

— Я рад за ваших друзей...

Рахим едва заметно кивнул.

— Выйдите, пожалуйста, на улицу,
вас там ждут,—сказал он и скрылся в
подсобке.

Аброр не спеша выбрался из-за при-
лавка и двинулся к выходу.

Умар проводил его настороженным
взглядом.

...Оглядевшись, Аброр увидел в тени
деревьев «Волгу»-пикап. В ней сидели
Гулямов и дюжий водитель за рулем.

Аброр подошел к машине.

— Здравствуйте, садитесь,—
негромко сказал Гулямов с заднего
сиденья.

Водитель приоткрыл переднюю
дверцу.

— Спасибо, я на работе,—отказался
Аброр.

— Я тоже. Садитесь.

Аброр бросил взгляд на мощный за-
гривок водителя и решительно потянул
дверь на себя. Едва он устроился на
переднем сиденье, как машина трону-
лась.

...Некоторое время ехали молча. Гу-
лямов на заднем сиденье равнодушно
глядел в окно. Аброр ждал.

— Ну что ж, давай сразу о глав-
ном?—наконец заговорил Гулямов.

— Во всяком случае, так будет бы-
стрее,—усмехнулся Аброр.

— Я хочу предложить вам выгодное
и престижное дело.—Усмешку Аброра
Гулямов пропустил.—Уверен, таких
предложений вам в жизни могут боль-
ше не сделать...

Аброр поморщился:

— И что это за день такой... Никто
не «тычет», все исключительно на
«вы». Прямо не знаю, что и думать...

— Все правильно, Аброр,—спокойно
ответил Гулямов.—У вас в руках уни-
кальный дар, вы мастер.

— Вам так понравилась моя яични-
ца?—дерзко проговорил Аброр.

— Возможно, что в вас скрыто еще
много талантов, но мне нужен плов.
Ваш плов.

— Вы уверены, что не путаете?

— Путаница—это большая роскошь
для меня,—жестко произнес Гуля-
мов.—Она может слишком дорого сто-
ить мне...

Аброр промолчал.

— Я предлагаю вам готовить плов
раз—два в неделю, для узкого круга
лиц, за хорошее вознаграждение и при
минимуме хозяйственных хлопот.
Решайте.

— Интересно...

— Такой дар жаль растрачивать на
посиделки пустословов и брехунов,
Аброр.

— А чем вы лучше?—вырвалось у
Аброра.

Водитель коротко взглянул в его
сторону.

— Думаю, со временем ты сам разбе-
решься,—невозмутимо продолжал Гу-
лямов.—Но главное, ты не будешь чув-
ствовать себя униженным. Ты—усто, и
мы будем платить тебе за твое искус-
ство. По-моему, это справедливо.

— Значит, никто не оценил, а вы
оценили?—мрачно спросил Аброр.

— А разве ты сам не знаешь себе
цену?

И вновь Аброр промолчал.

— Не скрою,—вновь заговорил Гу-
лямов,—мне нужен не просто ошпаз,
не просто умелец. Жизнь всегда полней
и интересней, когда имеешь дело с
умными, талантливыми людьми с чув-
ством собственного достоинства. Иначе
легко потерять интерес к жизни, опу-
ститься до убогого, бессмысленного су-
ществования серого человека. Стоило
ли ради этого появляться на этом све-
те? А хочется жить, жить ярче, луч-
ше... Тогда и жизнь не коротка.

Аброр слушал, задумчиво глядя на
дорогу.

— Ведь именно такую жизнь прожил
твой отец...

Аброр встрепенулся и в первый раз,
обернувшись, взглянул Гулямову в
лицо.

— Усто-Кудрат был самым изве-
стным в республике ошпазом,—
продолжал Гулямов.—За ним приезжа-

ли из Намангана, Бухары, Коканда... Ты не поверишь, но я еще в детстве слышал о нём.

Аброр вновь повернулся к дороге.

— А я ничье место не займу?

— Только свое!— твердо проговорил Гулямов.

...«Волга» вернулась к «Канцтоварам».

— И на прощание один вопрос,— сказал Гулямов.

— Поскольку нет личной карточки— задавайте.— Аброр сел в пол-оборота к Гулямову.

— Рахим сказал мне, что ты не готовишь на свадьбах. Это правда?

Аброр усмехнулся:

— Вы меня будто в шпионы нанимаете.

— Это важно. У нас не должно быть накладок.

— Можете быть спокойны. Махалинские навсегда отбили у меня к этому охоту.

— Каким образом?

— Какая вам разница...

— Ну, дорогой мой, я просто обязан во всем видеть разницу. Иначе мне грош цена.

Аброр вздохнул.

— Ну, в общем,— с трудом начал он,— когда умер отец, я собрался делать плов на его поминках. Тут соседи подняли такой крик, что я нарушаю обычай, что я не имею права! А я не мог себе представить, что этот плов будет делать кто-то чужой. Это для них умер сосед, выдающийся ошпаз, усто-Кудрат—кто угодно... А у меня умер отец...

— Понятно,— задумчиво проговорил Гулямов.— Ладно, значит, как договорились, Урал тебя найдет.

Водитель, услышав свое имя, кивнул.

Попрощавшись, Аброр вышел из машины, и она отъехала.

Обернувшись к магазину, он увидел Рахима, напряженно следящего за ним через стекло витрины.

В кафе-мороженом под открытым небом слепили белизной столы и витые стулья с высокими спинками, шипели струи фонтана.

Барно и Аброр сидели друг против друга.

Девушка ела мороженое. Аброр вертел в руках игру. Скучал.

Вдруг Барно отодвинула от себя чашку. Аброр взглянул на нее.

— Пойдемте?— спросил он.

— Да. Спасибо,— голос девушки прозвучал отрывисто, нервно.

Она первой поднялась и пошла между столиков.

— Куда теперь?— спросила она, глядя в сторону, когда они вышли на бульвар.— А впрочем, не ломайте голову, мне, пожалуй, пора домой. Родители будут беспокоиться.

— Разве они не знают, что вы со мной?

— Знают. Но родители есть родители.

— А вы одна у них?

— Есть брат. Старший.

— Он женат?

— Нет. Он сказал, что женится после того, как я выйду замуж...

— Еще один традиционный зарок,— насмешливо проговорил Аброр.— Значит, наша свадьба приносит ему двойную радость.

— Его никто не заставлял!— вспыхнула девушка.

— Да ради бога... Сочтем это за странность характера.

— Он просто любит меня!

Аброр улыбнулся:

— Смотрите, как вы за него заступаетесь... Да вы не сердитесь, я не хотел обидеть вашего брата.

Она повернулась к нему и выпалила:

— Да, это близкий мне человек! Ему тридцать один год. Хотите знать, сколько мне?

— Я знаю,— спокойно сказал Аброр.

— Вот и хорошо.— Она снова отвернулась.

— Ну что?— после паузы спросил Аброр.— Погуляем еще?

Она, опустив голову, молчала.

— Как бы нам до нашей свадьбы друг другу глаза не выцарапать,— с улыбкой проговорил он.

В хозяйственном дворе ресторана, в его самом отдаленном углу, Аброру соорудили небольшой очаг. Рядом вертелся Урал. Из здания то и дело выглядывали любопытные работники ресторана поглазеть на молодого ошпаза.

Плов был готов.

Едва Аброр передал наполненное блюдо официантке, как возле него воз-

ник породистый метрдотель и сделал приглашающий жест:

— Прошу вас!

Они долго шли кафельными коридорами, пока большой зал не встретил их блаженным полумраком и прохладой. Между белоснежными рядами столов двигались официанты, без усилий толкая тележки с посудой. Слышались негромкие реплики.

Мягко ступая по коврам, метрдотель подвел Аброра к отдельному столику, предупредительно выдвинул стул.

Стол был накрыт изысканно и со вкусом.

Метрдотель открыл бутылку минеральной, наполовину наполнил фужер.

— Приятного аппетита,— пожелал он и отступил в сторону.

Аброр стал есть.

Через некоторое время к нему подсел облаченный в белоснежный костюм Гулямов. Лицо его светилось сдержанной радостью.

— Как мой экзамен?— спросил Аброр.

— Отлично,— кивнул Гулямов.— Я не ошибся.

— Я рад.

— Ну, не буду тебе мешать.— Гулямов поднялся, сделав едва заметный жест метрдотелю, и удалился.

Метрдотель положил перед Аброром конверт и исчез.

Аброр вдруг струсил. Нерешительно открыв конверт, он обнаружил в нем ассигнацию достоинством в сто рублей...

— Откуда это?— с растерянной улыбкой спросила его мать, когда он перед сном вручил ей конверт.

— Нашел тут еще одну работу. Можете убрать на свадьбу.

— Что же это за работа такая?

— Не беспокойтесь, на большой дороге не граблю.

— И тебе нравится эта работа?

— Пока ничего, там посмотрим. А что, разве плохо?

— Да нет... Просто ты в своем магазинчике столько зарабатываешь за целый месяц.

— Вот видите, значит, на этой работе я в тридцать раз нужнее. Спокойной ночи, мама.

Аброр стоял у проходной трикотажной фабрики. В руках его пищала игра.

— Простите, вы ждете Барно?— подошла к нему невысокая полная девушка.

— Да, а в чем дело?

— Она просила извинить ее. У нее сегодня отгул, и она еще в обед ушла домой.

— Понятно,— нахмурился Аброр.— Спасибо.

Он запихнул коробочку в карман и пошел прочь.

Аброр вошел в кабинет Рахима.

— Звали?

— Да, входи, Аброр... Гулямов звонил. Просил тебя завтра отпустить.

— Все в порядке?

— Да, можешь ехать.

— Спасибо...

— И передай Гулямову, что вовсе не обязательно меня каждый раз предупреждать. Можешь ехать, когда нужно.

— Передам...

— И вот еще что... Советую тебе держаться Гулямова. Я его давно знаю, мы с ним друзья. Тебе очень повезло, понимаешь?

— Думаю, что да...

— Вот и хорошо. Иди.

Аброр хотел было идти, но задержался в дверях:

— Простите, но я так и не понял, зачем вы меня вызывали...

Взгляд Рахима стал растерянным.

Аброр вернулся к прилавку, взял игру, но играть не стал.

Умар сидел, хмуро уставившись в газетную страницу.

— Уйду я от вас,— проговорил Аброр.

Умар промолчал.

— Что молчишь?

Умар с неприязнью посмотрел на него.

— А что вы хотели услышать? Или ждете, что я начну вас отговаривать?

— Да нет,— усмехнулся Аброр.— Этого я не жду...

На пороге появился Рахим.

— Умар, зайди ко мне,— бросил он и вернулся в кабинет.

Парень поднялся и, выходя из торгового зала, сказал напоследок:

— Я могу сказать... Если не уйдете вы, тогда уйду я.

Урал, застегиваясь, вышел из уборной во дворе Аброра.

— А дворик у вас ничего,— сказал он Аброру, торопливо зашнуровавшему кроссовки на ступенях веранды.

— Поехали, поехали,— разгибаясь, сказал Аброр.

Выходя из калитки, они лицом к лицу столкнулись с матерью Аброра. Урал, не обратив на пожилую женщину внимания, прошел к стоявшей у калитки «Волге».

— Доброе утро,— смущенно остановился Аброр перед матерью.

— Доброе... Куда это ты, сынок?

— По делу.

— Здравствуйте,— сообразил наконец Урал, кто стоит перед ними.

— Здравствуйте... ну, а как же завтрак, хотя бы чаю попейте.

— Мы спешим,— пробормотал Аброр, берясь за ручку дверцы.— К вечеру буду.

— Не волнуйтесь,— весело бросил Урал и включил зажигание.

Мать проводила пикап встревоженным взглядом.

Машина остановилась посреди дачного поселка, у утопавшего в зелени домика. На площадке перед домиком стояли несколько легковых автомашин и микроавтобус.

В одну из машин сел теперь Гулямов. Увидев Аброра, он приветливо помахал ему рукой.

— С приездом! Как доехали?

— Порядок,— кивнул Аброр.

— Ну, я скоро вернусь, а вы пока отдохните в саду. Проводи, Урал!

Он сел в машину и уехал.

Аброр с Уралом вошли во двор и направились в глубь сада.

По двору сновали молодые люди, быстрые и молчаливые. На дереве висела туша барана. За деревьями дымил самовар. На веранде перед работающим видеоманитофоном в кресле спал мальчик лет пяти.

— А кто здесь живет?— спросил Аброр.

— Какая тебе разница... Хороший человек. Нам туда, к артистам,— показал он на суфу под виноградником.

Здесь уже отдыхали трое мужчин и женщина в национальном костюме.

— Здравствуйте,— поприветствовали они сидящих и забрались на суфу.

Артисты приветливо поздоровались, и двое из них продолжили свою беседу.

Сейчас говорил самый старший из

присутствующих. Лицо его освещала тихая улыбка, говорил он негромко и все время потирал палец, обернутый лейкопластырем. Его собеседник— холеный мужчина лет сорока— слушал его со снисходительной улыбкой, свободно откинувшись на бортик суфы.

— Нет, уважаемый Алишер, меня не интересует сейчас вопрос нужности или ненужности моего ремесла,— говорил пожилой.— В конце концов не я изобрел дойру, она понадобилась. А народ ничего не создает зря. Просто дело в том, что мы странным образом отделились от нашего народа, потеряли с ним связь. Стали петь и играть чужие песни и перестали быть понятными. Вы и без меня прекрасно знаете, что у нас сейчас играют на свадьбах. Это же бог знает что! Чего там только нет! Кого это радует? Кому это нужно?

— Бросьте, Шариф-ака,— махнул рукой холеный.— Раз людям нравится, значит, нужно. Мы должны петь и играть то, что требуется, иначе нас всех прогонят. Сегодня от вашей дойры требуется дробь определенного ритма, так что, будьте добры, барабаньте. Скажите спасибо Гулямову, что он дает вам возможность играть то, что вам хочется, что вы называете настоящим искусством, духом народа, которому вы безразличны... Должен заметить, играете не бесплатно.

— Да бог с ним, с Гулямовым,— поморщился дойрист.— Настоящее искусство всегда доходило до сердца народа именно потому, что артист говорил о своих личных чувствах, знакомых и понятных каждому человеку. Так неужели мы перестали страдать и чувствовать? Но это не так. Так почему же все заполонили пошлые песенки о чужой жизни, однообразные, безликие мелодии? Для меня в этом кроется серьезный упрек— значит, что-то происходит со мной. Любое искусство прекрасно, когда музыкант, художник, певец наделён такими свойствами, как достоинство, внимание ко времени, интуиция. Значит, мы лишились всего этого?

— Не нужно себя обманывать, дорогой Шариф-ака.— Что вам еще нужно, кроме сознания, что вы превосходный дойрист? Или вам мало платят за это?

— Не валите всё в одну кучу,— хмуро произнес дойрист.

— Нет, ошибаетесь!— воскликнул певец.— Это вы пытаетесь все запутать!

Достоинство? Прекрасно! Интуиция, внимание к людям—замечательно! Но вам простится отсутствие и первого, и второго, и десятого, если вы хороший музыкант... Я ведь понимаю, к чему вы клоните... Подавляющему большинству людей наплевать, что вы там чувствуете. Дробь? Да! Это нужно! И именно поэтому мы с вами здесь! Я прав, Гульбахор?—заканчивая, обратился он к женщине.

— И не надоело вам?—со скукой в голосе произнесла она.

Певец усмехнулся.

— Вот так,—развел он руками и спустился с суфы на землю.

Дойрист сидел, уронив голову. Аброр задумчиво смотрел перед собой.

На веранду вышла молодая прекрасная женщина, подняла с кресла мальчишку и унесла его в дом, нашептывая ему на ухо ласковые слова. На экране телевизора плясали рисованные звери.

— И чего вы добиваетесь?—вздыхнул Урал, кушая яблоко с ножа.—Все же в порядке.

Закатав рукава, Урал мыл котел. Рядом, отгоняя ножом ос, резал мясо Аброр.

Через сад к ним шел Гулямов.

— Как дела?—спросил он, подойдя.

— Все в порядке, хозяин!—бодро отозвался Урал.

— Хорошо,—кивнул Гулямов.—Тут что, что-нибудь произошло без меня?—озабоченно спросил он.

— Да нет вроде,—Урал вопросительно взглянул на Аброра.

— А в чем дело?—спросил тот.

— Ерунда, разберемся... Урал, проводи меня,—бросил он и пошел назад.

Урал кинулся за ним.

Гулямов догнал дойриста на горной дороге, ведущей к городу. Машина встала, перегородив старику путь.

— Далеко собрались, Шариф-ака?—вышел к нему Гулямов.

Тот не ответил.

— Нехорошо, люди ждут,—продолжал Гулямов.

— Извините, но я не могу сегодня играть.

— Почему?

— Не хочу.

— Что же делать?—устало проговорил Гулямов.—Вы же меня подводите.

— Мне очень жаль,—пробормотал дойрист.—И не приглашайте меня больше, я не приду.

— Успокойтесь, Шариф-ака, это пройдет... Где мы еще найдем такого дойриста, как вы?

— Это не мое дело.

— Может, вы хотите, чтобы я вам добавил?

Дойрист усмехнулся.

— Прощайте.—Он прошел мимо Гулямова.

— Одну минуту,—остановил его тот.

Дойрист вопросительно взглянул на него.

— Дайте мне вашу дойру,—Гулямов протянул руку за инструментом.

— С какой стати?—испуганно отпрянул от него старик.

— Я найду, кто будет играть.

— Никому я ее не отдам! Это дойра моя и ничья больше!

Гулямов холодно взглянул на него.

— Не заставляйте меня преступать порог почтения к вашему возрасту...

Широко раскрытыми глазами дойрист смотрел на него.

Тот легко высвободил из его пальцев футляр с дойрой и вернулся в машину. Она тут же сорвалась с места, с визгом развернулась и умчалась назад, в поселок.

Дойрист остался на дороге один.

К очагу Аброра подошел молодой парень и стал прогревать дойру над жаром.

— А где Шариф-ака?—спросил Аброр.

— Да психанул чего-то, дурачок, домой смылся,—шурясь от дыма, ответил парень.

— И кто же теперь будет играть?

— Да я и буду!—весело ответил парень.

— А ты умеешь?—насмешливо спросил Аброр.

— Отстучу как-нибудь...

Аброр мрачно следил за его неловкими движениями.

Барно и Аброр шли по аллее парка. Аброру приходилось подлаживаться под торопливые шаги девушки.

— Куда вы так мчитесь?—наконец спросил он.

— Никуда,—она замедлила шаги.

— Что с вами?

— Ничего... Давайте сядем,— она шагнула к скамейке.

Аброр остался стоять.

— Я же вижу, с вами что-то происходит.— Пристально глядя на нее, Аброр спросил:— Что-нибудь дома?

— Дома,— усмехнулась девушка.— Дома полным ходом идет подготовка к свадьбе... Я даже чувствую себя лишней.

— Вы так говорите, будто для вас нет ничего неприятней,— он отвернулся.— Если это так, то все еще не поздно отменить.

— Да при чем тут это!— вскинулась на него девушка.

— Ну а в чем тогда?

Девушка на мгновение замялась, и затем выпалила:

— Да в том, что я не люблю вас, понимаете?

Аброр застыл.

— Как, совсем?— упавшим голосом спросил он.

Девушка спрятала лицо в ладони и покачала головой.

— Понятно... Ну, я пошел. Прощайте.

Он повернулся и, все ускоряя шаги, стал удаляться от скамейки.

Как только Аброр вошел в комнату, он сразу же увидел мать.

Она стояла у стола, сурово поджав губы.

На столе он заметил несколько сотенных бумажек.

Аброр устало оперся плечом о косяк.

— Как ты вырос,— покачала мать головой.

— Что делать...— Аброр пожал плечами.

— И ты, вероятно, нравишься себе?

— Как выяснилось, я могу делать то, чего никто не умеет. Сознать это приятно.

— Значит, поэтому ты бросил магазин?

— Меня там ничто не держало. Попал случайно, ушел закономерно.

— Ты уверен в этом?

— Что-нибудь да должно было произойти, по-старому больше продолжаться не могло.

Мать задумалась.

— Значит, ты сейчас не слушаешь меня?

Аброр промолчал.

— Все равно я хочу, чтобы ты

знал— мне неприятен такой заработок, мне неприятны эти деньги. А если я до конца поняла тебя, то мне неприятен и ты. Думаю, отец бы воспринял такой способ зарабатывать деньги как позор.

Она ушла в свою комнату.

Аброр застывшим взглядом смотрел на сотенные бумажки на обеденном столе.

Кругом высились горы.

От очага вниз, к двухэтажному коттеджу под железной крышей, сбегала пологая тропинка между зарослями низкорослого кустарника. С высоты была видна аккуратная площадка перед коттеджем и несколько легковых машин на ней.

Рядом с очагом, отчаянно размахивая топором, Урал колот дрова.

Сам Аброр уже давно следил за клубящимся над котлом голубоватым дымком, шедшим от раскаленного масла.

— Гляди, сейчас загорится,— предостерег Урал.

Аброр не двинулся.

От коттеджа к ним спешил мужчина.

— Эй, погодите, остановитесь!— донеслось до них.

— Что такое?— недовольно пробормотал Урал, обернувшись на крик.

Мужчина приблизился к ним и, задыхаясь, сказал:

— Сворачивайтесь. Сегодня плов делать не нужно.

— Да в чем дело? Объясните толком.— Урал отбросил топор в сторону.

— Ничего не знаю, но все спешно уезжают,— сказал мужчина и убежал назад.

От коттеджа одна за другой отъезжали машины.

— Я сейчас.— Урал бросился было вниз.

— Назад!— остановил его Аброр.

— Что?— непонимающе уставился на него Урал.

— Лук!— скомандовал Аброр.

В эту же секунду над котлом взвилось пламя— загорелось масло. На мгновение замешкавшись, Урал бросился выполнять приказание. Аброр опустил лук в котел, и пламя погасло. Аброр энергично заработал шумовкой.

— Мясо!— вновь скомандовал он.

— Какое мясо?! Вы что?!— завопил Урал, однако кинулся за миской с мясом.

Аброр аккуратно выложил куски крупно нарезанного мяса поверх шипящего лука.

— Ну, и что вы делаете? Куда мы потом такую гору плова? Все же уехали,— продолжал возмущаться Урал.

Аброр, не обращая внимания на него, самозабвенно отдавался своей работе.

Урал с тоской оглянулся на коттедж, где на площадке оставалась лишь его «Волга».

Пикап остановился у большой загородной чайханы вблизи дороги, укрытой кроной столетнего чинара.

Аброр помог Уралу донести таз с пловом от машины к чайхане, вверх по ступеням пологой лестницы. Лил дождь.

У площадки под навесом Урал подхватил таз и дальше понес его один. Аброр остался ждать.

Его внимание привлекла группа стариков, расположившихся под навесом, и их песня. Отряхивая капли с мокрой головы, Аброр прислушался.

Старики пели, поочередно подхватывая куплет. Допев свою партию, каждый из них молча смотрел на дождь, покачиваясь из стороны в сторону, в такт мелодии.

Из глубин чайханы вернулся Урал.

— Все в порядке, пристроил,— сообщил он.— Чайханщик обрадовался. Конечно, а то сидят тут, с утра до вечера глотки дерут, пустым чаем перебиваются.— Он оглянулся на стариков. Затем спросил Аброра:— Ну что, поехали?

— Постоим,— сказал Аброр, продолжая слушать.

— Дождь,— поежился Урал, глядя на небо. Но остался.

Они сидели в машине перед закрытым железнодорожным переездом. Мерно работали стеклоочистители: продолжался дождь.

Аброр склонился над игрой.

— Зря мы все-таки с чайханщика денег не взяли,— вдруг сказал Урал.— Он-то небось потрянет пенсионеров.

Аброр промолчал.

— И чего это вдруг наши смылись?— вспомнил Урал, глядя в окно.— Дождя, что ли, испугались?..

С адским грохотом ворвался на переезд пригородный поезд.

Гулямов некоторое время молча ходил по своему кабинету.

Аброр ждал.

Наконец Гулямов вернулся к столу и, шумно вздохнув, начал:

— Случилось несчастье, Аброр... Умер наш друг, очень большой человек. Не говоря уже о трауре, положение крайне нелегкое. Сейчас все будет меняться. В сложившейся ситуации нам важнее всего не потерять друг друга. Это все временно... Тебя, конечно интересует, как эта ситуация коснется лично тебя. Теперь, сам понимаешь, не до пикников. С другой стороны, тебе надо как-то трудоустроиться, ты ведь не собираешься возвращаться к Рахиму?.. Ну вот. А посему у меня есть к тебе предложение, которое, я надеюсь, ты не откажешься принять...

Крошка-мотороллер с сухим треском двигался по проспекту в общем потоке машин. Затем свернул к ярмарке и встал у лагманной.

Здесь, прямо на улице, стояли столы с задранными на них стульями. На двух стульях, стоявших на земле, вытянув ноги, дремал Аброр. В стороне стоял очаг с огромным прокопченным котлом.

Лагманная была еще закрыта.

Водитель мотороллера открыл дверцу фургончика, и оттуда вывалился Хусан—кочегар и помощник Аброра.

— Аброр-ака, подъем!— крикнул он.

Аброр досадливо поморщился, открывая глаза.

— Что ты все время орешь?— проворчал он, вставая.— Разгружайте!

Хусан с водителем стали вынимать из фургончика мешки и свертки. Между делом Хусан сообщал последние новости:

— В ресторане суматоха! Целый час продукты получали. Буфетчика потеряли, уборщицы ржут, рожки у всех зеленые! Гулямов в такую рань уже в своем кабинете. Мимо него все на цыпочках ходят.

Аброр молча подписал накладную, и мотороллер укатил.

...Спустя некоторое время ярмарка ожила. Открылись двери магазинов. Громко и по-утреннему весело переговаривались продавцы соседних магазинов, поливая асфальт под витринами. Распахнули свои дверцы автолавки, расцвели кооперативным товаром. По-

казались первые нетерпеливые покупатели.

Зашевелились и в лагманной. Открылись окна раздаточных, паренек в белой курточке опускал на землю стулья, переходя от стола к столу.

Ошпаз и его помощник уже засыпали в котел промытый рис.

Из дверей лагманной выкатился толстяк с чайником в руках. Он неторопливо прошел за столик, сел и, налив себе чаю, стал со стороны наблюдать за Аброром и Хусаном.

— Опять приперся,— заметил его Хусан.— Делать ему, что ли, нечего...

Аброр коротко взглянул в сторону толстяка.

Тот невозмутимо потягивал чай из пиалы.

...Хусан подскочил к окошку раздаточной.

— Соседочки! Где наши тарелочки?— постучал он по раме, как по дойре, отбивая ритм.

Улыбчивая судомойка поставила перед ним стопку тарелок.

— Народ уже собирается!— с гордостью сказал Хусан.— А вы все еще держитесь?

— А нам бояться нечего,— заносчиво ответила девушка.

— Это из-за слабой заинтересованности!— отметил Хусан.— Иначе бы вы сразу почувствовали приближение экономического краха! Ведь скоро ваш лагман пойдет в нагрузку к нашему плову!

— Пижоны!— фыркнула вторая девушка, появляясь в окошке и выставляя новую стопку тарелок.

— Ну-у! Это вы скажите тем собакам, которые толстеют от вашего лагмана. Скоро они станут величиной со слона каждая! Поделюсь тайной— мой шеф готовить хуже не собирается. Жуткий человек!

— Это правда, что он холостой?— смеялись девушки.

— Спросите сами.

— Страшно. Посмотришь на него и подойти побоишься!

— Могу составить протекцию,— он подмигнул девушкам, объединил обе стопки тарелок в одну и унёс их к котлу.

Аброр уже перемешивал готовый плов.

— Аброр-ака, давайте отберем у них помещение. По-моему, это будет только справедливо. Наш котёл сразу при-

обретет индустриальное значение, мы станем солидной фирмой. Этого пузыря,— Хусан через плечо кивнул на столик, где утром сидел толстяк,— отправим на пенсию, женимся на судомойках. Пора ставить дело на широкую ногу!

Аброр стянул с себя белую куртку и бросил ее на стол.

— Я тут сто лет торчать не собираюсь,— проговорил он.— Принимай котел, вон уже твои покупатели собираются.

— Нету в вас размаха!— посетовал Хусан, берясь за шумовку.

Аброр направился в посудомоечную лагманной мыть руки.

Девушки притихли и исподтишка следили за ним. Одна из них протянула Аброру полотенце.

— Спасибо,— смущенно поблагодарил он, торопливо вытер ладони и вышел на улицу.

У котла вытянулась длинная очередь. Слышались возгласы Хусана:

— Подходи, налетай! К нам на плов не опоздай! Даже если ты и сыт— наш плов вернет твой аппетит! Кто отведал— тот в раю! Кто пока нет— в пути к нему!

Очередь с одобрением глазела на зывалу.

Аброром внезапно овладела ярость. Он решительно подошел к Хусану, рывком развернул его лицом к себе.

— Немедленно заткнись! Понял?!— злобно бросил он, отпустил его рукав и смешался с ярмарочной толпой.

Хусан проводил его изумленным взглядом.

...У самого выхода с ярмарочных рядов Аброр внезапно столкнулся с Рахимом и Умаром.

— А, Аброр,— дружески кивнул Рахим.— Слышал, слышал о твоих подвигах. Вся ярмарка только и говорит что о твоём плове. Молодец! Я в тебе не сомневался.

Он и Умар, сдержанно молчавший все это время, сели в «Жигули».

— Заходи в гости, не забывай старых друзей. Мы-то тебя помним,— сказал Рахим на прощание, и машина отъехала.

Поздно вечером Аброр в халате вышел на улицу.

У калитки стояла «Волга»-пикап. За рулем сидел Гулямов.

— Не разбудил?—спросил он.

— Нет, я еще не ложился.

— Как дела?

— Порядок.

— Как твой помощник?

— Справляется.

Гулямов вздохнул:

— Ничего, потерпи еще немного... Я вот зачем приехал. Не хочешь со мной на рыбалку смотаться? А то я одурел от дел, хочется немного отдохнуть.

Аброр помедлил с ответом.

— Что, нужно плов готовить?

— Как захочешь, можем и не готовить. Я ведь тебя попросту приглашаю, вдвоем съездить. Ночной лов, тишина. Поговорили бы о том о сём. Завтра вечером дома были бы.

— Спасибо, но я никогда этим не увлекался, удочки в руках не держал. Да и мать одна.

— Жаль,—разочарованно произнёс Гулямов.

— А вы возьмите Урала,—предложил Аброр.

Гулямов вскинул на него взгляд.

— Да нет уж, спасибо... Ладно, поехал я. Будь здоров.

...Вернувшись во двор, Аброр увидел мать, стоящую на ступенях веранды.

— Почему не спите?

— Это был он?—после паузы спросила она.

— Кто—он?

Мать вновь выдержала паузу.

— Скажи, ты веришь ему?

Аброр опустил голову.

— Не знаю, мама.

— Не надо, Аброр, прошу тебя!

— Ну что вы,—мягко проговорил Аброр, поднимая на нее взгляд.—Не думайте, что он значит для меня слишком много, что я боюсь его. Обещаю вам, что до этого я не допущу.

Он подошел к матери, обнял ее за плечи.

— Сейчас я не могу от него уйти. Он может это неправильно расценить, а для меня это очень важно.

— Я все же боюсь за тебя,—покачала мать головой.—Скорее бы твоя свадьба. Заживем мы тогда тихо и счастливо...

Аброр промолчал.

На следующий день Хусан и водитель мотороллера выложили перед Аброром, среди прочих продуктов, лоток с куриными тушками.

— Что это?—нахмурился Аброр.

— Мяса нет,—развёл руками Хусан.—Гулямов велел делать из курятины.

— Он что, с ума сошел?..

Хусан пожал плечами.

— Убирайте лоток назад,—решительно проговорил Аброр и направился к телефонной будке.

Абонент не отвечал. Аброр раздраженно бросил трубку и вернулся к котлу.

— Значит так, деньги есть?—спросил он Хусана.

Тот достал из кармана трешку.

— Ладно, ждите меня здесь.

— Погодите,—начал догадываться Хусан.—Вы что, хотите за свои деньги на базаре баранину покупать? Это же две сотни!

— Ничего, есть у меня зачка...

— Да вы что! На фиг вам это надо!

Аброр гневно взглянул на парня.

— Плов делается из баранины! Ясно?—заорал он ему в лицо.—И ты поедешь и привезёшь мне её! Самую свежую на всем базаре!

Спустя несколько часов к котлу Аброра вытянулась уже привычно длинная очередь. Аброр сам продавал свой плов, взвешивая порции на весах. В очереди стоял оживленный гул. Получив свою порцию, люди благодарили ошпаза и отходили за столики. Все они были заполнены клиентами Аброра.

Из окошка лагманной на бойкую торговлю соседей смотрели скучающие лагманщики.

К котлу подошел унылый Хусан с пустым лотком.

— Вот,—протянул он Аброру деньги.—Куры поднатужились и снесли золотое яичко стоимостью в пятьдесят семь рублей.

Аброр молча сунул деньги в карман.

— А если и завтра баранины не будет?—пристально глядя на Аброра, спросил Хусан.

— Тарелки кончаются,—заметил Аброр.

Хусан вздохнул и, волоча лоток, пошел к посудомоечной.

...В конце рабочего дня двое работников лагманной вынесли из дверей огромный бак с пищевыми отходами.

В стороне, за столиком, отдыхали Аброр и Хусан. Хусан проводил лагманщиков насмешливым взглядом и посмотрел на Аброра.

Тот был невозмутим.

— Эх, Аброр-ака,—вздыхнул парень.— Счастливым вы человек...

— Да?

— Конечно! Такое дело у вас в руках. А ведь вы, мягко говоря, еще не такой старый человек. Все у вас еще впереди. А я вот ни черта не умею.

— И чтобы ты сделал, если бы умел?

— Как что?! Все! У меня было бы все—почет, ученики, деньги! Из каждой калитки—«Ассалом алейкум, усто! Прошу, прошу вас, проходите. Нет-нет, не сюда, а вот сюда, повыше...» Походка и та изменилась бы. Стал бы благообразным, медлительным, как мулла на прогулке. Женился бы на дочери врача. Собачку бы купил, маленькую, стограммовую. Зубы бы ей чистил,—со вздохом закончил Хусан.

— Не густо, приятель...

— А так что? Этой осенью пойду в армию. Хорошо. Вернусь. И что дальше? Через год отец женит. Через два года уже будет двое детей. Через три начну играть в домино, и с места меня уже не сдвинешь. А еще через пару лет и живот появится—и всё! И никто не скажет: «Хусан, ты живешь плохо, безобразно живешь!»

— И всё потому, что ты ничего не умеешь?

— Да нет, конечно, не только поэтому. Но когда у тебя в руках есть дело, всё сразу становится по-другому,— задумчиво проговорил Хусан.

В это время на ярмарку с шумом вкатился и встал перед лагманной большой и пыльный «КрАЗ». Выпустив густое черное облако, он замер. Из кабины прыгнул гигантского телосложения мощный водитель. Подойдя, он остановился перед ними, бесцеремонно разглядывая парней.

Те молча ждали. Наконец Хусан сказал ему:

— Плов уже кончился, приятель, увы!

Гигант уставился на него.

— Ты Аброр?

— Нет,—покачал головой Хусан, слегка оробев от твердого взгляда гиганта.

— Я Аброр, что вы хотели?

Незнакомец смерил Аброра оценивающим взглядом.

— Отойдем,—сказал он и пошел к своей машине.

— Если что—я здесь!—заверил Хусан Аброра.

Водитель ждал его, опершись на машину.

— Я брат Барно...

— Привет,—сказал Аброр.

— Не догадываешься, зачем я здесь?

— А что гадать, вы, наверное, сами скажете.

— Скажу,—сверля его глазами, проговорил гигант.— Ты что тянешь?

— Не понял...

— Не понял?

— Нет,—подтвердил Аброр.

— Ну, в общем, так—если вы завтра не подадите заявление, то послезавтра...—гигант сделал выразительную паузу.— Это, я думаю, понятно?.. Хватит её мороженым кормить, два месяца уже ходите... Всё!

Он рывком открыл дверцу, сел в кабину.

— Я повторять не люблю!— пробасил он с высоты. Двигатель взревел, «КрАЗ» качнулся и, сорвавшись с места, умчался.

— Кто это был?—подбежал к Аброру Хусан.

— Кто?—Аброр устало улыбнулся.— Мой будущий родственник.

Лил дождь. Капли вразной шлепали по опустевшим столам кафе-мороженого. Пробегали застигнутые ливнем люди. Задумчиво смотрела на дождь продавщица мороженого из своей будки.

Аброр и Барно стояли рядом, укрывшись от дождя под козырьком здания.

— Вы уж извините, что вам досталось из-за меня,—говорила Барно, глядя в сторону.

— Ничего... Надо же было когда-нибудь познакомиться с вашим братом.

— Я сегодня же все объясню дома, и вас оставят в покое.

— И что же вы им скажете?

Девушка резко обернулась и вопросительно взглянула на него:

— Неужели вы думаете, что нечего?

— Я думаю, что нечего.

Она отвернулась, глаза ее сердито засверкали.

— Конечно, вы ведь убеждены, что в этом наши с вами отношения ничего не решают, ничего не значат...

— Отчего же, кое-что значат...

— Конечно,—она усмехнулась,— для вас на моем месте могла бы быть любая другая, которую бы вам подыскала ваша сваха!

— У меня нет в этом большого опыта,— Аброр улыбнулся,— но этой допотопной свахе я буду благодарен всю свою жизнь...

Барно замерла.

— Эта сваха знает свое дело,— убежденно продолжал Аброр.— И вы не сможете меня убедить, что это не так...

Она повернулась, чтобы взглянуть ему в глаза.

— Как это понимать?— едва слышно произнесла она.

— Это случай, и понять его невозможно,— с улыбкой покачал головой Аброр.

— Вас так напугал мой брат?— гадала девушка.

— Да. С кем это вы два месяца ходите есть мороженое?

— Мама!— позвал Аброр, ступив на веранду.

Он зашел в комнату матери. Там было пусто. Он прошел в свою комнату.

— Мама?

Мать сидела на стуле и держала в руках коробочку с электронной игрой. Аброр улыбнулся, подошел к ней.

— Получается?

— Ничего я в ней не понимаю,— смущенно проговорила мать, протягивая ему коробочку.

— Это же очень просто. Хотите, научу?

— Да нет уж, спасибо... На улице дождь?— спросила она, заметив его мокрые волосы.

Аброр присел перед ней на корточки и заглянул ей в лицо.

— Что делать, мама, осень...

Перед лагманной стоял грузовик с откинутым бортом. Двое рабочих безуспешно пытались вытащить из котла отчаянно сопротивлявшегося Хусана. Здесь же стоял осиротевший очаг.

— Аброр-ака!— завопил Хусан, издав лека завидев Аброра.

— В чем дело?— торопливо подошел к ним Аброр.

— Эти идиоты хотят котел увезти!— сообщил Хусан, не вылезая из котла.

— Так хозяин приказал,— пояснил один из рабочих.

— Какой еще хозяин?

— Гулямов, конечно, кто же еще!

— А вы ничего не перепутали?

— Да чего там путать, адрес точный. Аброр помрачнел.

— Вылезай,— приказал он Хусану.— Поехали в ресторан, разберемся!— добавил он, обращаясь к рабочему.

Гулямов, осунувшийся, усталый, говорил тяжело, не глядя на Аброра.

— Точку надо закрыть. Временно. Этот идиот, директор лагманной, собирается жалобу подавать в управление общепита, что я ему своей точкой весь план ломаю... Мне только этого не хватало.

Аброр угрюмо молчал.

— Надо закрыть ему рот,— продолжал Гулямов.— Такие люди самые опасные. Копшатся, пищат под ногами и, улучив момент, кусают...

Он тяжело вздохнул.

— И что же нам теперь с Хусаном делать?— спросил Аброр.

Гулямов взглянул на Аброра, и в его взгляде промелькнуло смущение.

— Пойми, Аброр, ты ему своим пловом весь персонал разогнал,— проговорил он нерешительно.— Поверь, у нас нет другого выхода...

Аброр и Хусан вышли из дверей лагманной. Взявшись с двух сторон за ручки помойного бака, они выносили пищевые отходы.

— Смотрите, Аброр-ака...

Аброр поднял глаза и увидел, как двое рабочих грузят его котел в грузовик.

— Вот и все,— вздохнул Хусан.

— Чего вытаращился!— зло проронил Аброр.— Давай тащи!

У небольшого оврага они остановились и выплеснули содержимое бака. Хусан сплюнул:

— Гадость!

Аброр молча смотрел на растекающуюся жижу.

— Нет, Аброр-ака,— сказал Хусан.— Эта работа не по мне, уйду я ...

— Ну и правильно...

— А вы что ж, так и будете? А то махнём вместе? Вам устроиться— раз плюнуть. А я при вас.

Аброр промолчал.

— Ну, как хотите,— вздохнул Хусан.

Они стояли посреди пустыря, неподалёку от ярмарки. Осенний ветер легко трепал полы их поварских курток.

Аброр в своем дворе красил деревянные стойки веранды, когда во двор, воровато оглядываясь, вошел Урал.

— Пламенный привет!—негромко поздоровался он с Аброром.

— Привет,—удивился Аброр.— Откуда это ты?

— Гулямова взяли!—вместо ответа бухнул Урал.

Аброр устало опустил на ступени веранды.

— Сунулся я сегодня в ресторан, а там уже везде обехаэсэс!—рассказывал Урал, испуганно пуча глаза.—Мне сразу шепнули, мол, Гулямов попался, ну я ноги в руки... Там ничего особенного быть не может, я имею в виду нас с вами,—но все же... Вдруг...—Урал пожал плечами.

Аброр криво усмехнулся.

— Наше дело десятое—подай-принеси... Но в случае чего, я их всех под откос пушу!—И Урал тревожно засопел.

Непрерывно ползли из отверстий машины белые жгуты лагмана. Аброр, приставленный к ней, молча следил за ее работой.

Подошел толстяк—директор лагманной и встал рядом.

— Бог в помощь,—ласково произнес он.

Аброр насмешливо взглянул на него:

— И вам—не уставать!

— Собираетесь уходить от нас?

— Непременно!

Толстяк с сожалением покачал головой:

— Подумайте, могли бы отлично сработаться с вами.

— Сожалею.

— Ну, бог с ней, с работой... Надо ведь и о душе подумать. Так как у вас завтра со временем?

Аброр с любопытством взглянул на него. Глазки толстяка цепко смотрели в его лицо.

— Маленькая компания серьезных людей, тихая чайхана за городом и ваш легендарный плов...

— Ничего не выйдет,—Аброр вновь отвернулся.

— Да,—улышался он за спиной все тот же ласковый голосок.—Гулямов, бедняга, предупреждал, что ты парень с норовом... Но и я даром денег не трачу... Или ты думаешь, он тебя задешево уступил?

Аброр был ошеломлен...

— Уступил?

Толстяк сладко улыбался.

— А что ему оставалось? Благодаря тем деньгам, что он получил от меня, у него на суде будет на статью меньше. Видишь, как он дорожил тобой? Гулямов, конечно, пижон, но, я думаю, ты со временем и сам поймешь, что у меня тебе будет не хуже...

Тесто в аппарате кончилось, и мотор завыл, вращаясь в холостую...

Поднимался ветер.

Мать вошла во двор, оставила сумку у порога и стала торопливо снимать с веревки рвущееся из рук бельё. Вдруг что-то ее остановило. Встревоженная, она обернулась и увидела сына.

Он сидел на земле, привалившись спиной к стене дома. Ветер трепал его волосы. Глаза были пусты.

Мать осторожно подошла к нему и заглянула в его лицо. Он не пошевелился.

Она так же осторожно взяла его за руку и потянула за собой.

— Пойдем,—прошептала она,—пойдем со мной, зачем ты тут сидишь...

Ветер становился сильнее, его порывы резче и злее. С силой ветер обрелал и голос, наполняя двор пугающим воем.

Аброр уснул. Он лежал в своей постели, свесив голову набок. Мать сидела рядом и смотрела в его лицо. Шум молодой осени за окном не мешал ее воспоминаниям...

— В тот день, когда родился Аброр, выпал густой снег. Чистота и свет были беспредельны. Окружающий мир будто наполнился тишиной и ожиданием... Аброр пришел на свет слабым ребенком, страшно было просто держать его на руках. Мы с отцом все время боялись—выживет ли наш сыночек. Его сестра родилась мертвой за год до него, и мы уже знали, что такое потерять ребенка. Но разве это значит, что к этому можно привыкнуть... Сколько бессонных ночей мы над ним провели, скольких часов боли и отчаяния он стоил нам. Однажды ночью, когда ему было неполных три месяца, я вдруг проснулась, как от толчка. Отца дома не было, он где-то готовил... Я подошла к кровати Аброра и взглянула в его лицо. Он не спал, но лежал спокойно,

не плакал, не сучил ножками, а только легко перебирал пальчиками и смотрел на меня, тихий и серьезный. А я вдруг расплакалась и проплакала до самого утра. Но именно тогда я до конца, по-настоящему поверила, что мой сыночек выживет, обязательно выживет...

Аброр спал. Лишь на миг его лицо дрогнуло от болезненной гримасы — и снова покой...

Аброр вновь сидел за прилавком в магазине «Канцтовары».

— Аброр-ака, вас к телефону, — вышел из подсобки бодрый паренек — новый напарник Аброра по магазину.

Аброр прошел в кабинетик завмага.

На месте Рахима теперь сидел Умар. Вид у него был строгий, собранный.

— Я слушаю, — взял трубку Аброр. — Да, конечно, как договорились... Хорошо, Барно, я подожду. Постарайтесь недолго...

Аброр закончил разговор и хотел было выйти, но его остановил вопросом Умар.

— Когда свадьба? — Умар старался быть дружелюбным.

— Скажу...

Умар кивнул.

— Хорошо бы как-нибудь посидеть вместе, поговорили бы. Может быть, на свадьбе нужно будет чем-то помочь...

— Спасибо, — кивнул Аброр.

— Аброр-ака, — проговорил Умар, — я очень рад, что мы снова вместе... Поверьте, я говорю искренне.

— Я верю, — равнодушно проронил Аброр и вышел.

Умар, кусая губы, мучительно задумался.

В торговом зале Аброра поджидал сюрприз.

— Поздравляю с вещами! — сказал Хусан, обнажив обритую наголо голову. — Учебная рота младшего комсостава, строго конфиденциально!

— Значит, пора? — улыбаясь, спросил Аброр.

— Пора, Аброр-ака!

— Ну, будем ждать писем.

— Не дождетесь! Я, Аброр-ака, думаю, что писать письма имеют право только единицы. Ведь это тоже талант. А писать — я сегодня съел столько-то, пробежал столько-то, нарядов получил столько-то — не просто стыдно. В известной степени, Аброр-ака, это разглашение военной тайны!

— Убедил. Не пиши.

— Договорились, — кивнул Хусан. — А я пришел пригласить вас на проводы. Давайте на прощание устроим наш плов, пусть все попададут.

Аброр нахмурился и опустил голову.

— Все уже закуплено!

— Извини, братишка, — Аброр взглянул на Хусана, — но я больше не делаю плова...

— Вот тебе и на... А кто ж тогда делает? — изумился Хусан.

Аброр промолчал.

— Вы что, серьезно? — Хусан растерялся. — Ну ладно, просто так приходите, что ж делать... И ты приходи, — сказал он молодому напарнику Аброра.

— Спасибо, приду, — кивнул тот.

Хусан с сожалением посмотрел на Аброра.

— Побегал я дальше?

— Счастливо, — сказал Аброр.

Хусан потоптался на месте и вдруг громко сказал, обращаясь к молодому:

— Смотри, чтоб слушался Аброра-ака!

Аброр и Барно сидели на скамейке у самой воды.

Барно зябко поежилась. Аброр обнял ее за плечи и привлек к себе. Девушка вдруг испуганно отпрянула от него:

— Что это у вас?

Из бокового кармана рубашки Аброра доносился писк электронной игры. Аброр достал коробочку и с усмешкой взглянул на нее.

— А, старая знакомая! — засмеялась девушка. — Ну-ка, покажите, как в нее играть.

Она протянула руку к коробочке.

Однако Аброр коротким движением, без замаха, швырнул ее в реку.

С тихим всплеском коробочка ушла под воду.

— Зачем это вы?

— Считайте, что это жертва нашей реке, — снова притягивая девушку к себе, сказал Аброр.

— Реке? И о чем же вы ее просите? Аброр помолчал. Потом негромко ответил:

— А чтобы текла все время...

Поздним вечером Аброр возвращался домой в полупустом трамвае.

Оглянувшись, он увидел на сиденье Шарифа-ака, дойриста.

Старик был навеселе и мутным, неподвижным взором смотрел на улицу через стекло.

— Здравствуйте, Шариф-ака,— подошел к нему Аброр.

Дойрист поднял голову.

— Не узнаете?— улыбнулся Аброр.

— Обознались вы,— мрачно ответил дойрист.— Я вас не знаю. И вы меня не знаете!

Он поднялся и нетвердой походкой прошел мимо Аброра к выходу. В руке у него болтался футляр дойры. Встав у дверей, он угрюмо устался перед собой. Лишь перед самой остановкой он бросил на Аброра короткий взгляд и вышел на улицу.

...Поддерживая дойриста, Аброр нес футляр.

— Осторожнее,— предупредил он перед канавой.

— Чепуха,— проговорил старик.— Дойра моя у тебя, а остальное чепуха!

Они шли ночной махаллинской улочкой совсем одни.

— Сейчас зайдем ко мне, я тебе такую музыку поставлю—ни у кого такой музыки нет! На радио—одно барахло! Вот ты мою дойру слышал? Вот инструмент! Ни у кого такого нет! Как бабочка крыльями бьет, слышал? И моя так умеет,—с гордостью отметил он.— А вот и мой дом... Надо себя в порядок привести, неудобно перед женой...

— Да вы в порядке,— улыбнулся Аброр.

— Мне виднее!— упрямо проговорил старик, поправляя рубашку и галстук.— Все, пошли!

— Шариф-ака, поздно уже. Давайте в другой раз.

— В другой?— старик задумался.— Ну, в другой так в другой... Где моя дойра?

Аброр отдал ему инструмент. Старик вздохнул, оглянулся на свой дом и вдруг спросил глухим голосом:

— А Гулямова, значит, арестовали?..

— Да.

Дойрист горько усмехнулся.

— Боже, какая глупость! Нашли себе утешение. Сами себя за глотку держим, а еще орем—помогите, помогите!.. Знаешь, как больно бывает!.. А ведь видишь ли, хотелось, чтобы не было боли, чтобы сплошное наслаждение.— Он с досадой махнул рукой:— Пойду... А ты, значит, тоже пошел? Не зайдешь?

— Спасибо, не могу.

— Ну, как хочешь... Будь здоров.

Старик поплелся по переулку, но вдруг остановился.

— Эй, парень, а ведь я так и не пробовал твоего плова! А? Так что смотри!— погрозил он пальцем и продолжил свой путь.

Аброр торопливо шел по улице и уже издали увидел у своего дома легковую машину. Он невольно замедлил шаги.

Возле машины стоял Урал, при виде Аброра бешено замахаивший руками в знак приветствия. Отворилась передняя дверца, и на дорогу вышел Рахим. Оба они широко улыбались.

Аброр шел все медленнее. Он приближался к ним и не мог понять—чему они радуются?

С ДИСТАНЦИИ ВРЕМЕНИ

Знатоки могут найти в сценарии «Наташкина любовь» не одно нарушение законов киносценариста: что-то в составе событий сценария остается так и не объясненным, где-то в поступках персонажей не хватает мотивировок, не все действующие лица обрисованы с должной степенью выразительности... Но почему же, читая сценарий и замечая те или иные недостатки, постепенно все более и более подпадаешь под его очарование?

Потому что — это понимаешь окончательно, когда переворачиваешь последнюю страницу, — перед тобой талантливое произведение.

Научиться законам киносценариста можно, научиться быть талантливым нельзя.

В сценарии «Наташкина любовь» — в его строках и между ними — разлита, живет и дышит трудно определяемая духовная материя своего, какого-то очень ясного и свежего отношения к изображаемой жизни. Понимаешь, что, кроме Алексея Ярушникова, так о деревенской жизни не напишет никто. Может быть, лучше, может быть, по-другому, но не так.

И написан сценарий, как это водится в хорошей литературе, своим языком, заимствованным не от кого-нибудь, а от народа — простыми русскими словами.

Из духовной атмосферы сценария проступают, его словами вырисовываются образы людей, которых автор любит, которые становятся близкими и нам.

Не от того ли, что сценарий «Наташкина любовь» рассказывает о вечных категориях жизни, он несколько не устарел, хотя был написан очень давно — в самом начале семидесятых годов? Обстоятельство удивительное, ибо известно, как быстро в кинематографе дряхлеют сценарии.

И другое поражает: где были глаза режиссеров, когда еще в 1971 году сценарий появился на киностудии «Мосфильм»? С тех пор с ним знакомились многие, но годы шли, а сценарий не ставился. Запускались в производство десятки, сотни ремесленных, бесталанных поделок, а «Наташкину любовь» никто не приветил.

И способный молодой человек из города Каменска-Уральского, выпускник сценарного факультета ВГИКа 1968 года, увы, как это слишком часто бывает у нас в кино, уходит из него. Дарование начинающего писателя замечает Александр Трифонович Твардовский, рассказ Алексея Ярушникова печатается в «Новом мире». Однако наш выдающийся поэт и собиратель талантов умирает, и для Алексея Ярушникова наступает череда нелегких лет, трудности которых ему удастся преодолеть

только благодаря своему неиссякаемому жизнелюбию да с помощью друзей, уверенных в его таланте.

А тем временем продолжается естественный ход вещей: у Алексея Ярушникова рождаются сын и дочь, он пишет рассказы, которые потихоньку начинают печататься в детских журналах. И вот уже выходит его сборник рассказов для детей, а вскоре выйдет и второй.

Но Наташкина-то любовь существует по-прежнему, бабка Лукьяниха все еще воюет с черным козлом, и налетает бесшумно на огонь ночная птица сова. Все это — живое, талантливое — просится на печатные страницы и на экран. Как же хорошо, что первое осуществилось! Авось осуществится и второе!

Будем верить, что взиковец Алексей Ярушников вернулся в кино.

Леонид Нехорошев

АЛЕКСЕЙ ЯРУШНИКОВ НАТАШКИНА ЛЮБОВЬ

С кошенные луга. Стога сена стоят шлемами сказочных богатырей. Между стогами мчится-петляет далекий мотоцикл.

Наташке Лукьяновой едва исполнилось восемнадцать. Она была высока, худа, по-мальчишески стрижена, шея просвечивала на солнце. Черные брюки и легкая кофточка сидели на ней ладно. Наташка ехала с Яшей на мотоцикле. Ему было лет двадцать пять. Тоже худой и длинный, лицо губастое, мягкие льняные волосы плескались на ветру. Наташка крепко держалась за плечи парня.

Яша повернул мотоцикл к одинокому дому на берегу, лихо подъехал и затормозил. Три громадных волкодава выскочили из-под крыльца, залаяли на Яшу и его сверкающий никелем и яркими красками новенький мотоцикл, но Наташка спрыгнула с мотоцикла, схватила палку и вытянула ближнего пса по хребтине:

— Пошли вон!

Пес заскулил и убрался боком под крыльцо, двое других заюлили хвостами, полезли было ласкаться, но Наташке уже было не до них.

Прямо перед крыльцом в деревянном корыте с водой сидела трехлетняя девочка, в платье и ботинках. Она черпала воду ладошками, поливала себе на стриженую голову, вода грязными струйками стекала по щекам и подбородку. Наташка выхватила девочку из корыта, стянула мокрое платье, ботинки, вытерла рукой лицо и поцеловала.

— Зачем в грязное корыто забралась? — и еще раз поцеловала. — А где, Галя, остальные?

Девочка посмотрела на Яшу, на его мотоцикл и застенчиво улыбнулась.

Наташка с Галей на руках срывала крючки и откидывала с окон тяжелые скрипучие ставни.

— Так в темноте и сидите! — говорила Наташка.

— Я не сиюю, я гуляю, — медленно тянула девочка, уткнувшись в Наташкино плечо.

На крыльцо, подтягивая брюки, выкатил заспанный отец. Гольй по пояс, с разлохмаченными волосами, он скреб худую бледную грудь и зевал:

— А, гром и молния! Явилась, значит, к родному очагу! — Ростом отец был небольшой, измятое лицо чернело щетиной. Он ехидно скривил губы, сделал низкий поклон и показал руками на дверь. — Милости прошу, доченька моя! И вас, и вас приглашаю в гости, молодой человек!

Наташка с ненавистью посмотрела на отца:

— Побрейся... ты!

— Для кого мне форс наводить? Вы фиглями-миглями, пожалуйста, занимайтесь, а мне это как-то вовсе ни к чему!

Наташка, все с Галей на руках, решительно поднялась по ступенькам, прошла мимо отца, но дверь распахнулась, и на крыльцо, чуть не сбив ее с ног, выбежали еще три девочки и мальчик, мал-мала меньше. Девочки лезли к На-

ташке на руки, целовали ее, обнимали и кричали:

— Ур-р-р-а-а!..

— Наташа приехала!

— Наша Наташенька!

Голопузого мальчика в суতোлке несколько раз сбили с ног, поэтому он отошел в сторону и строго спросил:

— Конфет привезла?

— Митя! Какой парняга уже!— только заметила его Наташка.

Она подхватила Митю на свободную руку, подняла, расцеловала и сошла с братом и сестрой к Яше:

— Ну-ка, дядя, угощай нас конфетами!

Яша достал из сумки кулек и протянул мальчику. Митя схватил кулек двумя руками, прижал его к животу и счастливо рассмеялся.

Сестренка постарше дернула брата за ногу:

— Скажи, Митька, спасибо... Скажи, а то другой раз, пожалуй, не привезут.

Митя не слушался, молчал, и тогда она сама сказала Яше и старшей сестре:

— Спасибо.

Наташка опустила Галю и Митю на землю, развернула кулек:

— Так, Митенька... А сейчас мы всех угостим. И Гале, и Тане, и Оле, и Лиде.

Сестры по очереди протягивали руки. Наташка доставала конфеты из кулька, а Митя хмурился больше и больше и еще крепче прижимал кулек к животу. Когда кулек почти опустел, Митя вдруг всхлипнул и заревел.

Бабка Лукьяниха вся насквозь светится, до того она суха и стара. А глаза ясные у Лукьянихи, и лицо с детский кулак. Она сидела в светлой просторной горнице за столом.

— Мне ее Семен восьмимесячной привез. Из больницы взял, ко мне заехал и лопочет пьяным языком: «Врачи сказали, не жилища она». Развернула я пеленки, глянула— и зашлась страхом моя душа: кожа да кости у внученьки моей. Вся чирьями покрыта, синюшная и не дышит, кажется, уже. А Семен едва на ногах стоит и еще просит на бутылку. Заплакала, затопала, закричала на него, а потом дала денег и взащей погнала: «Пооди прочь, пропащий человек!» И ушел прочь пропащий человек, а Натальюшка осталась у меня. По десять раз на день внучень-

ку купала в отварах трав— отступила хворь, поднялась на ноги болезная моя. К году Натальюшка моя округлилась, разругилась, топочет резвыми ножками, а голос колокольчиком звенит. Опять однажды нагрязнул просить денег на вино Натальин отец. Увидел девочку и сначала не поверил своим глазам, притих даже. «Воскресла!»— говорит. Только он к тому времени пропил совесть до конца. Тут же усмехнулся и сказал: «Я, мамка, Наталью специально для тебя родил. Манной кашкой будет на старости кормить». Спасибо, говорю, сынок. Помнитца, даже в ножки поклонилась ему. А он чертом оскалился и опять потребовал денег на вино. «Не дашь, я мигом Наталью заберу!» Да, так и сказал. А я ответила: «Сейчас, сыночек, маленько подожди. Мои денги в сенках на полочке лежат» Вышла в сенки, взяла топор и с топором встала перед сыном и Натальиным отцом. Я, верно, осатанела тогда. Вскочил с лавки испуганно Семен, попятился, на двор выскочил и с того дня оставил в покое Наталью и меня.

Лукьяниха захлюпала носом, слезы покатались по ее щекам. Бабка подняла широкий подол юбки к лицу и стала вытирать слезы.

Мария Тимофеевна, мать Наташкиного жениха, полная красивая женщина, толстые косы на голове уложены короной, сидела за столом напротив Лукьянихи. Ободряюще улыбнулась:

— Ну, а теперь-то чего слезы проливать. Радоваться надо. Какую ты невестушку вырастила нам!

— Я, сватьюшка, и радуюсь... А только обидно все равно. И сын мой тоже мог человеком стать, но вот спутался с вином и, можно сказать, погиб.— Лукьяниха посмотрела в окно и добавила:— Ровесники с Макаром...

В окно просматривался широкий двор. Двор этот был ухожен, постройки крепки. Большая вислоухая сука развалилась посреди двора и вылизывала своих маленьких щенят. Хозяин дома Макар Филиппович— отец Наташкиного жениха— все время рассказа строгал доску рубанком на верстаке под навесом, электродрелью высверливал отверстия, постукивал о стамеску молотком. Он делал длинную скамейку для длинного свадебного стола.

Лукьяниха, вытерев слезы, опустила и разгладила на коленях подол, попыталась улыбнуться:

— Ты, сватьюшка, не обижайся на меня, а только мне еще хочется на Наталью платье посмотреть.

Мария Тимофеевна поднялась, достала из шкафа белое свадебное платье. Лицо Лукьянихи осветила тихая счастливая улыбка. Она подошла к Марии Тимофеевне, осторожно огладила ткань платья рукой.

— И за стряпню не беспокойся. Все будет хорошо,— сказала Мария Тимофеевна.— Столы, думаю, соберем прямо на дворе. И вот свата со сватьей надо бы на свадьбу пригласить... Отец и мать все-таки...

На лицо Лукьянихи набежала тень. Бабка вздохнула:

— Наталью отправила с утра.

Снова огладила свадебное платье старой, морщинистой рукой, и счастливая улыбка осветила Лукьянихе глаза.

— Выдам замуж Наталью за Федора—и можно спокойно помирать!

Наташка надела клеенчатый фартук, растопила железную печку перед домом, грела воду и отмывала свою родню. В корыте сидел Митя, Наташка мылила ему живот, голову, спину. Пена шапкой стояла над корытом. Легкий ветер срывал клочки пены и уносил в поле. Здесь же, перед домом, Яша доставал из колодца воду, и колодезный ворот пронзительно скрипел. Отец сидел на крыльце, Наташка говорила ему:

— Смазать надо... Не надоело еще слушать.

— Он на меня не бросается,— ухмылялся отец и смотрел на колодец, истошный скрип которого, казалось, был для него сладчайшей музыкой.— Тебе мать, между прочим, за мыло хорошего нагоняя даст, весь припас на ветер пустила.

Вымыв детей, Наташка принялась за белье, и скоро на веревке заплескались Митькины штаны, девчоночьи платья, Галины ботинки. Ребятишки, чистенькие, с мокрыми волосами, сидели голые на бревнах и обсыхали на солнце.

— Жива еще Лукьяниха?— спрашивал отец.

— Не твое дело.

— Винишко, наверно, у нее стоит.

— Я тебе сказала, не твое дело. Где мать?

— За реку в гости ушла.

— А ты с похмелья опять?

— Хм, при нынешней системе не так просто похмелье раздобыть. Может, ты отцу родному в гостиницу привезла?

Лида, ей было восемь лет, взяла старшую сестру за руку и сказала:

— Папка у нас болеет. Когда я проснусь ночью, он кашляет очень. И вечером кашляет. Мы уснуть долго не можем, а мамка ругается и дерется. Пощечинами потчует его, велит немедленно замолчать. А папка кашляет опять.

Наташка нахмурилась:

— Он всю жизнь кашляет.

— Не знаю, а только мне жалко папку все равно.

К дому подошел Алеша, десятилетний мальчик, сухонький, ушастый, наголо стриженный. Мальчик нес ведро окуней, сверху чернела мокрыми перьями утка. На груди у Алеши висел транзистор и наигрывал бравурный марш. Увидев Наташку и Яшу, Алеша застенчиво улыбнулся, убавил громкость транзистора. Наташка хотела поцеловать Алешу, но он отстранился:

— Ладно, без нежностей.

Отец охнул, поднимаясь, взялся рукой за поясницу, подошел к Алеше, поднял утку брезгливо за шею, посмотрел на нее, опять бросил в ведро и вытер пальцы о штанину.

— Отдай псам, блохи одни. В сетке, наверно, болталась не один день.

Алеша скривил лицо:

— Сам съем. Чисти лучше рыбу и ставь варить.

— Нас Наташка сегодня обслуживает,— усмехнулся отец.

К дому на лошади вылетел Вася. В руке он держал короткое кнутовище, плетеный ремень свисал по гладкому боку лошади и тащился змеей по земле. Васе было лет шестнадцать. Он ухарски прыгнул с лошади, привязал ее к бревну, подскочил к Алеше и врезал ему по уху.

— Опять схапал транзистор!

— Подумаешь, поиграл немного.

Вася щелкнул брата по затылку.

— Скряга!—с ненавистью процедил Алеша.

Вася замахнулся кнутом.

— Скряга!—стойко повторил Алеша, снял транзистор с шеи и так грохнул его о землю, что бравурная музыка оборвалась, а пластмассовый корпус разлетелся на куски.

— Теперь, гадина, собери и подавись!—добавил Алеша.

И тут свистнул хлыст. Вася целил Алеше в лицо, но Алеша увернулся, упал на четвереньки и быстро встал:

— Скряга!

Вася занес руку с хлыстом для нового удара, Наташка встала перед ним и сказала:

— Только посмей!

— Посмею,— сказал Вася, глянул на Яшу и добавил:— Я все посмею, сестричка. Могу и тебя попотчевать кнутом.

Недалеко от дома стоял зарод сена. По берегу тянулось стадо коров. Передние коровы направились к зароду.

— Куда!— закричал Вася.— Я вам покажу!

Вася отвязал повод, вскочил на коня, оглушительно щелкнул кнутом и помчался к коровам.

А Алеша заплакал, из глаз брызнули слезы.

— Во-во, Наташка, слушай и смотри. Пригодится в жизни,— ухмылялся отец.

— Ты Наташку не трогай,— всхлипывал Алеша.— Ты сынка укороти... У тебя три сына в городе живут, и четвертый собрался удирать. Я тоже, если так, уехать могу. Себя уж всегда прокормлю. Да... Я вам не нянька.

Наташка присела к Алеше, обняла и поцеловала его:

— Хватит, Алеша.

— А чего они... Плевать я хотел. Убегу, и все.

Брюки на Алешке были отцовские, в них можно было усадить еще трех Алешек, застегивались на громадную светлую пуговицу, которая сияла на солнце фонарем.

— Позорник, не можешь перешить.

— Плевать я хотел,— всхлипывал мальчик.

— Хочешь на мотоцикле покататься?— спросила Наташка.

— Д-да!..— сказал Алеша, вытирая слезы кулаком.

— Яша, покатай.

Когда Алеша уселся на мотоцикл, заревел Митя:

— Я тоже хочу.

Усадили и его, голенького, на бак, впереди Яши, и они укатили в луга.

Наташкины сестры и отец сидели на бревнах. Наташка прощупала сушившиеся на веревках белье и под села к сестрам. Лида положила ей голову на колени.

На дороге показалась толстая жен-

щина, в мужском пиджаке и в болотных сапогах. Она шла вразвалочку, время от времени бросала в рот семечки, разгрызала их и сплевывала кожуру. Девочки попрыгали навстречу:

— Мама, Наташа приехала!.. Она нам конфет привезла и всех перемыла!

— Велика радость,— сказала мать, но по лицу и глазам было видно, что тоже обрадовалась приезду дочери.

Наташка встала, посмотрела на ее громадный живот и скривила губы. Мать перехватила ее взгляд, смутилась и бросила мужу:

— Сварили уху?

— Алешка отказался рыбу чистить.

— Пороть надо Алешку... Заставили бы эту принцессу.

— Мама, мне надо с тобой поговорить.

— Говори, я тебя за язык не держу.

Наташка, опустив голову, пошла в дом.

— Секреты,— усмехнулась мать.

Она направилась за дочерью в дом, скинула на лавку пиджак и села на табурет.

Наташка встала у окна, прислонилась к косяку спиной, повела глазами по дому. Убогая обстановка, грязный стол, невымытая посуда, мухи. На стене разбитое зеркало, над зеркалом висит ружье, на полочке среди расхристаных учебников и тетрадей постукивает будильник.

— Ты что, еще рожать собралась?— спросила Наташка.

— Собралась.— Мать отщипнула от черствой булки и стала медленно, лениво жевать.— Или нельзя?

В дом, покашливая, вошел отец. Наташка зло покосилась на отца, руки у нее опустились.

— Какие вы все-таки нищие. Ну хорошо, себя не уважаете, а детей-то за что?— Наташка посмотрела на мать.— Ты пол вымыть не можешь. Ты же заспалась и превратилась в корову, скоро в двери не пролезешь.

— Чего мне, мое дело рожать,— усмехнулась мать.

— Корова тоже рождает.

— Корова— телится,— сказал отец.

Мать потянулась:

— А ты все учишь. Учи, учи...

Посмотрим, как сама жить будешь. Судить легче.

— Только не так!

— Увидим.

— Не увидишь. Ни тебя, ни отца

близко к дому не подпущу.

— Тогда услышим. Не так уж и долго осталось ждать. Скоро свадьба-то?—спросила мать.

Наташка не ответила.

— Тебя спрашивают, принцесса,— сказал отец.

— Для вас свадьбы не будет.

— Неужели отца с матерью не позовешь?—с издевкой спросил отец.

— Лукьяниха мне отец и мать! И вы это знаете!

Деревенская улица.

Бабка Лукьяниха шла приплясывая. Палисадники, дома каменные, дома бревенчатые, казалось, вымерли. Старуха шла серединой улицы, маленькая, сухонькая, в чистой цветастой кофте, в широченной юбке до пят. Она взмахивала над головой белым, сдернутым с седой головы платком и, приплясывая, пела:

Ох, топнула я,
Перетопнула я,
Съела бурого теленочка,
Не лопнула я!

И тут откуда ни возьмись черный козел. Из каких ворот выскочил? Козел ударил Лукьяниху в бок, бабка чуть не упала от неожиданности, но вцепилась в рога и устояла на ногах. Козел хотел стукнуть бабку еще, мотнул головой, только старуха крепко держалась за рога. Тогда козел уперся рогами Лукьянихе в живот и стал подталкивать к огородному пряслу. Бабка сопротивлялась, но козел был сильнее, толкал и толкал. Прижал Лукьяниху к пряслу и стоит сопит. Лукьяниха ни взад, ни вперед, пнула козла резиновым сапогом и взмолилась:

— Сдурел, леший! Чем я тебе опять помешала? Шла и шла, пела и пела, отпускаяй давай!

Бабка попробовала оттолкнуть козла, да козел словно в землю врос. Заозиралась Лукьяниха: не придет ли кто на помощь, а улица была пустынна. Тогда Лукьяниха рассердилась и плюнула козлу в глаза:

— Вот тебе, бесовестная харя!

Пнула его что было силы сапогом и схватила рукой за бороду. Козел взревел и отскочил от нее. Стоит и смотрит на старую удивленно.

Бабка боком, боком от него да как припустила—где пятки, где носки, юб-

ка пузырем, резиновые сапоги хлоплохлоп друг о друга. Отбежала метров на двадцать, оглянулась: козел все на месте стоит, от удивления бородой трясет и хвостом трясет. Плюнула Лукьяниха в его сторону, поправила жиденькие волосики, повязала платок, одернула ситцевую кофточку, юбку и пошла дальше улицей. Идет не сутулится, а ноги сами собой опять заприплясывали. Старуха вдруг сдернула платок с головы, махнула им и тоненько запела-закричала:

Кострома, Кострома,
Государыня моя!
У нас есть для тебя
И кисель, и вода!..

Так, приплясывая, старуха и до своей избы дошла. От улицы дом отделила прохудившееся прясло, между двух прелых столбов висела легкая решетчатая дверь. Один столб уже почти падал, совсем набекрень. Лукьяниха подошла к покосившемуся столбу, подперла его плечом, хотела на место поставить, поднатужилась, но столб даже не пошевелился. Вышла бабка из-под столба, отряхнула руки.

Из огорода через дорогу закричала соседка:

— Похоже, Матвеевна, навеселе?
— Чего мне, от сваты иду!
— Когда свадьба-то?
— Послезавтра!
— А Федор-то где?

— Работает жених!.. Председатель утром затемно поднял. Что-то с дойкой опять случилось, так наладить попросил.

Женщина вышла из огорода с двумя ведрами огурцов.

— Слышь, Матвеевна, Наталью сегодня опять в лугах с Яшкой видели.

Бабка насторожилась:

— Не ври.

— И сама я видела. Час назад прямо к дому на мотоцикле подкатали.

Бабка съезилась и испуганно посмотрела по сторонам:

— Ох ты!.. Ну, Наталья!.. Ох и задам же я жару невестине своей!

Молочно-товарная ферма. В открытые ворота втягивается стадо коров. На них покрикивают:

— Пошевеливайтесь!

— А ну, буренушки, поживей!

Подъехал председательский газик.

Председатель колхоза вышел из машины и тоже направился в открытые ворота.

Коровы уже разбрелись по стойлам. Из стойла в проход выглянула доярка: — Федор, можно начинать?

В проходе между стойлами над разложенным на табуретке инструментом склонился парень. Он укладывал инструмент в чемодан. На крик доярки поднял голову:

— Начинайте.

Доярка надела стаканчики-присоски корове на сосцы, надела другой корове, надела третьей.

Включили доильный аппарат, и в стеклянных трубках молокопроводов запенилось молоко.

К парню подошел председатель колхоза. Парень закрыл чемодан и выпрямился. Крепкий, ладный, с широкой открытой улыбкой доброго лица—это и был Федя, Наташкин жених.

Председатель протянул Феде руку:

— Спасибо.

Федя не спеша вытер ладони ветошью, пожал протянутую руку:

— Не за что. Это моя работа.

— За работу спасибо,—улыбнулся председатель.

— За работу?.. Пожалуйста.

— А Наталье Семеновне передай, чтобы ходокон больше ко мне не присылала и принимала колхозную библиотеку хоть сейчас,—председатель говорил с мягкой, необидной усмешкой.— Да, я и на свадьбу надеюсь приглашение получить?

— Обязательно,—сказал Федя.

Луна просвечивала сквозь тучи, освещала громадный плоский камень и тропу, круто срывающуюся с песчаного яра к дебаркадеру и к лодкам. Лодки покачивались на легкой волне, поскрипывая, терлись друг о друга бортами.

Глаза Наташки косили. Она сидела на камне, обхватив колени руками и склонив голову на плечо. Рядом сидел Федя, в костюме, отутюженный ворот рубашки затянут петлей галстука. Федя смотрел на Наташку со спокойной улыбкой доброго лица, потянулся к ней и поцеловал в щеку. Наташка вздрогнула и отодвинулась.

— Знаешь, умом я все могу понять, но с Яшкой лучше на мотоцикле не гоняй. Неприятно, когда бабы в деревне говорят.—Федя протянул руку, по-

ложил Наташке на плечо, но Наташка отодвинулась еще дальше от него.

— Федя!

— Что?

Она посмотрела на жениха, опустила глаза и сказала:

— Я хочу побыть одна, Федя. Оставь меня...

— Зачем?

— Только на два дня. Только до свадьбы... Но оставь...

Федя встал, растянул петлю галстука, совсем снял его и аккуратно скатал в кольцо.

— Да, вот еще,—вспомнил Федя.— Председатель сказал, чтобы ходокон больше к нему не присылала и принимала библиотеку хоть сейчас.

— Каких еще ходокон?—удивилась Наташка.

— Тебе лучше знать,—сказал Федя и зашагал от камня.

Когда затихли его шаги, Наташка поднялась с камня, потянулась, как-то особенно крепко провела руками по талии и бедрам и сбегала к лодкам.

Наташка гребла уверенно, резко откидывалась на спину и время от времени мотала головой, вскидывая съезжавшую на глаза челку. Луна спряталась за тучи, стало темно. Слышался скрип уключин и слабый плеск воды. На лодке можно было разглядеть лишь пятно платья.

На крутом берегу закричал жеребец, застучали копыта, звякнуло ботало. Невидимый табун лошадей бежал в поле, стук копыт и ботала нарастали до грохота, потом табун стал удаляться, гул копыт глохнуть, скоро растворился и стук ботала.

И сразу, едва стихло ботало, за рекой в лугах тревожно, совсем по-бабы заухали журавли.

Наташка бросила весла, села на нос, обхватила колени руками и прислушивалась к ночным голосам. Лодку сносило течением. На далеком противоположном берегу горел одинокий костер, далеко по воде бежала от костра светлая дорожка.

С крутого берега закричал Федя:

— Наташа!..

Она не шелохнулась, не подняла голову. А Федя все бежал по берегу и кричал:

— Наташа! Наташа!

По реке шел теплоход, он сиял огнями и отражался в воде. Он айсбергом надвигался на лодку. Наташка по-

прежнему сидела на носу и не шевелилась. Ее уже заметили с судна, теплоход мощно рывкнул, но Наташка будто оглохла. Теплоход прошел рядом с лодкой. Лодку подбросило, наклонило, потом на некоторое время лодка исчезла, но снова взлетела и закачалась на пологих волнах. Наташка, обхватив колени руками, все так же сидела на носу.

По берегу бежал и кричал Федя:
— Наташа!

Федя едва не споткнулся об Яшу. Яша сидел у самого обрыва на бревне.

Увидев Федю, Яша засмеялся и сказал:

— Жених, кажется, невесту потерял!

Федя остановился и перевел дыхание:

— Чего, чего?

— Жених, говорю, невесту потерял,— смеясь, повторил Яша.

— А смеяться для чего?— спросил Федя.— Да ты встань, а то мне неудобно разговаривать с тобой!

Яша, смеясь, встал. И тут Федя ударил Яшу кулаком в лицо. Яша полетел с обрыва и упал навзничь на песок.

Федя побежал было дальше, но шагов через десять остановился, переступил с ноги на ногу и пошел назад.

Яша лежал на спине и не шевелился. Федя прыгнул с обрыва, приподнял Яше голову и позвал:

— Яш...

Федя пошлепал Яшу по щекам, схватил под мышки, попытался посадить, но голова Яши свисала на грудь, а сам он заваливался на спину.

— Яша!.. Друг!.. Не надо... не умирай!— закричал Федя и потряхнул Яшу изво всех сил.

Яша вяло приоткрыл глаза и с трудом прошептал:

— Ладно... На этот раз, пожалуй, не умру. Ох, что-то пересохло во рту, языком больно шевелить.

Федя бережно опустил Яшу на песок, сбегал к реке, зачерпнул пригоршню воды, принес Яше:

— На, попей!

Яша с трудом сел и стал пить из Фединой пригоршни. Попил, помотал головой и опять завалился на песок:

— Что-то голова кружится у меня. Надо, дружок, маленько полежать.— Яша устало закрыл глаза, потом устало открыл.— Да, слышишь, смотри, Наташку не обижай. Она чистая у тебя...

Тебя дома не было с утра, а она увидела меня у магазина и попросила связить к матери и отцу. Вот и все... А я уезжать собрался. Надо, думаю, напоследок Федьку навестить. Как-никак за одной партой сидели десять лет и подводная лодка три года общим домом нам была... Зашел к вам, тебя не застал и подался искать,— Яша попытался улыбнуться.— Нашел... Встретились...

Наташка ахнула:

— Дачники приехали!

Во дворе под окнами ее дома стояла новенькая черная «Волга». Женщина в легком ситцевом платье доставала большую кожаную сумку. Вытащила ее из багажника, поставила на землю. Женщина стояла к воротам спиной.

— Валя!— тихо позвала Наташка.

Женщина повернулась к ней. Наташка налетела, едва не сбила с ног, они обнялись и расцеловались.

— Валя! Милая Валя!— повторяла Наташка и целовала, целовала.

Женщина с удивлением и восхищением смотрела на Наташку.

— Какая ты! Какая!— повторяла Валя.

— Ваша? Вы ее купили?— Наташка обехала вокруг машины.— Но сколько же она стоит?

— Десять тысяч,— засмеялась Валя.

— Десять тысяч!— Наташка снова, но уже медленно обошла вокруг машины.— Вот это да!.. Вот это здорово!..

На крыльце показался высокий полнеющий уже мужчина, коротко стриженный, с массивным подбородком и лохматыми черными бровями. Он навалился рукой на косяк и улыбнулся.

Наташка повернулась к нему, сделала большие глаза, вскрикнула и бросилась на крыльцо:

— Коля! Николай Павлович!— Наташка повисла на его шее, потом отскочила на шаг, смущенно одернула платье и сказала:— Я вас так ждала!

Николай Павлович тоже отступил на шаг:

— Ты же, Наталья, у нас красавица. Валя, ты посмотри, настоящая барышня. И кавалеры, наверно, ходят табуном. Подумать только, за одну зиму вымахала и расцвела.

— Не надо,— серьезно сказала Наташка,— сегодня обойдемся без кавалеров и без цветов. Потом пускай, а сегодня не надо. Не хочу!

Дом был на две половины, в один двор выходило два крыльца. На одном стояли Наташка и Николай Павлович, на другое вышла Лукьяниха и заворчала:

— Барышня и есть.— Слово «барышня» бабка произносила как ругательство.— Таковую барышню вожжами надо пороть. Совсем девка офонарела. За Федьку замуж собралась, а с Яшкой на мотоцикле раскатывает по лугам. Погоди, я еще до тебя, барышня, доберусь.

Наташка захватила уши, сморщилась, словно от зубной боли, закрыла глаза.

— Во-во, покажи себя Вале! Покажи, какая ты теперь!— не унималась Лукьяниха.

— Николай Павлович,— взмолилась Наташка,— увезите меня отсюда!.. Подальше! Покажите, пожалуйста!..

Николай Павлович засмеялся, сбежал с крыльца и открыл дверцу машины:

— Прошу.

Наташка села в машину. Валя потянула в машину и бабку:

— Поехали, Елена Матвеевна.

— Не надо. Не надо ее,— замотала Наташка отчаянно головой.

— Не бойся, не сяду,— успокоила ее Лукьяниха.— Я еще не чокнулась пока, чтобы раскатывать по ночам.

Лукьяниха побежала открывать ворота. «Волга» выехала за оградку и запылила ночной улицей.

Школьный класс. Наташка влезает в класс через окно.

Над подоконником показывается Валя голова.

— С ума спятили. Мне это не нравится,— говорит Валя.

Наташка прижимает палец к губам:

— Тс-с-с... последний раз можно и так.

Наташка помогает Вале перелезть через подоконник. За Вале в классе появляется и Николай Павлович.

Николай Павлович и Валя сидят за партой.

Наташка стоит возле учительского стола. Она преобразилась и похожа на учительницу. Ее голос звенит:

— Здравствуйте, дети. Сегодня у вас начинается новая жизнь, нелегкая, но очень и очень интересная. И если вы будете стараться, то обязательно, как Ломоносов, Пушкин или фельдмаршал Кутузов, приумножите богатство и славу нашей замечательной страны!

Наташка крутанулась на каблуке, выражение строгой торжественности сошло с ее лица, и она уселась на учительский стол:

— Так начался мой первый в жизни урок. Эти слова учительницы запомнились мне навсегда. Я очень старалась и в награду получила золотую медаль.

Николай Павлович, совсем как ученик, поднял руку на парте. Наташка спрыгнула со стола и учительским голосом сказала:

— Слушаю тебя, Забелин?

— Наталья Семеновна, так вы, значит, отличница у нас?

Наташка уперла руки в бока и надменно посмотрела на него:

— Разуй глаза, Забелин. По-моему, это отпечатано на моем лице.

...Наташка выключила свет, вылезла из класса на выступ фундамента, тщательно прикрыла за собой створки окна и спрыгнула на землю.

Валя и Николай Павлович уже сидели в машине.

Мимо школы проходила Наташкина одноклассница. Наташка подошла к ней:

— Здравствуй, подруженька! А я думала, что одна разгуливаю по ночам.

Одноклассница и смутилась, и обрадовалась:

— Задержалась на работе немного.

— Значит, в телятницы, Екатерина Мелентьева, пошла?

— Да.

— Нравится?

— Очень... Только с непривычки тяжело.— Одноклассница покосилась на машину, повернулась к Николаю Павловичу и Вале спиной, устало и счастливо улыбнулась, стала поднимать перед собой руки и потом резко уронила.— Знаешь, спина не гнется к концу дня и ручки бедные гудят... Скорее бы до дому добраться и завалиться на постель.

Наташка чмокнула ее в ухо:

— Придешь в субботу оплакивать меня?

— Конечно. Куда же денешься от тебя.

Наташка кивнула на машину:

— Может, до дома подвезти?

— Спасибо, здесь рядом. Как-нибудь дойду,— ответила одноклассница, стрельнула глазами на машину и пошла.

...Наташка ехала в «Волге», смотрела на темные дома деревни.

Николай Павлович включил прием-

ник, слышалась тихая мелодия. Он повернулся к Вале:

— Помнишь, из «Мужчины и женщины»?

У Наташки закосили глаза, она pokrутила ручку приемника—музыка оглушила ее, потом pokrутила в обратную—музыка стала тише.

Николай Павлович подмигнул Наташке:

— А теперь куда?

— Не знаю. Пожалуй, в клуб.

Клуб был просторный, яркий свет заливал зал, одна пара девчонок танцевала около проигрывателя, да в углу на стуле спал мальчик лет десяти. Увидев посторонних, девчонки пошептались о чем-то, рассмеялись и выскочили из клуба.

— Почему никого нет?—спросила Валя.

— Уже поздно,—посмотрев на часы, ответила Наташка.

Она подошла к тумбочке, где лежали пластинки, перебрала их, поставила одну на проигрыватель и потянула Валю на пяточок.

Они танцевали медленно.

— Узнаешь?—спросила Наташка.— Мы под нее танцевали в прошлом году.

— Да, и так же спал на стуле Димка... Наташа, а мы уезжаем в Ленинград. За две тысячи километров отсюда. Насовсем.

— А я выхожу замуж. Тоже насовсем... Ты мне будешь писать из Ленинграда?

— Буду.

Музыка кончилась, щелкнул автоматический выключатель, но Наташка завела ее снова.

Вокруг лампочки под потолком летали мохнатые бабочки. Они бились о лампочку, лампочка покачивалась, и суматошные тени от бабочек метались по белым стенам.

Николай Павлович низко поклонился Наташке, приглашая на танец. Они кружили медленно. Наташка не могла поднять на него глаз. Николай Павлович смотрел на нее сверху, и на его лице было изумление: «Подумать только, и эта красавица—Наташка, внучка бабки Лукьянихи».

— Вы у нас долго пробудете?—спросила Наташка, не поднимая глаз.

— Завтра, Наташа, надо уезжать. Билеты заказаны. У меня там срочные дела.

Щелкнул выключатель проигрывателя, и Николай Павлович склонил перед Наташкой голову:

— Наталья Семеновна, я буду помнить вас вечно. И эту музыку, и этот клуб.

— Я тоже буду помнить вечно все это: и музыку, и клуб, и вас.

Они пошли к выходу. Наташка взяла мальчика за плечо:

— Дима, закрывай клуб.

— А?—Дима испуганно открыл глаза.—Значит, закрывать?

Мальчик вытащил из кармана замок и направился за Наташкой.

Николай Павлович прикурил от зажигалки. Они снова сидели в машине, и даже музыка играла прежняя. Наташка прислушалась:

— Из «Мужчины и женщины»? Что это такое «Мужчина и женщина»?

— Фильм Лелюша.

— Он тоже живет в Ленинграде?

— Нет, в Париже.—Николай Павлович повернулся к Наташке.—А теперь куда?

— Не знаю... Спать, наверно.

Во двор к Лукьянихе вошел белобородый дед. Он ковылял на протезе, одной рукой держался за бороду. Взобравшись на крыльцо, старик достал из кармана пиджака круглое зеркальце, посмотрелся в него. Потом достал из кармана расческу и, глядя в зеркальце, тщательно расчесал бороду, причесал волосы на голове, снова спрятал зеркальце и расческу в карман.

Лукьяниха сидела на лавке в переднем углу. На коленях у нее развалился кот, бабка оглаживала его.

В дверь постучали.

— Войдите,—сказала Лукьяниха.

Дверь не открылась, и стук повторился.

— Дома я, дома! Это кто там вежливый такой!—закричала бабка.

Дверь приоткрылась, и в нее боком протиснулся белобородый дед.

Увидев старика, кот остеклянил глаза и бросился с бабкиных колен в подпол.

— И чего он?—спросил дед.

— Дурной,—махнула Лукьяниха рукой.—Никак не может привыкнуть к мужикам.

Дед сел на лавку, достал расческу, почесал бороду еще и посмотрел на Лукьяниху:

— *Здоровье-то, Елена Матвеевна, как?*

— *Спасибо... ничего.*

Старик покашлял в кулак.

— *Что я тебе хочу, Елена Матвеевна, сказать. Давай поженимся. Тяжко мне одному. И тебе, думаю, не сладко куковать.*

Лукьяниха притихла, задумалась, смахнула со щеки неожиданную слезу и покачала головой:

— *Нет, Осип Михайлович. Я свое счастье попытала и больше не решусь... Ты, Осип Михайлович, себе дружку подыщи...*

Сидели два печальных старика — ему за восемьдесят, ей семьдесят давно.

Машина ехала ночной деревней. Наташка прыснула в кулак.

— *Что?* — спросила Валя.

— Так, вспомнила, — ответила Наташка и снова рассмеялась.

По улице бродили лошади. Передние ноги у них были спутаны, поэтому лошади шарахались от машины тяжело, косили на нее темными выпуклыми глазами, трясли мокрыми гривами и всхрапывали.

Наташка закусил губу и резко отвернулась от Вали. Валя взяла ее за плечо:

— *Что с тобой?*

— *Ничего... Я выхожу замуж. Николай Павлович, слышите, я замуж выхожу, — тихо, почти шепотом сказала она.*

Показался огромный камень на берегу. Светила луна. На камне сидела девочка лет десяти. Она сидела точно так, как сидела недавно Наташка, обхватив колени руками. Девочка смотрела на реку и что-то напевала.

Николай Павлович приостановил машину, послышался тоненький мечтательный голосок:

Луна стелила тени,
Сияли зелены,
За голые колени
Он целовал меня.

Машина тихо покатила дальше, а Наташка сказала Вале:

— *Видишь, уже мой камень успели занять.*

Наташка лежала на койке, комнату заливал лунный свет. Наташка повернулась с боку на бок, ткнула кулаком в

подушку, встала, взяла веник, подмела около стола, бросила матрац и подушку на пол и легла на спину, укрывшись простыней.

С печи прыгнул кот и закричал у двери.

— *Носит тебя,* — проворчала Наташка, встала и выпустила кота в сенки.

Бабка Лукьяниха тоже не спала, укордкой поглядывала сверху на внучку. Наташка заметила это, залезла на печку, прижалась к старухе и осыпала ее поцелуями.

— *Бабушка, я люблю тебя... Я тебя сильно-сильно люблю.*

— *Задавишь, сумасшедшая.*

— *А Валя уже завтра уезжает... Бабушка, а почему одним везет в жизни, а другим нет?*

Лукьяниха прокашлялась:

— *Всякому, милая, свое. Кому что на роду написано.*

— *А что мне на роду написано?*

— *Поживешь — узнаешь.*

Наташка села:

— *Не хочу спать, мне страшно.*

Бабка зевнула:

— *А я хочу.*

Наташка слезла с печи, подошла к окну, потянулась, надела платье. Лукьяниха следила с печки за ней:

— *Куда это?*

— *Прогуляюсь немного.*

— *И вертит хвостом, и вертит. Тебе завтра рано вставать. Сватья велела зайти, платье померить... А Федор вон весь вечер, как борзой, в розысках невесты гонял. И народ смеется. Нельзя так, милая дочь. Нельзя. Силой тебя замуж не толкали, по своей воле выходишь...*

Наташка сильно хлопнула дверь и выбежала на двор.

Над деревней стояла яркая луна, во дворе сияла никелем «Волга». Наташка посмотрелась в ее черный бок, поправила волосы.

Валя и Николай Павлович сидели на крыльце.

— *Не спится?* — окликнула Валя Наташку.

— *Ой! А я думаю, будить дачников или не будить.* — Наташка посмотрела на восток. — *Солнце скоро взойдет... Теплынь какая...*

Прокричал петух. В разных местах откликнулось еще несколько петухов.

Валя сидела в накинутом на плечи джемпере Николая Павловича, теребила рукав.

— Может, порыбачим на прощание? — спросил Николай Павлович.

— Поехали, — поддержала Наташка. — Поехали, Валя.

Над лесом всходило солнце. В светлом небе летела, посвистывала крыльями стая уток. Утки летели вдоль реки. Над рекой еще плавали разрозненные клочки тумана. «Волга» чернела на песках.

Николай Павлович, закатав брюки, брел по воде навстречу солнцу. Валя стояла на песке, а Наташка, разбрызгивая воду, бежала наискосок от берега и кричала Николаю Павловичу:

— Осторожнее! В этом году здесь ямы намыло!

— Ты сама не свались! — кричала Наташка Валя.

Николай Павлович забросил блесну и шел тоже наискосок, параллельно Наташке. Катушка спиннинга поскрипывала. Вот Николай Павлович дернул удилицем: удилице согнулось, леса натянулась, со свистом вспорола воду и зазвенела струной. Николай Павлович, быстро выкручивая лесу, попятился к берегу.

Он выбросил пятнистую щуку к Валиным ногам. Щука прыгала на песке, раскрывала зубастую пасть, топорила плавники.

Николай Павлович снова ушел в реку. В реке всплескивала рыба, и по зеркальной поверхности разбежались круги. Недалеко от Николая Павловича бухнуло, как поленом.

— Туда, туда забрасывайте скорей! — закричала Наташка.

Из-за поворота реки, прогудев, вывалил буксирный катер. Катер тянул за собой баржу с сеном.

Николая Павловича по пояс захлестнуло волной от буксира. На сене баржи, подтягивая штаны, стоял парень и кричал:

— Эй, дядя, подари одну красавицу!

— Захочешь! — звонко закричала Наташка, удирая от волны. Она добежала до Вали и вдруг нахмурилась: — Валя!..

— Что?

— Мне кажется, что я скоро умру. А я хочу жить вечно и не хочу умирать.

— Я тоже не хочу.

— Знаешь, проснусь посреди ночи, представлю, что умру и буду лежать на кладбище под деревянным крестом и

надо мной будет плакать Лукьяниха и завывать ветер, и лить дождь, и сыпать снег, — и я холодею, и мне кажется, что я начинаю умирать. Я бужу бабушку, а она обзовет меня дурой и говорит: «Все мы там будем, только в разный срок». Повернется бабушка на другой бок и уснет, а я от страха не смею пальцем пошевелить и дохнуть.

— Глупая, — Валя обняла ее, — об этом не надо думать, особенно в твой лета.

— Думается, Валя... И еще мне кажется, что я буду точно такая же дерьмовая бабенка, как моя мать. Представлю себя матерью — и мне становится страшнее вдвойне. Уж лучше тогда сразу умереть. Да, зачем мучиться и сгорать от стыда перед людьми. Тем более что рано или поздно, но все равно будем лежать в сырой земле... Валя, а Николай Павлович еще что-нибудь написал?

— Николай Павлович? — Валя сказала это так, словно хотела спросить у Наташки: «Кто это такой?» или «А разве он что-нибудь пишет?» — Да, у него в этом году вышла книга в «Советском писателе».

— Валя, почему ты не привезешь и не покажешь ни одной книжки Николая Павловича?

— Не знаю. Как-то не получается все.

— Странно... Живет человек, мучается, пишет книжки, я живу почти рядом и ничегошеньки о нем не знаю. И никто о нем ничего не знает в нашей деревне. А миллионы миллионов людей даже не подозревают, что я живу и запуталась в простых вещах... А потом, через сто лет, будет жить на земле другой писатель и другая Наташка будет от страха обмирать.

Наташка спала на полу под белой простыней.

Лукьяниха топталась на кухне. Она клюкой размельчила угли в печи, сгребла их в угол и стала сажать хлеба: пирог на железном листе, булочки с изюмом, творожные шаньги.

Посадив хлеб и закрыв печку заслонкой, проворчала:

— Заспишься ведь, милая дочь.

Наташка буркнула что-то себе под нос, свернулась клубком, натянула простыню на голову.

— Весь день готова провалиться.

Вставай, вдруг гости придут,—сказала Лукьяниха.

— Отстань.— Наташка перевернулась на другой бок.

— Ты на меня не покрикивай,—вдруг обиделась Лукьяниха.— А то я тебя быстро к рукам приберу. Ишь, разгулялась. К матери-то ездила?

— Ездила.

— На свадьбу пригласила?

— Нет.

— Ну и дура, мать все-таки. Обидится еще чего доброго.

— Бабушка, ты не забыла про купальник?

— Зачем он тебе? Замужем раскупываться будет некогда.

— Не твое дело.

— Нет, мое. И ты, девка, запомни: я тебя вырастила, мне за тебя перед миром и отвечать.

Лукьяниха налила воды из ведра в чугунок с картошкой, посмотрела в печь на хлеба, закрыла заслонку.

— Вставай. Тебя уже сватья ждет, и стряпню вытащи без меня.

Валя гремела во дворе умывальником.

Лукьяниха вышла из дома, взяла с завалинки сухой батог.

— Все с палкой ходишь?— улыбулась Валя.— Воюешь?

— Приходится. И околеть ведь черт рогатый не может, никакой жизни от него.

Она вышла на улицу и запыхала дорогой к реке, зорко поглядывая по сторонам и помахивая крепким батогом.

У черного плоского камня собралась, кажется, вся деревня.

Парень в джинсах и в распахнутой рубашке весело скалился и строчил пальцами по струнам гитары. Вокруг него собралась мужская половина толпы: от бородатых стариков до босоногих мальчишек. Парень с гитарой сильным голосом чеканил слова:

Лукоморья больше нет,
от дубов простыл и след.

Дуб годится на паркет,
так ведь нет:

Выходили из избы здоровенные
жлобы,

Порубили все дубы на гробы.

Ты уймись, уймись, тоска

У меня в груди!

Это только присказка,
Сказка впереди!

Показалась Лукьяниха. Она спрятала батог в крапиву и направилась к камню.

Женская половина у камня оживилась:

— Напугала Федьку, Матвеевна!— закричала бабенка.— За камень спрятался от тебя!

— Как же,—старуха гордо повела глазами,—мой зять не из таких. Не станет он прятаться от меня.

Гитара стихла, и ребята повернулись к старухе:

— Привет, Лукьяниха!

— Привет, коли не брешете!

— Козла не видела?

— Слава богу, обошлось. Верно, в огороды убрался.

Над Лукьянихой посмеивались и зубоскалили беззлобно, от безделья. Она не обижалась и тоже посмеивалась в ответ.

— Чего Осипу Михайловичу отказала? Заодно с Наташкой свадьбу бы и сыграли. Все меньше расходов.

Показался теплоход. Он разворачивался и приближался к дебаркадеру, стены которого были сплошь исписаны углем, красками, мелом: «Любовь, только любовь!», «Коля Тяпкин. Год рождения 1970!», «Привет Загорью!», «Ура! Из Загорья-таки удрал!», «Не забуду мать родную!».

Ослепительно белый теплоход «Мурсоргский» причаливал к дебаркадеру, мощные динамики разносили далеко по берегам популярную песню. Мужчины уже толпились на дебаркадере, ловили чалки, крепили их. Теплоход все не мог подойти кормой, гудел, включал двигатель, капитан сверху отдавал команды матросам.

Толстая женщина в бусах поставила ящик возле тропы, села на него, открыла ведро и разложила перед собой товар в алюминиевых мисках: малосольные огурцы, вареную картошку, яйца, лук.

Кто-то крикнул женщине:

— Что, Корниловна, все торговлю пытаешься наладить?

Наконец бросили сходни, и они загудели под тяжестью ног. С теплохода сходили загорелые парни в соломенных шляпах, с рюкзаками и спиннингами в руках, выносили топографические рейки. Кругом смеялись, кричали. Особенно шумели и украшали толпу цыганки в ярких шалях на плечах. Цыганки размахивали руками, громко приветствовали деревенских женщин.

— Ай-яй, здравствуй, как живешь!—
слядко пела маленькая худая цыганка.

— Ничего себе, а я думала, обманешь,— смущенно и радостно говорила женщина.

Цыганка вертела головой и цокала укоризненно языком:

— Как можно так думать о человеке и говорить.

С дебаркадера хлынули на теплоход мужчины, толкали друг друга, спешили наперегонки в буфет.

— Дуся!.. Дуся!..— кричала Лукьяниха, пробиваясь к седой высокой цыганке.

— Ай, бабушка, здравствуй! Хочешь на счастье погадать?

— Купальник, купальник сорок четвертого размера заказывала тебе. Или забыла про меня?

— Нет, конечно,— запела цыганка.— Ай, милая бабушка, самый красивый достала для тебя! По благу! Век будешь носить и цыганку Дусю вспоминать!

— Не мне, внучке, Наташеньке моей.

— Он и внучке твоей как раз!

— Сколько тогда?

— Две по десять и еще раз пять. Можно сказать, бесплатно привезла.

Бабка округлила глаза:

— Ой, много, Дуся!

— Две по десять и еще раз пять,— твердо повторила цыганка.

— У меня, милая, и денег таких нет.

— Двадцать пять, и мое дело сторона,— не уступала цыганка.

Лукьяниха дрожащими руками достала из-под кофты узелок с деньгами и сунула цыганке в нос.

— Только двадцать, Дуся. Нет больше, поверь,— у Лукьянихи тряслись губы, вид был несчастный— вот-вот расплачется бабка. А сама все совала цыганке узелком в нос.— Милая, откуда деньгам и быть. Живу на пенсию и внучку теперь замуж выдаю. Все до последней ниточки спустила на нее.

Дуся зло сплюнула, выхватила из рук старухи узелок с деньгами, сунула ей купальник и закричала:

— Забирай, сатана!

Лукьяниха тут же, не сходя с места, развернула новенький нарядный купальник, прикинула на себя, и глаза радостно заблестели.

— Платок отдай,— сказала она Дусе.

Дуся рвала зубами узел носового платка, наконец развязала, тщательно пересчитала затертые бумажки и броси-

ла платок старухе.

К Дусе подошел новый заказчик, и бабка стала выбираться из толпы.

На тропе в одиночестве сидела над своими мисками толстая женщина. К ней никто не подходил, хотя и покрикивала она пронзительно:

— Малосольные огурчики! Кому огурчики?!

Мальчишка в трусах бежал мимо, схватил из миски огурец. Женщина хотела было крикнуть на него, но только махнула рукой и сказала проходившей по тропе Лукьянихе:

— Пускай, все равно никто не берет.

Лукьяниха вышла к проулку, достала из крапивы черемуховый батог, воровато оглянулась на дебаркадер и шумную толпу, вытащила из-под кофты хрустящую пятирублевую бумажку, сама себе хитро подмигнула, усмехнулась: мол, не таковские, голыми руками не возьмешь. Завязала пятерку в носовой платок, еще раз прикинула купальник на себя, и глаза снова заискрились радостью.

Лукьяниха схватила Наташку за руку и потянула за собой:

— Пора, христовая.

Наташка смотрела большими испуганными глазами, вяло сопротивлялась, а Лукьяниха тянула изо всех сил.

Тропа петляла в крапивном переулке.

— Куда?— спросила Наташка.

— Пойдем, пойдем, христовая.

Тропа вывела Лукьяновых к бревенчатой завалюшке с одним-единственным окном. Дверь завалюшки отворилась, на пороге показалась седая костлявая старуха с крючковатым носом.

— Дарья Ивановна, мы к тебе,— сказала Лукьяниха.

Старуха с крючковатым носом строго посмотрела на Наташку:

— Ты, Матвеевна, проходи, а девка пускай здесь подождет.

Старухи вошли в избушку. Дарья Ивановна стащила со стола цветастую клеенку и уставилась в сучковатую доску.

— Про любовь, значит, тебе разговор?

— Про любовь,— кивнула Лукьяниха,— про нее самую. Чтобы Наталью к Федору присушить. Жениха лучше, пожалуй, не найти.

— Хорош, видела, такого не надо упускать.

Дарья Ивановна зачерпнула из ведра граненый стакан чистой воды, поставила его на стол, что-то пошептала над ним, потом стала шептать над сучком, который походил на глаз, и черным пальцем водила вокруг глазасучка.

Лукьяниха с уважением смотрела на ее работу.

— На сучок, значит?

— На сучок, Матвеевна, на сучок.

Дарья Ивановна кончила наговаривать и сказала Лукьянихе:

— Зови девку.

Лукьяниха силой втянула Наташку в дом, осторожно взяла стакан двумя руками и поднесла внучке:

— Выпей-ка, милая, и не бойся.

— Я и не боюсь,—боюсь, сказала Наташка, взяла стакан и немного отпила.

— Любишь Федора?—спросила Лукьяниха и любопытно посмотрела внучке в глаза.

— Не знаю,—сказала Наташка.

— Тогда отпей-ка, отпей, милая, еще,—приказала Лукьяниха.

Наташка снова отпила, и Лукьяниха спросила:

— А теперь как?

Наташка пожала плечами и обреченно вздохнула:

— Люблю.

Лукьяниха взяла внучку за локоть и стала поднимать руку со стаканом к Наташкиному рту:

— До дна, надо до дна.

Наташка залпом осушила стакан, и Лукьяниха спросила опять:

— Крепко ли, на всю ли жизнь влюбилась, девонька, в него?

Наташка решительно мотнула головой, вытерла губы и сказала:

— Теперь крепко и на всю жизнь!

Дарья Ивановна довольно усмехнулась, поцарапала подбородок ногтем и заговорила:

— Намертво, навечно... И выкинь лишнее, девка, из головы. Муж—от бога. Ты теперь будешь жить только для мужа и детей... Рыба в реке плавает не для тебя! Птицы летают не для тебя. Ты—жена! Ты—праматерь человеческая теперь! Поняла?..

— Поняла,—тихо ответила она.

Наташка еще спала. Лукьяниха увидела и ахнула:

— Ох ты! Уж не сожгла ли ты стряпню в печке у меня!

Лукьяниха вбежала на кухню, но румяный пирог, булки с изюмом и творожные шаньги уже лежали на столе, и Лукьяниха вернулась в комнату. Настроение у старухи было праздничное, она с улыбкой протянула внучке купальник.

Наташка не видела купальник. Наташка внимательно и подозрительно смотрела на старуху:

— Вы с Дарьей Ивановной случайно каким-то зельем не опоили меня?

— Чего?..

— К Феде, говорю, меня нарочно не присушили?

— Чепуху мелешь, милая моя... Ты лучше на купальник посмотри,—с гордостью сказала Лукьяниха.

Наташка встала, развернула купальник, из глаз у нее брызнули слезы. Наташка неожиданно бросила купальник Лукьянихе в лицо и топнула ногой:

— Ненавижу, ненавижу тебя!..

Бабка выкатила от испуга и удивления глаза и растерянно осела на сундук. Горю и обиде ее, казалось, не было предела.

— Господи, опять не угодила. За что хоть забраковала, растолкуй и покажи.

В голосе Лукьянихи слышались близкие уже слезы, губы мелко дрожали. Она с купальником в руках хотела подойти к внучке, но та снова затопала:

— Не подходи! Не хочу видеть и слышать тебя!

Наташка выбежала на кухню, хлопнула дверью и закрылась на крючок. Лукьяниха, опустив голову, вернулась к сундуку, откинула крышку и присела на лавку над сундуком.

Крышка сундука была сплошь оклеена открытками. На открытках сидели и лежали красивые женщины, с розовых облаков к женщинам спешили легкокрылые голубки с письмами, гладко зачесанные мужчины улыбались с бокалами в руках. И надписи, что-то вроде: «Я люблю вас, Мэри!»

Лукьяниха тупо уставилась в сундук. Там и вещей на самом доньшке: вытертая в прах заячья дошка, широченная юбка, яркая цветастая кофта и черные лакированные туфли.

Лукьяниха вытащила дошку, трянула ее на вытянутых руках, посмотрела на свет и тяжело вздохнула:

— Тоже забракует.

Старуха стала примерять дошку пе-

ред зеркалом. Когда надевала, дошка трещала в швах и старуха испуганно замирала. Потом стала осторожно снимать, опять замирала, когда потрескивали швы. Сняла, свернула и аккуратно уложила дошку в сундук. А из сундука уже вытащила лакированные туфли, обдула с них пыль, потеряла рукавом кофты носки.

Лукьяниха поставила туфли на стол, отошла на два шага в сторону и, как ни велика была обида на внучку, не выдержала и расплылась в улыбке. За фанерной перегородкой громыхнула посудой Наташка, и Лукьяниха опять превратилась в самую разнесчастную и обиженную на свете старуху и снова тяжело вздохнула.

Уложив туфли в сундук, она закрыла его, сунула купальник под мышку и постучала в стену рукой.

— Валя, вы дома?

— Дома, бабушка, заходите.

Лукьяниха пришла в другую половину дома. Николай Павлович лежал на диване, беззвучно работал телевизор, большой белый маятник мягко раскачивался под стеклом настенных часов. Лукьяниха развернула перед Валею купальник.

— Растолкуй, почему Наталья забрала его?

— Потому что он закрытый,— сказала Валя.— Такие носят пожилые или полные женщины. Она же у вас барышня.

— Барышня и есть. А я-то, дура, старалась. Зря, значит.

— Свезет сестренкам.

— Оно, конечно, не пропадет.

Валя порылась в кожаной сумке и протянула Лукьянихе новенький купальник. Старуха взяла купальник, повертела в руках.

— Думаешь, не забракует?

— Самый модный,— успокоила Валя.

— Смотри,— Лукьяниха сразу повеселела,— а то ведь мне с ней, Валя, чистая беда. Доха у меня— всю жизнь берегла... А туфли,— старуха безнадежно махнула рукой,— боюсь и предложить... Мой суженый перед самой войной ко дню рождения подарил. Картинка— не туфли. Только, видно, шилась не на меня. Так ни разу и не надела. Наташке бы они в самый раз.

Лукьяниха стучала в кухонную дверь: — Наталья, Федор идет.

— Пускай идет, мне какое дело.

Бабка стукнула ногой в дверь так, что со стены посыпалась штукатурка:

— Выходи и меня, девка, пожалуйста, не позорь!

Федя уже входил в комнату.

— Здравствуйте, Елена Матвеевна. Наташа дома?

— Дома, Феденька. Сейчас выйдет,— Лукьяниха недовольно косилась на дверь.— Чего ты там копаешься? Ждет человек.

— А ему здесь вообще нечего делать. Пускай убирается скорей,— сказала Наташка.

Лукьяниха опешила:

— Как это?

— Обыкновенно,— Наташка вышла с кухни с лицом злым и неприступным, смерила Федю с ног до головы.— Или мы не договорились вчера?

Федя пожал плечами:

— Договорились.

— Вот и проваливай, покуда цел.— Наташка схватила кочергу и угрожающе махнула перед Фединым носом.

Федя не испугался и даже не моргнул, добрая невозмутимая улыбка не сходила с его лица. Скорее всего именно эта улыбка и вывела Наташку из себя. Она вдруг ткнула кочергой Федю в лицо, ткнула в грудь, снова в лицо.

— Что ты делаешь?!— закричала Лукьяниха.

— Привожу красавчика в земной вид! А то уж больно на ангела похож! Противно даже!— говорила Наташка, продолжая орудовать кочергой.

Когда Лукьяниха повисла у внучки на руке, Наташка успела зацепить концом кочерги за ворот рубашки, и рубашка с треском разъехалась от ворота до ремня.

Наконец Лукьяниха перехватила кочергу, вырвала из Наташкиных рук. Наташка отступила на шаг.

Федя смотрел на Наташку и улыбался. Из расквашенной его губы сочилась кровь, ссадины и отпечатки сажи на лбу, подбородке и щеках, рубашка разорвана.

— Вот так, теперь хоть немного на человека похож!— сказала Наташка.

А Лукьяниха заплакала:

— Федя!.. Феденька, что же это она сделала с тобой!

Федя улыбался:

— До свиданья, Елена Матвеевна! До свиданья, Наталья Семеновна! Я, ка-

жется, действительно пошел!

— Куда ты? В таком виде можно ли идти!— Лукьяниха засуетилась, схватила со стены плащ.— Умойся сперва и хоть плащ какой-нибудь накинь!

Но Федя уже вышел, и Наташка распахнула створки окна и закричала:

— Скатертью дорожка, жених!..

В комнату к Лукьянихе вошли Валя и Николай Павлович. Валя поставила на стол бутылку шампанского и сказала:

— Услышали, что Федя пришел и решили познакомиться. Кстати, что-то не видно жениха? Не могла же я ошибиться?

— Сплыл женишок!— сказала Наташка.

— Много болтаешь.— Лукьяниха вытерла мокрые глаза.— Он, Валя, сейчас по свадебным делам побегал. И Наталье надо к сватье на примерку идти,— зашипела на внучку.— Собирайся, негодная, скорей!

Наташка пошла на кухню, притащила стаканы и свежую стряпню, уселась за стол:

— Нет, нет, я без рюмки шампанского не уйду!

Николай Павлович выстрелил пробкой в потолок, разлил вино по стаканам. Поднял свой:

— За молодых! За жизнь хорошую! И чтобы детей много-много нарожать!

— А у вас почему нет?— спросила Наташка.

— Не знаю, Наташенька,— Валя горько улыбнулась.— За что-то бог наказал.

Наташка пригубила из стакана:

— Как вкусно!

Лукьяниха растерянно и осуждающе смотрела на внучку. Наташка насмешливо взглянула на нее.

— Что, не нравится? А может, это дурная наследственность у меня?! Да, как ни крути, а в моих жилах течет папочкина кровь!

Лукьяниха заплакала.

А Наташка залпом осушила стакан, посмотрела на Валю и Николая Павловича и неожиданно запела:

Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка темная была.
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра!

Федин дом. Наташка стояла посреди горницы в свадебном платье, держала на руках щенка и поглаживала его.

Мария Тимофеевна, мать Феде, стояла перед невестой на коленях и подшивала низ платья.

— Нарочно не придумаешь,— говорила Мария Тимофеевна.— Полез Федор под комбайн подшипники менять, а комбайн стоял без колес, завалился и Федора как раз и придавил. Насилу вылез. Весь в саже, подтеках и в разорванной рубахе явился домой. На свадьбе, похоже, будет с синяком.

Наташка вздохнула:

— Хорошо, что живой остался.

— Вот и я это же сказала ему.

— А где он сейчас?— спросила Наташка.

— Я его к вашим с гостинцами отправила,— ответила Мария Тимофеевна, делая быстрые стежки.

В окно Наташка видела двор. По-прежнему посреди двора лежала большая вислоухая собака, а у ее живота лежал точно такой, как у Наташки на руках, щенок и упивался молоком. Маркар Филиппович, отец Феде, устанавливал во дворе свадебный стол.

Мария Тимофеевна подшила платье, откусила нитку, встала с колен, отошла, посмотрела на свою работу со стороны и осталась довольна:

— Теперь, по-моему, в самый раз. Посмотри в зеркало сама.

Наташка посмотрела на себя в зеркало: тоненькая, строгая лицом, какая-то скованная, совсем девочка.

Она была так мила в этом белом свадебном платье, что Мария Тимофеевна не удержалась и поцеловала ее.

— Невестушка моя! Нравится?

— Да,— тихо ответила Наташка.

— Здесь не жмет?

— Нет, спасибо... Очень хорошо.

В комнату к Лукьянихе вошла Валя.

— Елена Матвеевна, мы дверь расколочивать собрались,— Валя показала на дверь, выбеленную под стену, когда-то соединявшую две половины дома.

— Зачем?

— Вы же одни теперь остаетесь. Наташа с Федей там поселятся.

Бабка задумалась:

— Не знаю, Валя.

— Чего тут знать, расколотим, и пускай живут у тебя под боком.

— Вы половину и продать можете.

— Ну вас, Елена Матвеевна,— перебила Валя.— Это от нас Наташе на приданое.

Лукьяниха еще сомневалась, но глаза ее оживились:

— Не знаю, разрешит ли расколочивать. Может, она отдельно захочет жить.

— Расколочивай,— сказала Наташка, входя в комнату.

Валя постучала в стену:

— Коля, расколочивай!

С той стороны Николай Павлович, видимо, вытаскивал гвоздь, слышался скрежет и визг. Дверь, которую расколочивали, распахнулась, Николай Павлович стоял с молотком в дверях и улыбался:

— Вот и я.

Валя и бабушка перешли на другую половину. Бабка так осматривала комнату, будто впервые видела ее.

— Когда уезжаете?

— В одиннадцать надо бы выехать.

Лукьяниха посмотрела на настенные часы и всполошилась:

— Вещи надо собирать, ведь не успеете.

— Мы все здесь оставляем.

— Как оставляете? — удивилась Лукьяниха.

Валя обняла старуху:

— У нас в городе все это уже есть.

Бабка растерянно посмотрела на Валю и Николая Павловича и села на стул:

— Не знаю... Что люди скажут?

— А что тебе люди? И что они могут сказать?

В комнату влетела Наташка:

— Вы ели уху?

— Станем мы тебя ждать.

Валя сняла со стены портрет матери, вытерла со стекла пыль.

— Вытащи из рамки. Не разбить бы,— забеспокоилась Лукьяниха.

Валя повела глазами по стенам:

— Вроде все. Осталось с мамой проститься.

Лукьяниха побежала к себе, откинула крышку сундука, порылась в нем и достала черный платок. Она повязала платок на голову и посмотрелась в зеркало.

Наташка хлебала уху.

— Ешь скорее, некогда тебя ждать.

— Куда это? — подозрительно покосилась Наташка.

— На кладбище.

— Куда?..

— На кладбище, глухая тетеря, горюю.

Наташка медленно встала над столом. Она побледнела и звякнула лож-

кой о стол так, что ложка подскочила чуть не до потолка и упала на пол.

Лукьяниха побледнела еще больше внучки, испуганно попятилась от стола:

— Господи, опять не угодила. Но ведь к Валиной же маме. Ведь проститься надо им.

— Вон отсюда! Вон! — Наташка толкнула от себя брезгливо тарелку, разлила уху и выскочила из дома.

— Господи, за что кара твоя? Честное слово, как на бомбе живу! — прошептала Лукьяниха.

Бабка зачерпнула ковшиком из ведра, стала пить: рука дрожала, из ковшика на подбородок скатывалась вода.

Валя, тоже в черном платочке, появилась в дверях:

— Я готова... А Наташа где?

Лукьяниха вытерла губы и подбородок угольным платком и, не моргнув глазом, соврала:

— Некогда Наталье, ее Федор срочно вызвал.

Наташка сидела на плоском камне у дебаркадера и смотрела на реку. Реку пересекал паром. Паром вез лошадей с сеном и грузовую машину. Прямо с парома рыбачили и купались мальчишки. Мальчишки прыгали в воду, потом отчаянно догоняли паром и хватались за борт.

На Феде пластмассовый шлем, очки-крабы, кожаные перчатки до локтей. Мотоцикл, который вел Федя, впряжен в маленькую тележку. На тележке сидела Наташка, в свадебном платье и в ромашковом венке. Тележку трясло, и Наташкина голова моталась из стороны в сторону.

Сразу за тележкой шли Алеша, Митя, Вася и сестры. У Алеши на груди висел новенький транзистор.

Дальше шли Лукьяниха, Мария Тимофеевна, Макар Филиппович. За ними — отец и мать Наташки. Мать, конечно, беременная.

Навстречу мотоциклу вышел белобородый старик. Осип Михайлович пристроился к Лукьянихе и зашагал рядом.

Сзади приплясывала и размахивала черными платками толпа старух. Старухи беззвучно открывали рты. Видно было, что старухи поют, только над толпой стояла тишина и лишь один голос время от времени вздыхал:

— Подумать только!.. Такая молодая!..

Федя покрутил ручку газа, мотоцикл прибавил скорость и стал удаляться от провожающих. Вначале медленно, потом быстрее и быстрее. Наташкины братья и сестры побежали за мотоциклом. Уже не видно толпы. Бежали сзади лишь братья и сестры. Но вот Митя споткнулся и упал, отстали и остальные. Федя и Наташка остались на кочковатом проселке одни.

Наташку трясло, спицы тележки мелькали, а вокруг солнечные ромашковые поля, и голос-вздых донесся до Наташкиных ушей:

— Жалко молодую!.. Скоростижно-то как!..

За спиной у Наташки просигналила машина. Наташка повернулась на звук: на дороге у камня стояла «Волга». Лукьяниха сидела рядом с Николаем Павловичем, Валя открыла дверцу.

— Мы тебя по всей деревне ищем. Собрались ехать, а тебя нет.— Наташка не шелохнулась, молча и не мигая смотрела на машину.— Что с тобой? Ты не заболела?

Наташка усмехнулась:

— Нет, поедем.

Она села на заднее сиденье, и машина тронулась. Николай Павлович включил приемник, повернулся к Наташке:

— Музыкой вас развлечь? О, а какая она угрюмая у нас!

— Совсем спятила невеста. Опять бабы по деревне судят, что Федора гонит от себя.

— Плевать я хотела на твоих баб,— отчеканила Наташка.

— Смотри, проплюешься,— Лукьяниха всхлипнула.— Видишь, Валя, какая она стала. Совсем испортилась в последнее время. Я уж и не знаю, с какого бока подступать.

— Ничего, Елена Матвеевна, это скоро пройдет,— успокоила Валя. Повернулась к Наташке.— И ты, Наташа, все-таки сдерживай себя.

Машина вылетела в поле. По обеим сторонам дороги стояла спелая рожь. Николай Павлович остановил машину:

— Ну, Наталья Семеновна, дальше я вас не повезу, а то бабушке топать будет далеко.

Они все вылезли из машины. Валя крепко обняла старуху.

— Не забывайте нас. И всего вам хорошего.

— Вы нас не забывайте,— Лукьяниха всхлипнула.— Я больше, наверно, не увижу, Валя, тебя. Не застучишь поутру в стенку ко мне.

— Скоро Наташа будет стучать.

— Наталья застучит,— старуха обмякла, плечи опустились. Казалось, рассыплется сейчас Лукьяниха, смешается с пылью, развеется ветром.

Валя подошла к Наташке, схватила ее, прижала к себе:

— Наташенька!

Николай Павлович шутливо гудел бабушке:

— Мы еще прикатим, погоди. Заворчишь, что спать не даем.

— Да я, Коленька, никогда... Мы с Валей жили душа в душу. И с мамой ее ладили лучше родных сестер.

Николай Павлович развел руками:

— До свиданья, Наталья Семеновна. Жалко, что на свадьбе не удалось погулять.

Наташка потупилась и тихо сказала:

— Николай Павлович, поцелуйте меня.

Он взял Наташку за плечи и поцеловал в лоб.

Они молча постояли, и Николай Павлович залез в машину. Когда села Валя и захлопнула дверцу, Наташка дико вскрикнула:

— Валя!..

Наташка зажала рот рукой и побледнела.

Валя выскочила из машины, взяла Наташку за плечи и отвела в сторону:

— Наташа!.. Милая!.. Что с тобой?

— Мне плохо, Валя. Я опять холодею и, кажется, сейчас умру. Валя, останься, побудь еще капельку у нас. Уедешь на «Мусоргском» в четыре часа.

Валя и Наташка брели по белому от ромашки лугу. Птицы порхали и посвистывали вокруг.

Сквозь редкие березы показалась пасека. Пасеку обегала высокая изгородь из жердей, улья стояли рядами.

Наташка и Валя не дошли метров десять до ворот и остановились. Наташка, сложив руки у рта, закричала:

— Дедушка Осип!..

В глубине пасеки показался белобородый дед. Дед присмотрелся к кричавшим и направился к воротам.

Наташка прыснула:

— Он, знаешь, в прошлом году к Лукьянихе свататься пришел.

— Не ври.

— Честное слово.

— А бабушка что?.. У нас в деревне Осип Михайлович, по-моему, единственный мужчина, который уцелел на войне?

— Да... А Лукьяниха отказала... Долго тоскливая ходила потом. И даже старух-вдовушек у Дарьи Ивановны собрала и на волчьей шкуре против новой войны сотворили наговор.

— А на волчьей почему?

— Что-нибудь полегче спроси.

Дед уже подходил, и Наташка, едва сдерживая смех, сказала:

— Медку, Осип Михайлович, попробовать нельзя?

— Медку?.. Айдайте...

— А пчелы нас не тронут?

— Нет. Цветов много, и потому добрые они.

В одном углу пасечной избы стоял топчан, в другом печка, три огромных бочки меда стояли у окна.

Дед вытащил из тумбочки алюминиевую миску, начерпал меду до краев и поставил на стол.

— Хлебайте.— Вытащил из тумбочки краюху хлеба, отрезал ножом несколько кусков.— С хлебушком, может, кто любит.

— Не Дуни ли Полуяровой дочь?— спросил старик у Наташки.

— Она самая. Валя.

— Это у нее муж книжки пишет?

— У нее.

— Хорошая женщина.— Дед потрогал на Валином запястье золотой браслет, коснулся ее холеной руки.— Мягкая.

— Дедушка, дедушка, смотрите,— зачастила испуганно Валя, показывая глазами на пчелу, которая ползла по ее руке.

— Не бойся и спокойненьконими. Вот так,— дед снял пчелу с бороды.

Валя осторожно взяла пчелу и вскрикнула:

— Ой, да больно-то как!

— Тянула-таки,— дед с усмешкой почесал бороду.— Ничего. Это даже для здоровья полезно.

Валя опять вскрикнула, замахала руками и бросилась без оглядки из избы. За ней побежала и Наташка, тоже вскрикнула и схватилась за затылок.

Пасека скрылась за деревьями. Валя

и Наташка выбежали на луг и повалились в копну.

— Три раза ужалили и все в одну руку,— сказала Валя, смазывая ранки от укусов слюной.— Смотри, как распухло.

Наташка посмотрела на распухшую руку и неожиданно прыснула.

Валя брела по дороге, лицо ее безобразно распухло. Наташка шла чуть сзади.

Николай Павлович сидел на придорожном камне. Он увидел женщину с обезображенным лицом, испуганно вскочил и попытался от нее.

— Коля!— позвала Валя.— Коля, это я!

Он не узнавал жену, пятился и мотал головой.

Валя схватила Наташку за руку:

— Объясни ему, Наташенька. Расскажи, что это пчелы укусили меня.

Но Наташка молчала.

Николай Павлович побежал в лес. Валя бросилась вдогонку, тут же споткнулась, упала и поползла на четвереньках. Николай Павлович был уже далеко, скоро совсем скрылся за деревьями, а Валя так и ползла:

— Коленька, не оставляй! Коленька, это я!

Наташка хохотала.

— Ты чего?— спросила Валя, продолжая сплевывать на палец и смачивать ранки от укусов слюной.

— Так,— Наташка, закатываясь от смеха, повалилась на сено.

Смех душил Наташку. Она корчилась и каталась, смехом она захлебывалась и всхлипывала. И вдруг потоки слез хлынули из ее глаз, и Наташка зарыдала.

— Валя, милая, прости, пожалуйста, меня. Я низкая, подлая тварь... Дедушка Осип про Николая Павловича спросил, а я от зависти задохнулась и желчью изошла. Как же, актриса не вышла из меня, и моему мужу писателем не стать. Прости, Валя, это я смеялась над тобой!..

Наташка уткнулась в сено лицом и долго еще дергалась плечами и спиной. Но вот затихла, высморкалась и откинулась на спину. Лицо ее было каменным теперь, глаза неподвижно смотрели в небо, губы прошептали твердые слова:

— Все, хватит, так можно распустить бог знает до чего!

— Кстати, почему ты не поехала никуда?—спросила Валя.—Ты, помоему, хотела на юридический поступать?

— Не смогла, духу не хватило оставить в Загорье братьев и сестер. Не будет, думаю, счастья у меня, если ребят на ноги не подниму... И Федю, если хочешь, я сначала полюбила умом. Мне нужен был парень, который потянет тяжелый воз. И я, можно сказать, выбрала его среди других. Не курит, не пьет, любая работа горит в руках. А чтобы нечаянно из деревни не удрать, я сама Феде сказала, что хочу ребенка от него. Да, все делала так, как прикидывала и решала головой. Держала себя в шорах и была железная, потому что железной легче устоять. Только быть железной, оказывается, тоже тяжело, я устала... и вот грязная бабенка полезла из меня.—Наташка посмотрела на часы, встала, отряхнула платье рукой, посмотрела на Валю и заставила сдержанно улыбнуться свое каменное лицо.—Вот и все, мои каникулы кончились. Теперь надо снова зажимать себя в кулак.

Лукьяниха открыла крышку сундука, постояла над ним, достала туфли, обдула их, присела на лавку и стала надевать.

Она долго и зло била толстыми каблуками в пол—посуда на столе и в комоды позванивала. Наконец после великих усилий бабка натянула-таки туфли на ноги, облегченно вздохнула и смахнула пот с носа и лба.

— Ну вот, еще на свадьбе у Натальи попляшу.

Лукьяниха поднялась с лавки и неуверенно прошла по комнате на полусогнутых ногах. Видно было, что каждый шаг дается бабке с трудом, что она не привыкла к высоким каблукам, что туфли жестоко жмут. Обратнo до сундука она еле дошла, мешком осела на лавку, морщась от боли, стащила туфли с ног, снова обдула и потеряла лакированную кожу рукавом.

В комнату вошел Вася, с рюкзаком на спине, в фуражке, спортивной майке и кирзовых сапогах. За Васей через порог переступил Митя. Вася держал младшего братишку за руку. На Мите тоже была кепочка, черные лямки

больших, подтянутых до подмышек штанов были перехлестнуты на животе крестом. Митя строго смотрел на Лукьяниху огромными глазницами и водил босой ногой по половику.

Лукьяниха подошла к нему, прижала к себе:

— Митенька, какой парняга уже. В гости приехал?

— В гости.—Вася снял с себя рюкзак, развязал его и вытащил узел с вещами брата.—Вот шмутки его. А то мать говорит, что тебе тоскливо будет без Наташки.

— Сама-то чего не приехала?

— Рожать утром увезли.—Вася сел на лавку и вытянул ноги.—Уезжаю, Лукьяниха, в город.

— В дыру носом не угоди.

— Чего ты?—обиделся Вася.— Смешнее других жить не буду.

— Айда поглядим. Только ведь там тоже сахаром не посыпано.

Митя косил на брата тревожным взглядом. Вася встал:

— Ладно, тебя не переговоришь. Передавай привет Наташке.

Он вышел, Лукьяниха погладила Митю по щеке:

— И братик же у тебя... Хорош гусь.

Митя насупился, шмыгнул носом:

— Слышь, Лукьяниха, возьми меня к себе насовсем.

— Чего?—бабка отодвинула Митю от себя и удивленно посмотрела на него. Митя, совсем клоп, смотрел прямо Лукьянихе в глаза и не мигал. Бабка смутилась.—Ишь ты!.. Кто же тебя этому, парень, научил?..

— Сам,—серьезно сказал Митя.

— Са-а-ам!..—Лукьяниха вздохнула.—Помру я скоро, Митя.

— Не помрешь.

— Ты так думаешь?

— Да.

— Тогда оставайся. Мне что, и правда веселее будет с тобой.

Лукьяниха прижала мальчика к себе, сняла кепочку, погладила вихры на голове.

— А как там Алешка с сестренками живут?

— Помаленьку.

Телятник.

Разномастный коровий молодняк гулял в загоне, ел у изгороди сено. Пожилая телятница и Катя Мелентьева, Наташкина одноклассница, вилами

перекидывали сваленное за изгородью сено телятам в загон.

На опушке леса виднелся «МАЗ». Тяжелогрузная машина привезла бетонные трубы. Трубы с трейлера разгружал автокран.

Пожилая телятница, перекинув очередной навильник сена в загон, навалилась спиной на изгородь и сказала:

— Что-то не можется больше мне. Ты уж меня, Катеринушка, прости, а только я лягу и немного полежу.

Женщина медленно опустилась на траву. Катя подслеза к женщине:

— Тетя Дуся... Тетя Дуся, опять сердце у тебя?.. Оно что, может остановиться совсем?..

Катя испуганно заозиралась по сторонам, вскочила и побежала к трейлеру.

— Дяденьки!.. Мужчины!.. Помогите, пожалуйста!.. Там тетя Дуся упала и лежит!— закричала Катя еще издали.

Шофер автокрана и стропальщики занимались выгрузкой труб и не слышали Катю. Шофер трейлера наблюдал за выгрузкой со стороны. Он шагнул к Кате навстречу:

— А сколько лет твоей тете Дусе?

Катя запыхалась:

— Не знаю... Но она на пенсии давно!..

Шофер сморщился:

— Тю-ю-ю-ю!..

— Да, вышла на пенсию, а работать в телятник никто не идет, вот тете Дусе опять и пришлось возвращаться к молодняку,— частила Катя.

Девушка не замечала кислого выражения шоферского лица. Она даже не заметила, что шофер взял ее руку в свои промасленные ладони и поцеловал.

— Тебе пожалуйста, помогу. А тете Дусе поищи кого-нибудь еще.

И тут смысл шоферских слов наконец-то дошел до Кати. Она вспыхнула, вырвала руку и отступила на шаг.

— Вы... вы... вы!..— Она заплакала, захватила лицо руками и побежала назад.

Тетя Дуся лежала на спине у изгороди. Над ней склонились Наташка и Валя, рядом всхлипывала Катя.

— Последний час тети Дуси, девочки, настал,— тихо заговорила пожилая женщина.— Все ничего, да только не хотелось бы на работе умирать, совесть как-то. Домой бы попасть. Дома можно...

— Потерпите, тетя Дуся, сейчас в больницу отвезем,— сказала Наташка.

Она встала и побежала к трейлеру.

Автокран, сгрузив трубы, уехал. Трейлер стоял на прежнем месте. Шофер сидел на взгорке возле трейлера и обедал. На пакете разложены помидоры, яйца, хлеб, кусок порезанного ломтиками мяса, бутылка молока.

— А, новая депутатка от тети Дуси!— сказал шофер и смерил Наташку с ног до головы нагловатым взглядом.— М-да... Если еще покладистее первой, то совсем хорошо.

— Вставай!— сказала Наташка.

— Садись,— усмехнулся шофер и показал на землю рядом с собой.

— Ты человек или скотина?— спросила Наташка.

— Я?.. Как вам угодно... Но только учтите, что я совсем-совсем другой организации принадлежу... ме-ли-о-рации! Да! И денежки платят мне, между прочим, не за трелевку деревенских старух, а за трубу и за тонно-километр!

Наглости в его глазах уже не было, в голосе послышалось раздражение, но вставать он не собирался, и Наташка пошла к кабине, вскочила на подножку и уселась за руль. Потом Наташка захлопнула дверцу, закрыла ее на внутренний замок.

Шофер наблюдал за всем этим снисходительно. Наташка стала закручивать наполовину опущенное стекло окна, и шофер даже закричал:

— Смотри не задохнись!

Но стартер уже взвыл, мотор заработал, и шофер от удивления перестал жевать и вытянул шею, как гусак. А когда машина тронулась, стала разворачиваться, шофер вскочил и замахал перед машинной руками:

— Куда?.. Стой!..

Наташка, строгая, плотно поджав губы, сидела за рулем. Она и не думала тормозить, она направляла машину прямо на шофера, и шофер едва успел выскочить из-под колес, упал, откатился на всякий случай подальше.

— Эй! Ты что делаешь!— закричал шофер.

Машина уже развернулась и ехала к телятнику. Шофер бросился на взгорок, стал поспешно укладывать в пакет помидоры, хлеб, мясо и молоко.

С пакетом в руках он и появился у изгороди загона. Тетя Дуся, Валя и Катя были уже в кабине. Наташка сидела за рулем, внимательно смотрела

на приближавшегося шофера. Перед машиной из пакета у шофера выкатилась помидорка, шофер склонился поднять, просыпал остальные помидоры и яйца, засуетился над продуктами, наконец собрал, выпрямился и закричал:

— Чего оскалились! И вовсе не смешно!

Никто не смеялся и тем более не скалился. Но по его крику Наташка поняла, что гонора у шофера поубавилось, что чувство неловкости, а может быть, и стыда поселилось и живет теперь в его широкой, мускулистой груди. Наташка открыла внутренний замок дверцы, распахнула ее и громко сказала:

— А ты все-таки человек! И совесть у тебя есть! И хотя ты совсем-совсем другой организации — Родина у нас все-таки одна! Садись и вези! — Повернулась к Кате: — Мне некогда, поедешь тетю Дусю сопровождать.

Наташка выпрыгнула из машины, вылезла и Валя. Наташка ободряюще кивнула пожилой женщине:

— Держитесь, тетя Дуся, он вас мигом до больницы домчит.

— Домой бы, — прошептала пожилая женщина.

И тут шофер закричал опять:

— Домой! В больницу!.. Куда мне ехать? Договоритесь сначала между собой!

— В больницу, — спокойно и строго сказала Наташка. — И чтобы поаккуратней и поживей.

Машина тронулась, закачалась на колдобинах, выехала на проселок. Шофер покосился на тетю Дусю и Катю и раздраженно спросил:

— Она что, начальница у вас?

Пожилая женщина застонала, откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Шофер испуганно охнул, переключил скорость, крепче ухватился за руль, и машина понеслась.

Наташка впечатывала босые ноги в мокрый песок возле самой воды, босоножки несла в руках. Валя шла чуть сзади и тоже несла босоножки в руках. Две параллельные цепочки следов тянулись по пустынному берегу реки, сначала четкие, потом слабее и слабее, потом оплывшие, и уже нельзя было различить, человеческая ли нога ступала или нога животного.

Наташка говорила:

— Ломоносов, Пушкин и фельдмаршал Кутузов так и не получились из меня. Но я думаю, что народные денежки на обучение Наташки Лукьяновой тратились не зря. Заочное отделение Тимирязевской академии открыто для меня, а пока славу и богатство стране буду добывать руками.

Наташка вытянула руки с босоножками перед собой. Руки были худые и длинные, но Наташка посмотрела на них и уверенно сказала:

— Потянут! Они двужильные у меня!.. Ну-ка, подержи.

Наташка подала Вале босоножки, легко встала на руки, сделала пять шагов на руках по песку, снова легким движением перекинулась на ноги, отряхнула руки, взяла у Вали босоножки и пошла.

— А где ты выучилась машину водить? — спросила Валя.

— Профорентация, — ответила Наташка, — обязательный предмет. Я на отлично одолела и его.

Низко над водой махала крыльями чайка. Она вдруг упала в реку, выхватила из воды серебристую полоску со роги, тут же проглотила ее и снова медленно замахала крыльями.

— Значит, у тебя будет ребенок? — трудно и, похоже, не без зависти спросила Валя.

— Да.

— Какая ты, Наташа, счастливая!

— До счастья далеко. Сначала надо родить минимум трех детей — так хочет Федя. Потом детей надо одеть, обусть и накормить... Потом надо, чтобы дети чистыми и здоровыми росли. Потом надо остаться у них любимой на всю жизнь... Да, и чтобы Федя меня, конечно, не разлюбил...

Валя и Наташка вошли берегом в деревню и надели босоножки.

Впереди показался паромный причал. Паром только подошел, с него съехали две машины с сеном, протарахтел мотоцикл, последним на берег выехал председательский газик.

Председатель колхоза остановился и открыл дверцу:

— Здравствуйте, Наталья Семеновна.

— Здравствуйте, Иван Степанович. Слышали, тетю Дусю в больницу увезли?

Председатель колхоза вздохнул и тут же попытался улыбнуться:

— Ну, когда будет золотая медальстка библиотеку принимать?

— И не собираюсь.

— Эт-то еще почему?.. Директор школы и Елена Матвеевна мне все уши прожужжали про нее, а она, видите ли, и не собирается совсем.

— Иван Степанович, во сколько раз больше телятница против библиотекаря получает у нас?

— Телятница?.. Раз в пять, а то и в шесть, пожалуй.

— И телятницы, конечно же, еще нужны?

— Обязательно...

— Вот и записывайте меня в телятницы.

— А ты, Наталья Семеновна, не шутишь?

Наташка посмотрела на часы:

— Уже три часа серьезная живу.

— Ну, спасибо тогда,—обрадовался председатель. Он захлопнул дверцу, тронулся, тут же затормозил и спросил в окно:—А Елена Матвеевна не забудит?

Наташка подмигнула:

— Ничего, как-нибудь уговорим.

— Молодец, Наталья Семеновна,—восхищенно сказал председатель, и его «газик» помчался в гору от реки.

Теплоход «Мусоргский» стоял у дебаркадера.

Толпа была точно такая, как утром.

Лукьяниха нетерпеливо поглядывала по сторонам, Митя держался за подол ее юбки. Увидев Валу и Наташку, она вышла из толпы и замахала рукой:

— Куда вы пропали? Опоздаете еще!

— О, кажется, Митя в гости пожаловал?—Валя подседа к нему.

— Не в гости, а насовсем,—строго сказал Митя.

Волновалась Лукьяниха зря, на теплоход Валя успела, и даже пришлось ждать. Внучке же сообщила новость:

— Васька в город уезжает.

— Где он?—спросила Наташка.

— У дебаркадера еще не видно.

Цыганка Дуся важно ходила по тропе и кричала:

— Принимаю заказы на любые вещи!

Цена государственная!

Дуся увидела Лукьяниху, расцвела, протянула бабке узкую ладонь:

— Дай, милая, закурить.

— Не курю я, Дуся.

— Тогда давай погадаю тебе.

— Спасибо, Дуся, но мне как-то и ни к чему. Ты лучше невестушке моей погадай.

Дуся любопытно посмотрела на Наташку, но встретила суровый взгляд.

— Ох-ох-ох, гордая какая,—сказала Дуся и тотчас растворилась в толпе.

Валя стояла на теплоходе у трапа. Лукьяниха, Наташка и Митя на дебаркадере.

На дебаркадере появились Яша и его мать. У Яши в руке чемодан. Перед трапом Яша остановился, поставил чемодан и обнял мать. Мать заплакала.

— Не плачь... не надо,—сказал Яша.

Он увидел Лукьяновых, кивнул им, разжал охватившие его шею руки матери, взял чемодан и поспешно пошел на теплоход.

Яшина мать заплакала сильнее. Лукьяниха тоже было захлопала носом, но Митя дернул за юбку и сказал:

— Васька идет.

Из деревни по тропе спускался Вася. Он икал и покачивался, блаженная улыбка стояла на его лице, кепка сдвинута на затылок. Вася был крепко пьян, шаги делал невероятно большие. Перед дебаркадером он упал, поднялся, увидел Наташку, Лукьяниху и брата и помахал им рукой. И так, помахивая, Вася вплотную подошел к родне и поклонился.

— А я уезжаю, Наталья Семеновна. А я уезжаю,—он приподнял кепочку.—Пока!—и вдруг запел и затопал.—

Лукоморья больше нет, от дубов простыл и след,—икнул и уставился на сестру.—Пока!..—снова помахал рукой.—Привет тебе от отца, матери и многочисленных братьев и сестер.—

Вася полез за голенище сапога, вытащил пачку десятирублевых бумажек, поплевал на палец и, отсчитав десять штук, протянул Наташке.—А это, Наталья Семеновна, от меня. Про свадьбу наслышаны, на приданое... Не берешь?—Вася протянул десятирублевую бумажку Мите.—Тебе на конфеты.

Митя отвернулся от брата.

Наташка взяла Васю за нос, притянула к себе, свободной рукой вырвала у брата все деньги и оттолкнула от себя:

— Я тебе покажу город, доходяжка!

Вася упал:

— Ты чего?

Теплоход загудел, на него затащили трап, полоса воды между дебаркадером и теплоходом стала расширяться. Валя махала рукой, махала и бабушка и кричала:

— Пиши нам, Валя! Обязательно пиши!

Наташка не спускала с Васи глаз. Вася вскочил на ноги и бросился к ней. Наташка снова толкнула его. Вася упал, сильно стукнулся затылком, кепочка скатилась в реку и закачалась на волнах.

— А, гадина,— взвыл Вася,— я и без денег обойдусь!

Он неуклюже поднялся и прыгнул без разбега на теплоход, но достал до палубы только одной рукой, грохнулся всем телом в борт и полетел в воду.

На теплоходе и дебаркадере закричали, но Вася скоро вынырнул и, отплевываясь, угрожая Наташке кулаком, поплыл вокруг дебаркадера к берегу, рюкзак горбом торчал на спине.

Теплоход развернулся. Валя вышла на корму и смотрела на то, что происходило на берегу.

Вася доплыл до берега, выбрался на четвереньках на обрыв, сел на берегу и горько, навзрыд заплакал. Вася был еще совсем мальчишка, особенно сейчас, мокрый и жалкий.

Подошла Лукьяниха. Митя не отпустился от бабкиной юбки и прятался за нее. Лукьяниха недовольно проворчала:

— Не позорься хоть. Вставай и иди домой.

Когда подошла Наташка, Вася вдруг вскочил и бросился с плачем на нее. Наташка толкнула его от себя, и Вася опять упал.

— Здесь, Василий Семенович, будем жить! Заруби это на носу. Мы с тобой обязаны братьев и сестер на ноги поднять,— твердо сказала Наташка.

— А, гады!— закричал Вася, вскочил и бросился бежать вдоль берега, жалобно и тоскливо вскрикивая:— А, гады!..

Ясный летний вечер в деревне особенно свеж, торжествен и печален. Закатная сторона еще горела и полыхала, а восток уже погрузился в ночь и мигал первой звездой.

Наташка и Федя сидели на крыльце. Он поцеловал ее:

— Нагулялась?

— Нагулялась,— тихо ответила Наташка. Она посмотрела на ссадину на Федином лице, потрогала рассеченную кочергой губу.— Прости. И в другой раз такого мне не позволяй. Мужчиной надо быть и в семье.

Митя, сверкая босыми пятками, бегал по улице за лобастым теленком. Теле-

нок игриво взбрыкивал, бодал воздух и удирал от Мити. Их обоих нагнал шквальный рев трех реактивных истребителей. Истребители шли правильным треугольником, крыло в крыло, в темное небо закатной стороны. И Митя, сдернув с головы кепочку, замахал им, их тяжелому грому и закричал:

— Ур-ра-а-а!..

Дарья Ивановна, костлявая старуха с крючковатым носом, выросла перед мальчиком словно из-под земли. Она долбанула кулаком в голову Мите так, что он упал и заревел:

— Чего дерешься?

— А чему радуешься, дурак!

— Наши ведь!— заревел Митя еще громче, вскочил и побежал догонять теленка.

Наташка сидела, обняв колени руками, и молчала. Но вот губы ее дрогнули, она нежно посмотрела на жениха:

— Поцелуй меня, Федя.

Федя посмотрел с улыбкой на нее и едва коснулся губами Наташкиной щеки.

— У нас будет ребенок!— тихо сказала Наташка.

— Что?..

— У нас будет ребенок!

По улице скакал на лошади Алеша. Маленькая собачонка зло облаивала его.

Алеша влетел на лошади в оградку к Лукьянихе и застучал кулаком в окно. В окне показалась Лукьяниха:

— Чего пригнал?

Алеша смахнул пот со лба:

— Васька отца убивает! Связать Ваську надо!

— Ох ты!— всплеснула руками Лукьяниха.

Алеша уже мчал обратно, и маленькая собачонка снова пугалась под копытами и зло облаивала его.

Вася вбежал в дом с ружьем в руках. Лида бросилась к нему, схватилась за ружье:

— Отдай!

Вася толкнул ее, и Лида упала.

— Где отец?

— Не знаю.

Вася поднял ружье и, не целясь, выстрелил в стоявший на столе будильник. Будильник словно сдуло, окно за ним жалко звякнуло и осыпалось.

— Выходи, родимый!—крикнул Вася, прислушался и выскочил из дома.

Сестры сидели на бревнах, они испуганно таращились на Васю и плакали.

— Не надо... Не надо, Вася,— выговаривала сквозь слезы Лида.— Ты пьяный и не понимаешь, что человека убивать нельзя!

— Где отец?

— Не надо, Вася. Не надо,— твердила Лида.

Вася пошел вокруг дома:

— Выходи, родимый!

Федя спускался с крутого берега, хватался за кусты руками и падал, падал. Потом Федя размашисто шагал возле самой воды.

Из-за леса выползла луна. Она округлилась над горой, обозначила дорогу сухим каменным блеском. По дороге сломя голову прямо на Федю летел всадник. Всадник, пригнувшись к шее лошади, бил в потный пах каблуками сапог. Копыта стучали, всадник кричал:

— Найду гада!

Федя остановился. Когда до всадника оставалось метров десять, Федя закричал:

— Вася! Стой!

Но Вася промчал мимо, размахивая ружьем и хрипя:

— Убью гада!

— Вася, Вася!— снова закричал Федя и бросился вдогонку.

Стук копыт затих, а он все бежал дорогой возле реки и кричал:

— Вася! Вася!

Возле разрушенной церквушки горел костер, у костра сидел парень в шапке и в сапогах. За церковью слышалось ботало и крик жеребенка.

Федя, запыхавшись, издали закричал парню:

— Ты Ваську Лукьянова не видел?

— Спит Васька,— спокойно сказал парень, подкидывая хворост в костер.

И тут Федя увидел Васю. Вася лежал на фуфайке, сладко всхрапывал и правой рукой крепко держал ружье. Лошадь стояла рядом. Она опустила голову и тяжело дышала, ее раскоряченная громадная тень качалась на кирпичной стене церкви.

Федя устало подсел к костру. Парень молча заваривал чай в жестяной банке.

Федя бросил в костер палку и сказал:

— Миша, я женюсь!

— Женись,— равнодушно сказал Миша и подул на чай.

— У меня будет сын!

Миша невозмутимо зевнул:

— У меня их двое.

Прямо на костер бесшумно налетела сова. Федя выхватил ружье из Васиной руки и ударил огненным столбом в два круглых светящихся глаза. Парень оскалился от неожиданности, лошадь шагнула к костру, а сова покачнулась—Федя, видимо, только оглушил или легко ранил ее,—облетела полукруг и уселась между лошадью и Федей, и теперь уже лошадь оскалилась и захрипела от испуга.

Широкий кошачий лоб совы стоял неподвижно. Федя погладил сову, она даже не шелохнулась, лишь на миг прикрыла глаза полупрозрачными пленками век.

Федя разделся и прыгнул в воду вниз головой. Он плавал, нырял, отфыркивался.

Парень у костра широко зевал, отхлебывал маленькими глотками чай и смотрел на сову. Сова вдруг расправила крылья и полетела.

Вася чему-то улыбался во сне. Федя, зачерпнув пригоршню воды, подошел к Мише и вылил ему за шиворот.

— О-о-о!— парень округлил глаза.

Федя сгреб его, как маленького, в охапку и крутанул вокруг себя так, что ноги парня со свистом резанули воздух.

— Поломаешь!— взмолился парень.

— Я бессмертен, Миша!.. У меня будет ребенок!.. Будет сын!..

Наташка лежала на кровати с открытыми глазами. За стеной звонко смеялся Митя. Мирно поскрипывал маятник настенных часов. Ударный механизм часов пробил дважды.

Наташка, улыбаясь, поправила на себе одеяло, подтянула его до подбородка и закрыла глаза.

Федя сидел за столом напротив Лукьянихи и застенчиво улыбался:

— Вася спит.

— А девки-то как?—спросила тревожно Лукьяниха.

— Спят. Их Алешка уложил.

Он встал из-за стола, громадный, сильный, гора рядом с Лукьянихой. Лукьяниха тоже встала, подошла к нему, взяла за руку и прижалась к его

ладони щекой:

— Федя, родной, люби Наташеньку мою.

— Я люблю ее, бабушка!

— Вот и ладно, вот и хорошо!..

Митя спал. Он зашевелился, открыл глаза и, видимо, ничего спросонок не понимая, смотрел на склонившуюся над ним Лукьяниху. Но вот он все вспомнил, улыбнулся, потянулся к старухе ручонками и обвил ее шею.

Бабка погладила его:

— Спи, Митя. Спи, родной.

Лукьяниха на цыпочках подошла к двери в Валину комнату, прислушалась, потом направилась к порогу, взяла огромные Федины туфли, взяла банку с кремом и щетку и вышла на крыльцо.

Было уже светло, деревня тонула в тумане, всходило солнце. Лукьяниха старательно чистила Федины туфли на крыльце. Когда туфли заблестели, она поставила их на порог, выпрямилась и спросила себя:

— Своих-то подружек всех ли позвала?— Она стала загибать пальцы на руке.— Дарью Ивановну, Прасковью Степановну... О, Василису-то Панкратову забыла совсем.

Лукьяниха шла утренней улицей, свернула к одному из домов и постучала в окно:

— Василисушка!

В окно высунулась старуха в белом платке:

— Чего тебе?

— На свадьбу, подруженька, приходи,— сказала Лукьяниха и неожиданно запела:

Ты садись-ка, добрый молодец,
Поплотнее со мной рядышком,
Чтобы век не разлучатися,
Друг на друга не пенятися,
Ты садись не с спесью-гордостью,
А садись с господней милостью,
Чтобы жить-то нам не маяться,
А проживши, не спокаяться.

Лукьяниха пела протяжно, жалостливо, казалось, расплачется сейчас, только не расплакалась, встряхнула головой и улыбнулась:

— Помнишь, как пели на вечеринках суженым своим?

— Помню!— Василиса скрылась на миг в доме и потом протянула Лукьяни-

хе в окно трехлитровую стеклянную банку с молоком.— Митьку молочком попоишь.

Лукьяниха взяла банку и расплылась в улыбке:

— Спасибо... А молодые-то, Василисушка, спят!

— Пускай, их дело молодое... Да лучшего на земле и не бывает.

Туман. Слышалось мычание телят, девичий смех.

Над лесом выкатился огромный шар красного солнца. Видны стали изгородь загона, пестрое стадо сгрудившихся у корыт телят, машина у ворот.

Парень, в берете и толстеном свитере, снимал фляги с грузовика. Телятницы уносили фляги в загон, открывали их, разливали обрат в корыта.

Парень снял последнюю флягу из кузова, закрыл борт и сказал телятницам:

— Чао!

— Чао!— ответили в один голос Наташка и Катя и рассмеялись.

Машина уехала.

Сытые, ухоженные телята пили обрат и, довольные, помахивали хвостами.

Наташка и Катя притащили в загон очередную флягу, открыли ее, но обрат в корытах уже переливался через край, и Наташка и Катя остановились перевести дух.

Телята, успевшие напиться, потянулись к девушкам, окружили их, доверчиво подставляли вихрастые лбы Наташкиным и Катиным рукам.

— Здравствуйте, ласковые мои! Здравствуйте, хорошие! Какая же вы, оказывается, славная ребятня!— говорила Наташка.

— А я смотрю и глазам не верю. А Наталья, оказывается, решила тетю Дусю заменить. Вот здорово. И тетя Дуся обрадуется, когда узнает про тебя. Ее на каталке в реманацію везут...

— В реанимацию.

— Да, а она о телятах беспокоится и говорит: «Не уморила бы их Катюша без меня». Теперь что, теперь мне точно любая работа не страшна.— Катя отступила от Наташки на шаг и сделала хитрые глаза.— Я знаю уже, что тебе с Федором на свадьбе скажу!..

— Что?

— А вот... подарок поднесу и поклонюсь.

Катя низко и плавно поклонилась Наташке, коснулась земли вытянутой вперед рукой, плавно поднялась и, совсем как Лукьяниха, запела-закричала:

Живите богатые,
Спереди горбатые.
Сколько в лесу пеньков—
Столько вам сынков!
Сколько в поле кочек—
Столько вам и дочек!

Катя и Наташка шагнули друг к другу, обнялись и расхохотались.

Лукьяниха опять шла деревней, в руках несла трехлитровую банку с молоком. Лукьяниха остановилась у избышки с одним-единственным окном и застучала в стекло:

— Про свадьбу, Ивановна, не забыла?

Костлявая старуха с крючковатым носом распахнула створки окна:

— Не забыла.

— А молодые-то, Ивановна, спят!
Дарья Ивановна осенила себя размашисто крестом, потом перекрестила Лукьяниху:

— Слава богу!

А Лукьяниха спешила уже дальше.

В туманной еще улице ходили лошади. Чалый жеребец охаживал молодую кобылу. Кобыла нервничала и показывала зубы жеребцу. Лукьяниха обошла лошадей и увидела черного козла. Она растерянно огляделась по сторонам, заметила на дороге палку, подбежала к ней, подняла и погрозила козлу. Козел презрительно посмотрел на Лукьяниху и повернулся к старухе задом. А Лукьяниха боком, боком от него, отошла подальше и плюнула в сторону козла:

— Вот тебе!

И опять пошла улицей. В одной руке Лукьяниха бережно держала трехлитровую банку с парным молоком, в другой несла палку. Конец палки тащился за Лукьянихой по земле.

УВЕРЕН—МЫ ЕЩЕ ВСТРЕТИМСЯ...

Ненавижу предисловия.

Всегда вспоминаю картинку из детства: перед киносеансом дядя на эстраде долго объясняет нам, что мы сейчас будем смотреть... А мы подышаем от скуки!

Зачем же я тогда пишу? Только для существенного сообщения: сценарий, который вы сейчас прочтете, был написан Еленой Лобачевской почти восемь лет назад... Восемь лет—это тысячелетие в жизни молодого литератора!

Но как же это случилось? Почему? Почему сценарий тогда не печатали? Почему сценарий тогда не снимали, восемь лет назад?..

Не бойтесь, я не буду произносить смелых фраз по поводу прошлого. Смелых фраз, к которым мы все уже успели привыкнуть, как успели привыкнуть в прошлом к трусливым фразам. Ох, это наше любимое: «Давайте после драки помашем кулаками!..» Я хочу лишь сказать: хорошо, что хоть сейчас печатают! Замечательно! Ибо автор сценария Елена Лобачевская и по прошествии этих мучительных восьми лет еще молода. По правде—молода!

К счастью, не произошло трагедии, случившейся в нашей театральной драматургии, где целая группа новых драматургов сумела пробиться на сцену, когда им было под сорок. А театральная критика, потеряв юмор, еще долго именовала их «молодой драматургией».

Итак, с превеликим удовольствием повторяю: Елена Лобачевская—молода! Где мы еще встретим ее имя? В поэзии? В прозе? В кино? Не знаю. Но уверен—встретим!

И еще. Есть история о композиторе: до тридцати—«Только я». После тридцати—«Я и Моцарт». Потом—«Только Моцарт!» Да здравствует возраст, когда художник говорит: «Только я!»

Эдвард Радзинский.

ЕЛЕНА ЛОБАЧЕВСКАЯ КОРАБЛЬ

Уже сентябрь. Уже осень. И наш дачный поселок не так оживлен и многолюден, как летом. Но все же сегодня воскресенье. По шоссе, вдоль которого тянутся участки—огромные куски леса с гигантскими соснами, про-

гуливаются дачники. Они прогуливаются степенно, медленно, вежливо раскланиваясь друг с другом. Почти все они с собаками. Из всех пород собак жители нашего поселка почему-то предпочитают пуделей. Их здесь даже больше,

чем разноцветных «Жигулей», а «Жигули» стоят почти за каждым забором. Пудели всех цветов, всех размеров, от самого крошечного из карликовых до королевского, подстриженные в зависимости от вкусов хозяев.

Шоссе бежит вперед мимо участка, на котором прямо у забора стоит большой красивый корабль, официально он называется морской яхтой. Двое молодых людей лет двадцати пяти вениками очищают корабль от желтых листьев и веток.

Шоссе делает резкий поворот. У калитки стоит сутулый седой человек, неряшливо одетый, со странной доброй улыбкой он смотрит на дорогу. Ему за пятьдесят. Его зовут просто Леня.

Шоссе идет под гору.

Кончается и наш поселок. Отсюда ведут три дороги: одна — к гигантскому темному лесу, другая — через поля к маячащим вдаль домикам небольшой деревушки, а третья — к пляжу.

Пляж пуст. Зато у продуктовой палатки оживление. Здесь много машин, очередь выстроилась у палатки.

Несколько столиков под большими зонтами. Все столики заняты.

За одним из них сидим мы. Перед нами батарея бутылок пива и горка конфет. Пока нас двое: Левка и я.

Левке девятнадцать лет. Он сидит, покачиваясь на стуле, в рваных джинсах, клетчатой куртке, коротко стриженный, и пьет пиво из горлышка.

А я ем конфеты, запиваю их пивом и улыбаюсь Левке. Меня зовут Ксения, но все друзья называют меня Ксюхой. Мне восемнадцать лет. Я очень высокая, во всяком случае, выше многих своих ровесниц. Я в меру лохматая, то есть я причёсываюсь так, чтобы выглядеть лохматой, — говорят, мне это идет. Еще говорят, что я очень нескладная. Я вообще-то этого не замечаю, но то, что я вечно натыкаюсь на разные предметы, — это правда. Вот сейчас задела локтем бутылку, и она вылилась на меня. А Левка смеется, и я тоже смеюсь. Я обожаю смеяться по поводу и без повода, особенно без повода. И сейчас я смотрю на Левку, на соседние столики и хихикаю.

Рядом с нами, как всегда, вернее, как летом, сидят и дуют пиво представители старшего поколения ребят из нашего поселка — уже окончившие институты или отбездельничавшие свой срок, уже немного потолстевшие, немного не

очень молодые и немного невеселые, немного с женами, немного с детьми. И младшее поколение — школяры. Эти очень веселы. Конечно, ведь они пьют здесь пиво первый-второй год, а старшее поколение — десятый-двенадцатый, как-то уже не так внове и не так весело.

А мы — среднее поколение. Мы пьем здесь пиво не первый, но и не десятый год. Мы средние и по возрасту, и по количеству потребляемого пива, и по веселости: не так скептически и грустны, как старшие, но и не так беззаботно веселы, как младшие. Мы... Нас немало. Мы дети. Мы дети не по возрасту, а по положению в обществе. В данный момент «общество» для нас — это наш дачный поселок. Мы дети своих родителей. Это наше почетное звание.

Но мы еще не в полном сборе. Вот мы с Левкой и ждем полного сбора.

— Ну, где же все? — продолжает раскачиваться на стуле Левка.

— Как здорово было летом! — продолжаю улыбаться я. — Действительно, неплохо так опаздывать! Юшка, наверное, никак не может вырваться из родительских объятий, Мика ждет, пока за ним зайдет Ромка... Кстати, Ромке ты сказал, что в два встречаемся?

— Ага. А Ромка... встретил Ссююпу и рассказывает ей одну из своих любовных т-трагедий, — говорит Левка.

— О! Наш денди! — я толкаю Левку под столом ногой, и он чуть не грохается со стула.

— Дура! — успевает крикнуть он.

Но я уже бросилась к выскочившему из желтых «Жигулей» Ромке. Он высок, суперэлегантен, с черной копной волос, огромными черными глазами, на шее у него бусы, на руке браслет и кольцо из слоновой кости. Но главное в нем — очаровательная улыбка, перед которой не может устоять ни один человек, особенно женского пола.

— Ксюха! — вопит он.

Мы кидаемся друг другу в объятия. Я тащу Ромку к столу.

— П-привет! — здоровается он с Левкой.

— А Мика где? — спрашивает Левка.

— П-понимаешь, я за ним не зашел, потому что встретил С-сююпу...

Мы с Левкой засмеялись.

— Она к-клиническая дура, — продолжил Ромка. — Я пригласил ее к нам в гости. Мы у Юшки остаемся?

К нашему столику подошли упитанная женщина и мужчина в очках. Женщина держала на руках крошечного пуделя. Женщина строго посмотрела на меня—я в это время примеряла Ромкины украшения—и на Левку, который опустошал следующую бутылку пива, и ласково обратилась к Ромке:

— Рома, не забудь передать папе огромный привет и благодарность за его книгу. Прекрасные стихи!

— Да, г-гениальные!—сверкнул глазами Ромка.

Я заржала. Левка усмехнулся.

— А ты чья девочка?—строго спросила меня женщина.

Я растерялась и от смущения схватила Левкину бутылку.

— Она сукина дочка,—Левка отнял у меня бутылку.

— Сам ты сукин сын,—боролась за добычу я.

Женщина возмущенно посмотрела на Левку. Левка встал, поклонился ей и торжественно, всплеснув руками, произнес:

— Как?! Вы меня не помните?! Я сын Анны Сергеевны Дальской!

— Юра! Как бежит время! Анютин сын!—заметно помягчала женщина.—Мы тебя совсем маленьким помним, а сейчас просто жених, да, Юра?

Супруг Юра ничего не помнил, но покорно кивал.

— Маме привет от Москвитиных передай. Вы здесь Машу не забывайте, мы ее с бабушкой оставляем...

— Не з-забудем!—уверил супругов Ромка.

И родители Маши продефилировали к палатке в хвост очереди.

— Кто такая Маша?—спросил Левка.

— Не знаю,—я пожала плечами.—Но мамочка у нее похожа на грушу.

— Это родители Сюсюпу. Я на них приехал. А Сюсюпу зовут Машей, я сам т-только сегодня узнал.

— Что?!—завопила я.—Ты же говорил, что у Сюсюпу папа шпион!

Ромка смутился и быстро перевел разговор на другую тему:

— Так, ближе к д-делу. Мне родители оставили двадцать пять рэ,—он выложил деньги на стол.

Левка полез в карман:

— Мы тут с Ксюхой уже потратились. У меня только десятка. Я с Анной Сергеевной полаялся. Зато у Ксюхи тридцать.

— Родители в ссоре. Каждый платит по отдельности,—я выложила на стол свои капиталы.—Жалко, что скоро помирятся.

Сзади кто-то обнял меня, чмокнул в щеку, и на стол легло две десятки.

— Все, что мог, совершил!—сообщил Мика.

Мика—пухлощекий парень-крепыш в очках. Он всегда чем-то недоволен, и поэтому выражение лица у него всегда обиженное и губы всегда надуты. В руках у него авоська.

— А что у тебя в сумочке, моя крошка?—надув губы, как Мика, спрашивает Левка.

Мика надувается еще больше.

— Почему ты за мной не зашел?—обиженно спрашивает он Ромку.

— П-понимаешь, тут в-вышла такая история с милицией...—Лицо Ромки светлеет, озаряется вдохновением.

Но Левка не дает ему развернуться:

— В-в общем, мы его с трудом отбили!

Левка выхватывает у Мики авоську и достает три бутылки сухого вина. Появление каждой бутылки мы с Ромкой приветствуем радостным воплем.

— Это вам сюрприз!—гордо сообщает Мика.

— Ребята, поделитесь!—просят с соседнего столика, где восседает старшее поколение.

Левка широким жестом передает им бутылку вина.

Мика не очень-то этим доволен, но весело говорит, глядя на деньги, валяющиеся на столе:

— У нас еще уйма возможностей! Кстати, какие будут планы? А то летом так весело было! Я сейчас просто подыхаю от усталости. Надо как следует отдохнуть.

Левка разливает вино по бумажным стаканчикам.

— Ксюха, Ромка, Левка, Мика!—вздрагиваю я от запыхавшегося голоса.

К нам бежит Юшка. Мы все бросаемся ей навстречу. Объятия, поцелуи, приветствия...

Наконец мы вновь усаживаемся за столик.

— Ну что, уехали?—не терпится узнать Левке.

— Нет. У них гости—Ксюхины и Микины родители. Я еле вырвалась.

— Не пилили, что мы все у тебя остаемся?—спросила я.

— Не очень. Дала миллион обеща-

ний, что мы будем вести себя прилично,—Юшка кокетливо засмеялась.— Оставили еды и денег.— Она выложила деньги на стол.

— Господи! С-скорей бы уехали! Может, их как-нибудь в-вытурить?— предложил Ромка.

— Потерпи. Все будет, как летом! Я в Москве устала ужасно! И еще вас целых три дня не видела!—щебетала Юшка.

— А где это ты пропадала, предательница?—Левка налил Юшке вина.

Юшка подмигнула мне, встряхнула пушистыми светлыми волосами и сообщила:

— У меня появился поклонник с машиной. Мы катались!

— Интересно взглянуть на этого кретина,—обиделась Юшка.—Итак, пока родители не уехали, надо составить план действий на эту неделю.—Юшка сгребла деньги и пересчитала их.— Нормально. Значит, так—я здесь встретила ребят с корабля. У них не хватает денег на отделочные работы или что-то в этом роде. Подкинем?

— Конечно!—поддержала я.— Морская яхта! Уже второе поколение строит. Надо же им когда-нибудь достроить. Двадцать рублей им!

— Тридцать!—заявил Левка и взял у Юшки тридцать рублей.

— Потом, вечером, праздник воссоединения—надо посетить магазин. Еще тридцать,—считала Юшка.

— Остальное время интенсивная духовная жизнь, которая тоже стоит денег. Все остальное на нее!—заклучил Ромка.

— Потом можно нанести несколько визитов,—предложил Мика.

— За светлое будущее, ура!—подняла я бумажный стаканчик и залпом выпила.

Все последовали моему примеру.

Мы тащимся по шоссе. Впереди Левка. За ним Ромка с Микой. В хвосте—Юшка и я.

— Его зовут Андрей. Он в меня влюблен ужасно,—рассказывает окосевшая Юшка.

— Здорово! А я уже пьяная!—сообщаю я.

Тут я замечаю на поле между рекой и шоссе стога сена и кричу:

— Ребята! Сено!

Мы, обгоняя друг друга, бежим к

стогам. С разбегу врезаемся в огромный стог. Левка взбирается на самый верх и с криком скатывается оттуда, засыпая всех нас сеном.

Мы толкаемся, деремся, швыряем друг друга, выпихиваем из стога. Начинаем играть в конный бой. Юшка залезает Левке на плечи, а я сажусь на плечи к Ромке. Ожесточенная борьба, которую пытается судить Мика. В результате с него слетают очки, и он первый летит в стог. А за ним падаем мы с Юшкой. Победители так и не определились. Стог разрушен. Мы с ног до головы в сене.

— Вон еще стог!—кричит Мика, наконец разыскав очки и надев их.

Левка, Мика и Юшка кидаются к следующему стогу.

Я тоже пытаюсь, но мне становится лень, и я плюхаюсь обратно в сено. Рядом со мной лежит Ромка. Я смотрю на облачное темное небо, на поле, на обрывистый берег реки...

Ромка угадывает мои мысли:

— Мы здесь совершенно свободны. П-правда?—говорит он.—И больше ничего не хочется. П-правда?

— Ага. Я бы всю жизнь так жила.

— Д-давай жить так всю жизнь! Что нам мешает?

— Давай,—соглашаюсь я.

Лицо Ромки вдруг становится мрачным, на глаза наворачиваются слезы:

— Ты п-помнишь Ирочку?

— Какую?—спрашиваю я.

— С которой у меня был роман в августе.

— Не помню. А что?

— Она погибла в автомобильной катастрофе.—Ромка сжал губы, скорбно опустил голову.

Я расхохоталась:

— Грешно, Ромка. Когда ты меня кадрил прошлым летом, я уже оплакала Юшку, убитую шайкой бандитов.

— Да ну тебя, Ксюха,—засмеялся Ромка.—В тебе нет ни капли романтизма—сплошной цинизм.

— Не цинизм, а здоровая ирония,—я поцеловала Ромку.—Бежим, догоним наших!

Ребята уже разрушили все стога и бежали к шоссе. Мы с Ромкой догнали их.

— Ксюха, о чем это ты с Ромкой философствовала?—обнял меня Левка.

— О свободе и о смерти,—доложила я.

Мы поднимались по шоссе в гору и

после пробежки идти было трудно.

— Свобода—это осознанная необходимость, а смерть—это...—Мика не мог вспомнить определение и, улыбаясь, щелкал пальцами.

— Д-дурак!—толкнул Мику Ромка.

— Зачем же так грубо? Понимаешь, Микочка, свобода—это свобода. Это состояние души!—объяснил Левка.— А смерть—это подарок, который надо заслужить всею жизнью своей.

Мы с Юшкой одобрительно закивали.

— Вот я сейчас свободна!—обрадовалась своему открытию я.

— И я с-свободен!—воскликнул Ромка.

— А я родился свободным!—показал ему язык Левка.

— Я тоже,—обрадовался Мика.

— А вот и врешь! Но у тебя еще есть шанс, смотри, не упusti его, малыш!—сказал Мике Левка.

— А я буду окончательно свободна в самое ближайшее время—когда уедут родители,—заулыбалась Юшка.

И мы, довольные состоянием своей души, с легкостью преодолели подъем. Навстречу нам ехали машины, мы махали им, Юшка посылала воздушные поцелуи, Левка изображал водителей.

Мы шли мимо Юшкиной дачи. Сквозь деревья были видны два больших дома, несколько машин, силуэты людей, сидящих на большом балконе за большим столом. До нас доносились голоса, женский смех. Всем внезапно стало грустно. Вот там люди веселятся, а мы только и ждем, чтобы они уехали. Как-то нехорошо, ведь они тоже люди.

У калитки стоял Леня. Он радостно улыбался нам.

— Здравствуй, Леня!—нестройным хором сказали мы.

— Здравствуйте, ребята,—Леня говорил, сильно шепелявя.—Мика, тебя папа с мамой ищут.

— Кто тебе разрешил выходить за калитку? Быстро на участок!—прикрикнул на него Мика.

Леня, испуганно ссутулившись, зашел за калитку.

Мы двинулись дальше.

— Нехорошо так разговаривать с родным дядей,—поддела Мику Юшка.

— Ты бы с ним пожила!—огрызнулся Мика.—Пятидесятилетний ребенок!

— А как называется его болезнь?—спросил Левка.

— Он остановился в развитии лет

шести-семи, мне так мама объясняла, правильно?—спросила Мику Юшка.

— Почти.—Мике не хотелось разговаривать на эту тему.

— И что же, твои родители, такие известные врачи, не могли его вылечить?—спросил Левка.

— Значит, не могли. Мой папа ведь его младший брат. Как он мог его вылечить?

— А з-зачем лечить?—влез Ромка.—Представляешь, всю жизнь смотреть на мир глазами семилетнего ребенка! Я бы непрочь!

— Ну и смотри, кто тебе мешает?—Мика снова надулся.—А вот и корабль!

Несколько молодых людей покрывали яркими красками борта. Девушка очищала палубу.

— Привет,—сказала Юшка.

— Привет,—закивали ребята, не отрываясь от работы.

— Какой красивый получится! Я помню, как его начинали строить. Это так давно было,—ударилась в воспоминания я.

— Вот, скоро закончим!—похвасталась девушка.—Правда, я уже на нем не поплыву,—она показала на свой живот.

— А сколько лет вы его строите?—спросил Левка.

— Лет...—девушка задумалась.—Еще мой старший брат начал... Ему сейчас тридцать семь, мне двадцать пять, а придумал построить на даче морскую яхту еще мой отец. Уже и не считаешь.

— Долго,—сказал Левка:

— Ребята, мы вам денег п-принесли!—сообщил Ромка.

Один из молодых людей оторвался от работы и подошел к нам:

— Спасибо, очень кстати.

Левка протянул ему деньги. Мы были очень довольны собой и гордо улыбались.

— А куда вы на нем поплывете?—спросил Мика.

— В путешествие по морям и океанам, точно никак решить не можем. Принимаем предложения. Слушайте...—молодой человек внимательно посмотрел на нас.

Юшка прервала его:

— А ведь до моря очень далеко, как же вы его туда довезете, он же огромный?

— Еще одна не совсем решенная проблема. Слушайте, у меня к вам

предложение: давайте с нами отделывать корабль. А то чего вы без дела шатаетесь?

Я уже открыла было рот, чтобы согласиться, и Ромка прокричал:

— А что?! Давайте!

Но Левка строго сказал:

— Нет, мы не можем. Вы ошибаетесь, мы не без дела шатаемся. Мы не можем по многим причинам.

Левка говорил очень солидно, и я поверила, что мы не можем по многим причинам.

— Можно мы просто посидим в каюте?—спросил Мика.

— Пожалуйста,—сказал молодой человек,—только там не убрано.

Мика с Ромкой бросились к кораблю, мы за ними. Взобрались по лестнице на борт, друг за другом залезли в каюту, огляделись. В каюте стояли две деревянные койки и небольшой столик. На столике лежали карты. На полу валялись инструменты, тряпки.

Я выглянула в иллюминатор. Какая-то компания остановилась у корабля и внимательно разглядывала его. Один из мужчин улыбнулся мне, и по движениям его губ я поняла, что он сказал: «Молодцы».

Я повернулась к ребятам и спросила: — Левка, а почему ты не захотел с ними строить?

— Потому что не люблю присоединяться к чужому делу,—сказал Левка.—Если б мы сами придумали...

— А куда б мы поплыли?—Юшка села у столика и принялась раскладывать пасьянс.

— Я бы поплыл вокруг света, по всему миру!—сказал Ромка.

— Я бы в Непал и в Индию. И еще в Африку,—сказал Левка.

— А ты?—спросила я Юшку.

— В Париж.

— Там нет моря,—засмеялся Мика.

— Ксюха, а т-ты куда хочешь?—спросил Ромка.

— Я... Не знаю. Нет еще такой страны,—улыбнулась я.

— Не знаю, куда поплывем мы, но они,—Мика показал пальцем вверх,—по-моему, никуда не поплывут.

— Почему это?!—возмутилась я.

— Мне так кажется. Пошли отсюда,—предложил Мика.

Мы выбрались на палубу. Ребята красили киль, и мы были на палубе одни. Начинало темнеть. Зажигались окна на дачах. Мы смотрели на наш

поселок сверху, и люди на шоссе, и собаки, и машины казались нам игрушечными. Но над нами возвышались вековые сосны, грозные облака плыли по небу, и по сравнению с ними мы были маленькими и игрушечными, и корабль казался маленьким и игрушечным. На шоссе показался игрушечный автомобиль. В нем сидели двое игрушечных мальчишек.

— Смотрите, что малышня придумала! Стой!—завопил Мика и замахал руками.

Автомобиль резко затормозил возле корабля.

Он оказался вовсе не игрушечным, а большим самодельным автомобилем, рассчитанным человек на семь. Он издавал страшные звуки—скрипел, трещал, пыхтел, был очень странной формы, местами покрыт ржавым железом. Но мне он понравился.

Мы подбежали к автомобилю.

— Сами сделали?—спросил Левка мальчишек.

— Ага,—они были очень польщены нашим вниманием.

— Подвезете?—спросил Левка.

— В магазин. Пора готовиться к вечеру,—сказала Юшка.

Мальчишка распахнул перед нами дверцу, мы уселись на сидения и на борт машины. Мотор затрещал, и мы с диким шумом помчались по шоссе.

Машина свернула с шоссе и затормозила у магазина.

— Спасибо,—сказал Левка.— Приходите к нам вечером. Сорок первая дача.

— Нас родители через час увозят. Завтра в школу,—развел руками водитель.

У магазина стояло несколько мужиков. С первого взгляда было видно, что они не имеют никакого отношения к нашему поселку. Они нежно просили продавщицу пустить их в магазин. Но продавщица была непреклонна.

— Закрываю! У вас в деревне свой магазин есть!—кричала она.

— Здравствуйте, тетя Гаша,—сказала я.—Мы к вам за провизией.

— Во! Мои сорванцы пришли,—ласково сказала тетя Гаша.—Растут-то как! Проходите, деточки мои.

Мужики попробовали пройти за нами, но тетя Гаша захлопнула дверь у них перед носом и повернула ключ.

Мы набирали продукты, а тетя Гаша взвешивала нам шашлык. Мы шумели, жадно хватая все, что попадалось под руку.

— И в-вина, тетя Гашенька,— просил Ромка детским голосом.

— Сейчас, ребятки, у меня тут припасено какое-то дефицитное, грузинское, кажется, сейчас дам.

Тетя Гаша скрылась в подсобке и вернулась с вином.

Юшка протянула тете Гаше деньги.

— Сейчас, миленькие, все вам посчитаю,— она принялась с потрясающей скоростью бросать костяшки на счетах, приговаривая:— Три тридцать, рубль двадцать да плюс четыре девяносто... Как, Ксюшенька, у папы выборы? Скоро дочкой академика станешь? Вот время бежит! Левушку в коляске помню, да пять шестьдесят, во смеху-то было!— она засмеялась.

Мика внимательно смотрел на то, как она считает, и усмехался.

Тетя Гаша взяла у Юшки деньги, дала ей сдачу—пригоршню мелочи.

— Спасибо, тетя Гашечка,— сказал Левка.

И мы направились к выходу.

— Приходите, ребятки, а то родители уедут—совсем истощаете. Нам тут завтра продукты должны завезти, приходите, охламоны мои...

Начинался вечерний разъезд. Жители нашего поселка покидали сей благословенный уголок. Из ворот выезжали набитые до отказа взрослыми, детьми, собаками и вещами «Жигули». Покидали поселок и его обитатели, лишенные удобного средства передвижения. Они поодиночке и семьями торопились к автобусной остановке. Но уезжали не все. Многие живут на даче круглый год. Творят, дышат свежим воздухом, любят природу, выгуливают собак, детей и кошек, катаются на велосипедах. Этим видом транспорта в нашем поселке пользуются в основном старухи, реже старики. И еще... некоторые строят корабль.

Но корабль, слава богу, остался позади. Мы, изнемогая от усталости и тяжести поклажи, приближаемся к цели. На участке стоят два дома. Один из них принадлежит Микиным родителям, а другой Юшкиным. Устраиваемся у забора в кустах, садимся на землю. Левка бросает на землю продукты, бе-

режно кладет несколько бутылок и ловко взбирается на дерево.

— Ну и ну!—тяжело вздыхает Мика.—И мы все это сожрем?!

— Еще как!—воскликает Ромка.

— Тем более...—сообщает Юшка,— что мы банкроты!

— Здорово она нас обшелкала! Я смотрел и восхищался. Минимум рубля на четыре,— говорит Мика.

— Не жмотничай. Тетя Гаша—свой человек. Ей не жалко. Она и в долг нам может дать,—доносится с дерева Левкин голос.

— Здравствуйте, Нора!—приветствует Юшка крупную кудрявую женщину.

Нора вся в рюшечках, оборочках. С ней ее дочка—девушка лет двадцати семи—и кудрявый упитанный черный пудель.

— Здравствуйте, Нора, Лена и Тилли!—кричит с дерева Левка.

Нора и Лена оглядываются по сторонам, затем замечают нас в зарослях у забора и Левку на дереве.

— Здравствуйте, дети!—улыбается нам энергичная и веселая Нора.

А Лена—очень строгая девушка. Она нам просто кивает.

— Ой! Сколько у вас еды, вина! Ждете, пока родители уедут?—весело осведомилась Нора.

— Ага, Норочка,—кинула Юшка.— А вы тоже остаетесь?

— Да! Александр Викторович пишет новую пьесу. Он только на даче писать может! А я без него никуда!—гордо и бодро сообщила Нора.

— Залезают в машины!—крикнул с дерева Левка.

Мы радостно завопили. Лена высокомерно посмотрела на нас. Выражение ее лица так и говорило: сопляки и дураки.

— В-вы не боитесь з-здесь оставаться?—вдруг спросил Нору и Лену Ромка.

— Боимся? Чего?—удивилась Нора.

Я сразу поняла, что фантазия на секунду отказала Ромке, и как верная подруга пришла на помощь:

— Вы не знаете?! Нам, правда, запретили говорить...

Нора сгорала от любопытства, да и Лена прислушалась.

— Что случилось, ребята? Мне вы можете сказать,—уверяла нас в своей благонадежности Нора и даже присела на обочину рядом с нами.

— Сказать?—спросила я у ребят.

— Уезжают!—раздался с дерева заговорщический шепот Левки.

Из ворот медленно, один за другим, выехали четыре «Жигуля».

— До свидания, мама!—пропел Мика.

— Вперед!—бросил клич Левка, слезая с дерева.

Мы вскочили. Машины помчались по шоссе.

— Так что же случилось? Я, честное слово, никому не скажу,—жаждала событий Нора.

— В поселке появилась шайка бандитов,—строго сказал Левка, поднимая с земли бутылку.

Наконец собрался с мыслями Ромка:

— Они душат женщин-брюнеток и грабят их, а тела бросают в реку.

Ни усмешки, ни ухмылки. Серьезно настолько, что даже я могла бы поверить.

— Вы не шутите?—все-таки засомневалась надменная брюнетка Лена.

— Лучше бы мы шутили, но мы уже не в том возрасте,—сказал Мика.—Только не вздумайте об этом кому-нибудь говорить. Мы дали слово серьезным людям не сеять паники.

У брюнетки Норы округлились глаза.

— До свидания. Извините, мы торопимся,—попрощался Левка.

Миновав дачу Микиных родителей—большую, из темного дерева—и выйдя на полянку возле Юшкиного дома—чуть поменьше, зато с гигантским деревянным балконом,—мы положили провиант возле мангала и дружно расхохотались.

— Хворост для костра воссоединения!—приказал Левка.

Юшка понеслась в дом.

Левка с Микой принялись собирать хворост. Ромка распаковывал продукты. А я никак не могла успокоиться:

— Надо же, такую милую женщину напугали! Она теперь по всему поселку раззвонит!

— Потрясающая баба! Только о своем муже и говорит да юбки с оборками шьет, а он, бедный, строчит пьесу за пьесой, и одна хуже другой. Кажется, мог бы ей и фирменных шмоток прикупить,—болтал Мика, собирая хворост.

— Во! Родители оставили!—Юшка выбежала из дома с пирожными и початой бутылкой коньяка.—Микочка, все богатые—жадные. А Норочка—бедная жертва. Если б я такого плодovitого драматурга отыскала, я б придумала,

как его раскрутить.

— Кто ищет, тот всегда найдет!—прервал ее Ромка.—Давай сюда таз для шашлыка.

Мы не заметили, как на полянке появился Леня. Он подобрал с земли прутик и, неловко согнувшись, положил его к мангалу.

Мы сидели у костра. Над поселком сгустилась ночь.

Когда долго готовишься к какому-нибудь празднику, он чаще всего не удается. Мы быстро наелись, быстро захмелели, а веселья так и не получилось. Поселок спал. Вокруг была мертвая тишина. Наши лица освещал затухающий костер.

Левка подложил хворосту, раздул огонь.

У Мики на коленях лежала гитара. Он потягивал вино из бутылки. Было холодно, потерянно и одиноко.

Когда костер загорелся ярче, я увидела, что невдалеке стоит Леня и, улыбаясь своей доброй и грустной улыбкой, смотрит на нас.

— Леню покормить забыли!—сказала я пьяным голосом.

— Его родители уже кормили. Леня, иди спать,—устало приказал Мика.

— Не ходи спать, Леня!—приказал Левка.—Садись с нами. Девочки, шашлык остался?

Леня подошел к костру, сел рядом с Юшкой на бревно.

Юшка положила ему на тарелку шашлык.

— Леня, ты н-нас любишь?—спросил Ромка.

— Очень,—ответил Леня.

— А м-меня?—настаивал Ромка.

— Очень люблю,—улыбался Леня.

— А Левку?—ревниво спросил Ромка.

— Тоже.

— А К-ксюху, а Юшку?

— И Ксюшу, и Юлю...

— А Микку?—приставал Ромка.

— И Мису очень.

— Но ведь Мика тебя обижает!—влез Левка.—Он тебе грубит. Он летом тебя в тачке для мусора катал и пугал.

— Миса хороший,—уверенно сказал Леня.

— А кого ты не любишь?—спросила я.

— Всех люблю,—ответил Леня.

— Нельзя всех любить,—сказал Левка.

— Я всех люблю,—обиделся Леня.

— Леня меня любит,—обрадовалась Юшка и обняла Леню.

— Не он один,—мрачно сказал Мика.—Пусть он лучше скажет, зачем он родителям на меня стучал: «Миса сказал, что когда вы умрете, он дачу продает».

— Нехорошо доносить, Леня,—покачал головой Левка.

Леня испугался, встал и засеменял к террасе Микиного дома.

— Зачем вы с ним так?—рассердилась на мальчишек Юшка.

Мика пожал плечами, а Левка строго сказал:

— Пойди лучше позвони своему халху с машиной. Может, завтра придет с провиантом. Завтра Леню надо кормить, да и нам бы не мешало с утра опохмелиться.

— Ты становишься практичным,—не упустила я случая поддеть Левку.

— К-ксюха, вечно ты, как выпьешь глоток, сразу с-скандалить. С-скучно ведь. Хотите я вам лучше расскажу о с-своей любимой.

При слове «любимая» Левку передернуло, да и я скорчила гримасу. Юшка, поднявшаяся было идти звонить, остановилась и прислушалась.

— Ее зовут Н-наташа,—начал Ромка.—У нее...

— Такая т-трагедия!—закончил за него Левка, этим прекращая историю.—Пусть лучше Мика сыграет.

Мика играет совершенно потрясающе. Даже я это признаю, хотя слуха у меня никакого. Но музыка, которую играет Мика, слишком абстрактна для моего невоспитанного уха, и я прошу:

— Микочка, а для меня что-нибудь со словами и по-русски.

Мика снисходительно улыбнулся мне и заиграл, напевая.

Ромка моментально перекричал его. Он пел громко, растягивая слова, с большим воодушевлением:

Раздайте патроны,
поручик Голицын,
Корнет Оболенский,
налейте вина!

Левка подсвистывал. Юшка пошла в дом звонить по телефону. Я залпом выпила оставшееся в бутылке вино. И вдруг, то ли от количества выпитого, то ли от того, что праздник не удался, разозлилась.

— Между прочим,—сказала я гром-

ко и зло,—между прочим...

Ребята прекратили петь. Ромка до того вошел в роль корнета Оболенского, что на глазах у него появились слезы.

— Ты чего, К-ксюха?—спросил он.

— Между прочим, корнет Оболенский и поручик Голицын тебе, Ромочка, и руки бы не подали. Поэтому хватит горланить, да еще с таким пафосом.

Левка засмеялся.

— Почему это не подали бы?—возмутился Ромка совершенно серьезно.

И моя злость прошла.

— Ладно, спать,—сказала я, с трудом поднимаясь с бревна.—Я лично иду спать.

Левка стал затапывать костер. Мика снова принялся играть свою музыку.

Я вошла в дом. Юшка спала на диване на террасе, укрывшись ковром. Я медленно поднималась на второй этаж. Меня догнал Ромка.

— А почему бы они мне р-руки не подали? Мне?!—не мог успокоиться пьяный Ромка.

— Мне кажется, корнеты Оболенские и поручики Голицыны не очень-то дружили с еврейскими мальчиками.

Ромка на секунду задумался.

— Ну и черт с ними,—сказал он грустно.—Пошли спать, Ксюха. А то уже скоро светает... Помнишь, как мы с тобой в прошлом году встречали в лесу рассвет?—Ромка обнял меня.

— В позапрошлом,—уточнила я.

Солнце светило мне прямо в глаза, и я, как ни вертелась, не могла от него спрятаться. Я открыла один глаз и оглядела комнату. У лестницы на надувном матрасе спал одетым Левка. На диване, в постели, раскинув голые руки и открыв рот,—Ромка. А по комнате расхаживал неизвестный мне молодой человек. Он рассматривал картины. Здесь висели старинные холсты и керамика Юшкиных родителей.

Молодой человек лет двадцати двух, среднего роста, черноволосый, с черными усиками был в скрипучем новом джинсовом костюме. Я пристально рассматривала его одним глазом. Он взглянул на меня.

— Здравствуй, Ксюша,—сказал он.

Я открыла второй глаз, приподнялась на кровати. И наконец поняв, что это не сон, мрачно сказала:

— Доброе утро. Вы к кому?
— Я Андрей,—представился он.—
Меня Юлия пригласила.
— Тише,—шепотом прикрикнула я
на него.—Который час?
— Два.
— Ого!

Я села на кровати, быстро надела свитер. Вылезла из-под одеяла, натянула брюки. Андрей тактично отвернулся. Я хмыкнула.

— Вставайте!—громко зевнула я.
Левка перевернулся на другой бок. Ромка не шелохнулся.

Я понеслась вниз по лестнице, бросив на бегу Андрею:

— Сейчас Юшку разбуджу, подожди.
Внизу на террасе спала Юшка. Я села рядом с ней, потянулась и сказала:
— Привет!

Юшка открыла глаза и томно спросила:

— Зачем ты вырвала меня из объятий Морфея?

— Чтобы бросить в объятия некоего Андрея. Вставай. А где Мика?

Юшка пожалла плечами, вскочила с кровати.

Открыв дверь в ванную, мы увидели, что в ней удобно устроился Мика, приспособив все полотенца под подушку и одеяло.

— Мика! А ну быстро поступать в институт!—крикнула я.

И Мика сразу проснулся.

Юшка выскочила из ванной умытая, причесанная; слегка покрашенная, в общем, неотразимая, а я вышла такой же, как и вошла, только проснулась немножко. У меня не было повода особенно следить за своей внешностью.

— Андрюшка!—крикнула Юшка громко, как бы объявляя очередной номер в цирке.

Андрей сбежал по лестнице и предстал перед ней:

— Привет, Юлия. Я уже два часа жду, пока вы проснетесь!

Левка, Ромка, Мика слонялись по даче, с трудом передвигая ноги, полуодетые, зачумленные, и все время наткались то друг на друга, то на меня, то на Юшку с Андреем.

— Да, мы вчера всю ночь пиروвали,—кокетничала Юшка.

На них наткнулся сосредоточенный и босой Мика:

— Слушай, ты мои ботинки не видела?

— Нет,—сказала Юшка.
— А носки?—пристал Мика.
— Тоже нет. Андрюшка, пойдем на участок, а ребята пока завтрак готовят.

Меня с собой не позвали, поэтому я зашла на кухню.

На кухне Леня мыл посуду.

— Доброе утро, Леня,—сказала я.

— Доброе утро,—улыбнулся Леня.—Я уже все со двора убрал. Посуду мою.

— Молодец! Моя школа!—вошел босой Мика.—Пора приучаться к труду, а то шатаешься всю жизнь без дела.

Вошел Ромка. Он снова был эlegantен и красив.

— Леня, ты г-гений!—похвалил он старательность Лени.

Ромка поцеловал меня и подошел к Мике, который стоял у окна и смотрел на Юшку.

Юшка показывала Андрею участок и весело ворковала с ним. Рядом с нашей дачей стоял синенький «Запорожец».

— Погода какая! Прямо как летом! Юшка хвост распустила,—надулся Мика.

— Это может кончиться весьма трагично,—сказал Ромка.—Мне этот тип не нравится.

Мы с Леной тоже подошли к окну.

К Юшке и Андрею деловым шагом направился Левка. Он подошел, пожал Андрею руку, что-то сказал ему. Юшка явно смутилась. Андрей кивнул Левке и направился к «Запорожцу». Левка с Юшкой побежали к дому.

Я выскочила им навстречу.

— Куда вы его спланили?—спросила я.

— Эта предательница,—Левка улыбнулся и кивнул на Юшку,—не заказала ему привезти пожрать. Вот я его и послал.

— Куда?—испугалась я.

— Пока в магазин,—успокоил меня Левка.

Когда Андрей вернулся, все уже окончательно проснулось. По деревянному полу мы с Ромкой катались на роликах, Левка преследовал нас на самокате, а Мика, посадив Юшку на раму, разъезжал на стареньком «Орленке». Велосипед с трудом выдерживал эту тяжесть. Леня сидел за столом и с

вечной улыбкой смотрел на наши пируэты. Андрей застыл у входа, не зная что делать, потому что никто его не заметил.

— Юля,—позвал он.

Юшка соскочила с велосипеда, но откликнулся Ромка.

— И это все?!—возмутился он, взглянув на хилые пакеты в руках у Андрея.

— Спасибо,—встала на защиту Андрея Юшка.—А пьянству бой и обжорству тоже,—улыбнулась она нам.

Мы сидели за столом.

— Девочка идет,—оторвался от еды Ленья.

— Внимание! Сюсюпуу решила совершить светский выход,—сообщил Левка.

— Не посрамим славу нашей загадочной компании,—хмыкнул Мика и вопросительно посмотрел на Левку и Ромку.

— Продолжим в лучших традициях,—кивнул Ромка, и глаза его загорелись.

— Я исчезаю,—Левка поднялся.— У меня важное дело! Я надеюсь, вы окунёте эту крошку в настоящую жизнь. Не забудьте, мне угрожает опасность!

Левка побежал по лестнице на второй этаж.

Раздался стук в дверь.

— Войдите!—крикнула я.

Вошла Сюсюпуу. Она бросилась целоваться со всеми. Поцеловав Ромку, она с недоумением посмотрела на его отрешенное и очень печальное лицо.

Мы с Юшкой тоже были необыкновенно серьезны.

Сюсюпуу остановилась возле Андрея и протянула ему руку для поцелуя:

— Маша.

— Андрей,—он пожал ей руку.

— Ребята, почему вы вчера ко мне не зашли? Мне так скучно было! А вы меня бросили.

Можно подумать, что мы с ней когда-нибудь дружили! Сюсюпуу, несмотря на большой рост и бюст, говорит голосом пятилетнего ребенка, за что и получила от нас это имя. Она обняла Ромку и продолжала сюсюкать:

— А чего вы сегодня собираетесь делать? А можно я с вами? Как у вас здесь здорово! Как все красиво!

Заметив мой мрачный, сосредоточенный взгляд, она нежно улыбнулась мне и сказала:

— Ксюня, какая ты сегодня хорошенькая!

— Ты хочешь сказать, что во все остальные дни я страшна как смертный грех?—покосилась я на нее.

— Что ты!—испугалась Сюсюпуу.—Ромка, скажи!

Но Ромка освободился из ее объятий и встал.

Мика тоже поднялся.

Андрей в недоумении следил за нами, пожевывая бутерброд.

Наступило напряженное молчание.

— Ты видишь эту раму?—сурово спросил удивленную Сюсюпуу Мика.

Вся деревянная стена террасы была увешана керамической Юшкиных родителей, а сбоку висела небольшая рамка.

— Да!—сказала Сюсюпуу.

— А что, как ты думаешь, должно быть в раме?—уставилась на нее я.

Сюсюпуу пожала плечами.

— Не знаешь?—откинув голову и пристально глядя в глаза Сюсюпуу, произнес Ромка.—В раме должна быть к-картина!

Сюсюпуу вздрогнула.

— Что случилось?—спросила она.

— А то, что если в раме нет к-картины—это ужасно!

— Я тоже очень люблю картины,—почему-то оправдывалась Сюсюпуу.

— А если к-картина в р-руках убийц и людей б-бездуховных...—Ромка махнул рукой.

— У вас похитили дорогую картину?—наконец осенило Сюсюпуу.

— Бесценную,—опустила голову Юшка.

— А родители знают?—Сюсюпуу была полна сочувствия.

— Нет,—ответила я.—Ее похитили у нас, и мы должны ее вернуть. Это очень страшно и практически неосуществимо. Но мы должны! Я должна быть с Левкой!—я вскочила.

— А кто? Кто ее похитил?—закричала Сюсюпуу.

— Это длинная история...—начал Мика.

— И очень т-трагическая и непонятная,—сказал Ромка.

— Сейчас Левка, рискуя жизнью, разговаривает с теми, кто связан с виновниками. Я должна быть с ним!—с надрывом произнесла я и шагнула к двери.

Юшка бросилась ко мне.

— Не смей, не смей! Это опасно! Не пускайте ее!—со слезами в голосе прокричала она.

— П-пойду я! Это мужское дело!—сказал Ромка.

— Я!—сказала я, и это не подлежало обсуждению.

— Не ходи, Ксюня,—пролепетала Сюсюпу, ничего не понимая.

— Каждый сам выбирает свою судьбу.—Мика поправил очки и отвернулся к окну.

Я выбежала с террасы, хлопнув дверью. Около лестницы я остановилась и взглянула на себя в зеркало. Я себе понравилась. У меня было такое взрослое лицо, так блестели глаза и столько в них было целеустремленности...

Но надо торопиться. И я взбежала по лестнице.

Левка стоял посреди комнаты и перебинтовывал себе голову. Он был в рваной белой рубашке.

— Ну как?—спросил он.—Что вы ей поведали?

— Ты сражаешься с похитителями шедевра. Ты пытаешься воззвать к их человечности, гуманности... Но, по моему, все тщетно! Мне кажется, меня должны убить.

— Может, лучше меня?—спросил Левка.

Я сорвала с него повязку, взлохматила ему волосы, разорвала по сильнее рубашку.

— Ну, пожалуйста, меня!—попросила я, доставая из шкафа гуашь.

Левка швырнул об пол стул. Я поставила на стол гуашь, взяла со стола медный чайник и изо всех сил запустила им в стену. Мы начали бегать по комнате, передвигать мебель, кидаться всем, что попадало под руку.

По лестнице взбежал Ромка с доской в руках.

— Огонь!—скомандовала я.

И Ромка стукнул доской об пол.

Наступила тишина. Я окунула кисточку в красную гуашь и принялась окровавливать Левку.

— Ну, что там?—шепотом спросила я у Ромки.

— Юшка ревет, Мика р-рвется в бой, но уступил мне очередь. Андрей молчит. Сюсю предложила вызвать милицию, но я сказал, что провода перерезаны.

— Вперед,—прошептала я и легла на пол.

Левка нес меня на руках. Ромка, скорбно опустив голову, шел за ним. Прежде чем открыть дверь на террасу, Левка прислушался. В полной тишине плакала Юшка.

Левка ногой распахнул дверь и вошел.

Сюсюпу вскрикнула.

Леня подбежал к нам и, не переставая улыбаться своей вечной улыбкой, начал бессвязно повторять:

— Лева, Ксюша... Ксюша, Лева...

Ромка поднял голову, окинул всех испепеляющим взглядом, вытаращил глаза и прокричал в бессильной злобе:

— С-сволочи! Убийцы!..

Да, действительно, все было в полном ажуре. Левка, взлохмаченный, весь в крови... И мое ослабевшее тело у него на руках. А на сером свитере у сердца алеет пятно крови.

У Юшки началась истерика.

— Юля,—улыбнулся ей Андрей, не зная как себя вести.

— Замолчи, я тебя ненавижу!—крикнула Юшка.

— Я... Я во всем виноват!—беспрестанно повторял Левка.—Она ведь спасала меня...

— Я должен был идти!—воскликнул Ромка.

— Ты их убил?—с надеждой спросила плачущая Юшка.

— Им удалось скрыться,—ответил убитый горем Левка.

— Они убежали через б-балкон!—Ромку всего трясло от бессильной злобы.

— Что надо делать?—спросил Мика.—Что я могу сделать?

— Здесь оставаться опасно для нашей жизни. Они в любой момент могут вернуться! Сюсю, и ты здесь?!—ужаснулся Левка.—Беги немедленно!

Он попытался сделать жест рукой по направлению к двери и уронил мой бессильный труп на пол.

— Ребята, вы что, что? Что здесь происходит?—переводила взгляд с одного на другого Сюсюпу.

— Б-беги!—Ромка толкнул ее к двери.

Но Сюсюпу не уходила.

— Уходи,—сказал Мика.—И, смотри, никому ни слова. Ты можешь только навредить нам.

Ромка просто выпихнул Сюсюпу

с террасы и прокричал ей вслед:

— Д-держи язык за зубами! Б-беги!

Сюсюпупу, оглядываясь, побежала.

Я лежала на полу. Юшка никак не могла прекратить рыдания.

— Приспустить флаги!—
скомандовал Левка.— Почтим минутой молчания...

Все встали по стойке смирно.

Только Андрей не поднялся и с усмешкой смотрел на нас.

— Встань,— подтолкнула его Юшка и всхлипнула.

Он нехотя встал.

— Спустить тело за борт!—
скомандовал Левка и сделал шаг в сторону.

Ромка взял меня за ноги, Мика за руки, и они понесли меня к раскрытому окну террасы.

— Хватит!— завизжала я и вырвалась из их цепких рук.— Хватит мной швыряться! Больно же. Тебя б так об пол!— рассердилась я на Левку.

— Я заигрался,— извинился он.

Юшка подбежала и поцеловала меня.

— Я так в роль вошла. Слезы прямо сами льются,— улыбнулась она Андрею.

Тот был явно не в своей тарелке.

Я сидела на балконе в шезлонге и читала книжку. Мика в комнате ожесточенно играл на гитаре.

Левка водил кистью по большому листу бумаги.

А Ромка катался по балкону на роликах. Но мы не обращали внимания на его пируэты, и ему надоело кататься. Он снял ролики и полез на чердак.

— Ну как?— спросил меня Левка, показывая на лист бумаги.— Это только фон.

— Хорошо,— сказала я.

— Я сам знаю, что хорошо.

— Что будет на фоне?— спросила я.

— Надо подумать,— сказал Левка.— Должно быть нечто впечатляющее, достойное такого красивого фона. Чего читаешь?

— «Исповедь» Толстого.

— А,— махнул рукой Левка.— Читано-перечитано.

Ромка спускался с чердака и тащил большущий сундук.

— Помогите,— позвал он нас.— Здесь потрясающие т-туалеты. Сейчас устроим маскарад!

Мы с Левкой поспешили к нему на помощь.

Мы готовились к вечернему чаепитию. Темнело. Андрей и Леня накрывали на стол. По балкону расхаживал Мика в потертом фраке, при бабочке и играл на гитаре.

Я сидела на перилах балкона. На мне было платье, которое я смастерила из куска старой черной подкладки, волосы были собраны в высокий хвост. Я курила сигарету из длинного деревянного мундштука.

Появился Ромка. Он был в широкополой шляпе, в просторной блузе с огромным бантом, плед он использовал как накидку. Он прикрывал глаза черной полумаской.

— Маска, кто ты?— спросила я.

— Я аферист к-корсиканец. Скрываюсь в м-маки. Между прочим, известный сердцеед.

Ромка, галантно раскланявшись, подал мне руку. Я спрыгнула с перил и бросилась ему на шею.

— О! Храбрый корсиканец! У меня темное прошлое, но я буду тебе веселой подругой. Я буду приносить тебе еду в маки и помогать в самых опасных делах!— поклялась я Ромке.

Но тут на балкон вышли Юшка и Левка, и все внимание переключилось на них. Юшка была неотразима. С высоким пучком, в клипсах, в белом платье до полу из капроновой занавески, в Ромкиных костяных бусах.

Андрей так и открыл рот. Юшка была необыкновенно женственна и грациозна. В руке она держала подсвечник с зажженными свечами. Она поставила его на стол.

— Отечество в опасности!— крикнул Левка.

Он был в шинели, очень старой, без погон, в очках, которые напоминали летческие, в шароварах, заправленных в сапоги.

— Господа, прошу к столу!— сказал он.

Мы уселись за стол. Юшка принялась разливать чай.

— Андрюшка, ты почему не нарядный?— спросила она.

— А зачем?— улыбнулся Андрей.

— Как зачем?— удивилась Юшка.— У нас же торжественное чаепитие. Лев, передайте мне, пожалуйста, сахар.

Сахар, с поклоном, подал ей Ромка:

— Для вас, сударыня, все что угодно!

Андрей не принимал участия в нашей игре, и ему было скучно. Левка попытался включить его:

— Чем вы изволите заниматься, юноша?

Андрей обрадовался, что с ним заговорили, и с готовностью ответил:

— Я журналист, вернее, я учусь на журфаке.

— А если в д-другом измерении?— спросил Ромка.

— В каком?— удивился Андрей.

— В нашем,— строго сказал Левка.— Вот я сейчас что-то вроде летчика-испытателя, Юшка—хозяйка салона, в котором собираются светлейшие умы мира, Ромка—великий аферист, Ксюха с виду бордельная девица, но в ее груди бьется отважное сердце, и она способна на многое.

Я гордо подняла голову и свысока взглянула на Андрея.

— Мика—просто Паганини какой-нибудь,—продолжал Левка.—А Леня—величайший из философов всех времен и народов.

Леня потупил глаза.

— Я, наверное, не понимаю ваших игр,—сказал Андрей.

— Почему игр?—обиделась Юшка.—Мы всегда так живем. Тебе не нравится?—Она вышла из роли хозяйки салона и стала говорить капризным голосом.

— Я, конечно, сам люблю повеселиться,—сказал Андрей.—Но у вас какое-то странное веселье. Мне Юля столько о вас рассказывала, но мне непонятен стиль вашей жизни. Этот спектакль, который вы разыграли перед Машей. Зачем? По-моему, вы слишком инфантильны.

— Какие оценки! Действительно, журналист. Вы случайно не знакомы с моей мамой? Она могла бы к этому добавить, что мы потребители. Конечно, ведь мы не зарабатываем денег, кровососы, паразиты, дебилы и извращенцы,—очаровательно улыбался Левка.

— А почему бы вам не зарабатывать денег?—начал интервью Андрей.—Я слышал, Лева, ты нигде не работаешь и не учишься, дома не живешь.

— Разговоры о деньгах с детства вызывают у меня аллергию, мальчик. А где мой дом, я не знаю, но в том, что

это не дом моих родителей, я уверен.

— А на что ты живешь?—спросил Андрей.

— Ему родители подкидывают, да и друзья помогают,—мягко объяснила Юшка.

— И им тоже родители. Я, например, согласен с твоей мамой. Ты действительно ведешь паразитический образ жизни. Да и все вы, по-моему, сделали из жизни цирк какой-то. Но мне больно, что вы в это Юльку втягиваете, она институт прогуливает, не занимается.

Юшка зло взглянула на Андрея.

— А ты что, сам себе на машину заработал?—спросил Мика, не переставая играть на гитаре.

— Нет, мне тоже родители помогли, но основную сумму я сам заработал, а остальное отработаю. Кстати, Рома, ты, кажется, на театроведческом учишься. Я могу тебе помочь устроиться где-нибудь подработать,—пошел на примирение Андрей.

— Я в а-академке,—зло отрезал Ромка.

— Почему?—осведомился Андрей.

— Потому что я паразит. Но п-паразитом, по-моему, лучше быть, чем карьеристом и д-делягой!

— Ты не прав, Ромочка,—сказал Левка.—Между паразитом и карьеристом—длинный путь, и есть нечто схожее...

Зазвонил телефон. Я кинулась в комнату.

— Алло! Да, мама. Хорошо. Ужинаем. Деньги есть. Тепло. В куртке. А мне какое дело? Нет. Безразлично. Пока, позвоню.

Я вбежала на балкон.

Там держал речь Левка. Он, строго глядя на Андрея, говорил:

— Вот ты хвастаешься своими успехами в журналистике. Тебя печатают. Но что печатают? Кому это интересно? Кто это читает? Ромкиного папу тоже печатают. Но ведь от этого его стихи не становятся лучше.

Ромка закусил губу.

— Ты хвастаешься, что сам зарабатываешь себе на жизнь, а мы бездельники, говоришь...

— Он не хвастается, он действительно зарабатывает,—тихо сказала Юшка.

— Неважно,—продолжал Левка.— Но ты уверен в том, что ты делаешь? Ведь, по-моему, лучше ничего не де-

лять, чем делать плохо, уродовать, например, эстетический вкус людей или кормить их ложью. Ты уверен, что твое дело нужно, что оно — правда?

— Да,— не задумываясь, ответил Андрей.

— Бедный,— с сочувствием взглянул на него Левка.

— А если сравнить с вечно-стью?— спросил Ромка.— Ведь по сравнению с вечностью вся наша жизнь абсурд и ты абсурден. Даже больше, чем мы, вместе со своими а-абсурдными статьями об абсурде.

— Абсурдный абсурдист абсурдировал абсурдно,— пропел под гитару Мика.

— Сравнить с вечностью нельзя,— серьезно ответил Андрей.— Это прямая дорога в сумасшедший дом.

Левка устало закурил.

Леня при словах «сумасшедший дом» перестал улыбаться.

Мика увлеченно играл на гитаре.

— Ты не прав. С чем же тогда сравнивать?— Ромка задрал голову и стал насвистывать, глядя в небо.

Юшка пошла проводить Андрея до машины.

— Нехорошо, Юшка расстроилась,— сказала я.

— Сейчас все уладим,— пообещал Левка и покинул балкон.

— Спокойной ночи, ребята,— сказал Леня и тоже ушел.

— Кто звонил?— спросил Мика.

— Мамашка. Папу, видите ли, сейчас в академики выбирают, а я даже не позволю узнать, сколько голосов «за», а сколько «против». Он ей изменяет направо-налево, а она себе места не находит— только и думает о том, чтобы его в академики выбрали.

Еле слышно доносились голоса Юшки и Андрея. Леня зажег свет на террасе Микиного дома и вошел в комнату.

— Лене, наверно, там страшно одному,— сказала я.

— Ничего,— отмахнулся Мика.— Ну и чего папашка?

— Очень ему в академики хочется. А я считаю, что если не выберут, то справедливо будет. Он уже лет десять наукой почти не занимается. Молодой был— открытия делал. А сейчас носится колбасой по всяким делам, хоть бы за письменный стол когда-нибудь сел...

По лестнице поднималась Юшка.

— Закрой глаза!— крикнул Левка.

Мы бросились в комнату. Юшка стояла, закрыв глаза.

Левка прикнопивал к старинному холсту карикатуру на Юшку. Карикатура на Андрея уже закрыла портрет светской дамы прошлого века.

— Можно!— сказал Левка.

Юшка открыла глаза и засмеялась.

— Ну как вы с этим р-расстались?— спросил Ромка.

— А никак,— сказала Юшка.— Он мне что-то разонравился. Нет в нем полета.— Вдруг она вскрикнула:— Левка, ты что, с ума сошел, кнопками на холсты!

— А что?— недоуменно спросил Левка.

Но Юшка уже снимала его шедевры. Да, следы от кнопочек были весьма заметны.

— Ничего, сейчас аккуратно замажем,— Левка схватил гуашь.— Юшка, честное слово, никто и не заметит,— уверял Левка чуть не плачущую Юшку.

Утром, ну, конечно, это было не совсем утро, а где-то часа два дня, я вышла из ванной. Левка копошился на кухне. Юшка, Ромка и Леня сидели на участке перед домом. Со второго этажа доносился голос Мики. Он разговаривал по телефону.

— Хорошо, мама,— говорил он обиженно.— Ладно, сейчас поговорю с папой. Давай!

Я вышла на участок к ребятам. За мной появился Левка, он держал в руках тоненькие ломтики хлеба. Левка дал каждому по ломтику.

— И это все?— загрустила Юшка.— Я голодная ужасно.

— Я т-тоже!— сказал Ромка.

Левка развел руками:

— Придется отправиться в гости. Мика обещал повести к каким-то хлебо-сольным родительским знакомым.

К нам вышел надутый Мика. Левка дал ему ломтик хлеба.

— Меня поступают в институт,— обреченно сообщил Мика.

— В медицинский?— ужаснулась я.

— Да,— сказал он тихо.

Мы все, как на похоронах, смотрели на него. Только Леня жевал хлеб и улыбался.

— Все нормально,— сказал Левка.— Куда жрать поведешь?

— Что вы смотрите?—стал оправдываться Мика.— Юшка учится в своем инйезе, прогуливает, но учится. Ромка учился. Ты, Ксюха, на своем филфаке зубришь латынь, на которой не разговаривает ни один живой человек! Я не могу. Они меня сожрут. Я не могу больше слушать их речи!

Левка вырвал у Ромки кусочек хлеба и быстро проглотил.

— А я могу?—насмешливо обратился он к Мике.—Твоя мама—дилетант по сравнению с моей. Моя просто рыба-пила, да еще актриса, у нее же дикция поставленная! Турбина...

— На дневной?—спросил Ромка.

— Папа говорит, что сначала устроит меня к себе на кафедру работать и первый год я буду учиться на вечернем...

— Но ты же музыкант! Ты талантливый,—вздыхнула Юшка.—Можно я съем твой кусочек?

— Можно,—Мика отдал ей свою порцию хлеба.—Талантливый... А кому это нужно?! Они мне предлагали в музучилище поступать. Но ведь там еще хуже! Там могут меня только искалечить. Они будут заставлять меня играть, как им нравится, а я играю так, как я играю.

— Ты считаешь, что лучше быть плохим врачом и калечить других?—рассердилась я.

Левка сорвал травинку и принялся жевать ее.

— Зато родители не будут попрекать меня куском,—сказал Мика.

— Но можно зарабатывать и музыкой,—сказала я.—«Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Можно организовать ансамбль. Я могу быть конферансье... или Ромка, Левка—режиссером и художником...

— Нет,—сказал Ромка.—Это ужасно, но все бессмысленно. Это никому не нужно. И мы н-никому не нужны вместе с н-нашими м-мозгами и т-талантами. Мама, роди меня обратно! Есть хочется,—он обхватил руками живот.

— Ладно, бесполезный разговор. Все уже решено,—сказал Мика.

— Кем решено?—взорвался Левка.—Зарабатывай на хлеб, если пожарить для тебя так важно! Но, по-моему, работать за кусок унизительно.

— Может, родители и правы... Образование нужно иметь,—сказала Юшка.—Но дело в том, что в любом институте, а потом на работе человек

вынужден приспособливаться, зависеть от мнения совершенно чужих людей, и, мне кажется, если Мика начнет приспособливаться, он уже не сможет так хорошо играть.

— Да оставьте меня в покое! Я есть хочу,—зло сказал Мика.

Мы переглянулись. Есть хотели все. И... засмеялись.

— Веди!—приказал Левка Мике.— Не умирать же нам с голоду из-за того, что ты поступаешь в храм знания.

И Левка направился к воротам. Мы поспешили за ним.

Мы шли по шоссе мимо корабля. Леня плелся чуть позади.

Корабль был выкрашен. Чистенький, безумно красивый, он стоял готовый к отплытию. На палубе прислоненные к борту лежали свернутые паруса.

— П-построили!—сказал Ромка.

— Скоро куда-нибудь поплывут,—размечталась Юшка.

— Поторапливайтесь,—позвал нас Левка.

Он шел впереди. Мика рядом с ним. Ромка, Юшка, я и Леня еле успевали за ними.

Мы стояли у калитки и ждали Мику.

— Там, видите ли, уже отобедали, там дача заперта! Ну и друзья у Микиных родителей!—возмущался Левка.

К нам бежал Мика. Он распахнул калитку и гордо объявил:

— Кушать подано!

— К-кто кормит?—спросил Ромка, входя на участок.

— Мамина институтская подружка. Левка, ты ей только расскажи что-нибудь о своей маме. Они маниякальные киномамы.

Левка кивнул, и мы побежали к дому.

Мы сидели за большим замечательно накрытым столом. Во главе стола—пожилая супружеская пара. Они умилились нашему аппетиту. Мы руками хватили с блюда куски мяса, картошку, с диким энтузиазмом хрустели огурцами. Один Леня ел медленно и прилично, не переставая с ласковой улыбкой смотреть на хозяев дома.

— Изголодались без родителей!—

умилялся хозяин дома.— Лиза, принеси еще жаркого.

Хозяйка Лиза вышла.

— Как мама поживает?— обратился мужчина к Мике.

— Очень хорошо,— ответил Мика.— Диссертацию пишет.

— Давно пора. Я слышал,— обратился мужчина ко мне,— папу вашего можно поздравить: в Академию избрали!

— Пока нет.— Я хрустнула огурцом.— Но обязательно выберут.

Добрая Лиза внесла второе блюдо с мясом.

— От чая с домашним пирожком, думаю, не откажетесь?— ласково спросила она.

— Н-не, не откажемся!— сверкнул своей очаровательной улыбкой Ромка.

— Ой, забыла, как мальчика зовут...— Лиза кивнула на Левку.

— Лева Дальский,— подсказал ей Мика.

— Лева, капустки квашеной возьмите. Дальский!— вскрикнула она.— Вы Анне Дальской не родственник?

— Сын,— вежливо улыбнулся Левка.

— А я смотрю, лицо знакомое. Как на маму похож!

— Мы вчера кинопанораму смотрели, она там выступала,— сказал хозяин дома.

— Никогда б не подумала, что у нее такой взрослый сын! Такая она стройная, молодая...— умилялась Лиза.

— «Делайте Сиршаватасану и Пашиватасану, и ваше тело будет вечно молодым!» Йог Ромчарака,— таинственно произнес Левка.

— Что?— не понял хозяин дома.

Хозяйка Лиза с восторженной улыбкой слушала Левку.

— Йогой занимается,— пояснил Левка.— У нее весь день забит до отказа: с утра, значит, йога, потом чертит астральные круги, потом профком на студии, а потом, само собой, в церковь— придает лицу цвет духовности.

— Вечно дети над своими родителями подтрунивают,— засмеялась хозяйка Лиза.— А где она сейчас снимается?

— В пятницу ей позвонили, предложили главную роль в советско-мадагаскарском фильме...

— Какую?— заинтересовалась восторженная Лиза.

— Доброй волшебницы,— подсказала я Левке.

— Да,— кивнул Левка.— Так она от-

казалась.

— Почему?— вдумчиво спросил хозяин.

— Она в это время в позе лотоса сидела. Телефон зазвонил— пришлось подняться. А мамочка очень не любит, когда ее из позы выводят. Говорит: плевала я на Мадагаскар! Ей что— у нее предложений масса: с большим удовольствием готовится сыграть звеньевую зверофермы, потом на гестапковку уже дала согласие...

Хозяева не могли понять, шутит Левка или говорит правду, и ласково улыбались.

— А вы где учитесь?— спросил Левку хозяин.

— Нигде,— ответил Левка.

— Он х-художник!— сказал Ромка.

— Как же без образования?!— запричитала хозяйка Лиза.

— Между прочим, очень много великих людей не учились в институтах и ничего не потеряли!— вступилась я.

Левка закурил. Я тоже достала сигарету.

На террасе дым стоял столбом. Мы собирались уходить.

— Спасибо вам большое,— направляясь к двери, промямлила Юшка.

— Не за что,— улыбнулась Лиза.— Приходите еще, ребята.

— Спасибо,— сказал Леня.

Левка нагнулся к Микиному уху и что-то прошептал. Мика кивнул.

— Девочки, вы поздно вечером не ходите одни,— предостерегла Юшку и меня Лиза.— А то мне соседи рассказывали, что в лесу маньяк какой-то появился. На женщин бросается. Три девушки из нашего поселка бесследно исчезли.

— Н-не может быть!— воскликнул Ромка.

— В каждом слухе есть доля правды, будьте поосторожнее,— посоветовал хозяин дома.

— Хорошо, спасибо— сказала Юшка.

Левка подтолкнул Мику. Мика храбро выпалил:

— Елизавета Андреевна, у нас с деньгами плоховато. Вы не могли бы одолжить рублей двадцать? Родители в воскресенье отдадут.

— Пожалуйста, пожалуйста! Что же вы сразу не сказали?! Кирюша, дай детям денег,— попросила она мужа.

Кирюша взял с тумбочки бумажник, вынул двадцатипятирублевую купюру и протянул Мике.

— Спасибо,—откланялся Мика.

И мы вышли из дома.

На шоссе было совсем темно. Тускло светили фонари.

— Ого-го! Ну и обожрался же я!—вздыхнул Ромка.

— Холодно,—поежилась Юшка и взяла меня под руку.

Мы вновь шли мимо корабля. В темноте он казался еще больше и величественнее, а свернутые паруса напоминали орудия.

— А что это за история о маньяке?—спросил Левка.

— Может, вариация на тему нашего рассказа Норе,—улыбнулся Мика.

— Вдруг нет!—загорелся новой идеей Ромка.—У нас, кажется, шайка грабителей была, а теперь насильник какой-то...

— Пошли в лес,—предложила я.—Может, встретим?

— Ле-е-ень...—потянулся Левка.

— П-пойдем!—обрадовался моему предложению Ромка.

— Лене спать надо,—вдруг стал заботливым племянником Мика.

— Ну и идите... домой,—обиделась я.—Мы с Ромкой пойдем и обезвредим маньяка.

— Я с вами,—сказала Юшка.

— Мы идем,—укоризненно посмотрела я на Левку.

— Ладно. Идти, так всем вместе,—великодушно согласился он.

Мы остановились у нашей дачи.

— Леня, иди спать. Спокойной ночи,—сказал Мика.

— Спокойной ночи,—покорно сказал Леня и исчез в темноте участка.

В темноте, прислушиваясь к шорохам, осторожно ступая, мы брели по лесу. Было страшно и очень таинственно.

— Маньяк, где ты?—томным полусшепотом позвала Юшка.

— Я з-здесь!—кинулся на нее из кустов Ромка.

Юшка завизжала.

— Тише,—цыкнул на нее Левка.

Мика стучал палочкой по стволам сосен. Получалась мелодия.

Где-то впереди в лунном свете сереб-

рилась полянка, к которой мы и направились, продираясь сквозь густой ельник.

— А-а-а-а!—раздался женский крик.

— Маньяк!—крикнул Ромка и рванул к полянке.

Левка и Мика за ним. Мы с Юшкой тоже не отставали.

Женщина продолжала кричать. Крик усилился. Теперь, кажется, кричали двое.

Едва мы выбрались на полянку, нас ослепил свет нескольких фонариков. Они направлялись к нам.

— Кто это?—визжала женщина.

— Ерунда, дачники,—успокоил ее застуженный тенорок.

— Пойдемте отсюда!—вскрикнула Юшка.

— С какой с-статии?!—расхрабрился Ромка.

В этот же момент фонарик ослепил его, и он согнулся от удара под дых.

— Вы, дерьмо, зачем наших девушек пугаете?! Проваливайте!—последовало за ударом.

Мика закрыл лицо руками. Через секунду он валялся на земле и его били ногами.

Левка, получив удар в челюсть, схватил за руку парня, перекинул через себя, замахнулся на него ногой—удар приходился прямо в лицо—и не ударил.

Трое парней в это время отделявали Микку и Ромку.

— Ж-животные, быдло!—вопил Ромка и получал удары.

— Мамочка-а-а!—кричала Юшка, прижавшись к сосне.

Левкин противник с трудом поднимался с земли. Приподнялся—упал. Левка смотрел, смотрел на его мучения, да и подал ему руку—помог. А в этот момент на него навалились трое, уже расправившиеся с Микой и Ромкой.

Левку били вчетвером. Я металась в гуще драки, не зная, что делать, сжав губы, чтобы не закричать. И почему-то мне показалось, что если я протяну руку, я смогу Левку вытащить, вывести и увести отсюда. Я протянула руку...

Сильная рука схватила меня и отбросила в сторону.

— Куда лезешь, шлюха!—гаркнули на меня.

Я поднялась с земли и замахнулась. Но сильная рука снова схватила меня и прижала к дереву. Мои руки ослабели. Передо мной была девушка с сильными

мужскими руками. Она принялась бить меня по щекам. Я не могла пошевелиться, не потому что она была сильнее меня, а просто напало какое-то безразличие, столбняк.

— Сука чистенькая, стерва, по ночам с мужиками шляться не будешь...

— Не трогайте ее!—вопила Юшка, обхватив дерево руками и подняв глаза к небу.—Возьмите у меня кольцо! В нем сердолик! Не трогайте их!

— Уб-бийцы!—стонал Ромка.

— Мамочки!—почти пела Юшка.

— Хватит,—скомандовал один из парней.—Сопляки праздник испортили!

Шлепнув меня еще раз по физиономии, девушка вежливо сказала мне: «Пока» и поспешила за своими, которые уже собирали свои вещи на полянке. У них остался один фонарик из освещающей им путь, они скрылись в лесу.

— Ксюха, Юшка,—приподнялся с земли Мика.—Как дела?

— Слава богу!—обрадовалась Юшка и кинулась к Ромке.

Я—к Левке.

— Что, Ксюха, обезвредила маньяка?—зло спросил меня Левка.

— Х-хорошенькое приключение! Интересно посмотреть на себя в зеркало,—попытался подняться Ромка.—У-у-у... Больно.

Юшка помогла ему подняться.

Мы медленно двинулись в обратный путь. Все шли молча, поодиночке. Лес уже не казался нам таинственным. Он был просто злым и грозным.

— Какой ужас!—прервала молчание Юшка.—Жить не хочется...

Я рассмеялась:

— Да, мальчики, вы герои! Мика ладно, он музыкант, он руки бережет... простите, медик—тоже пригодятся, но вы-то каратэ занимались!

— Тебя тоже каратэ учили,—мрачно сказал Левка.

— Не буду же я бабу бить!—сказала я.

— Зачем мы только в этот лес пошли?!—переживала Юшка.

— Чья идея?—злился Левка.—Твоей подружки, у нее спроси.

— Конечно, я во всем виновата, а вы—несчастные жертвы!

— Ж-жертва всегда достойнее своих палачей!—гордо сказал Ромка.—Не расстраивайся, Ксюха.

Левка обогнал нас и, прихрамывая, шел один впереди.

И... у меня началась истерика. Юшка

попыталась утешить меня, но я сказала ей, всхлипывая: «Не надо». Она не настаивала.

Ну и мрак! Утро, называется. Темно. Накрапывает дождь.

Мы молча шатаемся по террасе. Мики нет. Юшка садится на диван, берет его гитару, пробует побренчать.

— Не надо, Юшка,—говорит Левка и распахивает окно.

У Левки огромный фингал под глазом.

— Х-холодно,—говорит Ромка, ложась на диван.

У него разбиты висок и губа, но он, как всегда, элегантен.

Левка стоит у окна и время от времени сплевывает.

Я меряю шагами террасу. На лице у меня красные пятна и царапины.

— Ребята, почему вы грустные?—спрашивает Леня.—Вас обидели?

— Все люди хорошие, Леня?—не поворачивая головы, спрашивает Левка.

— Все хорошие,—улыбается Леня.

— Где Мика?—спрашиваю я сама у себя.

Звонит телефон. Я делаю шаг к двери, но меня останавливает Ромка.

— М-меня,—говорит он уверенно и бежит вверх к телефону.

Молчание на террасе становится гнетущим. Слышны только мои шаги.

Распахивается дверь, и входит Мика с авоськой. В авоське несколько бутылок вина.

Левка оборачивается. Я останавливаюсь. Юшка поднимается с дивана. Леня продолжает улыбаться.

— Мика, я тебя люблю, ты замечательно догадлив!—Левка подходит к Мике, лицо которого тоже пострадало в ночной драке, обнимает его и берет авоську.

Ставит бутылки на стол.

Леня подходит к шкафу, достает пять стаканов, роняет все на пол. Юшка кидается поднимать их. Два стакана разбиты.

— Извините, пожалуйста,—виновато смотрит на нас Леня.

Мика делает сердитое лицо, но я весело смотрю на Леню и, махнув рукой, говорю:

— Это к счастью!

Леня не понимает, почему это к счастью, но благодарно улыбается мне.

Юшка ставит стаканы на стол. Левка

разливает вино.

— С добрым утром,—говорит Мика и залпом выпивает вино.

— С д-добрым утром!—приветствует всех сияющий Ромка.—О! Н-напиток б-богов!—он тоже выпивает свой бокал, одаривает нас улыбкой и говорит:—Я вас должен покинуть. У меня свиданье с Н-наташей.

— А почему покинуть?—удивляется Юшка.—Она что, сюда прийти не может?

— П-понимаешь, она...—начинает оправдываться Ромка.

— Ты нас стесняешься?—с улыбкой спрашиваю я.

— Ксюха,—укоризненно смотрит на меня Ромка.—Она...

— Только не ври,—перебивает его Левка.

Ромка кивает, собирается с мыслями. Не соврать трудно.

— Она очень застенчивая. Она м-может испугаться. Д-десятый класс,—он разводит руками.

— Валяй,—отпускаю я Ромку.

— Мне прямо сейчас, я должен ее у автобуса в-встретить,—извиняется Ромка и надевает куртку.—П-пока,—машет он нам рукой и выбегает, хлопнув дверью.

Мы мрачно пьем. Мика прерывает молчание:

— Совсем забыл! Как это ни грустно, я, как всегда, оказался прав...

— В чем это?—спросила я.

— В том, что они никуда не поплывут.

— Что с кораблем?—вскочил Левка.

— Его сдали,—сказал Мика.

— Как сдали?—не поняла Юшка.

— Очень просто,—объяснил Мика.—Поселок у нас популярный, все хотят здесь дачу снять...

— Ну?—не хотел верить своим ушам Левка.

— Чем корабль не дача? Каюты—комнаты, палуба—веранда. Я сам видел, как его осматривали. Сдали каким-то молодоженам.

— Дешевки,—обругала я неизвестно кого.

— Как же?! Столько лет строили!—переживала Юшка.

— Обстоятельства у них какие-то, с деньгами плохо,—объяснил Мика.

— За мной!—сказал Левка.

— Зачем?—устало спросил Мика.—Они уже аванс взяли.

— Мстить!—выпалила я.

— Ну пошли,—поднялся Мика.—Леня, убери здесь пока.

Левка бежал к калитке. Мы догнали его. И пошли по черному мокрому шоссе решительным шагом. Было холодно и промозгло. Дождь усиливался. На шоссе никого не было. Все попрятались по дачам. Но и дачи выглядели мрачными, нежилыми. Раздался гудок. Нас обогнали «Жигули». Из машины кто-то помахал нам.

— Погода плохая,—сказал Левка.—Крысы бегут с корабля.

— А как мы отомстим?—спросила я.

— Разнесем эту посудину к чертовой матери!—сказал Левка.

— Или напишем на ней все, что мы о них думаем,—предложила Юшка.

— Лучше морду набить и тем, кто дал, и тем, кто снял!—осенило меня.

— Кто кому набьет, еще неизвестно,—предупредил Мика.

Но показался корабль, и мы сбавили шаг. Из ворот участка выехали «Жигули».

— Не успели,—расстроилась я.

Корабль несмотря ни на что был великолепен. Только паруса с палубы исчезли, и он не казался уже таким грозным и величественным.

— Белый, красивый,—с обидой в голосе сказала Юшка.

Участок, на котором стоял корабль, был пуст. На доме висел замок.

— Морду бить некому,—улыбнулся мне Левка.

— Будем крушить?—ждал указаний Мика.

Но Левка уже решил, что делать.

— Пардон,—сказал он нам с Юшкой.—Пошли,—приказал он Мике.

Они пошли к кораблю. Левка растегнул ширинку, Мика последовал его примеру.

Мы с Юшкой захихикали и отвернулись.

— Смотри,—толкнула меня Юшка.

Вдалеке на шоссе появились две фигуры. В одной из них я сразу узнала Ромку. Вторая, маленькая и худенькая, судя по всему, была Наташа. Они остановились на шоссе и стали целоваться.

Левка и Мика шли к нам. Они тоже смотрели на Ромку и Наташу.

— Не будем смущать школьницу?—спросила я Левку.

— Не будем,—кивнул Левка.

Мы не спеша шли по шоссе, а за нашими спинами Ромка целовался с неизвестной нам Наташей.

Мика играл на гитаре. Левка рисовал новый фон. Юшка смотрела, как он рисует. Я слонялась без дела, пожевываясь от холода.

На улице было совсем темно. По крыше громко стучал дождь.

— Леня уже спит,—я смотрела в окно на темные окна Микиного дома.— Спокойной ночи.

Я зашла в соседнюю комнату и закрыла дверь.

Натыкаясь в темноте на предметы, я пробралась к настольной лампе, включила свет. Комната была маленькой. На кровати лежало чистое постельное белье и одеяло. Я принялась стелить постель. Послышались громкие шаги.

Ромка взбежал по лестнице.

— Вы чего т-такие дохлые?— услышала я его громкий голос.— Я в-влюблена!

— Ну! Тебе не надоело влюбляться?— сказал Левка.

Я открыла ящик стола, достала листы бумаги и карандаши, села за стол.

— Она п-потрясающая!..— пытался поделиться своими чувствами Ромка.

— Давай спать,—прекратил играть на гитаре Мика.

Ромка громко вздохнул.

Я писала и зачеркивала написанное.

— Спокойной ночи,—раздался за стенкой ласковый голос Юшки.

Хлопнула дверь, и ко мне подошел Левка.

— Можно я с тобой?— тихо спросил он.

— Ложись,—я показала ему на кровать.

Он сел.

— Чего пишешь?

— Хочу написать стишок,—шепотом ответила я.

— Хочешь или пишешь?

— Хочу. Но не получается. Я слишком много знаю чужих стихов. Мне кажется, они лучше. Все время лезут в голову строчки, уже написанные кем-то, и приходится их зачеркивать.

— Знакомо,—кивнул мне Левка.— Кризис идей. Это и в живописи, и в литературе, разве что в музыке сейчас возможно как-то выскочить.

— Послушай,—попросила я.— Шел дождь, хотелось плакать от бессилья,

шел дождь... А дальше что-то вроде... мои подрезанные крылья... или... и сломанные крылья. Плохо, правда?

— Кошмарно, птица моя, женские писания.—Левка обнял меня и повалил на кровать.

— Ты чего?— пробормотала я.

Он стал торопливо целовать меня. Я вырвалась. Но Левка вдруг стал безумно сильным.

— Ксюха, Ксюха...—шептал он.— Почему?

Я собрала все свои силы и вырвалась из его объятий. Села на кровати, застегнула кофту, поправила волосы и испуганно уставилась на Левку.

Левка истерическим шепотом кричал:

— Почему? Почему? Почему я должен спать с какими-то безобразными бабами, когда есть ты? Почему ты должна крутить романы черт-те с кем, когда есть я? Почему прошлым летом ты трахалась с Ромкой? Я знаю, знаю. Почему?

Он снова попытался обнять меня, но я вырвалась.

— Дурак,—зашептала я, чуть не плача.— Потому что нельзя. Нельзя спать с друзьями, а ты мне гораздо больше друг, чем Ромка. Нельзя, и все. Нельзя спать с тем, в кого была влюблена по-настоящему. Была... В восьмом классе. Тогда бы—да, а сейчас—нельзя!

— Но все-таки была же влюблена!— не унимался Левка.

— А сейчас просто люблю. Люблю, потому что свой, потому что такой же несчастный, как и я...

— Извини, ты права,—сказал Левка тихо и как-то обреченно.

— Спокойной ночи?—спросила я.

— Спокойной ночи.—Левка залез под одеяло.

Я сняла брюки и улеглась рядом. Я поцеловала Левку в жесткую впалую щеку.

Он чмокнул меня и отвернулся к стене.

— Спокойной ночи, Ксюха,— пробормотал он ласково.

Мы брели по пустому пляжу. Леня, как всегда, плелся позади. Мы, тихо переговариваясь, брели по полю, брели по шоссе.

Проходя мимо корабля, мы старались не смотреть на него. Только Ромка взглянул на корабль и воскликнул:

— П-продали, сволочи!
— Может, навестим хлебосольную Лизу?— предложил Мика.

— Не хочу я жрать,— вздохнула я.
— Мне хочется к Н-наташке,— сказал Ромка.

— Езжай, кто тебе мешает,— грустно улыбнулась Юшка.

— Можно, я пойду домой, мне холодно?— спросил Мику Леня.

Мы развернулись и пошли в обратную сторону.

Навстречу нам по шоссе, покачиваясь, шла дочка Норы Лена. Она громко всхлипывала.

— Здравствуй, Лена— сказала Юшка.

— Что с-случилось?— спросил Ромка.

— А! Ребята! У меня сегодня день рождения,— попыталась улыбнуться Лена.

Вдруг она присела на корточки и даже не зарыдала, а заголосила.

— Девочка плачет,— сказал Леня.

Левка и Ромка кинулись поднимать ее.

— Мне двадцать семь лет,— плакала Лена.

— Поздравляем тебя с днем рождения!— сказала Юшка.

Лена оттолкнула от себя Левку и Ромку и закричала на нас:

— Отстаньте от меня, дураки, что вы понимаете!— Она смотрела на нас так сердито, что мы не решались к ней приблизиться.— С чем поздравлять-то? У меня здесь все прошло, и ничего больше не будет. Что молчите? У вас все так же будет. У меня есть муж, ребенок... Ничего хорошего больше не будет. Все было. Я здесь влюблялась. Корабль строили... Дальше будет только плохое. Что смотрите, короли и королевы? Вас тоже будут унижать, оскорблять, вам будут изменять мужья, а как насчет дурдома, мальчишки? Страшно...

— Леночка,— попыталась утешить ее Юшка.

А я вдруг побежала.

Я распахнула калитку, пронеслась по участку, влетела в дом, сняла свою сумку с вешалки, выскочила из дома...

Перелезла через забор на соседний участок и по участкам побежала...

...Потом я ехала в автобусе. Автобус остановился у железнодорожной станции. На путях стоял поезд. Я побежала. Двери закрылись перед моим носом, и поезд тронулся. Я села на скамейку...

...— Что-то долго поезда нет,—

присел на мою скамейку какой-то мужчина.

Было уже темно. Часы около расписания поездов показывали десять. Я вскочила и побежала.

На остановке автобуса не было. Я побежала по шоссе.

Изредка по шоссе проносились машины. Я махала им рукой, но никто не останавливался. Показался грузовик. Я, отчаявшись, легла посреди дороги. Грузовик резко затормозил и остановился. Я бросилась к кабине, открыла дверцу.

— Ты что, сдурела?— испуганно спросил меня молоденький шофер.

— Пожалуйста, меня ищут, быстрее! Очень надо, пожалуйста.— Я залезла в кабину.

Мы мчались по шоссе.

— Кто тебя ищет-то?— спросил шофер.

Я на секунду задумалась.

— Друзья,— ответила я.

— И много у тебя друзей?

— Не знаю.

— А меня в друзья возьмешь? Володя,— он протянул мне руку.

— Ксения,— подала ему руку я.— Здесь направо.

— На даче отдыхаешь?— спросил Володя.

— Ага. Институт прогуливаю.

— Хорошо на даче?

— Погода плохая.

— Почему плохая? Хорошая погода. Прохладно! Я тоже в институте учусь!

— Интересно?— без интереса спросила я.

— Интересно!— бодро ответил он.— Все в жизни интересно! Тебе что, не нравится учиться?

— Не-е.

— Это плохо. Значит, цели нет!

— А у вас есть?

— Есть. Я с восьмого класса хочу инженером стать!

Мы въехали в поселок.

— А ты чем занимаешься? Не замужем еще?

Я молча смотрела в окно. Мимо меня стремительно пролетал мой поселок, мои сосны, мои дачи, корабль...

— Быстрее,— скомандовала я.— Там, за поворотом, остановите.

У калитки стоял Леня.

— Ксюша? Я тебя жду!

— Спасибо, Леня. Где все?

— Там,— он показал в сторону Юшкиного дома.

Я побежала. Леня побрел за мной.
На террасе было темно. Я взбежала по лестнице.

Юшка лежала на кровати и листала журнал мод. Ромка играл в монаха. Он сидел на полу и, как четки, перебирал свои бусы. Мика настраивал гитару. Левка держал речь:

— ...Где завтра в Москве приткнуться? Ведь большой город, а ночевать негде... Ксюха,—он обратился ко мне так, словно я весь вечер сидела с ними в комнате,—ты не знаешь, на Катманду сейчас можно переночевать?

— Я там уже полгода не была.

— Что такое Катманду?—оторвалась от журнала Юшка.

— Это такая квартира на Преображенке, куда сходятся все бездомные,—объяснил Левка.

— Ксюха, ты где пропадала?—спросила Юшка.

— Я хотела уехать, убежать от вас. Меня, между прочим, шофер чуть не убил! А вы меня даже не искали!

— Как уехать?—поразился Левка.

— Б-без нас? Н-нас бросить?—оторвался от своих четок Ромка.

Я рассмеялась:

— Испугались!... Я пошутила. Я просто гуляла у реки. Мне вдруг захотелось погулять одной.

— Я уж испугался,—облегченно вздохнул Левка.—Ты это кончай. Хватит с нас Ромкиных фантазий.

Ромка очаровательно улыбнулся и слегка наклонил голову.

— Ксюха, родители твои звонили,—вспомнил Мика.—Папу в академики выбрали. Завтра к трем ждут тебя. Будет банкет.

Левка зааплодировал. Мика сыграл на гитаре туш. Я солидно поклонилась.

Юшка, Мика и я вновь сидели за пустым столом на террасе. За окном светило солнце. Юшка замазывала Мике синяки и ссадины на лице тоном, приговаривая:

— Как пятница, как родители приезжают—сразу солнце... Мика, может, тебе и губы накрасить?

— Мика, шрамы красят мужчину, а ты их запудриваешь!—смеялась я.

— Мужчину, а не любимого сына,—надулся Мика.

— Понятно. Любимый сын—не мужчина!

— К-кто не мужчина?!—вошел спи-

ной на террасу Ромка.

За ним Леня. Они несли таз с яблоками.

— Оп-па!—Ромка поставил таз на стол.

— Яблоки!—обрадовалась Юшка.—Прощальный завтрак!

— Как мы раньше не догадались!—сказал Мика.—На участке полно яблонь, а мы голодали!

Мика схватил яблоко и принялся смачно чавкать.

— А где Лева?—спросил улыбающийся Леня.

— Да, где Левка?—спросил Мика.

— В туалете,—сказала я.—Левка! У нас прощальный завтрак!

Но никто не отозвался.

— Левка-а!—закричали мы все вместе.

Раздался телефонный звонок.

— Это Н-наташка!—просиял Ромка и кинулся к телефону.

— Левка! Мы все яблоки сожрем!—кричала я.

— Левка!—кричали мы.

И в дверях появился Левка. Юшка завизжала. Рукава его рубашки были закатаны, и кровь стекала с рук на пол. Левка удивленно смотрел на свои руки, перевел взгляд на нас и спросил сам себя, глядя в пространство:

— Интересно, я умру?

Кровь хлестала вовсю.

Мика бросился к нему. Швырнул на диван.

— Девки, бинты!—попросил он.

— Нету,—заплакала Юшка.

— Леня, снимай рубашку!—приказал Мика.

Леня снял рубашку и остался в пиджаке, одетом на худое, старое тело.

— Очень хорошо!—кричала я на Левку.—Прекрасно! Взрезать вены в сортире, зная, что рядом твои друзья! Ты более уединенного места найти не мог? Думаешь, уже заслужил?! Смерть—это подарок...—припомнила я ему.

Левка, глупо улыбаясь, смотрел на меня.

Мика рвал Ленину рубашку.

— Ничего страшного,—успокаивал он нас,—вены почти не задеты. Я сейчас забинтую, меня папа учил... Заживет.

Он бинтовал Левке руки. Мы с Юшкой помогли ему. Растерянный Леня ходил вокруг нас.

— Зачем?—слабым голосом, улыба-

ясь и глядя в потолок, спрашивал Левка.— Не надо бинтовать. Пусть течет.

На террасу влетел Ромка. Он посмотрел на нас, на кровь на полу, но никак не среагировал на это.

— Ребята, Наташка умерла,— тихо, не заикнувшись, сказал он.

— Ромочка, тебе не кажется, что ты не вовремя,— зло взглянула на него я.

— Кровоизлияние в мозг. Левка, что это такое?— спросил Ромка.

— Ну, Ромка, если ты и сейчас врешь!..— грозно сказала Юшка.— Асурова ее фамилия?

Ромка кивнул.

— Мои родители с ее родителями дружат.— Юшка вышла.

Левка вдруг оклемался, сел на диване и сам стал бинтовать себе руку.

— Маразм какой!— в сердцах сказал он.

Леня протянул Ромке яблоко.

Ромка взял и стал есть.

Я рассмеялась:

— Компания! Один вены режет. Крови много— вены целы. Другой себе кладбище из возлюбленных устроил!..

На террасу вбежала Юшка.

— Мои родители уже знают. Он не врет,— сказала она.

— ...твою мать!— стукнул себя рукой по лбу Левка и закусил губу от боли.

Говорить было нечего и незачем, и мы молчали.

На участок въехала машина. Послышался гудок. Мика выглянул в окно. Хлопнула дверца машины. И Мика вышел на участок.

Доносился то Микин голос, то голоса его родителей, слов разобрать мы не могли, да и не хотели.

— Я в Москву поеду,— поднялся со стула Ромка.— Там, наверное, что-то надо помогать. Похороны ведь...

Распахнулась дверь, и, понурился голова, вошел Мика.

— Леня,— сказал он,— иди, за тобой родители приехали.

Леня медленно пошел к двери.

— Постой,— окликнул его Мика.— На, возьми,— он снял с себя свитер и протянул Лене.

— Спасибо,— улыбнулся Леня.

— Что такое?— вздрогнул Левка.

— Леню устроили в хороший сумасшедший дом,— не поднимая глаз, ответил Мика.

Юшка сняла с шеи платочек, подошла к Лене и завязала у него на шее:

— Носи, Ленечка. Это тебе от меня. Ты будешь самый красивый.

Ромка снял с руки костяной браслет и положил его в карман Лениного пиджака, по-дружески хлопнув Леню по спине.

— Спасибо, ребята,— улыбался нам Леня.

Левка пристально смотрел на Леню.

Я сидела, опустив голову.

— Пошли, Леня,— взял Леню за руку Мика.

— Стойте!— вскочила я.— Нельзя его в сумасшедший дом! Он добрый. Он там умрет!

Леня улыбался мне.

— А куда его девать? Летом, пожалуйста, шатается себе по даче... А зимой что с ним делать? Родители не могут с ним всю жизнь возиться,— оправдывался Мика.

Левка встал, подошел к Лене и строго спросил:

— Ты хочешь в сумасшедший дом? Там хорошо?

— Хорошо,— покорно ответил Леня.

— А куда ты больше хочешь: в сумасшедший дом или с нами?— допытывался Левка.

— С вами,— улыбался Леня.

Левка посмотрел в окно. Родители Мики собирали какие-то вещи на террасе Микиного дома.

— Пошли!— распахнул дверь Левка и взял Леню за руку.

И мы через кустарник, чтобы нас не заметили родители, направились к воротам.

— Ромка, Мика, отвлеките родителей!— приказал Левка.

Ромка и Мика побежали к Микиному дому.

Мы вышли за ворота. Левка держал Леню за руку.

— Нужна машина!— осенило его.— А то родители догонят.

— Машина малышни,— предложила Юшка.

— Только где она?— вздохнула я.

— По-моему, ее хранит младший брат Сюсюпупу,— вспомнила Юшка.

— Бежим!— крикнула я.

— Леня, стой здесь! Я за ребятами. Мы вас догоним!— крикнул Левка.

Мы с Юшкой побежали по шоссе.

Сюсюпупу качалась на качелях. Качели скрипели. Увидев нас, она вскрикнула.

— Где машина? — налетела я на нее.
— Ксюша?! — не верила своим глазам Сюсюпу.

— Да жива она, жива, — торопила Сюсюпу Юшка. — Выходили. Где машина брата?

— Вон она, — показала в сторону открытого гаража растерянная Сюсюпу.

Мы с Юшкой кинулись к гаражу.

— Вы куда, девочки? — Сюсюпу побежала за нами.

— Я не умею заводить! — в ужасе вскрикнула я, подбежав к машине.

У Юшки опустились руки:

— Я тоже...

— Сюсю, — я умоляюще посмотрела на Сюсюпу. — Леню в дурдом хотят увести... Сюсю, помоги!

— Я попробую, — Сюсюпу села за руль, сняла тормоз, повернула ключ.

Машина начала пыхтеть, дымить...

К нам бежали ребята. Левка тащил за руку Леню.

Юшка и я толкали машину.

Левка открыл капот.

— Схалтурила малышня. Все искрит! Ложись! — Левка вытащил Сюсюпу из машины.

Мы отбежали и залегли. Мика швырнул на землю Леню и прикрыл ему голову рукой.

Машина взорвалась и стала гореть.

— Ой, что я братику скажу! — захныкала Сюсюпу.

— Пусть скажет спасибо, что она без них бабахнула! — сказал Левка. — Подъем!

— Бежим! — сказал Мика. — Родители его уже ищут.

На шум взрыва с участков выбежали люди.

Мы, перемазанные землей и копотью, бросились бежать к шоссе.

— Я с вами? — поспешила за нами Сюсюпу.

— А куда ты денешься? — улыбнулся ей Левка.

— Стойте! Что вы там взорвали? Остановитесь немедленно! — кричал нам вслед Микин папа.

— В милицию! Немедленно звоните в милицию! — крикнул кто-то из дачников.

— В пожарную команду! —

посоветовал на бегу Левка. — А то сгорите все к чертовой матери!

— Быстрей! Быстрей! — торопил нас Мика. — А то на машине нас догонят!

Мы бежали посреди шоссе что было сил. Левка тащил за собой Леню. Мика бежал с гитарой в руках. Ромка бежал быстрее всех и, не стесняясь, в голос рыдал. Сюсюпу уцепилась за мою куртку.

— Положи руку мне на плечо! — сказал Лене Левка. — Вот так.

У Левки на бинтах выступила кровь.

Подталкивая друг друга, опираясь друг на друга, мы бежали по шоссе. Дачники с пуделями шарахались в стороны от нашей чумазой, местами окровавленной компании не то бедолаг, не то героев какой-то неизвестной им битвы. Машины сигналили, но мы бежали им навстречу, и им приходилось съезжать на обочину дороги. Пробегая мимо корабля, на палубе которого обедали дачники, Левка засвистел и крикнул:

— Ата! Спасайся, кто может!

Дачники повскакали с мест.

У круга автобусной остановки Мика притормозил.

— Не останавливайся! Вперед! — подтолкнул его Левка.

Мы задыхались, но бежали. Поселок кончился.

— Куда дальше? — повернулся к нам запыхавшийся Левка.

— Вперед! — выпалила я.

На мне висела Сюсюпу. Юшка подвернула ногу и скакала, опираясь на Мику.

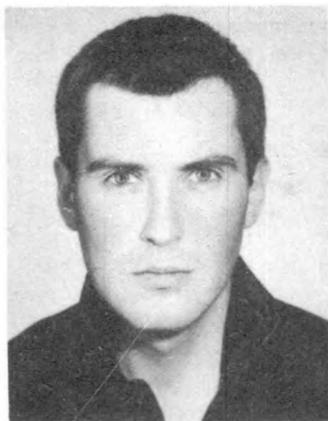
— Куда вперед? — закричал Мика.

— Еще немного, еще чуть-чуть, — подбадривала я Сюсюпу и кричала: — Вперед!

— Вперед! — кричали все.

Только Леня не кричал, а улыбался, опираясь на Левкино плечо. Он являл собой образец спокойствия и выносливости. Он был готов бежать сколько угодно.

Я оглянулась на наш поселок. К небу поднимался дым от горящей машины малышни. Посмотрела на ребят — улыбающихся и грустящих, плачущих и смеющихся. Мы перевели дух и снова побежали — вперёд — один черт знает куда...

ВСЕ ВПЕРЕДИ

Маяковский сказал: «Я—поэт, этим и интересен». Михаил Шелехов тоже поэт, пусть и не такой знаменитый, но, на мой взгляд, тоже этим в первую очередь и интересен.

Поэт он очень самобытный. Вот как о нем писали в репортаже с Восьмого всесоюзного совещания молодых писателей:

«Ну хорошо, а неожиданности были?—спросит меня в нетерпении дотошный читатель. И я ему расскажу, как в конце второго рабочего дня на наше уже порядком утомленное от ритмических строчек сознание буквально обрушился шквал. Это было сильное магнитно-поэтическое поле. Яркий и свежий голос, жест, темперамент.

Дайте Родину хоть контрабандой,
Привезите мне лист лопушиный!
Зачерпните стеклянную банкой
Самой жгучей, как юность, рябины...
Я болею вторую неделю,
Я тоской свою душу мотаю...
Привезите любую Расею,
Я в ней гордую Русь угадаю!
Привезите мне бедную лужу,
И блаженный кусок чернозема,
И кузнечика кроткую душу,
И окно материнского дома!
Нас по свету мотает удача,
Чтоб однажды в слезах оглянуться...
Я на веточку вербную плачу,
Я в Россию хочу окупиться!»

Михаилу Шелехову—открытию этого семинара—суждено было стать и открытием кинематографа. Он пришел к нам на Высшие курсы сценаристов и режиссеров из Белоруссии. За плечами был факультет журналистики Белгосуниверситета, редакторская работа на киностудии «Беларусьфильм», несколько мультипликационных сценариев и ряд стихотворных публикаций.

Поначалу дело у него не ладилось. Поэтическая его душа сопротивлялась строгим рамкам кинематографа. Его мотало то в приземленный реализм «нужных» тем, вроде замысла сценария о ПТУ, то в заоблачные выси странноватых притч, о которых я сейчас связно и рассказать не могу. Но он трудился—обижался, огорчался, падал духом и снова садился писать.

И наконец появился «Сын Чайки». Это было ни на что не похожее. Быль и сказка, живая боль и грустный юмор. И еще—образы, которые

мог создать только поэт, то есть человек, видящий мир возвышенно и необычно. «Сын Чайки» явился перед нами как произведение кинематографическое, говорящее языком драматургии и лишний раз подтверждающее мысль Маяковского о том, что поэзия и кино близки по способу видения мира.

Если бы я была режиссером, я бы ставила только такие сценарии. Они говорят не только о жизни, они говорят о Человеке и Вселенной. «И утраченных масштабов ощущение верни»,— как сказал другой поэт. Михаил Шелехов стоит только в начале своего кинематографического пути. Им написан второй сценарий, тоже сказки, заканчивается работа над третьим. Но поскольку я не режиссер, а других пока не находится, все они еще ждут своего экранного воплощения.

Миша Шелехов сам немного Сын Чайки. Он странен, печален, практичен и беспомощен одновременно. То он работает запоем и перестает общаться с людьми, исчезает по всем адресам и телефонам. То вдруг появляется ласковый и виноватый, но разговаривает при этом так, как будто ни на минуту не прерывал общения.

У него уже есть ряд побед и достижений—подборки стихов в «Истоках», «Литературной учебе», «Дне поэзии» и «Юности». Недавно вышла книга стихов. Короткометражный фильм по его сценарию «Ночь» (по мотивам рассказов А. Платонова) получил первый приз на Всесоюзном фестивале молодых кинематографистов. Но основное у него впереди. Ведь ему всего тридцать два...

Людмила Голубкина

МИХАИЛ ШЕЛЕХОВ СЫН ЧАЙКИ

ПРИСТАНЬ.

На речной пристани под голубым навесом ежились пассажиры. Светало.

В стороне от всех сиротливо сидел городской мальчишка лет двенадцати.

— Говорю тебе: поехали!—сказал мальчишке матрос, сонный, хмурый толстяк, лениво перебрасывая сходни на катер.

Мальчишка ждал кого-то, и это вызывало сочувствие. Со скамейки поднялась худощавая бабка, подошла к воде, прислушалась. Стояла тишина, по воде полз туман.

— Не слышать твоего деда,—в сердцах сказала бабка.

— Приедет,—неуверенно возразил мальчишка.

— Держи дырку от баранки,—сязвил матрос.

— Ни слуху ни духу?—подошел к пассажирам капитан.—Подвел, значит, дед?

— Мой дед не такой,—опустил голову мальчишка.

— В сыром лесе бор горит—парень новость говорит,—усмехнулась бабка.—Тоже мне дед... Зух против мух—такой дед, как у нас в деревне бают.

— Отправляемся,—сказал капитан и легко взошел на катер.

Мальчишка вздрогнул и растерялся.

— Иди-иди,—подтолкнула бабка к кассе мальчишку.

— Пантелей! Дай билет человеку,—крикнул обрадованно матрос.

Окошечко было заколочено.

— Давай сюда,—сказал Пантелей, неожиданно возникнув за спиной мальчишки.—Касса гуляет.—Пантелей снял зимнюю шапку и достал оттуда рулончик билетов.—Бери два,—радушно предложил Пантелей.

— Зачем?—спросил мальчишка.

— А вдруг гости объявятся?—задумчиво усмехнулся Пантелей и страшно округлил глаза.

Мальчишка смешался и как замороженный пошел на причал.

Началась посадка. Пассажиры поднялись на катер.

Сутулясь под рюкзаком, с двумя ружьями в чехлах последним взошел на борт угрюмый мужчина в болотных высоких сапогах.

— Эй, гудни!—крикнул с берега Пантелей.

— Что-то не гудит,—в сердцах ответил матрос.

— Так позвони!—предложил Пантелей.

— Звону нет,—буркнул матрос.

— Ни пуха!—крикнул Пантелей.

— К черту,—донеслось с катера.

Зазвенела гитара. Катер уходил в туман.

— Провались они пропадом, такие моторы!—ругался на берегу пожилой мужчина в брезентовой шляпе пограничника и кожаном потертом пальто. Он в последний раз попытался завести мотор, двинул сапогом в корму и огорченно сел на борт.

— Догонишь,—миролюбиво сказал Пантелей и предложил баранку, золотистую, свежую:—Кусни, городская...

— Сыт по горло! Все локти себе искусал, пока сюда добрался...—не успокаивался Пушкарь.—Спасибо, рыбки...

— Ой, Пушкарь, ну что ты все заладил...—терял терпение Пантелей.—Надоел. Говорю тебе—не мог я катер задержать...

Пушкарь молчал.

— Да ты их за полчаса догонишь,—польстил ему Пантелей.—Пусть твой внук прокатится. Я ему аж два билета дал...

— Зачем это?—вскинулся Пушкарь.

— А вдруг гости?—прищурился Пантелей.—Хозяин сегодня ночью бушевал.

— Так он же на Забаве векует,—насторожился Пушкарь.

— Чует что-то старый, след замечает,—уклончиво сказал Пантелей и поворочил костерок.

— Ну, будь! Погоню вороных,—резко поднялся Пушкарь.

— Я Шмата видел,—тихо сказал Пантелей.—На катере он...

— Бреешь!—ахнул Пушкарь.

— Шел по трапу—лицо закрывал... Думал—не узнаю, думал—ослеп Пантелей!

— Десять лет в городе, как мышь, сидел,—замечал Пушкарь.

— За Хозяином он,—убежденно ска-

зал Пантелей.—Убивать приехал.

— Он же свое получил,—голос Пушкаря дрогнул.—Он же на полтора года за бобров сел.

— Убийца—он убийца и есть,—угрюмо молвил Пантелей.

— А может, его тянет? Просто тянет на старое место, а?—заговорил быстро Пушкарь.—Ведь давно дело было, как говорится, волк в щенках ходил... Он же кровавыми слезами плакал за бобров!

— Реку убивать приехал, шкура!—захлебнулся Пантелей.—Только его не хватало! Химзавод по течению яд бочками льет... Нефть нашли! Студентов-нефтяников сам на катер сажал сегодня... Значит, опять реке терпеть. Всякий в реку огрызок бросает. Рыба пи-ить хочет! На одном Хозяине все держится. Только кому дело...

Костерок умирал на глазах. Синий дымок стоял в воздухе. Белая чайка ходила по песку возле людей.

— Слушает чаечка,—улыбнулся Пантелей.—Слушай, хорошая! Умаразума набирайся... Одна ты останешься—белая, чистая, когда нас на свете не будет.

Пушкарь молча пошел к лодке, оттолкнул ее от берега и прыгнул.

— Я с тобой,—сказал Пантелей.

— Ты Хозяина береги! А я со Шматом сам разберусь. У нас счеты старые, нам их считать...

Пушкарь никак не мог завести мотор. Лодку относило на середину реки.

Пантелей стоял на берегу и не мог помочь другу. А река несла лодку за излучину. И вслед за лодкой рванулась белая чайка и исчезла в тумане...

СОВЕТ СТАИ

В глинистой речной круче, у самого берега, чернела пещера. Сверху пещеру сторожила старая ива, пустив по воде свои зеленые ветки.

Одна за другой садились на воду чайки и уплывали в таинственную тьму. Голубоватый свет мерцал в длинном коридоре. Водяная дорожка вела в высокий грот. Черные птичьи тени таинственно качались на стенах подземной пещеры.

— Я хочу стать человеком!—звонко сказала одна из теней детским голосом.

— Он хочет стать человеком... человеком... человеком...—удивленно повторили птичьи тени и заколыхались.

— А у тебя есть право?.. Право... есть право?—спросили они.

— Я хочу стать мстителем!— твердо сказала маленькая тень чайки. И вдруг закашлялась.

— Ты еще не достиг возраста чайки-воина. И у тебя болит грудь... чайки-воина... болит грудь... чайки-воина,— тревожно закачались тени, перекликаясь, как эхо.

— Он убьет Хозяина. И река умрет,— с болью сказала маленькая тень птицы.

— Это дело людей—судить человека... судить человека,— отозвались тени.

— Но вместе с рекою умрет и Стая!

— Мы перелетим на другую реку... другую реку...— закричали тени чаек.

— Но когда-нибудь на земле останется последняя река. И ее тоже убьют. Куда полетит Стая потом?— крикнул детский голос в отчаянии.

— Последняя река... последняя река...— печально закачались тени и стали совещаться.

— Ты станешь мстителем,— сказала тень старой чайки.— Но ты перестанешь летать! Готов ли ты?

— Готов ли ты... готов ли ты... перестать летать?— спросили эхом птичьи тени.

— Готов!— дрожащим голосом ответила маленькая чайка.

— Ты станешь таким, как все люди,— жестко сказала птичья тень.— Готов ли ты? Готов ли ты ради реки убить своих братьев? Ведь все люди убивают...

Маленькая чайка молчала.

— Но ведь тогда погибнет река,— грустно и тяжело сказал детский голос.

— Последняя река... последняя река...— закачались тени.

— Тогда лети! Лети в последний раз!— крикнула старая чайка.— Лети во имя добра и жизни! И помни, что ты— Сын Чайки!

С криком поднялись с черной ивы взъерошенные вороны. Но выше их летела белая чайка, крича тоскливо и одиноко, летела к людям, таким далеким и страшным в утреннем тумане.

ТУМАН

Пассажирский катер шел по реке. Густой туман стлался по воде, маскировал берега. Капитан, худой и нервный, резко крутил штурвал и, высовываясь

из окна, всматривался в фарватер. Страхи одолевали капитана.

Мертвые отдели выплывали из тумана. Черные топляки выходили из серой пелены, стучались ветками о борта. Корявая ива загораживала путь. Речная птица кричала над водой жалобно и дико. И казалось, катер останавливается, вязнет и тонет в белых зыбких волнах тумана.

— Матрос Дремов!— крикнул капитан гневно.— Дремов! Салага болотная!

— Ну чего? Сейчас,— недовольно отозвался с палубы матрос.

Он жарил картошку на паяльной лампе и боялся только одного— чтобы не подгорела. Лампа палила, и картошка прыгала и трещала, как картечь.

— Дремов!— в третий раз заорал капитан.

Матрос натолкал в рот горячей картошки и поспешил к капитану.

Запахло жареным. Пассажиры в каюте оживились.

— Бульбочкой пахнет,— сказала востроносая бабка и достала узелок с едой.

— Говорит Москва! Начинаем гимнастику для тех, кто в море,— передразнил радио студент с рыжей копной волос.

Студенты засмеялись.

— Без сала куса—нету жизни у белоруса,— важно сказала бабка и хрупнула огурцом.— Чтобы вы всегда веселыми были!— пожелала она всем вместо молитвы и добавила, обращаясь к студентам:— И... высоко подкакивали!

— Спасибо, бабка! Обязательно подскочим,— засмеялись студенты.

— Дорогие зрители!— голосом тележурналиста сказал рыжий.— По просьбе бабушки, которая едет на базар по речке Туманка, передаем песню.— И тут же заорал:

Наш паровоз вперед летит!
В коммуне остановка...

— Постой,— зашикали на него.— Давай что-нибудь актуальное!

— Караван!— обрадовался рыжий.— Актуальный караван...—

И ребята заголосили бесконечную восточную песню:

Один верблюд шел,
Второй верблюд шел,
И третий верблюд шел,
И весь караван шел!
Один верблюд упал,

Второй верблюд упал,
Третий верблюд упал,
И весь караван упал!

Городская женщина, модно одетая, оглянувшись на своих детей, занервничала.

— Скажи! Чего молчишь? Ты же ведущий конструктор,— гневно шептала она на ухо мужу.

— Молодые люди,—кисло сказал приличный муж.—Я понимаю, но дети спят...

— Совести никакой. А еще будущие инженеры,—не вытерпела городская мама.—Тут вам не ударная стройка, а заповедный край.

— Обижаете, тетя. Геологи мы! Копатели-ходоки!—сказал студент с бордкой.

— Переходим к водным процедурам,—прекратил дебаты рыжий.

И студенты пошли на палубу.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ РЕКИ

Матрос Дремов стоял рядом с капитаном и громко жевал.

— Опять сырую картошку трескаешь,—укорил капитан.—Погляди-ка, что видно?

— Ничего, пусто,—сказал матрос.

— Вот тебе, бабка, и Юрьев день,—злоюще сказал капитан.—А я как на-зло опять без очков. Ни одной вешки не вижу!

— А чего их видеть, ежели их нет,—зевая, сказал матрос.—Ни вешек, ни фонарей.

— Ты что?—похолодел капитан.—А ива на берегу есть? Сколько суков?

— Пять... семь,—сосчитал матрос.—У меня глаз—алмаз. А чего?

— Ничего,—глухо сказал капитан.—Заблудились мы... Поворот пропал на Забаву.

Матрос поглядел на реку другими глазами. Темные зловещие берега были необитаемы. Страшный туман заволок горизонт и закрыл путь...

КАЮТА

Городская мама листала журнал мод.
— Не хотим спать!—взбунтовались близнецы.

— Мы тоже на палубу пойдем, к дядям! Водой обливаться,—сказал брат-герой.

— А третий верблюд тоже упал? Или

пошел себе дальше грустный?—спросил брат-поэт.—Куда он пошел?

— В сарай,—сказала бабка.

— В зоопарк,—сказала мама.

— В ангар,—добавил папа.

Мальчик в углу засмеялся. Девочка тоже захихикала.

— Ешьте,—сказала мама и дала братьям по вареному яйцу с помидором.—Мальчик, ты чего смеешься?—спросила она.—Ты, наверное, кушать хочешь?

— Вот еще,—презрительно сказал мальчишка.—У меня еды—полсумки! Вы девочку свою кормите.

— И не думай, мама!—вспыхнула девочка и добавила грозно:—Ты же знаешь мои принципы!

— Балерина!—гордо сказала мама бабке.

Бабка покачала головой.

— А ты, хлопчик, тоже балерун или как?—хитро улыбнулась она.

Мальчишка зыркнул на бабку и нехотя произнес:

— Я, к вашему сведению, буду жить по закону охоты! Вот поймаю шуку и съем... Чтоб по-честному.

— А ежели не поймает?—заинтересовалась бабка.

— Ну, ежевики нарву, грибов нажарю,—замаялся мальчишка.

— Горе-то какое... Что ни голова—то разум!—заудивлялась бабка.—Видано, одну шуку есть!

Хитрый брат-герой выждал момент и выдавил сваренное всмятку яйцо себе на штаны. Мать ахнула, стала искать, чем вытереть пятно.

— Водой, водой!—закричал шалун и, подмигнув брату, потащил мать на палубу.

— И я,—радостно сообразил поэт, разбил яйцо об лоб, перемазался и помчался за братом вдогонку...

ПАЛУБА

Глядя на близнецов, люди смеялись. Мальчик и девочка переглянулись.

— Между прочим, на реке кораблекрушения бывают,—небрежно сказал мальчишка.

— Между прочим, для этого спасательные круги есть,—парировала девочка.

— Меня Тима зовут,—лениво сказал в пустоту мальчишка.

— Лена,—быстро ответила девочка.

— Третий раз еду—ни одного кру-

шения,—презрительно махнул рукой мальчишка.—А я бы кой-кого спас, ей-бо!—мечтательно сказал он.

— Я сама спасусь,—быстро ответила девочка.

— Ха, да я не тебя, а старушку,—усмехнулся мальчишка.—Старушки знаешь какие—живо в газету напишут. И, пожалуйста, получите медаль. А за тебя что—благодарность перед строем. Молодец, Тима, выполнил пионерский долг!

— Детям медали не дают,—уела его девочка.

— Это кто—дети?!—зашипел мальчишка.

Тут зазвенел будильник. Звон исходил из огромного рюкзака. И все, вздрогнув, уставились на его хозяина, огромного мужчину в сапогах, который спал, надвинув капюшон на лицо. Мужчина хлопнул кулаком по рюкзаку, и звон прекратился, потом он зевнул и почесал лицо, заросшее щетиной.

— Забава!—важно сказал он мальчику и девочке и захохотал.—Приехали... Родные места. Дружок тут у меня проживает, родненький... Эх, и обнимем—косточки хрустнут! А вы чего, как сычи, надулись?—спросил он у детей.

Дети молчали.

— Как жизнь, бабка?—установился мужик на старуху.

— Ни два—ни полтора,—сухо ответила бабка.

— Слышал, Хозяин у вас в реке живет. Где он, не знаешь?—тихо, всматриваясь старухе в лицо, спросил мужик.

— Собакам сено косит,—мрачно отрезала бабка.

— Это как?—оживился мужик.

— А ты, я вижу, мастер читать и из горшков хватать,—враждебно сказала бабка.

— А это ты видела?—высыпал перед нею мужик пригоршню разноцветных рыболовных снастей.—Бери! Дарю!

Бабка взяла снасти.

— На том свете сочтемся—угольками!—захохотал грубо мужик.—Говори, тут Хозяин?

— Тут,—автоматически ответила бабка.

— Красть—так мильён, спать—так с королевой,—радостно запел мужик, подхватил рюкзак и пошел на палубу.

— За гнилую рыбу пропала ты, бабка,—горестно прошептала бабка.

Дети молча наблюдали за происходящим...

...На палубе веселились туристы, кидая за борт ведро на веревке и обливая друг друга водой... Городская мама умывала близнецов, которые висли на поручнях, разглядывая берега.

А на мостике матрос продолжал разговор с капитаном.

— Мама моя! А я гляжу, что-то берега не те,—оживленно болтал матрос.—Может, мы уже в Америку заехали?

Капитан мрачно молчал.

— И деревья не наши. И фарватер. И стогов таких у нас делать не умеют! Точно, Америка,—ахал матрос.—А туман-то, туман... Как будто картошка сгорела.

— Почему как будто?—ехидно спросил капитан.

— Сгорела!—принюхался матрос и с воплем помчался вниз...

...Мужик в болотных сапогах глядел на быструю воду, жмурился, как кот, довольно похлопывая ручищами по поручню. Потом развернул спиннинг и закинул блесну в воду.

— Что, усатые-полосатый, спалил?—сказал он добродушно матросу, который ворочал сгоревшую картошку на сковородке.—Сейчас в буфет сходим, не журишь.

— Держи карман пошире, дядя,—ожесточенно бросил матрос.—Сейчас нас пограничники ловить будут...

— Ты что, не в себе?—вздрогнул мужик и торопливо намотал катушку.—Это ж Забава...

— Забава-а,—иронически хмыкнул матрос.

Мужик со спиннингом кинулся к капитану и заорал:

— Что за река за бортом?

— Спокойствие,—сказал капитан нервно.—Через час узнаем.

— Какой час, калоша!—заорал рыбак и потряс в воздухе будильником.—Меня лодка на пристани с корешами... то есть с научными сотрудниками ждет.

Капитан усмехнулся. Рыбак ошалело вгляделся в туманные берега:

— Разворачивай, бродяга! Это не Забава.

— Пошел вон,—сказал капитан.

К ним подошли удивленные пассажиры.

— Заблудились, братцы!—заорал

рыжий.—Кранты практике. Гуляй, губерния!—И кинулся радостно приплясывать на палубе.

— Что вы говорите чепуху?— обиделась городская мама и кокетливо обратилась к капитану:— Товарищ капитан, объясните нам по-человечески!

— Спокойствие,— сказал капитан, приглушив ход.— Густой туман. Мы могли проскочить.

— Да Забаву с закрытыми глазами не проскочишь,— зашумел мужик в сапогах.— Завел в приток... Поворачивай!

— У Забавы нет притоков,— заметил матрос, жуя горелую картошку.

Появились бабка, мальчик с девочкой и конструктор.

— Мы правда заблудились?— потянул мальчик за рукав студента с бородкой.

Студент кивнул. Мальчишка запрыгал от радости:

— Вот оно, приключеньце мое дорогое!

Все говорили вместе... Капитан, морщась, оправдывался. Бабка тревожно слушала их, закусив губу.

— Дядечка, а к обеду мы поспеем?— жалостливым голосом спросила бабка.— А то раки мои помрут...

Все замолчали и уставились на старуху.

— Чего глядите? Раков на базар везу! А, дядечка?— Бабка достала из корзины за усы большого зеленоватого рака.

— Раки, мама, раки,— заверещали радостно малыши.

И все стали смотреть на раков.

— Они кусаются, кусаются!— отбирала мама раков у детей.

— У, у!— пугали малыши клешнями раков друг друга.

Раки ползали по палубе, большие и красивые. Стало весело.

— Открываем цирк на воде,— балагурил рыжий.

— А раки что дают— яйца или семечки?— спросил брат-поэт у отца.

— Икру,— подсказал мальчишка-рыболов.

— Ну да?— удивился конструктор.

— Ясно. Как рыба-ерш!— ничуть не удивился близнецы.— Сейчас объясним,— и стали чертить какой-то чертеж.

— Хочешь, рак мне палец укусит, а мне хоть бы что?— предложил Тима независимо.

Мальчишка сунул палец раку и

ойкнул—рак висел на пальце.

— Хватит рыбу мучить,— сказала бабка и забрала рака.

— Рак—не рыба,— смело сказал близнец-герой.

— Рак—это жук,—объяснил близнец-поэт.

— Больно?—спросила девочка участливо.

Мальчишка кисло сморщился. Девчонка вдруг взяла мальчишку за руку и стала отсасывать кровь из пальца. А он смотрел на нее как зачарованный.

Река была прекрасна. Туманы шли по зеркальной воде, как табун купающихся белых лошадей. Волны от катера накатывали на берег, качали кусты. Вокруг было тихо. Только белая чайка летела в небе.

— Язык до Киева доведет. Есть же тут люди,—сказал конструктор неуверенно.—Давайте покричим!

— Правь к стогам,—решительно сказал капитану мужик в болотных сапогах.

ГОРЯЩИЙ СТОГ

— Засядем,—неуверенно сказал капитан, вглядываясь в фарватер.

— Ты правь,— жестко сказал мужик.

— Ты что—штурман?—резко оборвал его капитан.—Твое дело—пассажирское.

— Я специалист по омутам. Инспектор вод и лесов,—сказал мужик важно.—Я знаю эту реку.

— И молчал?—оживился капитан.

Инспектор закрыл глаза рукой и глухо произнес:

— Сейчас на левом берегу будет черная ива с гнездом на ветках. Есть?

— Плохо вижу,—сказал капитан и крикнул:—Дремов! Глянь-ка...

— Вижу,—сказал матрос.—Черное дерево... И гнезд много...

Капитан вздрогнул. Инспектор побледнел. С криком кружились над ивой черные птицы.

— Это не Туманка,—сказал инспектор.—Это Луга. Она пересохла десять лет назад, когда осушали болота.

— Так откуда же она взялась?—усомнился капитан.

— К берегу, правь к берегу!—в страхе закричал мужик.

Туман перед катером сгустился. Гладь реки на глазах чернела и надувалась большим пузырем. Чьи-то спокойные глаза смотрели на людей из реки.

Капитан резко рванул штурвал и направил катер к берегу. Катер ткнулся в берег так неожиданно, что люди на палубе попадали.

— Что случилось? — закричали с палубы.

— На берег, всем на берег, — командовал капитан.

Инспектор выскочил первым. Скользя и спотыкаясь, все поспешили за ним. Темная вспученная вода на реке успокоилась. Река вновь притаилась, кутаясь в розовые туманы. Но мальчишка успел заметить в воде что-то странное.

— Чуть в воронку не засосало, — с жаром объяснял инспектор.

— Вы что-то путаете, — интеллигентно сказал конструктор.

— Я специалист по зверю, рыбе и птице... Так что не будем, — грубо отозвался инспектор.

— Долго стоять? — спросил матрос.

— Да как тебе сказать... — замялся капитан.

— Долго, — уверенно ответил за капитана инспектор.

Матрос бросил якорь в воду. Люди обрадовались стоянке. Малыши кинулись ловить лягушек. Бабка пошла рвать траву для своих раков. Мама стала стеречь детей, чтобы не упали в реку. Матрос разжег костер и стал печь картошку. Тима ходил вокруг Лены, которая собирала цветы, и наконец не выдержал:

— Ой, что я в реке видел!

— Что? — заинтересовалась девочка.

— Чудище!

— Ну да?!

— Чтоб мне лопнуть!

— Почему же оно тогда на нас не прыгнуло? — засмеялась девочка.

— А мы на берег выбежали... Его еще черный дядька и капитан видели, — торопливо заговорил мальчишка. — Но они молчат, чтоб другие не пугались.

— Храбрый какой, — с интересом посмотрела на него девочка.

— Давай за ними следить. Они что-то знают, — азартно предложил мальчишка.

И дети крадучись пошли за инспектором и капитаном.

Капитан и инспектор шли к черной иве. Шли угрюмо и молча, поглядывая на ворон, которые кружили и кричали в воздухе. Дерево не приближалось, оно будто убегало вперед. Но вот его не стало. Ива растворилась, как мираж.

— Хватит, — сказал инспектор. — Ты

же видишь, дерева нет. Это туман.

— Дичь какая-то. Просто не верится, — покачал головой капитан.

— Странно... — сказал инспектор, раздумывая. — Туман сохранил здесь все, как было десять лет тому назад.

— Никогда не слышал о миражах на реке, — озадаченно сказал капитан.

— Тут еще и не то бывает, — сказал инспектор и вспомнил...

...Он стоял около моторной лодки и торопливо накрывал брезентом груды рыбы, мокрые сети и что-то белое, что светилось на дне лодки.

Лодка рыбнадзора приближалась по вечерней реке, и два фонаря бежали к нему огненными дорожками.

— Стой! Стой! — закричали с лодки.

Он не выдержал, схватил ружье и выстрелил в сторону рыбнадзора. Испугался, бросил ружье на отмели и с веслом в руках побежал зачем-то вверх, на кручу, к дереву.

— Стой, не уйдешь, шакал! — кричал сзади человек.

Инспектор прижался к стволу ивы. Тяжело дыша, медленно к нему приближался рыбнадзорник. Это был дед Пушкарь. Он нес лебедя. Белые окровавленные крылья птицы волочились по земле.

Дед шел прямо на браконьера, и тот не выдержал, закричал:

— Не подходи, убью! — И взмахнул веслом...

...Инспектор очнулся. Капитан дергал его за рукав.

— Но мы же плыли! Это же не мираж? — тревожно спросил его капитан. — Как плыть без реки? Я же не сошел с ума...

— Не знаю, — ответил угрюмо инспектор. — Река высохла. Это я знаю точно. И на месте ее большой овраг, заросший лозой.

— Но мы же плыли... — как заведенный, повторил капитан.

— Заладил... — оборвал его инспектор. — Может быть, воздушная подушка... Не знаю. Глянь-ка лучше, катер твой стоит или в болоте утоп?

Капитан взбежал на пригорок и сказал с нервным смешком:

— Стоит...

— Заманивает Хозяин, сукин сын, — зло сказал инспектор. — Чует, охотники приехали.

— Кто-кто? — переспросил капитан.

Инспектор молчал, нахмурившись, досадуя, что сболтнул лишнее.

— Что ты за человек?—спросил капитан.— Чего тебе надо от реки?

— Много будешь знать—скоро состаришься, альбатрос,—сказал инспектор.

— Давай крикнем,—предложил капитан.

И они закричали громко и страшно:

— Люди! Люди! Э-ге-гей!

Вздروгнули в кустах наблюдавшие за ними девчонка и мальчишка.

Вдруг инспектор обернулся. Кусты шевелились: кто-то уходил в заросли. Инспектор кинулся вслед, с разгону влетел в ивняк и чуть было не провалился в яму. Капитан едва успел его подхватить.

— А яма-то на тигра,—прищурился инспектор, разглядывая маскировку из веток.— Видел я такие в Уссурийском крае... Кто-то устроил западню,— задумчиво сказал он.

— Какие тигры?!—ошалело спросил капитан и дикими глазами посмотрел в гущу зеленых кустов.

Инспектор вскочил, быстрыми шагами пошел в сторону. И упал как подкошенный. Капитан подбежал. Рыча от ярости, инспектор рвал на сапогах проволочную петлю.

— Ножом!—участливо подсказал капитан.

Инспектор выхватил тесак и разрубил пути. Капитан внимательно смотрел на инспектора. И тот, почуствовав это, сдержал гнев и криво усмехнулся:

— Шутники! Поймаю—глаз вырву!

Черный от бешенства, он встал у воды, широко расставив ноги, и выпалил дуплетом в воздух.

— Выходи!—крикнул он реке.

Вдруг глинистая круча треснула под его ногами, и огромная глыба с шумом упала в воду. Инспектор успел отскочить в сторону.

— Убью!—закричал он реке и выстрелил в омут.

Еще одна глыба земли из-под его ног полетела в воду. Пятясь в страхе, он стал стрелять по дальней отмели.

— Ах ты, рыбе отродье!—шипел он и в ярости бил дробью, расстреливая ненавистную загадочную реку.

— Какой страшный,—прошептала девочка.— Он, наверное, браконьер.

— Говорит, ученый по рекам,—пожал плечами мальчишка...

...Еле волоча ноги, вернулся инспек-

тор к людям.

— Вы знаете, здесь нет шоссейных дорог. Может быть, еще покричать?—предложил ему конструктор.

— Кончайте детский сад разводить,—глухо сказал инспектор и обошел стог.

В стоге дремал матрос.

— Вставай, юнга!—толкнул его инспектор.

— Иди ты,—недружелюбно ответил матрос и повернулся спиной.

Инспектор зажег спичку и запалил стог. Матрос как ошпаренный выскочил из стога.

— Ошалел, дубина!—заорал матрос.— Там у меня картошка...

Стог разгорался и гудел от огня. Налетевший откуда-то ветер рвал огонь и кидал его в стороны. Туча золы взмыла и черной вьюгой ударила людям в лица.

Огромное пожарище красным заревом залило реку. Последними к пожару прибежали студенты.

— Нас на сено гоняют, а тут палят,—философски заметил студент с бородкой.

— Балдеж!—крикнул рыжий и стал прыгать вокруг огня.

— Человек косил, а он спалил,—с неприязнью сказала в сторону бабка.— Как тот безродный... Ему говорят: «Деду! Село горит!» А он: «Пускай горит! А я за торбу да в другое пойду!» Поджигальщик...

Насупившись, глядели на инспектора матрос и девочка. Стог догорал. Молча стояли люди, черные от сажи. Молча смотрела на людей синими глазами безмолвная утренняя река. И было в ней что-то страшное.

— Водичка—парное молоко!—сказал рыжий, раздеваясь.

— Не надо,—остановил его за руку товарищ.— Посиди. Видишь, все сидят.

— А мы еще реку видели!—сказал близнец-герой.

— В цветочках беленьких,—добавил близнец-поэт.

— Где?—насторожился инспектор.

Мальши побежали вперед. За ними двинулись капитан, инспектор и все остальные.

СТАРИЦА

Они раздвинули кусты и замерли замороженные. Под шатром ветвей пряталась старица. Она была светла и

прозрачна до самого дна. Белые лилии стояли на ее чистой воде. И никто не заметил, как напротив, на другом берегу, раздвинулись кусты, и зеленая рука осторожно придержала ветку.

— Эй, сюда, сюда!—раздался вдруг крик.

— Студенты кричат,—насторожился капитан. И все поспешили назад...

Странная картина открылась глазам. Черные от сажи студенты как папуасы бегали около катера. Рыжий дергал трос. А вокруг катера закипала черная грязь! Катер тонул в болоте. Матрос, капитан и инспектор взбежали по трапу.

Капитан влетел в рубку и резко дал задний ход... Разбрызгивая грязь, катер медленно отошел от берега, развернулся и въехал носом в густую стену зеленых дебрей, которые закрывали вход в старицу. Матрос стал рубить топором живую стену, прокладывая путь, но у него плохо получалось. Инспектор забрал у него топор, стал сам рубить. Топор с визгом бил по живым веткам, они падали на нос, устилали воду.

Все шли по берегу, глядя, как продирается катер.

— Лилии, лилии! Давайте нарвем! Сорвите мне лилию!—крикнула с берега девочка инспектору.

— Уши я тебе сейчас нарву,—грубо ответил он, вытирая топор.

Заляпанный грязью белый катер на малом ходу вошел в старицу, давля водяные лилии.

Дед Пушкарь мчался по реке. Катер бил носом по волнам, буруны летели от него и бились в берега. Дед всматривался, но река была пуста. Возле стада коров на отмели он приглушил мотор.

— Макар!—крикнул он пастуху.— Пассажиры проезжали?

— Не было,—отозвался пастух.

— Не по воздуху же они летают,—помрачнел дед и повернул назад.

— Почему мы свернули с магистрального пути?—спросил конструктор.

— Река пересохла,—пошутил инспектор, важно стоя в капитанской рубке.

— Тихо, как по уху ударили,—сказала бабка.—Как в раю.

— Умная вы старушка. Как без вас жить будем?—засмеялся рыжий.

— А вот с ним жить будете...—ткнула рукой бабка в сторону инспектора и передразнила его походку.— Ходит, как мокрая русалка. Топ-топ! Поджигальщик!

— Чего он вам дался?—засмеялись студенты.

— У него глаз стеклянный,—мистически произнесла старуха.

Девочка встала и тайком заглянула в лицо инспектора. У него был неподвижный, мертвый взгляд.

— Но ведь старица идет в тупик,—не унимался конструктор.

Инспектор тяжело посмотрел на него.

— Вы, кажется, кричать хотели?—съявил он.—Вот и сделайте нам трубу.

— Рупор?—удивился конструктор.— Но я не слесарь.

— Я тоже не господь бог, я только учусь,—цинично сказал инспектор и крикнул:—Дремов! Дай жесть конструктору.

Конструктор пожал плечами и стал чертить чертеж на листе жести.

— Раки мои, раки! Нету вам счастья!—запричитала бабка.—Хлопчик, зачерпни воды,—сказала она мальчишке.

Тима закинул ведро в реку.

Матрос посмотрел на них и равнодушно отвернулся. Он хмуро слушал по транзистору полонез Огинского.

Мальчишка стал вытягивать ведро и вздрогнул. Черная тень живого существа бежала под водой, скользила за катером, шевеля широкие зеленые листья кувшинок.

— Лей,—сказала бабка ласково, подставляя корзину.—Хлопчик, как гвоздик. Говорила—поешь! Ишь, ведро в руках колотится.

— Там кто-то плывет,—тихо сказал мальчик.

Поглядела бабка в воду—так и осела на палубу, побелев лицом и шепча старое заклятие:

— Чтоб тебя утки съели, куры затоптали, чтоб тебя комары затолкали и куры с петухами, чтоб тебя коршун... Соль тебе в глаза, молния в зубы, гром в груди, трескучее полено в колено. Тогда ты меня очаруешь, когда пересчитаешь на небе звезды, на дереве лист, выпьешь три воды, пересыплешь две горы песку... Лезь на сухой лес,

чтоб ты кукушки не слышал, чтоб тебя волна взяла... Чур меня, чур!

Мальчишка остолбенело слушал ее.

— Не говори никому!— схватила его бабка за плечо.— Это за мной Хозяин бежит!

— Что?— испугался мальчик.

— Ты не бойся. Дядька этот из реки, водокрут, детям худого не делает, если, конечно, они реку и лес любят,— успокоила его старушка и запричитала:— Ой, колода я старая. Почто человеку этому сказала, что Хозяин в речке сейчас. Ой, гада я, гада!

— А может, ему раков отдать?— загорелся мальчик.

Бабке было жаль терять деньги.

— Может, не тронет?— нерешительно сказала она.— Разве я ворог Хозяину? Ворог у нас другой!— и она зашептала на ухо мальчику...

...Туман растаял. Солнце заливало светом старицу и лес по ее берегам. Инспектор свесился за борт и увидел радужные пятна.

— Нефть плывет,— обрадовался он.— Скоро вышки! Живем, граждане!

— Уже?— разочарованно вздохнула студентка в белой шляпе.— А мы думали денек погулять,— и притворно захныкала.

— Гуси!— сказал капитан.

Впереди белела стая гусей. Катер приближался, но, будто заколдованные, они не разлетались, загораживая путь.

— Давай по гусям!— хлопнул по ружью инспектора рыжий.

— Жалко,— остановил их капитан и нажал на сирену. Сирена мяукнула и замолкла.— Контакт полетел,— констатировал капитан и позвал матроса.

Несмотря подошел матрос, держа под мышкой транзистор. Инспектор глянул косо и, нажав на кнопку, выключил музыку. Дернулся матрос, но на бунт не решился.

— Бери водомер, разгоняй,— сказал капитан.— Сидят, как привязанные. Приказ у них, что ли?

— Может, еще катер подтолкнуть?— огрызнулся матрос и стал ударять водомером по воде и кричать на гусей, пока сам не упал в воду.

С веселыми шутками студенты втащили его на борт.

— Путь открыт, ваше величество,— криво усмехнувшись, сказал матрос.

Но гуси как ни в чем не бывало сидели стаей перед носом катера.

— Приказ... приказ у них,—

инспектора осенила страшная догадка, и он, схватив багор, со злостью стал колотить, стараясь попасть по белым птицам.

Один удар ему удался. Птица, жалобно крича, закружила боком на воде, распластав от боли крылья.

— Сейчас вам бабка Анюта сказку расскажет,— сказала бабка, враждебно зыркнув на инспектора, и увела малышей с палубы.

Дети испуганно оглядывались на бешеного черного дядьку.

— А я существо в воде видел,— таинственно сказал Тима девочке.

Но она не слушала его, глядя на инспектора, который тяжело дышал. Гуси, протяжно крича, летели прочь от катера.

— Слышь, я призрак видел, который с русалками живет,— толкал девочку мальчик, но она не слушала его. Странная тревога охватила ее.

Катер подходил к зеленой арке низко склонившихся над водой деревьев.

— Костром пахнет,— сказал рыжий, рассматривая что-то на берегу.

Инспектор тоже впился глазами в берег. И вдруг дерево справа застонало и, треща ветками, как подрубленное, с шумом упало перед катером. Движимое неведомой силой, обрушилось и дерево слева. Как огромные зеленые руки, деревья загородили дорогу катеру, едва не накрыв его!

Инспектор, вскрикнув, упал на палубу, закрывая голову руками...

БОБРОВАЯ ОХОТА

Капитан резко сбавил ход, но катер по инерции прошел вперед и глухо ударился в лежащие на воде стволы.

— Приехали!— губы капитана побелели.— Деревья на голову падать стали.

— Не кисни,— инспектор сжал ружье.— Дойдем!

— Куда?— глухо спросил капитан и положил в рот леденец.

— Ура! В засаду попали,— закричал мальчишка, бегая от борта к борту. Но его живо одернули.

— А, между прочим, устами младенцев говорит истина,— вставил слово матрос.

— Не каркай,— мрачно ответил инспектор.

— Сейчас грабить начнут,— засмеялся студент с бородкой.— Берегись, девочки! Банда Черного Мар-

киза готовится к abordажу. Бегите! Ваши рюкзаки в опасности!

— А вы на что?—деланно засмеялись девочки.

— Мы погибнем в неравном бою,—куражился рыжий, но скоро и он замолчал.

Людам было страшно. Лес молчал, тревожно звенела вода невидимых ручьев, и деревья, лежащие поперек реки, выглядели зловеще.

— Ни в городе, ни в лесу житья от хулиганов не стало,—нервно сказала городская мама.

На катере воцарилось гнетущее молчание. Только слышно было, как насвистывает конструктор, увлеченно скрипя ножницами и громыхая жестью. На палубу вышла бабка.

— Спят,—с тихой улыбкой сказала она и посмотрела на деревья.—Ай да бобрята! Навалили лесу!—сказала бабка радостно.

— Бобры? Ты не ошиблась?—насторожился инспектор.

— У них тут и хатки неподалеку,—по простоте душевной брякнула бабка.

— Ай да бабка!—хищно засмеялся инспектор.—Агроном!

Бабка улыбнулась, польщенная.

— Давайте их поймаем,—вскочил мальчишка и встал на борт, хватаясь за ветки.

— У тебя что—мухи в носу завелись, скачешь тут!—грубо одернул его инспектор.—Природу надо любить. Как речной инспектор я предупреждаю,—громко сказал он,—к бобрам не приближаться! Карается законом! Особенно это касается молодых людей,—покосился он в сторону студентов, высморгался и пошел к борту. Но натолкнулся на бабку.

— Верю, верю всякому зверю—только не тебе!—сказала старуха враждебно и пронизательно.

— Но-но,—оттолкнул ее инспектор.—Тоже мне амазонка. Ты мне еще про Хозяина расскажешь.

— Вот тебе Хозяин,—сказала бабка и показала дулю.

Инспектор захохотал и замурылкал песенку:

— «Любил повеселиться, особенно пожать...»

— Ты не Шмат, который бобр повгубил и Лугу высушил?—спросила в упор его бабка.

Инспектор вздрогнул, поглядел на бабку, но ничего не ответил. Он заки-

нул ружье за спину и спустился на ствол дерева, качаясь и оскальзываясь.

— Ты куда, Матвейч?—окликнул его капитан.—Деревья будем растаскивать.

— Без меня...—отмахнулся он.—Надо браконьерышек пощупать.

Городская мама посмотрела на инспектора с уважением, а у близнецов глаза загорелись восторгом. Бабка жестом подозвала мальчишку и девочку и что-то стала шептать им. Инспектор сошел по стволу на берег, и кусты сомкнулись за его спиной.

— Как запахло работой, сразу крысы с корабля побежали,—насмешливо сказал матрос.

— Ну ты и язва!—удивился капитан.—Цепляй.

Матрос обкрутил тросом ствол дерева. И катер, дав задний ход, пополз назад, с рокотом уволокающая дерево с дороги.

Инспектор шел прибрежными кустами, огромный и ловкий, как лесной зверь. Ступал осторожно и мягко, увидел малину—вырвал с корнем кустик и пошел, объедая его на ходу и выплевывая зеленые листья. Увидел в траве молодые рыжики—очистил и отправил сырые грибы в рот. Под ногами было топко, и он пошел лесом, делая дугу и постепенно сворачивая сырým осинником к старице.

Бесшумно за ним бежали мальчишка и девочка, шикая друг на друга и прячась за стволы деревьев.

Инспектор оглядывался, но неукротимо шел вперед, не останавливаясь. Вот он свернул под шатер густой ели—и исчез.

Мальчишка и девочка потеряли его из виду и бросились искать. Они перебежали в зарослях папортников, падая и поднимаясь, пока наконец не столкнулись, испачканные и ободранные, в сумраке леса—и до смерти испугались, не узнав друг друга. Они сели под деревом, спина к спине, и стали слушать жизнь леса. Неожиданно кусты зашелестели, послышался чей-то кашель.

— Кашляет,—сказала девочка испуганно.

— Эй, кто там?—позвал Тима.

Кусты дрогнули. В их глубине кто-то снова кашлянул. Детям стало страшно...

Катер тянули вдоль берега.

— Где Леночка и этот мальчик?— спросила мать у студентов.

Они пожали плечами. Она спустилась в каюту. Бабка, развернув платок с едой, закусывала. Вместе с ней закусывали близнецы.

— Где Лена?— спросила мать у близнецов.

— Бегают где-то по лесу,— пожали плечами братья.

— По лесу?! В такой глуши?!— вскрикнула мать и выбежала на палубу.

Инспектор вышел к воде и замер. Перед ним была бобровая хатка. Как прекрасна была седая бобриха, как трогательны детеныши!

Инспектор воровато оглянулся и снял ружье. Прицелился, но вспомнил, что патрон с дробью, и стал перезаряжать пулей. Он перезаряжал медленно, чтоб не спугнуть. На берег вылез маленький бобренок и стал отряхиваться, дрожа и пописывая. И тут браконьер спустил курок. Ринулись от выстрела испуганные птицы, закричали... Поплыла по воде кувшинка, залитая кровью... Выстрел гремел за выстрелом.

ГОЛОС

Инспектор покинул зверей в мешок и пошел вдоль берега, как вдруг его опутала рыболовная сеть. Человек рванулся, упал и покатился по земле. Он катался, рыча, как пойманный зверь, но еще больше запутывался.

— Пусти! Убью!— хрипел он.

— Попался, попался, который кусался!— засмеялся кто-то в кустах и захолопал в ладоши.— Клянусь водой, я охотился за тобой давно.

Браконьер замолчал и стал ворочаться, чтобы разглядеть говорящего, но видел только голубой свет и чью-то тень.

— Ты—кто? Не Хозяин?— хрипло спросил Шмат.

— Хозяин уже давным-давно не выходит на берег,— сказал голос печально.— А с тех пор, как ты убил его младшего брата и река Луга высохла, он десять лет не выплывает из омута.

— Какого омута?— быстро спросил браконьер.

— Не обманешь!— снова засмеялся кто-то.— Ты ловил дедушку, а я поймал тебя!

— Хватит!— зарычал Шмат.— Хватит травить сказки, пионер. Инспектора рыбнадзора ждешь? Все равно я пережу твою поганую сетку! Щенок!

И тут случилось странное дело. Его нож сам вылез из ножен и уполз по траве.

— Ты назвал меня щенком? Но щенки такие добрые и красивые,— опечалился детский голос.— Значит, ты ненавидишь щенков. Я буду тебя судить!

Браконьер задержал ногами. Тень птицы лежала перед ним.

— Не будь дурачком! Не зови инспектора. Я тебе ружье дам!— стал хитрить он, тараща глаза сквозь сетку.

— Чтобы убивать? Ты ничего не понял,— сказал детский голос горько и приказал:— Река, возьми!

И ружье само поползло по траве, пока не свалилось в реку. Браконьер облизывал пересохшие губы и страшными глазами смотрел на чудеса.

— Возьми его, ветер!— сказала птичья тень.

И ветер неожиданно зашумел в лесу, и таинственная сила поволокла человека в коконе сетки к обрыву.

— Стой! Куда ты меня тащишь?!— закричал браконьер.

— На дно,— сказала тень и надрывно закашлялась.— Я веду тебя к Хозяину, в омут. Ты же хотел его видеть?

Браконьер цеплялся ногами за кочки и деревья, но ветер тащил его, как огромную гусеницу, к обрыву.

— Убью!— закричал он и покатился с обрыва к воде. Песок засыпал глаза Шмату. Он помотал головой.— Это ты спрятал реку, нагнал туману?— спросил он, задыхаясь.

— Это река памяти,— сказал голос.— Я не мог ей приказать. Ведь река помнит все. И она помогла мне. Ведь ты убил водяного на Луге.

— И ловушку для меня вырыл!— зашипел браконьер.

— Я вырыл двенадцать ловушек. Я работал день и ночь, хоть у меня и болит грудь,— гордо сказал голос.

— Хочешь, я вылечу тебя?— предложил человек.

— Это тебя надо лечить—от твоего зла.

— Но людей много. Они все равно убьют Хозяина бензином!— закричал Шмат.

— Люди не такие, как ты!— возразил голос.

— Все люди—сволочи!—закричал браконьер.

— Река, возьми!—сказала птичья тень.

Браконьера опять стало затягивать в воду.

— Люди! Люди!—закричал он и вдруг тихо сказал:—Я не буду убивать Хозяина...

— Я не верю тебе,—сказала тень.— Ты убил бобров и лебедей. Кого ты убьешь завтра?

— Клянусь!—крикнул человек со страхом и уткнулся лицом в песок.

СПАСЕНИЕ

В кустах раздались шаги, треск веток и детские голоса.

— Дети!—рванулся от воды браконьер.

— Ладно, я ухожу!—задумчиво сказала птичья тень.—Но помни!

— Ой, кто-то в сетке!—глянула девочка с обрыва.—Страшное!

— Может, тигр,—спросил мальчик, замирая.—Кто же еще? Это их сетками ловят.

— Дети, это я, дядя,—ласково позвал браконьер.

Дети спустились.

— Кто это вас?—спросила девочка.

— Развяжите,—сказал браконьер.—Я вам сгущенку дам.

— Мы и так вас развяжем,—сказала девочка и стала распутывать сеть.

— Кто это вас?—спросил уважительно мальчик.

— Браконьеры. Шесть человек,—сказал Шмат.—А ну, послушаем!

Дети замерли. Было тихо. Только вддали рокотал, приближаясь, катер. С катера аукали.

— Убежали,—с сожалением сказал браконьер.

— А за что они вас?—восхищенно спросил Тима.

— Бобров стали стрелять. Слышали выстрелы?—солгал он.

Дети дружно закивали.

— Я одному по шее, потом другому!—увлеченно врал браконьер.—А они—сетку на голову и ружье в речке утопили... И нож вот. Но ничего, у меня еще одно ружьишко есть... Руки освобождай!—грубо приказал он.—А то до вечера провозитесь...

Дети вздрогнули и быстро стали распутывать. Браконьер наконец разорвал сетку, поднялся.

— У-у!—замычал он, как от боли.

— Вас... били?—осторожно спросила девочка.—Где больно?

— Тут!—стукнул браконьер себя в грудь.—Тут!—и вдруг с остервенением сорвал с пояса пустые ножны и швырнул в кусты, следом—чехол от ружья.

— Тима! Лена!—кричали с катера.

— Пошли, спасители!—ласково сказал браконьер и тронул девочку за плечо, но она вздрогнула и отскочила.

Так, порознь, они и вышли к воде.

— Кто стрелял?—закричал капитан с катера.

— Леночка, ты почему поцарапана?—закричала мать.

— Это браконьеры,—радостно завопил Тима.—Они дядю схватили, а мы спасли!

Катер медленно причалил к кустам, и герои поднялись на борт.

— Вы просто сошли с ума!—накинулась мать на них.—Бить вас некому.

— Бойцы,—криво усмехнулся инспектор, тяжело прошагал на корму и сел, опустив голову и отвернувшись ото всех.

— Вы не ранены?—озабоченно тронул его за плечо конструктор.

— Оставьте меня в покое!—отмахнулся Шмат.—Да отвали ты!

— Вот это приключеньице,—прыгали малыши.—А вы браконьеров видели?

— Конечно,—соврал, не моргнув глазом, Тима.—Они бобров бьют, а мы как затремчим в кустах! И на них!

— А они по воде убегают! А мы по ним—залпом!—подхватила девочка.

— Из ружья?!—восхищенно позавидовали близнецы.

— Да нет, камушками! Как дашь—сразу шишка с кулак,—пояснил Тима.

— Ого!—потерли затылки близнецы.

— А теперь—обедать!—приказала городская мама.

— Нечистое дело, ой, нечистое!—задумчиво и тревожно покачала головой бабка, косо глядя на инспектора.—Нет веры этому человеку, ну, хоть убей, нету веры...

ОХОТА НА ЧАЕК

Шмат угрюмо сидел на палубе, тупо глядя за борт. Белая стая чаек кружилась над катером, их тени скользили прямо перед инспектором. И вдруг Шмата как будто ударило током! Птичья тень! Открытие потрясло его.

Тень чайки была похожа на ту проклятую тень, которая поймала его в силки. Тень побежала перед ним по палубе, и Шмат стукнул ее кулаком, хрипло смеясь.

— Я сейчас, ребята, айн момент.— Он стал рвать рюкзак, высвобождая запасное ружье в чехле.— Сейчас, ребята!

Он прицелился и выстрелил. Чайка упала в воду. Птицы заметались. Он еще два раза выстрелил.

— Всех, всех к ногтю,—шипел инспектор.— Двенадцать ям он вырыл...

— А как с охраной природы, дядя?— ехидно спросил за его спиной рыжий.

— Чего?— тяжело повернулся к нему Шмат.

— Бобров, я говорю, охраняем, а чаек— колотим?— уточнил студент.

— Ботанику надо знать,— скривился инспектор.— Чайка— птица сорная и вредная. Мальков ест,— сквозь зубы объяснил Шмат и протянул ружье.— На, выстрели!

— Вредная, говорите?— уточнил студент.— Тогда можно. Я лично голубей не перевариваю.

— Да ты ружье спрячь, а то они видят, шельмы!— хохотнул инспектор, и они присели около борта.

— На рыбу летят!— кивнул головой рыжий.

Матрос развешивал над палубой гирлянду рыбы для просушки. Рыжий прицелился и выстрелил вверх.

Инспектор ободряюще хлопнул его по плечу:

— Кто еще выстрелить хочет?— ему хотелось, чтобы стреляли все.

— Дайте-ка и я причащусь,— пряча глаза, сказал студент с бородкой.

— Не бейте, зачем?— попросила его девочка.

— В ту большую, слева!— прыгал Тима от возбуждения. Он чувствовал себя охотником.

— Улетайте, улетайте, глупые!— просила девочка.

— Еще один вражеский бомбардировщик!— завопил Тима, когда студент выстрелил.

— Дурак ты и зверь,— сказала ему Лена враждебно и ушла с палубы.

Инспектор совал ружье девушкам. Но они перешли к другому борту. И тогда снова выстрелил рыжий. Весело было на катере. А чайки падали, умирая на воде. Капитан выглянул, крикнул:

— Кончай тир на воде!

Инспектор оторвал рыбу с веревки, сунул хвост в рот, посмаковал.

— Пальни,— предложил он матросу и ткнул ему в руки ружье.— Чего дуешься? Или мой грош дырявый?

— Отойди— рубль дам,— сказал матрос грубо.

— Тир бесплатный, очен-но приятный!— как балаганный зазывала, закричал инспектор.— Ну-ка, спаситель, пальни! Пугни водоплавающих!— положил он руку на плечо Тиме.

Тиме стало неловко, он испугался.

— Я сейчас,— отчаянно забормотал Тима.— Там чайка упала на нос!— И он бросился стремглав.

Инспектор засмеялся.

Тима бросился к чайке. Как вдруг перед ним возник... неизвестный мальчик. На нем были голубые шорты и белое перо в светлых, будто седых, волосах. Мальчик-птица взял чайку, и она покорно замерла у него в руках.

— Ты кто? Корабельный заяц? Эй, заяц, отдай чайку! Это моя чайка!— закричал Тима, хватая мальчика за плечо.

— Твоя чайка?!— гневно закричал мальчик с пером и оттолкнул Тиму.— Может, скажешь— и река твоя?! И земля?! И небо?!

— И река моя. И земля. И небо. У нас все общее. Ты что, с луны свалился?— насмешливо сказал Тима.

— Как птица может быть твоею!— удивился жестокости слов мальчик с пером и замолчал, потому что чайка умерла на руках.— Вы убили, вы убили мою сестру!— сказал с отчаянием мальчик и крикнул:— Я объявляю вам войну!— Он закашлялся.

Кашель согнул его, и он, корчась, отошел к борту, прижимая чайку к груди. Кровь мертвой птицы текла сквозь пальцы. Вдруг Тима увидел, что мальчик сам ранен в плечо.

— У тебя кровь!— сказал Тима испуганно и глупо добавил:— У меня есть лишний билет. Дать?

Мальчик хотел что-то ответить, но опять надрывно закашлялся.

— Воды!— крикнул он.— Я прошу воды! Дай мне воды...

— Гроза!— взвизгнула одна из девушек.

Синий свет залил округу и реку. Две молнии ударили в реку перед катером, преграждая путь.

— Дети, в дом!— крикнула женщина.

Небо разом почернело, настал вечер. Катер уткнулся в кусты. Ударили первые капли дождя. Тима видел, как мальчик тяжело перебрался через борт и шлепнулся боком в воду. Встал на неглубоком дне, положил мертвую белую птицу на фиолетовой воде и расправил ей крылья. Волна от винта катера подхватила птицу и понесла прочь. Вместе с ней исчез и Сын Чайки, который раскинув руки, как крест, поплыл по черной воде неведомо куда.

Дед Пушкарь мчался по реке. На берегу рыбаки тянули сеть, медленно идя по отмели. Пушкарь остановился, крикнул:

— Катер не проезжал?

— Не видали,—отозвались рыбаки.

Послышались отдаленные выстрелы.

— Может, с катера?—настрожились рыбаки.

— А звук с поля идет... В болото они, что ли, попали?—удивился дед Пушкарь.—Проверим!—Он дал газ и скрылся за поворотом реки.

ГРОЗА

Река кипела от ливня. Серая стена дождя, казалось, преградила путь. Все убежали в каюту и теперь веселились, радуясь приюту.

— Дикие у вас места—то солнце, то гроза,—сказал рыжий.

— Убьют жабу—и гроза,—хмуро сказала бабка.

— А если чайку убьют?—спросил Тима.

Повисло молчание.

— За тех чаек, что мы хлопнули, гроза будет неделю,—хохотнул рыжий.

— Маловато любви к братьям нашим меньшим у молодежи,—с горечью заметил конструктор, вертя рупор в руке.

— Потопа на них нету, иродов,—сказала бабка гневно.

— И как не стыдно! Дети ведь смотрят,—вмешалась мать.

— Курица—не птица. Чайка тоже. А дети... пусть закаляются,—жестоко сказал из угла инспектор.—Вот приедем, я вам покажу один фокус.

— Это если на Забаву попадем,—сказала бабка, пристально на него глянув.

— Попадем,—усмехнулся инспектор.—Еще чаечек постреляем—и попа-

дем. Правда, пионер?—толкнул он локтем Тиму.

Тима опустил голову.

— У нас случай был,—сказала бабка.—Один злодей птиц зазря бил. В туалет и то с ружьем ходил. Где увидит—убивает, хоть воробья.

— И что?—заинтересовался рыжий.

— А то... Поехал на реку, а его рыба глоть—и нету,—сказала бабка зловеще.

А инспектор знай посмеивался, крутя свои лески.

— С лодкой вместе?—захохотали студенты.

— А что?—обиделась бабка.— Однажды такие, как вы, на берегу стояли. Все костры палили. Утречком видят, на палатке знак кто-то ночью написал—крест или будто птица по песку походила...

— И что?—спросила девушка.

— Известно что,—шепотом сказала бабка.—Синим пламенем палатка их сгорела. Вместе с водкой.

Инспектор засмеялся.

— А другой злодей в ружье перед охотой глянул ненароком, а там записка,—не смущаясь, продолжала бабка побасенки.—Читает он ту записочку. А там одно слово: не убивай! И подпись—Сын Утки.

— Может, чайки?—спросил вдруг Тима.

Инспектор замер.

— Может, чайки,—охотно согласилась бабка.—Только злодей не утерпел, опять пошел зверенышей губить. Тут ему ружье и разорвало...

— А со злодеем что?—спросил студент с бородкой.

— Известно что. Нашли две пуговицы,—подвела итог бабка.

— Ну, бабка! Ну, хохмач! Вас бы к нам в театр,—засмеялись студенты.

Инспектор как бы ненароком взял ружье и стал переламывать ствол, проверяя замок. Потом не выдержал, заглянул в ствол—и побледнел. Но девочка успела заметить, как он прятал, комкая в кулаке, найденную в ружье записку.

Все молчали. Глухо шумела буря.

— Плачет кто?—прошептала бабка.—Когда рошу рубила—так же плакало, то ли на земле, то ли в небе.

Сквозь шум дождя и впрямь были слышны какие-то жалостные голоса.

— Плачут водяники,—сказала бабка вещим голосом.

Инспектор закрыл глаза.

— Чтой-то ты, дядька, невеселый стал, а?—ехидно спросила у него бабка.—То на охоту, будто на свадьбу собирался, а сейчас молчишь, как на поминках.

— Уймись, старая,—сквозь зубы с тоскою сказал инспектор.

Вдруг дверь резкопахнулась. Инспектор вздрогнул.

— Добровольцы,—крикнул насквозь промокший капитан.—Заливает! Надо откачивать!

— Калоша у вас, однако,—неодобрительно отозвался студент с бордкой.

— Напрасно старушка ждет сына домой,—заорал рыжий и вскочил.—Отвернитесь, граждане, штаны снимать будем!

К нему присоединился студент с бордкой. Они разделись до плавок и нырнули в дождь.

— Помрут раки,—сказала бабка.—Пойду выпущу...

— Перед Хозяином выслужиться хочешь?—странным заговорил вдруг инспектор.—Не послушает тебя река.

— Это мы поглядим,—сказала бабка.—Я баба честная...—Она надела на себя клеенку и пошла в дождь.

Студенты, голые и мокрые, прыгали у носаса.

— Подрасти, бабушка, хотите?—засмеялись студенты.

Бабка подтянула к борту корзину:

— Ловила я вас, рачки, на вашу смерть... Гуляйте! А ну, хлопчики, подмогните,—сказала бабка, открывая корзину.

— Вы что? Живые же деньги!—удивились студенты.

И раки полетели за борт.

Как по мановению волшебной палочки, дождь прекратился. Небо стремительно просветлело.

— Что за чудо?—спросил рыжий, глядя в небо.

— А никакого чуда,—сказала бабка.—Земля помнит все. И река помнит все.

Счастливая возвратилась бабка в каюту.

— Неужели отпустили?—спросила городская мама.—Это на сколько рублей было?

— Сколько было—все мои,—весело отмахнулась бабка.—Жила я без грошей, как воробей, и так проживу...

— Дождь перестал. Или мне почуди-

лось?—поднял голову от своей трубы конструктор.

Все вышли на воздух.

— Озон!—замахал руками конструктор и дунул в трубу. Рупор пискнул.—Ого! Скоро загудит!

— Пляж, пляж!—крикнули глазастые близнецы.

Все столпились на носу. Катер медленно шел к пляжу. Из каюты вышел инспектор, воровато оглянувшись, прошел на корму, пряча ружье. Перегнулся через борт, бросил ружье в воду, а следом и записку. И она поплыла по воде, будто белое перо чайки.

ПЛЯЖ

Катер стоял, уткнувшись в песок. Пассажиры сходили и разбредались по пляжу.

— Далеко не забредайте,—предупредил капитан.

Последним сошел инспектор.

— А ну-ка, быстро за ним,—шепотом сказала бабка Тиме и Лене.—Чует мое сердце...

Дети пошел за инспектором. Но вскоре черный плащ инспектора исчез.

— Потеряли,—раздосадованно сказала девочка.—Надо искать.

— Выдумывает бабка,—отмахнулся Тима.—Пошли лучше ласточек смотреть.—И они пошли на кручу.

Тима храбро склонился с обрыва и стал ножом расковыривать норки, в которых жили ласточки-береговушки. Тревожно метались птицы.

— Не надо,—сказала девочка.—Я ухожу, как хочешь!

— Смотри,—сказал Тима и выкатил на траву пестрые ласточкины яички.

— Положи на место!—крикнул ему кто-то.

Тима оглянулся, перед ним стоял мальчик с пером. Тима подхватил яйца с травы и проворно встал.

— Отдай,—властно протянул руку Сын Чайки.

— Иди отсюда, деревенский, а то... красные сопля утрешь,—пригрозил Тима.—Индеец оципаный.

— Ты говоришь непонятно, но, наверное, обидно для меня,—сказал мальчик.—Отдай, иначе ты испугаешься!

— Кто испугается?—засмеялся Тима и поднял руку, чтобы кинуть яйца в реку.

Сын Чайки кинулся к нему и ловко завернул Тиме руку за спину так, что

яйца как бы сами собой выкатились на траву. Тима вывернулся и опрокинул мальчика. Взвизгивая, они покатались по траве. Лена беспомощно смотрела, как они тузили друг друга, волнуясь, что они раздавят беззащитные птичьи яйца.

Сын Чайки победил и прижал Тиму лицом к земле, но вдруг замер и отпустил руки... Раздавленная скорлупа и желток стекали по его груди. Тима вывернулся и опрокинул врага, радостно вопя.

— Оставь его!—крикнула девочка.— Дурак!—И она неожиданно для себя вцепилась в Тиму и повалила на землю.

Тима с недоумением всмотрелся в мальчика. А тот плакал, снимая скорлупу. И вдруг закашлялся. Страшный кашель сотрясал его тело, и он забился на земле, как будто в припадке. Розовая пена кипела в уголках его губ.

— Возьми платок!—присела рядом девочка и положила руку ему на спину.

Тима обиженно смотрел на них.

— Я убил вас, братья! Я убил ваших малых детей,—плакал Сын Чайки.— Зачем я стал человеком? Я не хочу! Я хочу стать птицей!

— Но ты же не виноват,—сказала участливо Лена.

— Это все из-за тебя,—вскочил мальчик на ноги.— Скажи, что мне сделать с ним? Скажи!—доверчиво обратился он к Лене.— Хочешь, он упадет с обрыва?

— Не надо,—улыбнулась девочка.— Тима человека спас из ловушки, его браконьеры в сетку запутали... Он тоже любит природу.— Лена кокетливо улыбнулась:— А теперь протяните руки и станьте друзьями!

— Тот, кого он спас, хочет убить моего дедушку! Хозяина реки! Значит, вы все заодно! Какие вы злые!—с отчаянием крикнул мальчик. Он бросил платок на землю и, пошатываясь, исчез в кустах.

Дети молчали. Неожиданно появились близнецы.

— Скорее! Там черный дядька птиц на удочку удит! Побежали спасать!—кричали возбужденно братья...

...Инспектор ловил стрижей на удочки, сидя на обрыве и опустив тонкие лески с жирными мухами вниз. Стрижи ударяли по мухам, глотая смертельные крючки.

— Хорошая наживка для Хозяина,—бормотал браконьер, вытягивая очеред-

ную удочку с бьющейся птицей.

Он ударил птицу о землю, вырвал крючок из ее окровавленного клюва и бросил стрижа в мешок. Тут ему в голову попал камешек, потом другой, третий...

— Эй ты, сын курицы!—заревел он и, ожесточенно ругаясь, бросился в кусты.

А дети уже скидывали в воду его снасти.

— Стойте, паршивцы,—увидев их, крикнул он, но упал, запутавшись в зарослях ежевики...

...Сын Чайки сидел на берегу реки, бледный, и грустно смотрел на воду, по которой плыли консервные банки, двигалось огромное бензинное пятно. Вдруг он увидел мертвого стрижа. Мальчик вскочил. Вторая птица с леской в клюве взлетала над водой и падала. Лицо Сына Чайки исказилось болью.

ПРОВОДНИК

— Ваши поганцы утопили мои удочки!—закричал инспектор, выбежав на пляж.

— Разберемся,—успокоил его конструктор и стал звать детей.

Тима и Лена шли готовые к бунту, позади боязливо жались близнецы.

— Лучшие удочки!—жаловался инспектор.— Как я теперь ловить буду! Если бы я вас догнал, не знаю, что с вами сделал бы!

— Ты браконьер!—храбро сказал близнец-герой.

— Ты птиц на удочку ловишь и о землю стучаешь!—выпалил близнец-поэт.

— Под стул ходят, а уже рассуждают!—развел руками браконьер и усмехнулся.— Да на крупную рыбу это наживка, понимаете, на крупную...—объяснил он насторожившимся людям.

— На Хозяина?—спросила девочка, глядя инспектору в глаза.

— Какого Хозяина?—смешался инспектор и деланно засмеялся.— Болтает всякое...

— Не крути, крутила!—враждебно сказала бабка.

— А кто такой—Хозяин? Медведь?—спросила городская мама.

— Это научная тайна,—отрезал инспектор.— Детей лучше учите. А то по ним давно милиция плачет... Да и по некоторым из вас.

— А что ты нас пугаешь? Ты что, ГАИ? А мы на красный свет перебегаем? — возмущился матрос.

— Нет, правда, на что вы все время намекаете? — спросил конструктор, ничего не понимая.

— Вы — грубый человек! — поняла по-своему мама. — Скольким вам заплатить за ваши удочки?

— Расплатимся! — многозначительно сказал инспектор. — За все расплатимся. Думаете, случайно нас река завела в эту старицу?

— Забирай свои цапки! — крикнула бабка и кинула в ноги инспектору горсть разноцветных снастей. — Мы люди чистые. Плати за все сам!

Инспектор засмеялся.

— Мы еще в милиции разберемся, что ты за инспектор! — не вытерпел матрос.

— Человек в лодке! — закричал капитан с катера.

По реке плыл странный челнок, изогнутый, как банан. В лодке стоял Сын Чайки. Все замахали ему.

Сын Чайки подплыл к берегу и спрыгнул на песок.

— Из какой ты деревни? Откуда? Где вышки? Где пристань? Где мы? — забросали его вопросами.

Инспектор стоял в стороне мрачный.

— Мальчик, не сердись, — бросилась к нему Лена. — Мы утопили его удочки!

Сын Чайки молчал, сурово глядя на всех, а потом долгим взглядом на инспектора.

— Немой! — с сожалением сказала бабка.

Сын Чайки резко повернулся и пошел вдоль берега, остановился у катера и, повернувшись к людям, махнул рукой.

— Грузиться! Скорее! Мальчик покажет нам дорогу, — догадался капитан.

Все заспешили...

...Катер шел на полном ходу, но догнать челнок ему не удавалось.

— Спортсмен он, что ли? — удивился капитан.

— Странный мальчик, — пожал плечами матрос.

Рыжий, увидев на воде радужные жирные пятна, закричал радостно:

— Нефть! Скоро вышки!

Сын Чайки греб все быстрее и быстрее. На глазах его блестели слезы.

— Вы жжете и убиваете! — шептал. — Вот ваша страна! Я привел вас в нее. И пусть вам здесь будет хорошо!

РЕЧНОЕ КЛАДБИЩЕ

— Гляди, рыбы! Не двигаются, — толкнул один близнец другого.

— Умерли, — грустно сказал брат-поэт.

По воде, сверкая тусклым серебром, плыли брюхом вверх мертвые рыбы. Пустые бочки из-под смолы, бутылки преграждали катеру путь. Обломки какого-то полуразвалившегося строения торчали из воды. Ржавый остов машины врос в берег. На песке валялись ребра сгнивших лодок.

— Машина потонула, а колеса плывут! — сказал близнец-поэт.

По реке плыли автомобильные покрывалки.

— Эй, Сусанин! — крикнул рыжий.

Проводник исчез... Вечерело. Закат заливал красным светом безлюдный пейзаж, речное кладбище.

— Заманил! — сказал инспектор тоскливо.

И в ответ услышал голос, казалось, он шел откуда-то сверху.

— Я победил тебя. Ты не найдешь Хозяина. Прощай, — и голос засмеялся.

— Бешеная речонка, — злобно сказал инспектор.

— А ужинать нечем, — развела руками мама.

— Сейчас бы ваших раков, бабуля, — мечтательно сказал матрос. — Да пивка.

Катер замер у берега, с мостика спустился капитан.

— Что-то у нас нечисто, — капитан был хмур. — Голоса всякие... Вы бы объяснились, что ли? Чую я, из-за вас эта каша! — обратился он к инспектору.

— Ну, друг природы, берегись, — сказал инспектор очень тихо и добавил громко: — Живите как хотите! Я отчаливаю. — И бросил матросу: — Дай трос. — В ящике с инструментом, — недовольно сказал матрос.

...Инспектор накачал резиновую лодку, поднял ее и бросил за борт.

— Не пускайте его. Он браконьер, — не выдержала Лена. — Он хочет поймать Хозяина.

— Леночка! — укоризненно сказал отец. — Ты уже взрослая...

Браконьер сел в лодку и отчалил.

— Все равно тебе Хозяина не поймать, — помахала ему кулаком бабка вдогонку.

Шмаг засмеялся и скрылся в тумане. Конструктор сосредоточенно колотил по жести, совершенствуя трубу.

— Да перестань ты, — раздраженно

сказала жена мужу.— Кому нужна твоя труба. Лучше бы браконьеров ловил.

— Давайте думать,— глухо сказал капитан.

— Вы нас завезли и спрашиваете еще,— нервно бросила женщина.

— Я плыл по течению,— пожал плечами капитан.

— Пропади они пропадом, ваши реки,— грубо сказал рыжий.— Сами доберемся. Чао!

И студенты выбрались с палатками на берег.

— Какая в этом закономерность?— задумчиво сказал конструктор.— Этот мальчик. Хозяин... Хозяин чего? Этот странный тип? Надо спросить у детей...

Дед Пушкарь подъехал к старице, вошел в ворота, прорубленные топором в зеленой стене кустарников, и дал газ. Он мчался по старице, пока не натолкнулся на поваленные и растащенные в стороны деревья возле порушенных бобровых хаток, и лицо его стало тревожно. Он мчался мимо пляжа. Лодка сделала вираж, причалила. Вода колыхала мертвого стрижа.

— Это Шмат!— все понял он, взяв птицу в руки. В клюве ее торчал большой рыболовный крючок.

Стемнело. На реке стало мрачно и дико.

— Лена!— позвала мать. Никто не отозвался. Женщина обежала катер и скоро вернулась в каюту, запыхавшись.— Детей опять нет! Я скоро умру от этих ужасов.

— Они — сыщики, — невозмутимо сказал брат-герой.

— Им надо страшного дядьку поймать, а то он взорвет поезд,— сказал брат-поэт.

— Какой поезд? У тебя голова горячая... Живо в спальню мешки!— приказала мать.

На палубе конструктор, задумавшись, сидел, держа трубу в руках.

— Моторка!— выдохнул матрос.

Конструктор приставил к глазу трубу, как подзорную. Из темноты вышла рыбацкая лодка, блеснул фонарь, и лодка причалила рядом.

— Здорово, заблудшие души! Целый день вас ищу— с ног сбился,— сказал человек.— Я дед Пушкарь... Бакенщик. А Тимка где, внучок мой?

— Он исчез. Вместе с моей Леночкой. Просто наказание,— сердито заговорила женщина.

— Они побежали шпиона выслеживать,— закричали близнецы, появившись на палубе.

— Странное дело у нас приключилось,— честно признался матрос.— Жулик один от нас сбежал. Какого-то Хозяина все ловит.

— Все ясно,— помрачнел мужчина.— Черная душа с вами ехала. Он тут Лүгу погубил своей охотой.

— Лүга? Мыплыли по ней,— заволновался капитан.

— А как тут оказались?— быстро спросил старик.

— Мальчик привел, немой, на птицу чем-то похож,— пояснил матрос.

— Может быть беда,— сказал старик четко.— Это Сын Чайки. Он вышел на войну. Поверьте мне. Я— старый человек... Срочно надо искать детей.

И тут бакенщик заметил бабку.

— Анюта, Анюта,— сказал он горько.— Что ж ты его не разглядела?!

С факелами они спустились на землю, вокруг была ночь, тихая и густая.

ЛОВЛЯ

Шмат плыл по реке, расставляя сети. Причалил к глинистому берегу, вышел и стал закидывать удочки, наживляя огромные трезубцы мертвыми стрижами и подвешивая колокольчики на леску. Вода мерцала, от нее поднимался пар. Шмат достал из рюкзака большой капкан, умело врыл его под деревьями, засыпал листьями. Сел на берегу, засунул в рот манки-пищики. Дунул—и заплакали, закричали тревожные голоса птиц. Он играл тревогу и сигнал о помощи.

Рыжий вырубил из стволов деревьев страшные лица языческих идолов и любовался ими. Девушки стали изображать ритуальные танцы.

— А теперь— иллюминация!— закричал рыжий и взбежал на пригорок.

Там валялись старые автопокрышки. Он облил их бензином и зажег.

— Сюда!— зорал рыжий.

Девушки смотрели на его буйство. А чуть поодаль на огонь смотрел Сын Чайки. Разбрызгивая искры и поджигая траву, горящая резина покатила в реку.

— Куда вы?—бросился рыжий к девушке, которые уходили.

— Устали мы от тебя, рыжий!— сказала девушка в очках.— Леса хочется, тишины... Накажет тебя леший или кто там...

Ветер донес до Сына Чайки далекие жалобные крики птиц. Птицы звали на помощь!

Резко звякнул колокольчик. Шмат быстро смотал леску. На крючке висел соменок. Усмехнулся браконьер, ткнул соменка пастью в воду, выдирая ему жабры. Соменок трепыхался от боли.

— А ну, отпусти!— сказал гневно Сын Чайки.

Шмат повернулся. Мальчик быстро прыгнул в сторону и вскрикнул, упав на землю. Ноги его были в капкане. Шмат засмеялся, спокойно подошел к мальчику, встал над ним, любуясь, потом опустился на корточки и стал дуть в манки, издевательски повторяя голоса птиц, попавших в беду.

— Ты выманил меня на голос друга. Это подлость!— крикнул Сын Чайки.— И выпусти меня...

— Где Хозяин? Айн, цвай, драй...— грубо сказал Шмат.

Мальчик упорно молчал.

— А ну-ка, позови его! Дедуля, миленький, это я пришла, молочка принесла!— кривлялся Шмат.— Где Хозяин!— он ударил ребром ладони мальчика по щеке.

Сын Чайки молчал.

— Полежи в холодке до утра— ума наберешься,— сказал Шмат и ткнул его резиновым сапогом в бок.

Подошел к воде и снова стал мучить соменка, тыкая головой в воду:

— Зови деда, зови, сволочь ты этакая!

Шли по лесу с факелами люди.

— Не видать!— крикнул в темноте дед Пушкарь.

— Э-ге-гей!— закричал матрос.

— Эй!— слабо крикнул конструктор и смутился своего голоса. Он был мокрый до пояса от густой росы.

Дети бежали вдоль реки.

— Это его плащ,— показал Тима.

На траве лежал черный плащ браконьера.

— Он тут где-то близко,— зашептала девочка.

В воду уходили толстые лески сомо-вых удочек.

— Перо!— Лена схватила белое перо с земли и прижала к щеке.

— Там кто-то есть. Смотри,— показал Тима рукой в сторону.

— Ой, это он!— вскрикнула Лена.

Сын Чайки в рваном белом плаще лежал на земле.

— Он в капкане!— Тима, торопясь, стал снимать капкан.

— Беденький, скорее!— шептала Лена, тревожно оглядываясь.

Поддерживая мальчика, они повели его в лес.

Вслед за ними бесшумно вышел из-за кустов браконьер. Он все видел и сам устроил эту радостную встречу, чтобы следить за ребятами.

Дети шли по лесу, но мальчик-птица шел плохо и скоро совсем сел на тропинку.

— Травки мне... с голубыми цветочками,— шептал он.

Дети бросились искать.

— Эта? Эта?— показывала Лена, но все было не то.— Какая?— спросила она.

— Как твои глаза,— глядя в пространство, сказал мальчик. Лена смутилась.— Я сам,— сказал вдруг твердо мальчик-птица и пополз по траве.— Вот она... Разотри ее на спине... Это трава птиц,— сказал он.

Лена стала растирать на спине мальчика неизвестную травку с мелкими яркими голубыми бутончиками. И чудо— царапины и синяки исчезли на глазах. Сын Чайки резко вскочил:

— Я снова сильный!— крикнул он, взмахнул руками и горестно опустил их:— Неужели я навсегда разучился летать!

— Ты смешной,— сказала Лена.— Летают во сне.

— Но я умею летать!— возразил он.

— Не выдумывай,— сказала Лена.

— Ты мне не веришь?— поразился мальчишка.— Пошли к Хозяину! Хотя нет, нельзя... Дедушку может обнаружить злой человек.

Лес зашумел, и раздался странный рокошущий голос:

— Сын Чайки! Мальчик мой! Я здесь!

— Зачем ты здесь, дедушка?— крикнул мальчик с тревогой.

— Я пришел спасти тебя,— ответил

голос.—Я пришел спасать...

— Но я не звал тебя!—крикнул мальчик.—Тебя обманули!

— Приходи к Царскому омуту!— печально вздохнул голос и смолк.

ХОЗЯИН

Они стояли над омутом на черных старых ивах, держась за ветки.

— Это Царский омут,—сказал мальчик-птица.—Где-то здесь сейчас дедушка...—он всмотрелся в воду, над которой стлался утренний туман.

Сын Чайки присел и зашлепал ладонями по воде.

— Что ты делаешь?—спросила девочка.

— Зову Хозяина реки,—ответил Сын Чайки.—Сейчас он появится.

— Он страшный?

— Смотря для кого,—улыбнулся Лена мальчик-птица.

— Дедушка!—закричал Тима.

Лена ахнула. Посредине омута в тумане возник дед Пушкарь.

— Это Хозяин,—сказал Сын Чайки.—Он принимает любые виды.

— Здравствуйте,—сказал Хозяин.

Его голос шел как будто сверху и был глухим и таинственным.—Я принял образ человека, чтобы не пугать вас. Дед Пушкарь мой старый друг.

— Мы поможем вам,—сказал Тима.

— Спасибо,—грустно ответил Хозяин.—Дети должны помогать рекам.

— Берегите себя,—сказала девочка.

— Берегите себя,—как эхо, отозвался Хозяин и исчез.

— Куда он ушел?—спросила девочка.

— Охранять главный родник. Не то река пересохнет,—ответил Сын Чайки...

...Дети шли по лесу.

— Ты в какой класс ходишь?—спросил Тима. Он никак не мог поверить в происходящее.

— Ни в какой...—ответил мальчик удивленно.—А зачем?

— Да ладно тебе притворяться,—миролюбиво сказал Тима.—Ботанику же ты учил. Вон сколько цветов знаешь...

— А что такое ботаника?—спросил мальчик.

— Выдумщик ты,—улыбнулась Лена.—Может, скажешь, что ты и в самом деле—сын чайки?

— Ну почему я не могу летать?—

вскрикнул с отчаяньем мальчишка.

— Я—чайка!—закричал Тима и, раскрыв руки, помчался среди рыжих сосен.

ДИНАМИТ

Шмат выплыл на середину омута в резиновой лодке. Розовел июньский рассвет. Шмат ласково засвистел, пошлепывая ладонями по воде...

Вода заволновалась, вспучилась. За лодкой плыл Хозяин, принявший образ огромного сома. Шмат с силой метнул в него блестящую зазубренную острогу. Хозяин нырнул под лодку. Лодка вздрогнула от мощного удара, затряслась и опрокинулась.

Дико крича от страха, захлебываясь, Шмат кое-как доплыл до берега. Грязный, мокрый, черный от злости, он зашагал в лес и вскоре вышел к студенческому лагерю.

Густой вонючий дым поднимался от тлеющих покрышек. Лагерь был пуст. Только рыжий сидел у костра.

— Здорово,—сказал Шмат.

— Как дела браконьерские, дядя?—поинтересовался рыжий.

— Ты катер водишь?—не смущаясь, спросил Шмат.

— Я трактор вожу,—уныло сказал рыжий.

— И с лодочным мотором сладишь,—обрадовался Шмат.—Пошли за трофеем для мировой науки!—азартно предложил он.

Студент иронически посмотрел на браконьера.

— Шла бы эта мировая наука... лесом,—сказал студент задумчиво и продекламировал:—Тут леший бродит, русалка на дубу сидит!

— На ветвях,—поправил его браконьер.—Люблю сказки... Нет, правда кое-кого словим, двухметрового, сфотографируемся!—подначивал он.

— Хозяина, что ли? Жалко. Говорят, он реку бережет,—вздохнул студент.—И вообще весь этот край...

— И ты поверил бабкиным побреухам,—пристыдил его Шмат.

— А хочется почему-то верить!—с неожиданным вызовом произнес рыжий, глядя в глаза браконьеру.

— А мы эксперимент поставим! Может, и нет его, никакого Хозяина! А то напустили тумана,—напирал браконьер.—Рассеем суеверие. Слабо? А еще будущий ученый!

— Где лодка?—нервно спросил рыжий и поднялся.

Матрос и капитан брели по лесу. Матрос насобирав полные пригоршни лисичек.

— Не наш ли катер гудит?—тревожно спросил капитан.

— Дети балуются!—обрадовался матрос.— Значит, нашлись!

— А может, беда!—забеспокоился капитан.

Он быстро пошел вперед, ломая кусты. Матрос за ним.

Рыжий рывками вел лодку, которую оставил у берега дед Пушкарь.

— Ровнее, ровнее!—бросил ему Шмат.— К омуту!

Он засунул руку в рюкзак, достал сверток в черной бумаге и вытянул из него конец бикфордова шнура, чиркнул зажигалкой и поджег. Шнур загорелся.

— Глуши мотор!—приказал Шмат.— Ложись.— Он швырнул пакет в воду и резко присел за борт.

Сверток упал, вспугнув рыбешку, а через секунду лодку тряхнуло от взрыва. Столб воды обрушился на них.

— Офонарел, дядя!—заорал рыжий.— Мы так не договаривались!

МОГИЛА ВОДЯНОГО

Лодка, сильно раскачиваясь, шла по реке, а вокруг поднимались столбы взрывов.

Дети наблюдали за лодкой.

— Дедушка, я иду на помощь!—закричал отчаянно Сын Чайки.— Я совершу зло, пусть я никогда не буду летать. Прости меня!

Он протянул руку вперед, из пальцев его в воду ударил голубой разряд.

— Река, помоги!—закричал мальчик.

Река содрогнулась. Лодка вздыбилась. В одно мгновение перед ней выросла песчаная отмель. На полном ходу лодка влетела на отмель и заскрежетала дном по песку...

Река затопляла лес. Дети отступали вверх по кособогу.

В диком страхе метались по отмели рыжий и браконьер.

— Тимка!—закричал дед Пушкарь.

— Дедушка!—увидел его и обрадовался мальчик.— Я так тебя ждал.

Они обнялись.

— Леночка!—кинулся к дочери отец. Матрос улыбнулся. Никто не заметил, куда исчез мальчик-птица.

— А где Сын Чайки?—спросил дед Пушкарь.— Он же был с вами!

Мальчика не было нигде.

— Быстрее наверх!—крикнул дед Пушкарь.

— Первый раз в жизни от реки бегу,—пошутил матрос.— Прямо шторм какой-то.

— А это ты у речников спроси,—махнул Пушкарь в сторону реки.— Ничего, участковый оценит...

А в это время мальчик-птица бежал по отмели и звал. Он бежал по мелководью, и ветер рвал на бегу его волосы. Он бежал и звал Хозяина реки, но река была безмолвна и грозна.

Навстречу им с кособога, поросшего лесом, спускались студенты.

— Наводнение!—крикнул матрос.— Куда?

— Пожар!—крикнули девушки.— Говорили рыжему...

Стихии огня и воды шли навстречу, чтобы соединиться и уничтожить все на своем пути, а в конце концов и самих себя. Все остановились, не видя пути. Вдруг перед ними возникли люди в робах нефтяников.

— Подсобите!—крикнул парень с золотистыми волосами.— Огонь движется к буровым. Все к пожарному колодцу!

Люди двинулись в сторону колодца, но им навстречу уже бежал рабочий с безумным лицом, в дымящейся одежде.

— Пожарный колодец пуст! Насосы забиты илом!—закричал он.— Вода исчезла.

— Тяните шланги к реке! Разлив поможет нам!—закричал парень.

Люди потащили к воде рукава брандспойтов. Но рукава были коротки.

— Огонь сверху идет быстрее!—растерянно крикнул кто-то.

Все замерли.

— Мстит Забава!—горько сказал Пушкарь.— Но выход есть. Бросайте шланги! В лесу есть Спящий ключ. Могила Водяного. Там похоронен младший брат Хозяина реки. Он спасет нас.

Все двинулись за бакенщиком.

На лесной поляне в зарослях папоротников лежал огромный валун, окруженный буреломом.

— Только чистые руки сдвинут этот камень. Ну-ка, дети!—торжественно сказал дед Пушкарь.

— Шутишь, папаша. Не до шуток сейчас,—нервно сказал один из нефтяников.

Дюжие парни ухватились, налегли на камень. Но камень был неприступен.

— Может, динамитом?—предложил рабочий в красном шлеме.

— Вот где уже ваш динамит!—гневно провел дед Пушкарь ребром ладони по горлу.—Ну-ка, соколята!—скомандовал он детям.

Дети уперлись руками в камень, и глыба отползла в сторону. Но яма под ним была пуста и суха.

— Ой, дед, дорого обойдутся нам твои сказочки!—сплюнул нефтяник в красном шлеме.

— Сын Чайки!—крикнул старик.

— Сын Чайки!—крикнула Лена и вдруг засвистела песню птицы, попавшей в неволю, как будто зовет она, плачет, кличет...

— Ты звала меня?—грустно спросил Сын Чайки, выйдя из-за кустов.

Все замерли.

— Помогите нам! Погаси огонь!—сказала девочка.

— Чтобы спасти ваши вышки! А завтра они погубят реку, так, да?—резко заговорил мальчик.—Это все?—высокомерно спросил он.

— Помогите! И ты полетишь! Я верю, что ты полетишь!—пылко сказала девочка.

— Я полечу?! Не знаю... Быть может, погасив этот огонь, я совершу еще более страшное зло...—Он помолчал и добавил:—Но раз ты просишь, я попробую...

Он жестом приказал всем отойти, а сам склонился над ямой. Взмахнул руками... И из земли ударил фонтан воды! А за ним другие фонтаны стали пробиваться цепочкой, преграждая дорогу огню и ползущему по земле дыму. Лес вздрогнул, зашелестел, осветился, как будто озаренный белыми факелами...

— Победа! Молодец, Сын Чайки!—кричали нефтяники, и дети, и бабка, мокрая и веселая, и кассир Пантелей, неизвестно откуда взявшийся.

Сын Чайки стоял, понурился.

— Вот видишь, а я так и не полетел,—сказал он Лене.—Я слишком долго ходил по земле.

— Тогда мы просто поедем к морю, там очень много чаек,—сказала счастливо Лена.

— Я никогда не видел моря,—грустно сказал мальчик-птица.—Какое оно?

— Смелое и красивое,—сказала мечтательно Лена.—Сиреневое и соленое. Как слезы радости... А ты попробуй полети! У тебя получится...

Мальчик закачал головой.

— Попробуй, прошу тебя,—сказала Лена.

— Я боюсь,—сказал мальчик-птица.—Я очень боюсь...

Он отошел в сторону, взмахнул руками. И вдруг исчез. И люди, мокрые и счастливые, увидели, как выше фонтанов взлетела одинокая чайка, и ветер донес до земли прощальные слова:

— Не забудь! Только не забудь, девочка! Я жду!

— Он полетел, полетел!—запрыгала Лена от радости и загрустила.

— Не горюй, он вернется,—дед Пушкарь прижал к себе Тиму и Лену.—Мальчик-птица будет с нами.

Подошел конструктор, протянул помятый свой рупор. И Лена закричала на весь сверкающий, чистый после дождя край:

— Сын Чайки! Мы ждем тебя!

А Сын Чайки летел все выше, поднимаясь над черным лесом, над нефтяными вышками, над рекой, над поваленной набок лодкой, у которой сидели побежденные им враги...

Он поднимался все выше в небо. Он летел, как белый знак надежды. Он летел...

НА ПОРОГЕ ОБНОВЛЕНИЯ

В истории биографического жанра на нашем экране обнаруживается занятная закономерность: наиболее крайние точки его пиков и падений приходятся на кризисные времена в развитии нашего кинематографа и на времена его возрождения. Мы еще хорошо помним безликую вереницу экранных Белинских, Мусоргских, Глинок конца пятидесятих годов. Эти образцово-показательные экранные призраки «деятелей русской культуры», косноязычно изъяснясь произвольно надерганными цитатами из собственных сочинений и газетных статей времени выпуска картины, норовили с высоты своего утвержденного свыше «величия», обучить нас хрестоматийному уму-разуму, преподав ряд банальнейших благоглупостей или школярских нелепостей. Через несколько лет авторам «Андрея Рублева», обозначившего в нашем кинематографе так много именно в пору его возрождения, пришлось не только стать создателями совершенно новой эстетики биографического фильма, но и мерой подлинности и глубины страдания своего героя искупать грехи предшественников перед национальной культурой. Нечто подобное, мне кажется, происходит и сегодня. Наиболее критической точкой кризисного падения нашего кинематографа последних лет стал фильм «Лермонтов».

Свой сценарий о Тютчеве Юрий Арабов написал в 1981 году, вскоре после окончания сценарного факультета ВГИК. Удивительно, как этот совсем еще молодой человек (ему было тогда двадцать семь) взялся за художественное решение столь сложного образа в столь сложной, неоднозначной исторической обстановке, какими были и сам Федор Иванович Тютчев, и его время. За постановку фильма по этому сценарию берется сейчас молодой режиссер А. Сокуров. И фильм, по всей вероятности, будет попыткой в экранных образах возродить истинный подвиг русской национальной культуры, которая, как известно, прежде всего была совестью народа, его сознанием, языком, историческим провидением, талантом. Дело это трудное. Оно непременно должно быть обеспечено художественной одаренностью, образованностью, зрелостью исторического мышления, духовной озаренностью. И еще — оно обязательно должно быть оплачено неким неподдельным нравственным состоянием авторов.

Я далек от мысли считать сценарий о Тютчеве образцовым, идеальным, и в этом качестве представлять его читателю. Есть в нем, на мой вкус, и недодуманное, еще недоделанное. Но качества, о которых говорилось выше, в авторских устремлениях несомненно присутствуют, а само нравственное состояние сценарной прозы о Тютчеве еще и еще раз подтверждает мысль о том, что мы на пороге общественного обновления, в новом начале нового времени давних наших надежд.

Сергей Соловьев

ЮРИЙ АРАБОВ

«SILENTIUM!»

«Бывают минуты, когда я задыхаюсь от своего бессильного ясновидения, как заживо погребенный, который внезапно приходит в себя».

Ф. И. Тютчев

В одной из нижних комнат Зимнего дворца на железной кровати лежал человек, в руках которого тридцать лет находилась Россия.

Он умирал.

Начинающее полнеть тело было накрыто солдатской шинелью, а рядом с кроватью стояли дырявые тапочки. Он любил их, эти дырявые тапочки.

— Ваше величество...

Император поморщился и открыл глаза.

— Кусают, братец,— прошептал он, и то ли судорога, то ли улыбка исказила мраморные черты его лица.— Не извел...

Он замолчал.

— Ваше величество... — повторил лейб-медик Мандт.— Не желаете ли, чтобы ваш духовник Баженов... пришел помолиться с вами?

Император ответил:

— Разве так скоро? — Потом прошептал после молчания: — Наблюдай... Ради науки. Я всегда был другом науки...

Мандт дрожащей рукой приложил стетоскоп к груди императора и некоторое время слушал его тяжелое дыхание.

— Ну?!— властно спросил Николай Павлович и поглядел лейб-медику прямо в глаза.

— Плохо... ваше императорское величество.

Николай кивнул, как бы удовлетворенный таким ответом.

— Образуется новая каверна?

— Хуже, ваше императорское величество... Начинается паралич.

Здесь император приподнял голову. Спросил просто и твердо:

— Так ведь это смерть?

Мандт не мог ответить сразу.

— Вы имеете перед собой,— сказал он, пересилив себя,— только несколько часов...

Николай Павлович откинул голову на кожаную подушку.

— Жаль... Россию жаль... — Он тяжело перевернулся на левый бок и лег лицом к стене.

Прошептал еле слышно: — Мне кажется, я никому не делал зла сознательно...

И несколько позже: — Позови Сашу... Пусть принимает команду!..

В эту ночь во дворце никто не спал. Рядом с комнатами императора был обширный сводчатый вестибюль, и свечи не могли разогнать сумрак, создаваемый, быть может, облием придворных, собравшихся сюда.

По широкой лестнице спустилась в залу молодая женщина в черном строгом платье. Темные круги под глазами выдавали бессонную ночь и страдание за жизнь любимого императора.

— Анна,— прошептала ее подруга,— он только что причастился у Баженова!.. — и, не договорив, беззвучно заплакала.

Анна Федоровна Тютчева, фрейлина цесаревны Марии Александровны, крепко обняла подругу. Говорить было нечего. Оставалось только ждать.

Утро выдалось туманное. Если бы не войска, стекавшиеся в Зимний дворец по случаю присяги новому государю, граждане, возможно, и не догадались бы ни о чем.

— Скажи, братик, что там? Бунт?! — спрашивал у жандарма низкорослый человек с рыжеватыми бакенбардами.

Но жандарм стоял на своем посту, к тому же и не знал ничего, поэтому не ответил.

Рыжеватый с полным отчаянием поглядел в серое петербургское небо. По хмурым лицам солдат можно было понять, что происходит нечто ужасное.

— С государем, сказывают, плохо... — поделился новостью господин в шубе, стоявший рядом.

— С государем?! — поразился рыжеватый.

Некоторое время он осмысливал сказанное.

— Ведь я знал,— прошептал он,— я чувствовал это. Что же нам теперь делать, а?.. — Потом вдруг стал расте-

гивать и снимать с себя шинель.— Послушай, братец!— обратился он к жандарму.— Может, передашь ее во дворец, а? Так и скажи, от Бархоткина. Там мою фамилию знают!— На глазах его навернулись слезы.— У меня больше ничего нет... Когда государь умирает, я все отдаю, последнее! Передай, умоляю!..

Но жандарм снова ничего не ответил. Его правильный профиль был удивительно похож на профиль Николая I, и Бархоткин прикусил язык.

Бросил шинель к его ногам и побрел по тротуару.

— Все конечно! Его больше нет!— и Анна Федоровна, не выдержав, заплакала, прислонившись к косяку двери.

Семья уже была за столом, ждали только ее. Эрнестина Федоровна, мачеха Анны, накрыла ее плечи теплым пледом и, обняв, прижала к себе. Дети за столом опустили головы.

— Мой бог! Он так любил Россию и Германию!— сказала Эрнестина Федоровна по-немецки и повернулась к столу, чтобы встретить поддержку мужа, но не увидела его.

Федор Иванович сидел напротив окна и весь как бы растворился в свете, тем более, что в окне показалось солнце. И жена только услышала его голос:

— Как будто вам объявили, что умер бог!..

Боже мой, что говорит этот человек! Федор Иванович поднялся со своего места. Только тут стало видно его лицо. Вернее подобие саркастической улыбки, появившейся на губах.

— Папенька, а вы разве не будете обедать?— спросил сынишка за столом, видя, что отец направляется к дверям.

— Я пообедаю за ужином, Дима...

— Я не Дима, я— Ваня,— жалобно промолвил мальчуган.

— Тем более...— и Федор Иванович скрылся в темном проеме двери.

Что была за погода! Уже целую неделю трещали морозы, а сегодня вдруг ударила оттепель. Солнце, тепло!

Федор Иванович расстегнул шубу, давшему на грудь, и глубоко вдохнул в себя воздух весны, и глубоко перемен.

Город и не чувствовал потери самодержца. В переулке у большого тополя стояла оживленная толпа. Мальчишки тянули вверх руки, что-то кричали, а

взрослые заломили головы, так что шапки падали в лужи, и глазели, как глазют на солнечное затмение.

Заинтересованный Тютчев подошел ближе.

— Вон он! Пошел!— закричал кто-то, и вся толпа подалась вперед.

— Кого ловим, ребята?— осведомился Федор Иванович.

— Да вот же он! Держи!— Все побежали, задирая головы.

Побежал и Тютчев.

— Попугай! Лови!— кричали вокруг. Федор Иванович смотрел во все глаза, но попугая не видел.

Забегали в подворотню, в которую залетел невидимый попугай. Двор. Короткая пробежка, и— свобода узкой улицы.

— Ле-етит!— кричала толпа на бегу.

И здесь Тютчев остановился, пропуская людей. Попугая он не увидел. И сам рассмеялся своему ребяческому задору.

Елена Александровна Денисьева жила на Кирочной улице. Но дверь Федору Ивановичу открыла не она, а довольно рослая старуха, вся седая, но «с выправкой»— бывшая инспектриса Смольного института.

— Федор Иванович,— ахнула она.— А Лёля говорила, что вы не придете сегодня!

— С первым днем революции, Анна Дмитриевна!— Тютчев лукаво приложился к ее морщинистой руке.

— Что?.. Что вы говорите?!— не на шутку перепугалась старуха.

— Посмотрите в окно. Весна— это единственная революция, после которой нет проигравших.

И Тютчев начал снимать с себя ненужную шубу.

И здесь в коридоре появилась она... Елена Александровна еще в детской услышала его голос и выбежала раскрасневшаяся, с огромными горящими глазами.

— Здравствуй, Лёля.— Тютчев поцеловал ее в лоб.

Елена Александровна, возбужденная его приходом, быстро и весело заговорила:

— Ты полюбуйся, что сотворило наше ненаглядное чадо! У меня цветок на окне засох. Так сегодня утром смотрю— что-то из земли высовывается. Оказывается, она там куклу свою тряпичную зарыла!

Тютчев прошел в комнату и строго спросил у девочки лет четырех:

— Зачем же ты друзей хоронишь, Алена?

— Я ее посадила, чтоб подросла,— сказала лукаво Алена, улыбаясь и пряча за спину матери.

— Если она подрастет, то, вероятно, будет арапченком,— небрежно заметил Федор Иванович.— Земля-то ведь черная...

— Значит, европейцы растут из песка,— втянулась в разговор Елена Александровна.

— Отчего же из песка?

— Потому что они бледнолицые. Ну, что ты на это скажешь?

— Скажу, что, наверное, поэтому англичан так тянет в Южную Африку!..

— Сдаюсь,— признала Лёля свое поражение.

— Не знаю, как насчет англичан,— поджала губы старуха, которая приняла этот разговор всерьез,— но австрийцы ужасно коварны. А их Франц-Иосиф вообще... порядочная свинья!— «свинья» было сказано по-французски.

— И не говорите, Анна Дмитриевна.— Тютчев присел на кушетку.

По состоянию Лёли и ее тетки он понял, что они еще ни о чем не знают. Сладко и тяжело сообщать первому такие известия.

— Ну, не буду вам мешать.— Анна Дмитриевна вместе с маленькой Аленой удалилась из комнаты.

Лёля села рядом с Тютчевым, заглянула ему в глаза.

— Что-то произошло, Феденька?

— Да, Елена,— усмехнулся Тютчев,— от тебя ничего нельзя скрыть,— его лицо приняло несколько сонное выражение.— Два часа назад умер государь!..

— Боже мой!..— Лёля схватилась за виски.— Вот оно... Я знала...— лицо ее погасло, как гаснет свет.— Страшно, Феденька.

— Не страшно,— жестко перебил Федор Иванович.— Чтобы новое наступило, надо освободить ему место.

— Как ты не понимаешь, что теперь может быть еще хуже...

— Хуже некуда, Лёля... Мы все были заперты внутри летящей вниз кареты, на козлах которой не было кучера. Если хочешь знать, этот злосчастный человек и был причиной всего... Если бы он не умер, то что было бы с Севастополем, со всеми нами через полгода?

— Нет... Гадко все, гадко...— настроение у Лёли испортилось.

— Просто мы все отупели, мой друг. Отупели до такой степени, что забываем цель нашу, цель России.— Тютчев все более воодушевлялся.— Тирания учит исполнять, а не думать. Но есть пророчество: в пятьдесят пятый час пятьдесят пятой недели...

— В пятьдесят пятый час пятьдесят пятой недели,— усмехнулась Денисьева.— А как я доживу до этой недели? Я вся в долгах, Федя...

— ... Константинополь снова станет христианским,— продолжал Тютчев, не слыша ее слов.

— Что мне до Константинополя? Мне жить не на что...

— В пятьдесят пятый час пятьдесят пятой недели...

— Алене тувельки новые надо, шубейку...

— ... будет основана великая Греко-Российская...

— Вот! Поллюйся!— закричала Лёля и сунула ему под нос бумажку.

— Что это?— брезгливо осведомился Тютчев.

— Это список моих долгов! Полторы тысячи, понимаешь? Я должна их отдать до апреля, иначе мы все окажемся на улице!

— Нет, все-таки Франц-Иосиф свинья,— сказала Анна Дмитриевна, появляясь в дверях. Она все еще не могла успокоиться.

— Что нам Франц-Иосиф, тетя?! Заладили! Государь умер, понимаете?!— закричала Елена Александровна.

Тетка ойкнула, схватилась за сердце и лунатическими шагами вышла в коридор. Потом там что-то громко упало.

А Тютчев тем временем взял со стола перо, начал черкать что-то на счете, который ему подала Леля, будто сомневался, пересчитывая долги.

— Нет... Добром все это не кончится... Не на панель же мне идти... Я умру, умру...— стонала Елена Александровна.

Потом замолчала. Подняла глаза. Тихо подкралась со спины к Тютчеву и вырвала у него листок.

— Отдай, Елена!.. Это невыносимо!..— Тютчев стал гоняться за Лелей, силясь вырвать листок.

Она не отдавала и была застигнута у самой кушетки. После короткой борьбы Тютчев, устав, уступил женской силе. А Леля разгладила помятый лист,

с трудом разбирая каракули прочла:

Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей...

— Замолчи, Елена!— крикнул он.

И все дела твои, и добрые, и злые—

Все было ложь в тебе,
все призраки пустые:

Ты был не царь, а лицедей...

— Но ведь это грех, грех...—
прошептала Леля.

Тютчев сидел нахохленный. А Елена Александровна вдруг насильно подняла его с кушетки и поставила против икон. Седые волосы были растрепаны, очки почти съехали с носа. Вокруг головы Тютчева появилось золотое сияние. И Леля сказала тихо и торжественно:

— Боженька!..

Саркофаг, в котором должно было исчезнуть тело Николая, чернел открытый, как бесконечный провал без дна. Рядом стояли саркофаги других государей: Петра, Павла, Александра I...

Отпевание подошло к концу, и началось прощание. Тютчев находился в храме, в толпе придворных. Он наблюдал, как члены императорской семьи входили на подмостки, на которых стоял гроб, и прощались с покойным императором. А вдова, сидевшая у изголовья, благословляла каждого из них.

Последним прощался наследник. Наконец восемь генералов сняли императорскую мантию с гроба, унесли в алтарь. Александр II и его братья подняли гроб и на плечах понесли его к саркофагу. Здесь раздался удар грома, который заставил вздрогнуть Тютчева. Это начали палить пушки.

Гроб опустили в саркофаг. Присутствующие, согласно ритуалу, начали бросать на гроб щепотки земли. Но Тютчеву земли не досталось. Вообще он стоял несколько в стороне и был погружен, казалось, в глубокую думу.

А саркофаг уже закрывали. Настоятель храма запер его ключом, и ключ торжественно передал Александру II, благословив.

Церемония кончилась. Все стали медленно выходить на улицу. Тютчев замешкался. Он подошел ближе к гробницам государей, встал перед ними, будто хотел разгадать загадку смерти...

Он очнулся от каких-то неясных го-

лосов. В храме началась уборка. И было странно наблюдать, как на глазах иконописных святых маленькая женщина подметает пол.

Федор Иванович вышел из храма. Погода резко испортилась. Дул пронзительный ветер, мелкий дождь бил в лицо.

Но Тютчев даже не замечал этого. Он твердил про себя слова, которые складывались в его душе:

Мне любо спать—
отрадней камнем быть...

В сей век стыда и язвы повсеместной... Язвы повсеместной?

Мой сон глубок—
не смей меня будить...

Не чувствовать, не видеть—
жребий лестный...

По иронии судьбы царей хоронили там, где за толстыми стенами содержали государственных преступников. Тютчев бродил по крепости, занятый тем, что творилось в его душе.

Стены. Серый камень. Арка в камне. Решетка на окнах. Опять стены...

Темнело. И Федор Иванович вдруг понял, что заблудился. Он стоял в каком-то каменном тоннеле, не зная, что делать дальше.

И здесь он заметил тень впереди, тень без лица и глаз. Из глубины памяти вдруг выплыли строки, которые прошептал Тютчев по-итальянски. Прошептал, как заклинание:

— Спаси меня! Будь ты призрак или человек!

Тень впереди шевельнулась, и Федор Иванович услышал голос, так похожий на свой собственный:

— Я не человек, но я был им. Свою родословную я веду от ломбардцев, которым родиной была Мантуя...

— Мантуя...— повторил Тютчев.— Как дальше... забыл.

Тень перед ним дернулась и стала удаляться. Тютчев прибавил шаг.

— Постой... Ты не поэт?

— Я был им... Впрочем, как и ты.

— Так ты—Вергилий,—облегченно вспомнил Тютчев «Божественную комедию».—Бездонный источник, давший песни миру... И так далее...

Они вышли из подобия пещеры или грота. В черном небе висела луна, освещая безлюдный бульвар, за которым застыла вода. Явственно видне-

лась решетка набережной.

Чувствуя, что отстают, Федор Иванович прибавил шаг:

— Поэт! Заклинаю тебя Творцом...
Чтобы я избежал гибели и зла... Покажи мне путь, который ты знаешь...

Здесь Тютчев смолк, потому что был потрясен открывшейся перед ним картиной. Он уже находился у железной решетки канала. Справа стоял какой-то старый пароход. Даже при лунном свете было заметно, что над ним потрудились огонь. Палуба сильно обгорела и зияла черными выгоревшими провалами.

Но Тютчева потрясло не только это. Сразу за каналом открывалась голая безжизненная земля. И по ней уныло шла, удаляясь от воды, женщина в красном платье, а рядом с ней брели три маленькие девочки. Вот женщина остановилась и оборотила лицо на Федора Ивановича.

— Боже мой,—прошептал тот,—я узнал ее!..

— Здесь нужно иметь твердую душу,—усмехнулся призрак, стоявший рядом.

К вечеру пошел дождь. Серое небо вплотную приблизилось к фонарям, и город, построенный на болоте, дымился и чмокал.

Тютчев приехал с погребения совершенно мокрый. Его встретила пятнадцатилетняя дочь Маша.

— Почему так поздно? Мы уже начали волноваться...

— Я сочинял стихи,—сказал Тютчев, не отвечая на ее вопрос.—Запиши, если не жаль чернил.

Раздевшись, он прошел в комнату младшей дочери.

— А где Эммануил?

— Эммануил в балете.—Маша, открыв семейный альбом, окунула перо в чернила, и Тютчев, ходя взад-вперед за ее спиной, продиктовал:

Молчи, прошу, не смей меня будить.

О, в этот век преступный и постыдный

Не жить, не чувствовать

—удел завидный...

Отрадно спать, отрадней камнем быть...

— А дальше?—спросила Маша.

— Все. Это перевод с итальянского.—Тютчев вышел из ее комнаты.

Он хотел не заходить к Эрнестине Федоровне, но почему-то не смог этого сделать. Она сидела у камина и жгла старые бумаги. Тютчев вошел к жене. Чувствуя напряженность, которая установилась с некоторых пор в отношениях с ней, сказал:

— Я был у Жуковского. Он очень огорчен последними известиями из Севастополя.

Эрнестина Федорова достойно удивилась:

— Ты о чем разговариваешь? Он умер три года назад.—У нее был сильный немецкий акцент.

— Разве? Странно. Он был моим современником.—Тютчев сощурился и, не находя больше слов для разговора, хотел уйти к себе.

— Ты очень врешь, мой друг,—заклонила жена с холодным сочувствием, потом протянула ему распечатанный конверт.—Я получила это сегодня.

Тютчев бегло просмотрел письмо и возвратил его с приговором:

— Но ведь это клевета!

— Клевета?—не поняла Эрнестина Федоровна.—А как это есть по-немецки?

— Verleumdung.

— Verleumdung?—удивилась жена.—Письмо Verleumdung или твое мнение о нем!

— Все,—ответил Федор Иванович.—Кроме того, аноним плохо владеет французским.

Говорить было не о чем. Для Тютчева теперь самым главным стало добраться до двери. Но он вдруг остановился. Его лицо было влажным то ли от дождя, который мучил Петербург, то ли от выступивших слез.

— Любимая моя, единственная,—сказал он каким-то незнакомым сдавленным голосом,—когда весь мир угрожает нам бездной, когда льется братская славянская кровь... Где выход? Как спастись? Страшно пить чашу до дна... Но это только начало. Главное, сейчас устоять, и через год... нет, уже через полгода все изменится к лучшему... Пятьдесят пятый час пятидесяти пятой недели...—Он потер лоб.—Чем помочь? Как пережить все это? Только любовь нам поможет... Наша любовь.—Он взял руки жены и начал целовать их.—Не верь. Никому не верь... Я люблю только тебя! Ты—мое провидение земное! Не убивай меня, не надо...

— Что ты? Будь спокоен!— Эрнестина Федоровна прониклась его порывом.— Я не поняла многих слов. Скажи это по-немецки.

И Федор Иванович, повинувшись, повторил весь монолог на немецком языке, но уже более холодно.

— О да,— сказала Эрнестина, выслушав его.— Теперь я поняла. Лёля Денисьева не та женщина, которая может тебя взять.

— Не та,— согласился Тютчев.— Надо любить, чтобы все выдержать,— заключил он ровным голосом.

Через секунду он почувствовал отращивание.

— Кстати... У нас нет свободных денег?

— Денег?— поразилась Эрнестина.— Сколько тебе нужно денег?

— Немного. Полторы тысячи...

— Мой бог!— воскликнула бедная женщина.— У нас и ста рублей нет свободных!

— Нет так нет. Спокойной ночи,— и Тютчев оставил ее.

Уже в коридоре он прощентал сам себе:

— Отвратительный спектакль!

После чего отправился спать.

По коридорам Зимнего дворца шел новый царь Александр II. Теперь он был полновластным хозяином всего этого и с некоторым смущением осматривал свои владения.

Проходя комнаты, в которых жил покойный Николай, Александр остановился, привлеченный разговором, который доносился из полуоткрытой двери. Старческий голос говорил:

— ...сейчас не то... Помню, как покойному государю Павлу Петровичу не понравилось что-то в Измайловском полку, так он и скомандовал всем: «В Сибирь— направо кругом марш!» И пошел полк, как один, по тракту. И только у Новгорода остановился, чтоб дух перевести. Вот как надо. России нужна власть твердая, а сейчас...

Здесь Александр не выдержал и отворил дверь, сказав:

— Чем это так пахнет, голубчики?

— Дезинсекцию проводим, ваше величество!— ответил старый слуга.

— Молодцы!— и Александр не стал им более мешать.

Когда он пришел к своему кабинету, флигель-адъютант подал ему пакет со

словами:

— Ваше величество, пакет от князя Горчакова!

На потертом кожаном диване лежал старик. Спина его была накрыта теплым пледом, а голова повернута к стенке, так что был виден один затылок со свалывшимися волосами. Старик время от времени стонал, кряхтел и вообще издавал самые жалостливые звуки.

Напротив за столом сидело лицо духовного звания с черной окладистой бородою и нараспев читало:

— «Сказали мужи те Лоту: кто у тебя есть еще здесь? Зять ли, сыновья ли твои, дочери ли твои, и кто бы ни был у тебя в городе, всех выведи из сего места, ибо мы истребим сие место...»

Откуда-то из глубины дома послышался звонок, и старик закричал неожиданно сильным баритоном:

— Меня ни для кого нет! Нет!!!

— «И вышел Лот, и говорил с зятьями своими: встаньте, выйдите из сего места, ибо господь истребит сей город.»

Но его предосторожности были тщетны: в комнату уже входил Федор Иванович Тютчев.

— Здравствуйте, князь. Извините за вторжение, но, прослышав о вашем приезде из Вены, я не мог не навестить вас.

Александр Михайлович Горчаков, сидя на диване, только рукой махнул.

— К чему эти объяснения? Я всегда рад видеть вас, Федор Иванович.

И два старых товарища пожали друг другу руки.

— Извините, святой отец,— обратился Горчаков к батюшке,— но кончим на сегодня. Нету сил. Слушаю о гневном господнем и думаю о нашей бедной России.

— А вы не думайте, вы верьте,— посоветовал отец Михаил, благословляя Горчакова, а заодно и Тютчева.

— Ну, что слышно на конференции?— жадно спросил Тютчев, когда батюшка удалился.

— Что?— Горчаков приложил ладонь к уху.

— Что слышно на конференции?

— Что?..

— Что слышно?!— потерял терпение Федор Иванович.

— А-а, наконец-то понял по вашим губам. Ничего не слышно. То есть я

ничего не слышу, потому что туг на ухо. Как может глухой слышать?

— А слепой видеть? Но Гомер-то был слепым. Так что не жалуйтесь на свой слух, Александр Михайлович.

— Какой там слух!—отмахнулся Горчаков.— Был отличный, лет двадцать назад. А сейчас для меня все кончено. И кажется, все кончено и для той страны, в которой мы имели честь родиться...

Тютчев понимал, что старый дипломат сильно не в духе, но политическое любопытство брало верх над чувством такта.

— Правда, что Россия уже почти согласилась на позорные четыре пункта?

— Какая Россия?—спросил Горчаков почему-то по-немецки.

— Ну, вот эта — матушка,— объяснил Тютчев, так же переходя на немецкий язык и обводя комнату взглядом.

— Это не Россия. Это неметчина. Извините, Федор Иванович, но вы — типичный немец. Судя по вашему выговору.

— Но и у вас он не хуже,— улыбнулся Тютчев, особенно напирая на свое произношение.

— Правильно, потому что и я — немец. И все — немцы. И даже он, — здесь Горчаков поднял указательный палец вверх, — тоже немец. Теперь Россию можно найти где-нибудь на Камчатке или... в Лондоне! — Горчаков сделал большие глаза. — Карлы Васильевичи кругом, — сказал он с каким-то мистическим ужасом уже по-русски, — Карлы Васильевичи!

— ... а у меня другое чувство, чувство перемен, — говорил Тютчев, когда они вместе шли по бурлящему Невскому проспекту. — И дни вашего Нессельроде сочтены.

— Вам виднее как цензору, — недоверчиво бормотал Горчаков.

— Помню, даже у меня была с ним стычка из-за того, что в печать просочилось слово «пиратский». «Флот ее величества королевы не может быть пиратским», решил уважаемый Нессельроде, и бедному цензору, то есть мне, нагорело. Конечно, о Черном море для Европы не может быть и речи...

— Да что вы такое говорите, Федор Иванович! — буквально встал на дыбы Горчаков. — Да если б я был на месте

нашего министра иностранных дел, я бы давно заключил мир на основе этих четырех пунктов! Нужно дать стране передышку! А потом, собравшись с силами, можно все взять! И без всякой войны!

Они свернули на маленькую улочку.

— Да ведь и что нам надо? — бормотал Горчаков. — Суцая безделица. Объединить наших братьев славян, выгнать турка... Но это все миром, понимаете?

Федор Иванович качал головой.

— А мне кажется, что война еще не кончена. Наши поражения лишь укрепляют дух народа... Кажется, и новый государь знает, что делает. Я слышал, скоро выйдет новый закон, позволяющий курить на улицах, — уж было непонятно, шутит Тютчев или говорит серьезно. — Это особенно должно поднять политическое самосознание нашего народа...

— Куда вы меня завели, Федор Иванович? — спросил Горчаков, закинув голову вверх.

Они стояли у подножья исполина, вылепленного из снега, в Летнем саду. Треуголка исполина, казалось, закрывала полнеба, правую руку он заложил за отворот шинели, а левую сжал в кулак. — Вот он, наш властелин, — пробормотал Тютчев.

— Вы правы... С него-то все и началось...

И Федор Иванович вдруг, невыразительно и смущаясь, прочел:

Сын революции, ты с матерью ужасной

Отважно в бой вступил — и изнемог в борьбе...

Не одолел ее

твой гений самовластный!..

Бой невозможный,

труд напрасный!..

Ты всю ее носил в самом себе...

— Да, да... — рассеянно согласился Горчаков. — А помните, как у Саши Пушкина:

Мы все глядим в Наполеоны,

Двуногих тварей миллионы,

Для нас — орудие одно...

С носа ледяного Бонапарта капала вода. Он весь почернел и, казалось, вот-вот упадет, растает, рассыпется...

— Бедный Саша! — вздохнул Горчаков. — Убивают тех, кто сильнее. Поэтому и нас не любят, что мы победили

вот этого,—и он указал на исполина.— Наши отношения в Европе должны прежде всего опираться на Францию. Это — политика будущего, а мы не понимаем. Мы все упустили...

—...и самое страшное то, что мы с вами никому не нужны,— говорил Александр Михайлович, когда они возвращались в гостиницу, где он остановился.— Лучшие годы прошли безвозвратно, и уже ничто не изменит нашего положения... Кстати, вы принесли присягу новому государю?

— Нет,— ответил Тютчев,— это ничего не даст. Все, что я могу сделать для России, это одолжить ей немного ума...

На улице уже было темно. Настроение Федора Ивановича заметно испортилось. Видимо, какая-то мысль не давала ему покоя.

— Вот что, князь,— он собрался с силами,— вы не смогли бы мне одолжить денег... Полторы тысячи,— эти слова Тютчев буквально выдавил из себя.

Горчаков удивился.

— Это несколько неожиданно. Я — человек небогатый. Но... Что ж, извольте... — и добавил грустно: — А может быть, вы и приходили только за этим?

— Возможно,— глухо ответил Тютчев, пожимая плечами.

По Петербургу трезвонили колокола. Была пасха, и весна уже полноправно вступила в город.

У церкви стояла огромная праздничная толпа. Впереди были видны спины жандармов, которые сдерживали возбужденных людей.

Через толпу, прижимая к груди икону, пробирался низенький рыжеватый человек — Бархоткин, который пытался передать шинель занемогшему императору.

— Мне — к государю! — крикнул он жандарму. — Он — там!.. — и показал рукой на церковь.

— Отойди, говорю! — прорычал жандарм. — В тюрьму захотел?

— Ну, хотя бы Божью мать передайте! Моя фамилия Бархоткин, и мне ничего не надо! Мне бы только к руке приложиться императрицы Марии Александровны! Великих княгинь Марии Николаевны, Ольги Николаевны, Александры Иосифовны!.. — И по лицу его катились безумные слезы восторга.

Император и императрица в церкви принимали пасхальные поздравления. Сановники двора, представители гвардейских полков бесконечной вереницей подходили к Александру и троекратно «христосовались» с ним. После этого, согласно ритуалу, они должны были поцеловать руку императрицы.

Один поцеловал. Второй поцеловал... Двадцатый...

Царь стал похожим на куклу. Чувствовалось, что он совсем очумел от придворной любви и уже не понимал, где находится. Супруга же его, Мария Александровна, близкая к обмороку, наоборот, всем видом старалась показать, что ее чрезвычайно интересует этот обряд. Но рука ее от поцелуев была черной...

Подошла Анна Федоровна Тютчева. Она увидела перед собой восковые лица монархов, поцеловала искренно, соболезнуя их усталости.

Александру стало невмоготу. Он сделал придворным знак. Покачиваясь, удалился в маленькую комнатку рядом с ризницей, благо Мария Александровна вовремя подхватила его.

В комнатке их ждал таз с водой. И царская чета с остервенением начала смывать с себя поцелуи верноподданных.

Худой высокий слуга намазал лицо Федора Ивановича пеной. Взял бритву и перевернул страницу книги, которая лежала на столике. Тютчев еле слышно застонал. Слуга заглянул в книгу, провел бритвой по щеке господина, перевернул страницу.

— Эммануил! — воззвал Федор Иванович и добавил по-немецки: — Ты можешь брить без инструкции?

Эммануил застыл с бритвой, весь вперившись в книгу. Сухопарый, с длинными руками, он был похож на гильотину.

В комнату заглянула Эрнестина Федоровна.

— Теодор! — горестно произнесла она. — Из меня не выходят деньги, о которых ты просил. Для чего они тебе?

Тютчев еще раз застонал. Взял у слуги бритву и начал бриться самостоятельно. Эммануил же весь ушел в книгу, листая страницу за страницей.

Где-то внизу раздался звонок.

— Выйди и объясни, что меня нету! Очень прошу тебя, — встрепенулся Федор Иванович.

— Ты разве не пойдешь на присягу к государю?

— Я устал присягать живым богам.— Тютчев вытер щеки полотенцем.

Эрнестина Федоровна вышла.

— Здесь не хватает нескольких страниц,— сказал Эммануил по-немецки.

Тютчев только рукой махнул. Пошел к себе в комнату. Взял из шкатулки деньги для Лёли, что дал ему Горчаков, и положил их в карман сюртука. Стал одеваться, чутко прислушиваясь, что происходит в прихожей. Поглядел в окно на улицу. От дома отъехала карета, это значило, что опасность миновала.

— Я пошел присягать,— бросил он Эрнестине Федоровне, одеваясь.

— Ты же говорил...

— Я передумал,— отрезал Тютчев и ушел.

В парадном доме, где жила Леля, сидел швейцар и просматривал почту. Увидев входящего Федора Ивановича, он быстро сунул распечатанное письмо в грудку газет, встал и зауценно поклонился.

— Здравствуй, Порфирий, как поживаешь?— приветствовал его Тютчев.

— Благодарствую. Вот корреспонденцию просматриваю...

— И письма чужие просматриваешь? А Елена Александровна дома?

— Нету. Ушли с полчаса назад. Может быть, что-нибудь передать?

— Не надо,— сказал Тютчев.— Я зайду позднее. Прощай.

Он вышел на улицу и стал мучительно думать, куда же идти дальше.

Домой идти не хотелось. И Федор Иванович решил заглянуть в трактир, который располагался неподалеку.

Он вошел в трактир и увидел человека в клетчатой жилетке, стоящего на четвереньках. Верхом на нем сидел полный усатый господин и прищипывал бока ногами, чтоб импровизированная лошадь бойчее везла.

— Это что за содом, братец?— только и мог вымолвить Тютчев, раздеваясь.

— Литераторы-с гуляют,— объяснил половой.

— Гвардейцы, стройсь!— закричал усатый, взмахнув рукой.

Половина гостей трактира вскочила, вытянулась в струнку. А усатый, изображая генерала или черт знает кого, стал объезжать шеренгу, внимательно всматриваясь в лица солдат литератур-

ного фронта. Одно лицо с синяком под глазом привлекло его внимание.

— Тпру-у!— остановил он «лошадь» и обратился к пострадавшему:— Где получен синяк?

— Под победоносными орлами вашего величества!— отрапортовал побитый.

— Молодец, орел!— крикнул усатый.— Молодцы, ребята!

— Ура-а!!!— закричали «гвардейцы», так что посуда зазвякала и зазвенела.

— Федор Иванович!— вдруг услышал голос Тютчев позади себя.— Какими судьбами?!

Обернулся. К нему с распростертыми объятиями шел молодой беллетрист.

— Здравствуйте, Дмитрий Васильевич. Как понимать этот спектакль?

— А разве он плох?

— Отвратителен. И что, они действительно все литераторы?

— В известном смысле. Хотя пишущих среди них мало. Но ведь зато как продрали, а? Как пропесочили, а? Просто— за ушко да на солнышко!

Тютчев пожал плечами.

— Я присяду к вам, не возражаете?

— Какой может быть разговор!

Тютчев сел за столик рядом с беллетристом и начал присматриваться к обитателям кабачка.

— Вы уж простите нас, молодых,— не умолкал говорливый.— Но зато, какое время наступает! Разве то, что мы видели, могло быть годом раньше? Что за время! Даже и не знаю, как назвать его!

— Оттепель,— лениво сказал Тютчев.

Какой-то человек вдруг привлек его внимание. Он был кудряв, лицо имел смуглое, некрасивое. Но серые глаза, казалось, давали какую-то одухотворенность и страсть всей его фигуре. Этот человек не принимал участия в спектакле с гвардейцами, он сидел за столиком и лишь улыбался. А сейчас встал и начал вдруг читать стихи вдохновенным и простуженным голосом:

И буду долго тем народу я
любезен,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что прелестью живой стиха я был
полезен
И милость к падшим призывал...*

Никто его не слушал. А Тютчев

* Редакция В. А. Жуковского стихотворения А. С. Пушкина «Памятник»

вздрыгнул. Сходство было столь несомненным, что он прошептал:

— Боже мой, кто это?

— А-а... Это забавная личность. Я вас сейчас познакомлю.

Беллетрист подвел Федора Ивановича к читающему стихи и представил:

— Вот, познакомьтесь! Камергер императорского двора Федор Иванович Тютчев.

— Пушкин,— отозвался кудрявый.— Поэт.

Темнота окутала улицы. Тишина. И только где-то: трещотка сторожей, стук последнего экипажа...

Лже-Пушкин шел впереди, и Тютчев видел перед собой его спину. Молчание. Впереди—канал.

— А я читал ваши стихи!—Здесь кудрявый остановился и пробормотал вполголоса:

И своды древние Софии
Вновь осенит Христов Алтарь!
Пади пред ним, о царь России,
И встань, как всеславянский царь!

— Слабо,— заключил Лже-Пушкин.—«Софии» и «России»—это не рифма. То же самое, что рифмовать «Наполеон» и «Багратион».

Тютчева передернуло.

— Я—политик... И для меня главное—мысль.

— Вот-вот,— подтвердил Лже-Пушкин.—Она как раз и никуда не годится...—Он вдруг остановился и судорожно схватил Федора Ивановича за руку.—Вот, послушайте...—голос его дрогнул от волнения:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум...

— «И томит меня тоскою,— продолжал Тютчев,— однозвучный жизни шум».

— Да!—воскликнул Лже-Пушкин.—Это моя последняя вещь. А откуда вы знаете?

— Читал в «Северных цветах» лет двадцать назад.

Они шли по мосту, остановились.

— Но вы... сами,—сказал вдруг Федор Иванович.—Писали о Николае Павловиче: «С Гомером ты беседовал один...»

— Это не о нем. Я не понимаю, откуда у вас взялась такая гладкость? Где ваши прекрасные неуклюжести?

— Неужели то, что я послал в ваш «Современник», было много лучше?—Тютчев против своей воли все больше втягивался в игру с этим необыкновенным страшным человеком.

— Безусловно. Скажем:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его... Лже-Пушкин замялся.

Его призвали все благие
Как собеседника на пир,

— мрачно дополнил Тютчев.

— «Он их высоких зрелищ зритель!»—победно произнес Лже-Пушкин.—Каково? По стиху—полная архаика. Сочетание «зрелищ-зритель» невозможно произнести. Ломается язык. Но—необъятно по замыслу!

— Произнести...—усмехнулся Тютчев.—А у вас, разве не помните? «Слышали ль вы?...» Откуда вы взяли львов в средней полосе России?

— Это не я писал, поверьте,—и человек, выдававший себя за Пушкина, даже приложил руки к груди.—Это Пушкин написал. Экспромт. Он часто за меня писал. Благо, что фамилии похожи.—В глазах кудрявого ясно читалось безумие. Он тяжело закашлялся.

Под мостом медленно шла черная вода.

— А вы государя любите!—вдруг доверительно сказал Лже-Пушкин и коротко засмеялся.

— Люблю,—сознался Тютчев.—Кто же его не любит?

— Но даже не в этом дело. Христа алтарь, который почему-то осеняет храм Софии, вот полная нелепица. Да-с, милостливый государь, полная!

— Вы что, против религии?—как-то равнодушно спросил Тютчев и, не дождавись ответа, продолжил:—Но как без нее, ответьте, связать между собою массы этих бедных жителей нашей Пальмиры? Всей России? Всего мира? Ведь и слово «религия» от латинского «религарэ»—соединять...

— Ваше высокоблагородие,— прервал его Лже-Пушкин,—дозвольте вам сказку прочесть.

— В стихах?

— В прозе-с. Я на прозу перешел.

— Читайте,—разрешил Федор Ива-

нович.—Только бросьте этот подобострастный тон.

— Так вот. У одной, извините за выражение, суки родился щенок. И мамаша, беспризорная дворняжка, часто говорила: «Сынок! Несмотря на то, что ты—собака, от тебя должна быть общественная польза. Поскорей вырастай и радуй людей, стань хотя бы кружком на воде, чтобы при лицемерии тебя сердца влюбленных стеснялись негой. Или гудком на пароходе, или хомутом, чтобы можно было лошадей запрягать». Говорила, говорила, а мальчик рос, рос... и превратился в здорового пса. И взяли его люди. Посадили в конуру на цепь. И через неделю он написал письмо матери: «Милая маменька! Я не стал ни кружком, ни хомутом, ни гудком. Меня взяли и посадили на цепь. Оказывается, чтобы быть полезным людям, надо обязательно сидеть на цепи».

— И много у вас таких сказочек?—спросил Федор Иванович.

— Не считал,—очень грустно ответил Лже-Пушкин, и кашель снова начал сотрясать его плечи.

— Простыли?

— Это у меня постоянно. Наверное, чахотка.—Лже-Пушкин усмехнулся.— Так и валит нашего брата чиновника... Да как здесь что-то напишешь, Федор Иванович, если жалованье, сами знаете... У меня ведь детишек трое да еще маменька жены... А тут еще каждую весну затапливает. Живем-то мы в подвале... И мокрицы, знаете ли, с палец. До стихов ли, господи, господи...

— Вы должны писать. Кто бы вы ни были...

— И вы. Только не пишите политических стихов, не надо. Политика—для хамов, и религия... Небеса-то пустые!—уже почти закричал Лже-Пушкин.—Я совсем недавно сочинил:

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса...

— Жаль, что Натали этого совсем не понимает!

— Какая Натали?

— Супруга моя,—ответил по-французски Лже-Пушкин.

— Вам нужен хороший доктор,—прошептал Федор Иванович. Задумался. Сказал после паузы:—Сколько вам требуется денег, чтобы поправить дела свои?

— Дела... Какие дела?

— Ну, хотя бы найти новую квартиру... Доктора от вашего кашля, а?

— Вы что... Можете дать мне денег?—голос Лже-Пушкина предательски дрогнул.

— Да,—твердо сказал Федор Иванович.—У меня есть с собой немного. Так сколько?

— Ну...—Лже-Пушкин замялся.—Пятьсот рублей. Нет... Больше, боже мой! Что я, что я?..—в голосе его слышалось страдание.

— Здесь полторы тысячи,—и Федор Иванович засунул деньги в карман его пальто.—Отдадите, когда сможете. Только оставьте свой адрес, чтобы я не чувствовал себя ограбленным.

— Да... Извольте. Коломенская, пять, дом Бугаева... Там меня всякий знает...

— Кого спросить? Как вас зовут?—допытывался Тютчев.

— Сами знаете, как...—Лже-Пушкин вдруг резко пошел вперед, начал спускаться с моста.

— Постойте!—Тютчев поспешил за ним, хотел догнать, но осекся.

Он ясно увидел, что контуры Лже-Пушкина изменились. Появилась какая-то хламида, вся фигура стала неопределенна, призрачна. И догнать ее было невозможно.

Петербург резко изменился. Они шли по узкому переулку, и по краям дороги что-то шевелилось, иногда даже путалось под ногами. Федор Иванович с отвращением узнавал крыс.

Зашли в какой-то двор. Там среди битого стекла стояла фигура в белом, издаലെка напоминавшая ангела с изломанными крыльями.

Вышли на улицу через черную подворотню.

— Я ведь обещал тебе, что приведу туда, где утратившие разум томятся тени. Мы скоро придем.

— Да, да, Вергилий,—бормотал Федор Иванович,—я это помню. Но я не знал, что это так близко... Я даже рад. Значит, есть и чистилище, не так ли? Существование одного подразумевает существование другого...

— Я бы не спешил с ответом,—улыбался Тютчев голос проводника.

Город дышал и дымился испарениями. И в глубине души Федора Ивановича начали рождаться какие-то строки, какие-то сгустки слов, постепенно обретающие смысл:

— день пророчество душа полное
откровение бьется сон души вещи сон
душа...

— Приходим,— шепнул Вергилий.

*О, вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!*

*Так ты — жилища двух миров,
Твой день — болезненный и страстный,
Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...*

Они остановились у ног какого-то
чудовищного исполина. На мраморных
огромных лапах покоилось черное тело.
Голова держалась на многочисленных
подпорках и была одета в деревянный
шлем. Тутчев явственно услышал чей-
то стон, голоса...

— Чей это крик, учитель?

— Это кричат жалкие души, что
прожили, не узнав ни славы, ни позора
дел земных...

Они стояли у почти готового Иса-
акиевского собора.

— Но я не понимаю... Разве и это
твой мир? — прошептал Тутчев.

— Мой. Идешь?

Но Федор Иванович в ужасе попя-
тился, а потом побежал от мрачного
здания, спотыкаясь и закрывая лицо
руками...

Елена Александровна Денисьева под-
нималась по грязноватой гостиничной
лестнице на второй этаж. Навстречу
шел коридорный с подносом, на кото-
ром стояла пустая бутылка от шампан-
ского.

— Заблудились, мадмуазель? —
предупредительно спросил он.

— Нет, — постаралась улыбнуться
Лёля. — На этом этаже пятнадцатый
номер?

— А-а... — протянул коридорный. —
Что-то я раньше тебя не видел, новень-
кая?

— Нет, что вы... — Лёля густо по-
краснела.

Дверь пятнадцатого номера оказалась
не запертой. Лёля вошла в него и
очутилась в небольшой прихожей с
мутным зеркалом на стене. Из гостиной
слышались возбужденные выкрики и
брань. Гостья заглянула в щелку приот-
крытой двери и увидела круглый стол,
заваленный окурками и деньгами. За

столом пятеро в офицерских мундирах
метали банк.

Но Елена Александровна решила не
мешать игре. Она прошла в комнату,
которая служила спальней, сняла паль-
то и опустилась в кресло.

Кто-то вошел в комнату, потянулся к
столику, что стоял рядом с постелью.
Лёля вскрикнула. Вошедший чертых-
нулся, потом запалил свечу и приставил
к лицу Денисьевой.

— Ба! Лиза! Откуда ты, прекрасное
дитя?

— Я не Лиза. И уберите свечу.

— Пардон, мадам. Обознался, —
вошедший приложил руку к груди.

— Я пришла к Александру Дмитри-
евичу. Я не хотела мешать вашей игре.

— Так вы бы и не помешали! Вы бы
ее прекрасно дополнили. Саша, —
крикнул вошедший, — тут к тебе приш-
ло прелестное дитя. Слышишь, Саша?!

— Слышу, черт подери... — В спальне
через минуту появился Саша, которому
было уже под пятьдесят.

Увидев его, Лёля быстро встала со
своего кресла, сделала шаг навстречу,
но, видя, что со стороны Александра
Дмитриевича не следует ответного дви-
жения, остановилась.

— Сколько я говорил, что надо запи-
рать двери! — раздраженно сказал он.

— Ну, Саша, женское общество нам
еще никогда не мешало, — попытался
оправдаться его товарищ.

Но Александр Дмитриевич, однако,
уже справился со своим гневом.

— Что вам угодно, мадам? — сухо
спросил он. — Отчего вы меня преследу-
ете?

— Ну-с, не буду вам мешать! — и его
товарищ, подмигнув, вышел из спальни.

— Каналья! — охарактеризовал его
Александр Дмитриевич и был прав,
потому что через минуту из гостиной
раздался дикий хохот. Там, видимо,
было рассказано о Лёле. — Вы зачем
пришли? Чтобы компрометировать
меня?

— Ну разве к вам не может прийти...
легкомысленная женщина, например? —
Денисьева вымученно улыбнулась.

— Черт побери... Что вам надо, гос-
поди! — простонал он и опустился в
кресло. — Смерти моей желаете?

— Да, — просто сказала Лёля, — ведь
это так естественно, желать вашей
смерти, не правда ли? С моей сторо-
ны?..

— Будь вы прокляты... Опозорили...

Опозорили перед всем светом... Коридорный!—вдруг закричал Александр Дмитриевич и подался к дверям, но Лёля поймала его, обняла, прижалась, и он застыл на минуту, не в силах пошевелинуться.

— Отойди,—наконец прошептал он.— Не доводи до греха...

— Ну хорошо, отец, вы можете не принимать меня... Но помочь... В последней необходимой для меня помощи...—бормотала Лёля.— Меня могут вышвырнуть на улицу... Мне нужны полторы тысячи... Умоляю, в долг...

— А что же ваш любовник? Госпожа моя?!—звенящим голосом спросил старый офицер.

— Он, к сожалению, не всемогущий...

— Не дам. Мог бы, а не дам.

— Ну прошу вас... Ну, умоляю... Мне очень плохо, отец!..—Елена Александровна, не выдержав, заплакала.

— Раньше надо было думать, раньше!—Александр Дмитриевич трясущимися руками начал открывать бутылку шампанского.

Она долго не поддавалась. Наконец открыл, да неудачно, забрызгав мундир и стол. Налил бокал, протянул дочери.

— Ну, успокойтесь... И идите, идите...

Елена Александровна судорожно куснула бокал.

— Я всегда поражалась вашей доброте,—прошептала она. Поставила бокал, начала надевать пальто.

— Только не говорите никому, что мы виделись,—бормотал отец, помогая ей.— Не дорожите своей честью, так подумайте о моей...

— Не скажу. Прощайте.—Она пошла к дверям, но вдруг остановилась.— А помните открытое окно, сад. Мы идем по дорожке, и вдруг гроза, гром... Молния ударила тогда в дуб, на котором были качели... Еще была жива мама...

— Помню,—сказал отец.

— Спасибо...—и Лёля ушла.

Александр Дмитриевич одернул китель и возвратился в гостиную.

— Ну как?—весело поинтересовались товарищи.

— Ошиблась номером. Продолжим игру, господа...

— Теодор! За тобою пришли!—разбудила Тютчева Эрнестина Федоровна.

— Что за бред?—пробормотал сонный Тютчев, переворачиваясь на другой бок.

— Это не есть бред, Теодор!—в глазах Эрнестины Федоровны стоял ужас.—Это есть от графа Орлова!..

Тютчев появился в гостиной непричесанный и в халате.

— В чем дело?—спросил он у жандарма, стоявшего навывтяжку.

— Распишитесь,—сказал тот и положил перед ним листок бумаги.

Тютчев взял его, брезгливо осмотрел.— Вы, кажется, изволите шутить со мной?

— Вы—Федор Иванович Тютчев, камергер двора его императорского величества?—гаркнул жандарм.

— Я—камергер...

— Тогда распишитесь, что вы арестованы.

— За что?—только и смог вымолвить Федор Иванович.

— За уклонение от присяги его императорскому величеству.

— Я... Я был болен. Это—произвол,—заявил Тютчев.

— Извольте посмотреть,—сказал жандарм,—чья подпись стоит под документом!

— Графа Алексея Федоровича Орлова, моего старинного приятеля,—ответил Тютчев.

— Тогда как же вы можете утверждать, что это произвол?!

На это Федор Иванович не нашелся, что возразить. Только обмакнул перо в чернила и расписался против своей фамилии.

— Так... Вас можно вычеркнуть...—с облегчением сказал жандарм.—Позвольте перо... Теперь только Кушелев остался....

...Жандармская карета стояла у дома Тютчева.

— Доброе утро, господа,—поздоровался Тютчев с теми арестованными, кто уже сидел в ней.

— Садитесь, Федор Иванович! В тесноте, да не в обиде!

В ломбарде было тихо и пыльно.

— Вот...—Эрнестина Федоровна развернула перед стариком-оценщиком платок, в котором лежало нарядное колечко.—Сколько это имеет стоить?

Оценщик разглядел камень через увеличительное стекло. Сказал:

— Работа хорошая, госпожа моя.

— Да. Немецкая,— согласилась Эрнестина.— Это есть подарок моего брата.

— Две тысячи,— предложил оценщик.— Конечно, любовь вашего брата стоит дороже.

— Да, но я не буду говорить ему,— вздохнула тяжело Эрнестина Федоровна.

Маленькая Алена хотела полить цветок на подоконнике, но не дотянулась, и цветок рухнул на нее. Сам разбился и разбил кувшин, из которого поливала девочка. Алена испугалась и громко заплакала.

— Боже мой! Ведь говорила же! Уйди! Видеть тебя не могу!— закричала Елена Александровна.

Здесь Алена заплакала еще громче и пошла в детскую. Раздался звонок. Разгоряченная Денисьева открыла дверь и не поверила своим глазам. На пороге стояла Эрнестина Федоровна Тютчева-Пфеффель:

— Я рада очень,— произнесла она механически.— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Проходите, пожалуйста,— выдавила из себя Лёля.

Эрнестина Федоровна разделась и прошла в комнаты.

— Только извините, у меня не убрано... Вы присаживайтесь...

— О, конюшня,— сказала Эрнестина, но по выражению ее лица было заметно, что она хотела сказать другое, просто не подобрала нужного слова.

— Страшная,— согласилась Лёля, от смущения совсем потерявшись,— извините...

Наконец она сориентировалась. Положила на пол газету и начала в нее укладывать осколки горшка и землю.

— Работать— это хорошо,— сказала гостя.— Хорошая экономка и хорошая работа.

— У меня нет экономки,— созналась Лёля.

— Бедная! Я сделаю вам помощь.— Эрнестина Федоровна присела на корточки и начала помогать Лёле собирать осколки.

— Господи! Не надо, прошу вас, сидите...

— Я люблю работать,— созналась Эрнестина, задумалась и вдруг сказала:— А Теодор Иванович поехал кататься в тюрьму.

— Зачем?— Лёля окаменела, сраженная.— Он один поехал?

— Нет. Его жандарм повез...

Вдруг гостя начала клониться набок. Лицо ее сделалось серым. Зрачки закатились.

Денисьева вскрикнула, поддержала ее. Дотащила до кушетки. Эрнестина Федоровна была без сознания. Лёля бросилась к столу, вытащила из него пузырек с какой-то жидкостью и, открыв, приложила к носу гостя. Расстегнула ей платье на груди. Веки Эрнестины Федоровны дрогнули. Она начала приходить в себя. Через силу улынулась.

— Послать за врачом?— предложила Лёля.

— Нет. Уже хорошо...— Она глубоко вздохнула.

— Вы сказали, что Федор Иванович... в тюрьме?!

— Да. Я пришла говорить о нем,— Эрнестина Федоровна сделала паузу, собираясь с силами.— Я знаю. Я знаю об этом всем. Нам не легко, ему трудно...— Эрнестина с трудом подбирала слова.— Тогда пять лет в прошедшем... я сама думала, что вы... это не... как это?

— Что?— не поняла Лёля.

— Слово по-русски...

— Я не знаю...

— Не «светская львица»,— сказала по-немецки Эрнестина Федоровна,— что с вами... ему можно,— она снова перешла на русский язык.— Но я не думала, что это...— она запнулась,— это есть так серьезно, я...

— Ошиблась,— подсказала Лёля.

— Да, да... Ошиблась и теперь я прошу оставить его...— Эрнестина Федоровна набрала сил и снова перешла в запале на немецкий язык:— Вы уже не довольствуетесь им самим! Вы тянете с него деньги! Да, да! Я чувствую это! Он весь измучился, весь изоврался из-за вас! Видит бог! Этого нельзя больше терпеть! Я принесла вам деньги, чтобы оставили его навсегда! Сколько вам нужно? Тысячу? Две тысячи? Говорите, только больше вы с ним не знакомы! Оставьте его!— Здесь гостя остановилась и поглядела в глаза своей сопернице. Они ровно ничего не выражали, кроме вопроса.

— Эрнестина Федоровна! Милая!— тоненько пропела Елена Александровна.— Мне очень стыдно, но я совсем почти не понимаю по-немецки!

— Мой бог!..— простонала Эрнестина уже на русском.— Я... сказать не могу... это по-русски!

— А я вам помогу. Вы, наверное, хотите, чтобы я бросила Федора Ивановича?..

— Нет, не «бросила»!— возмутилась Эрнестина Федоровна.— У меня есть совсем другое слово!

— Тогда я вообще ничего не понимаю!— очень удивилась хозяйка.

Некоторое время молчали, отыскивая в мыслях выход из создавшегося положения.

— А по-французски можно?— пробормотала Эрнестина.

— Конечно,— оживилась Денисьева и тут же перешла на французский:— Я не могу оставить Федора Ивановича! Для меня он— вся жизнь! Так же, как и для вас! Ведь правда?

— Правда,— согласилась по-французски Эрнестина Федоровна.— Но вот что я хочу вам сказать...— Она вдруг запнулась, потому что в комнате показалась заплаканная Алена.— Мой бог! Прелестное дитя!— пробормотала гостья уже на русском.

— Не такое уж прелестное. Это по ее милости,— и Елена Александровна показала на разбитый горшок.

— А сколько тебе есть лет?— ласково спросила Эрнестина у девочки.

— Пять,— робко ответила Алена.

— Не ври. Только четыре,— одернула ее мать.

— Четыре,— повторила Эрнестина Федоровна.— Я должна была знать... А, как это... нянька у тебя есть?

— Эрнестина Федоровна, голубушка! Откуда у нас нянька? И без няньки еле сводим концы с концами!— вздохнула Лёля.

— Трудно без няньки,— согласилась Тютчева и добавила:— Маленькая похожа на своего отца...

Помолчали.

— Иди, Алена, к себе.— Денисьева взяла девочку за руку, повела в детскую.

Эрнестина Федоровна осталась одна. Окинула скромную комнату взглядом и неожиданно для самой себя вынула деньги, полученные в ломбарде. Тайком положила их между страницами книги, что лежала на столе...

— Мне уже нужно идти,— сказала она, когда в комнату возвратилась Лёля.— Всего вам доброго.

— Разве вы все сказали?— Денисьева пытливо посмотрела гостье в глаза.

— Да.— подтвердила Эрнестина Федоровна.— Я рада...

Был май, и ярко светило солнце. Первая листва делала улицу, на которой жила Лёля, чище, светлее. Тютчев и Денисьева медленно шли по тротуару, гуляя.

— Так я и принес присягу моему третьему государю. Слуга трех господ,— рассказывал Федор Иванович.— Как говорят на Руси, дай бог, не последнему.

— Что же в этом плохого, Феденька?

— Ничего, Лёля. Я могу принести еще десять присяг, лишь бы это прибавило им ума. Но, к сожалению, целая империя рушится и погибает под бременем глупости нескольких дураков. Впрочем, я не имею в виду нового государя. Будущее его правления будет зависеть от исхода войны...

Они перешли через Литейный мост. Слева потянулись здания Медико-хирургической академии.

— А по-моему, ты слишком преувеличиваешь значение этой войны,— говорила Лёля.— Где эта война? Для меня— это где-то там, далеко,— она махнула рукой в пространство.

— Вот так и все. Все не понимают, что эта война— только начало,— вздохнул Тютчев.— Вопрос сейчас стоит так— мы или Запад. Что-то должно исчезнуть. А то, что останется, определит судьбы всего мира. Господи, ведь в этом-то и состоит историческая судьба России— быть объединителем и освободителем всего славянского племени. Западу выгодно, чтобы мы были разобщены, чтобы влияние нашей веры было бы минимальным. Надеюсь, ты не станешь оспаривать тот факт, что только у славянских народов сохранилась та чистота нравов, та целомудренность, которой уже давно нет у прогнившего Запада? Говорю это тебе как бывший дипломат...

Через решетку ограды Медико-хирургической академии был виден деревянный одноэтажный барак. Около него по кругу гуляли люди в грязно-серых халатах и в таких же колпаках— душевнобольные. За ними присматривал сытый надсмотрщик.

— Это все хорошо, Феденька. Только мне иногда кажется, что все ограничивается только разговорами. Наверное, каждый из нас должен что-то делать для Родины, ведь так?

— О чем ты говоришь, Елена?!— не на шутку удивился Тютчев.— Что значит перед грандиозной исторической

задачей голос и усилия отдельного лица?!— и добавил: — Не на войну же мне идти...

... На кладбище было пустынно, тихо. И листва на деревьях уже совершенно раскрылась.

— Здесь очень похоже на Туринское кладбище,— говорил Федор Иванович.— Если бы Элеонора была похоронена в России, я бы меньше вспоминал о ней.

— Ты любишь меня больше, чем свою первую жену?

— Я не знаю, Лёля. Наверное, больше. Хотя ты и не горела на пароходе. И не спасала моих детей...

...Они уже собирались уходить.

— Ну пожалуйста, ну очень тебя прошу...— умоляла Лёля.

— Хорошо,— сказал Тютчев,— но только в последний раз.— Задумался и стал медленно читать:

Как дымный столп светлеет в тишине!

Как тень внизу скользит неуловимо!..

«Вот наша жизнь,— промолвила ты мне,—

Не светлый дым, блестящий при луне,

А эта тень, бегущая от дыма...»

— Это мне посвящается, да?— спросила Елена Александровна.

Тютчев не ответил. Стояла тридцатиградусная жара. Лето было в полном разгаре.

Лето 1855 года выдалось жарким. Жарко было и в Брянском уезде, в селе Овстуг, куда на лето переезжали Тютчевы.

Федор Иванович лежал на земле, положив руки под голову, и смотрел в желтое жаркое небо, которое раскинулось над ним. В небольшой речушке, что протекала рядом, купались двое ребят, и их всплески, смех, разговор доносились до Тютчева смутно, неопределенно. Федор Иванович как будто находился в дремоте, и сонные слова складывались сами собою в его душе:

Так, в жизни есть мгновения—

Их трудно передать,

Они самозабвения

Земного благодать...

Подошла лошадь, долго смотрела на сонного поэта, а потом решила его укусить.

— Вас ист дас, лошадь?— спросил Федор Иванович, но та не объяснила, вздохнула и пошла от него к реке.

И любо мне, и сладко мне,

И мир в моей груди,

Дремотою обвеян я—

О время, погоди!

...Тютчев возвращался с купания разморенный, размягченный. Проходя селом, остановился у колодца, решил напиться. Колодец был глубокий и черный, как пропасть. Лишь внизу ходила, как призрак, густая вода.

— Вы б не пили из колодца, барин,— сказал мужик, стоявший неподалеку, когда Тютчев уже напился и вытер губы.— В этом колодце вчера человека утопили.

Тютчев даже подавился.

— Так что же ты раньше не сказал?

— А чего говорить? Все же знают, что здесь человека утопили,— и мужик с досады крякнул.

Вечерами в усадьбе было холодно, неуютно. Тютчев все время мерз, и клетчатый плед, накинутый на плечи, не согревал его. Дочь Маша сидела у тусклой масляной лампы и просматривала альбом-гербарий.

— Что-нибудь слышно из Севастополя?

— Сегодня опять не было газет, папа. Но было письмо Китти из Москвы.

— Что же она пишет?

— Пишет, что сшила у портнихи новое платье и что приезд государя ожидается в первых числах сентября.

Тютчев кивнул, подошел к окну, наблюдая последние отблески заката. Маша листала альбом. Наткнулась на засушенные цветки и прочла надпись под ними:

— «Цветы с головы Гоголя в гробу». Что это, папа?

— Это прислала графиня Ростопчина. У нее и спрашивай.

На следующей странице были написаны стихи. Маша прочла их вслух:

Теперь тебе не до стихов,

О слово русское, родное!

Созрела жатва, жнец готов,

Настало время неземное...

Все богохульные умы,

Все богомерзкие народы

Со dna воздвиглись царства тьмы

Во имя света и свободы!

— Я хочу спать, Мари,— сказал Тютчев.— Спокойной ночи,— и Федор Иванович пошел к себе в спальню.

Но заснуть долго не мог. Комнату несколько раз осветили отблески молний, и тяжелые удары грома глухо отозвались по всему дому. Под докучливый стук капель о крышу Федор Иванович забылся тем сном, который часто неотличим от собственных наших мыслей.

Ему приснился Петергоф летом и именно в тот момент, когда туда переехала царская семья. Время было вечернее, и на траву ложился тот теплый красноватый свет, который бывает в начале заката. Он увидел длинную нарядную процессию, состоящую из экипажей с многочисленными членами императорской фамилии. Все они ехали за открытой повозкой, на которой стоял кипящий самовар. А впереди нее скакал на коне и сам Александр II. Это значило, что царская чета в сопровождении родственников и приглашенных направлялась в специальное место, называемое Бабьим гоном, на вечернее чаепитие.

Был вечер, и болото давало себя знать испарениями и кваканьем лягушек. Царь заметил Федора Ивановича и помахал ему рукой. Тютчев подошел к нему.

— Добрый вечер, ваше императорское величество.

— Добрый вечер, Федор Иванович. Я прочел ваше письмо, которое вы мне направили.

Поскольку государь не остановился, то Тютчеву пришлось идти за лошадью быстрым шагом и на ходу вести столь важный разговор.

— Я целиком разделяю многие ваши мысли,— сказал царь, покачиваясь в седле.— Действительно, что такое современное государство без широкого представительства в управлении всех сословий народа? И совершенно естественно, что отсюда вытекает потребность освобождения крестьян, о которой вы пишете. Здесь я с вами согласен.— Александр II прибавил лошади шаг, и Тютчев начал задыхаться.— Не вызывает у меня сомнения также ваша идея о собирании братьев славян под единое русское знамя. У нас всех общая историческая судьба, так что и эта мысль мне решительно по душе.

Император поскакал еще быстрее, и Федор Иванович, боясь отстать, побе-

жал вслед за лошадью, держась за стремя.

— Только ваше утверждение, что сам принцип монархизма в России компрометируется реальными государями, мне не показалось убедительным. Это не ново. Вы понимаете меня? Кстати, Федор Иванович, отгадайте, что нашла императрица в своей спальне сегодня утром?

Тютчев задыхался и чувствовал, что сейчас упадет от перенапряжения сил. Но государь и не думал останавливать бег своего коня и сам ответил на собственный вопрос:

— Она нашла здоровенную лягушку. Здесь ужасно сыро и кругом лягушки. Надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать?

Тютчев чувствовал, что в последних словах государя заключен тайный смысл, но постичь этот смысл уже не мог.

— А чтобы вы были снисходительнее к реальным монархам,— говорил Александр II,— я сообщу вам, что сегодня утром нашим доблестным флотом прорвана блокада Севастополя и враг обращен в бегство. Довольны ли вы?

И здесь Тютчев, не в силах более удерживать заданный темп, упал. Мимо него скакали лошади, ехали экипажи— только земля летела из-под колес. Федор Иванович и не думал подниматься. Он лежал на земле и чувствовал от нее теплоту и силу. И радость от только что услышанной новости переполняла его...

...Гроза проходила. И больше в эту ночь Тютчев снов не видел.

На следующее утро шел дождь. Тютчев явился в столовую заспанный, недовольный. За столом уже сидели Эрнестина Федоровна, Маша, Дмитрий и Иван.

Ни с кем не здороваясь, Тютчев сел на свое место.

— Какое твое здоровье, Теодор?— осведомилась Эрнестина Федоровна.— Ночью ты не спал, я слышала, да?

— Сколько раз говорил!— вдруг крикнул он.— Не ставь эту тарелку! Я уезжаю! Как вы можете здесь жить? Вы, оторванные от всего мира?! Может быть, в Севастополе уже все кончено...

— Ты едешь в Севастополь?— ахнула Эрнестина Федоровна.

— В Москву, к Китти,— и Тютчев вышел из столовой, хлопнув дверью.

Жерло пушки было огромным, немым. Она медленно двигалась к обрыву, к черной воде моря, которое лежало далеко внизу. Пушку подталкивали двое грязных людей.

Молодой черноусый прапорщик, видя их старания, присоединился и помог им.

На какое-то мгновение пушка застыла на краю обрыва, а потом медленно канула вниз.

Все было кончено. Но старый артиллерист с перевязанной рукой, видимо, не хотел верить в то, что его орудие погибло. Он встал на колени и беззвучно заплакал, потом лег на землю и стал царапать ее ногтями уцелевшей руки...

Кругом, насколько хватало глаз, лежала израненная земля, край ее терялся в темноте наступающей ночи...

В кресле, обессиленно откинув голову назад, сидела молодая женщина лет двадцати.

— Смотрите сюда, Екатерина Федоровна,— и магнетизер, стоявший напротив, показал рукой на переносицу.— Когда я дойду в счете до ста девяносто девяти, вы сразу получите облегчение. Раз, два, три...

Екатерина Федоровна Тютчева застонала еле слышно, а когда счет перевалил за дюжину, начала метаться в кресле и кричать.

Но здесь дверь в комнату открылась. На пороге стоял Федор Иванович Тютчев.

— Здравствуй, моя бедная Китти!

— Здравствуйте, папенька... Откуда вы?— прошептало измученное существо.

— Из деревни. Как ты чувствуешь себя?

— Дурно... Это платье... Но государь был великолепен.

— Ну-с, не буду вам мешать,— Федор Иванович закрыл дверь.

— Дело не в платье, дело в новом корсете,— прошептал Тютчеву Николай Иванович Сушков, владелец дома.— Китти стало дурно как раз во время выхода государя из Успенского собора. И вот теперь— жесточайшая мигрень...

— Что слышно из Севастополя?— спросил Тютчев между прочим.

— А разве не знаете? Слава богу, кончилась эта катавасия, город оставлен...

Федор Иванович кивнул. Сказал сам себе:

— Надо приказать, чтоб распрягли...

Хотел пойти на двор, но вдруг остановился, заплакал, как дитя. Повернул к хозяину искаженное горем лицо:

— Что же теперь, Николай Васильевич? Как же жить теперь?..

...И перед глазами Тютчева возникло вдруг море, и посередине воды— большой пылающий корабль. По палубе мечутся люди, у борта качается переполненная лодка...

Нет, это была не метафора. Это действительно происходило много лет назад с первой женой Федора Ивановича Элеонорой. Она стояла на корме в красном платье, поражая своим хладнокровием бегущих мимо людей, а к платью прижимались трое ее маленьких дочерей.

...Но вот наконец корабль оставлен лодками. К надписи на борту «Николай I» подбирается огонь. Горящий остов удаляется все дальше. И на воде качается фанера и пустые бутылки.

Был пасмурный день поздней осени 1857 года, когда царь Александр II и новый министр иностранных дел Александр Михайлович Горчаков сидели в лесной засаде и ждали зверя.

Государь тихонько курил, пуская дым между колен. Где-то далеко раздался свисток егеря, короткий выстрел...

— Кажется, выгнали,— пробормотал Александр Михайлович,— Наш егеря похож на русскую дипломатию времен вашего покойного батюшки, ваше величество.

— Что делать, князь,— прошептал император.— Батюшка был гениальным человеком и мог позволить окружать себя ничтожествами.— Он затушил папиросу и закашлялся, закрывая рот ладонью, чтобы не спугнуть зверя.

— Это кашель от либеральных начинаний вашего величества,— пошутил Горчаков.

— Вы имеете в виду курение, князь? Скорее от Парижского мира. Уже год першит в горле.

— Ничего, ваше величество. Вся Россия—это мы с вами.— Горчаков крепче сжал ружье.— И отступление кончилось.

Просидели еще некоторое время, но полянка перед ними по-прежнему была пуста.

— Я слышал, князь, что вы близко знаете камергера Тютчева?— неожиданно спросил Александр II.

— Не так уж близко, ваше величество...

— Вам никогда не казалось, что он... не в своем уме?

Горчаков едва заметно хмыкнул.

— Недавно я с ним встречался,— тихо продолжал император,— и он затеял разговор такой странной... Что-то о народной жизни и свободе печати... Я, признаться, ничего не понял...

— Тютчев — брязга, — прошептал Горчаков.— Право, это не очень интересный предмет, ваше величество.

Внезапно у них за спиной раздался треск веток. Государь Александр Николаевич развернулся и, не прицеливаясь, выстрелил. И тут же опустил ружье.

Перед ним на коленях стоял седой человек и держался за окровавленное плечо. Рядом лежал костыль. Лицо человека изображало смесь ужаса и благолепия.

Прибежал егерь и с ним—трое молодцов в казацкой форме.

— Ваше величество! Ведь как прорвался, уму не постижимо! Я уж свистел и стрелял!..—егерь опустил на колени.

— Кто такой?— строго спросил государь у раненого.

— Ваше величество!— прошептал тот.— Возвратите!.. Жить не могу без навоза!

— Что? Что такое?!

— Навоз это такая вещь, право, замечательная... А есть еще стремя, седло, хомут...

— Это просто какой-то сумасшедший, ваше величество,— выразил свое мнение Горчаков.

— Я не сумасшедший,— говорил человек, а плечо его все больше набухало кровью.— Я конюх покойного императорского величества. Конюх Бархоткин! Уволили меня в пятидесятом за пьянство!..

— Не помню, не знаю...— Государь в замешательстве посмотрел на Горчакова.

— А вашего батюшку отравили!— неожиданно заявил Бархоткин.

— Откуда знаешь? Что за ерунду несешь?!

— В народе говорят. А у меня, кроме жеребцов и ваших императорских величеств, ничего не осталось. Позвольте к руке приложиться!— докончил он.

Потрясенный государь дал Бархоткину руку, и тот, дотронувшись губами, повалился на землю.

На лесной дороге стояло несколько царских экипажей. К одному из них двое казаков подвели уже перевязанного Бархоткина. Но он вдруг горячо прошептал:

— Погодите, братики!

Подошел к лошадям и вдруг стал обнимать каждую и целовать прямо в губы. Лошади скалили свои желтые крупные зубы и отворачивались.

А счастливый Бархоткин сел вместе с казаками в экипаж. И прислушиваясь к его равномерному царскому движению, старый конюх давился слезами радости и счастья.

Выпал первый снег. Федор Иванович, несколько постаревший за эти два года, стоял у окна своей петербургской квартиры и, глядя на заснеженный Невский, диктовал жене по-французски:

— «Судьба России уподобляется кораблю, севшему на мель, который никакими усилиями экипажа не сможет сдвинуться с места...»

— Мне надо медленнее,— пробормотала Эрнестина Федоровна, не успевая записывать.

Тютчев подождал немного и нетерпеливо продолжил:

— «и лишь только одна приливающая волна народной жизни в состоянии поднять его и пустить в ход».

— Что ты задумал, Теодор?— выдохнула жена.— Это самоубийство!

— Нет,— твердо сказал Тютчев.— Самоубийство—ждать, пока твое дело сделают за тебя другие.

— Но ведь и в Германии есть цензура!— простонала бедная женщина.

— Дело не в цензуре. Дело—в кретинизме, возведенном в государственный ранг. Пиши, прошу тебя. У меня мало времени,—и Федор Иванович продолжил диктовку:—«Нам было жестоко доказано, что нельзя налагать на умы стеснение и гнет без существенного вреда для всего общественного организма...»

— Теодор! Здесь надо сделать мягче!

Тютчев подошел к столу, заглянул в исписанный листок и сказал:

— Хорошо. Впиши сверху: «безусловное и слишком продолжительное стеснение и гнет».

— Ты с ума сошедший!

— Может быть...

В приемной князя Горчакова в Министерстве иностранных дел было много-

людно. Тютчев явился на прием в новом мундире действительного статского советника.

— Доброе утро, господа. В какой вы очереди?

— Присаживайтесь ко мне, Федор Иванович,— предложил Тютчеву дородный человек в расшитом серебром мундире.

— Рад, что вы не назвали себя последним, граф.— Тютчев присел в кресло напротив него.

Из кабинета Горчакова прозвенел колокольчик, и тут же к министру влетел дежурный чиновник.

— Почему вы на общих правах, Федор Иванович? Вы так близко знаете нашего нового канцлера,— удивился граф.

— Мое дело слишком серьезно для личных отношений,— сухо объявил Тютчев.

Дверь кабинета открылась, и из нее вышел сам Александр Михайлович в парадном мундире. Вместе с ним шел секретарь. Горчаков с кем-то радушно поздоровался, остальным кивнул и вышел из приемной. Тютчева он не заметил.

Федор Иванович сидел некоторое время, как ошпаренный, а потом вскочил и вышел вслед за министром, даже не попрощавшись с обществом.

Он был уязвлен невниманием своего давнего знакомого. Бросил свое письмо в специальный ящик для корреспонденции и ушел из министерства.

— «Нашему правительству следует прийти к тому сознанию, к которому обыкновенно приходят с таким трудом родители относительно вырастающих на их глазах детей, а именно: что настает возраст, когда мысль тоже мужает и желает, чтобы ее признали таковою».— Тютчев оторвался от черновика и спросил:— Ну как тебе это место, Лёля?

Елена Александровна Денисьева сидела за пальцами и вышивала, а Тютчев, развалившись на кушетке, читал ей отрывки из своего «крамольного» письма.

— Хороший слог,— задумчиво сказала Лёля, перекусив нитку.— Образ детей мне нравится.

— Ну, дети—бог с ними. А как тебе главная мысль?

— Что ты собираешься с ним делать?— уклонилась Денисьева от пря-

мого ответа.

— Я уже сделал то, что и подобается делать с письмом. Отправил его министру Горчакову.

— Будем надеяться, что князь не доложит о нем государю,— и Лёля, сев на кушетку, поцеловала Тютчева в лоб.

— Ты считаешь, что оно не достойно внимания государя?— бесцветно спросил Федор Иванович.

— Феденька... Единственный мой!— Лёля положила голову ему на грудь.— Письмо чудесное, замечательное... Только я не понимаю, о чем оно?..

— Здесь идет речь о свободном печатном органе!— взорвался Федор Иванович и потряс в воздухе исписанными листками.

— А зачем нам свободный печатный орган? Разве мы плохо живем без свободного печатного органа? Ты же сам говорил: «Молчи, скрывайся и таи и чувства, и мечты свои...»

— Мне надоело молчать!

— А ты терпи. Все терпят, и ты терпи. Ну, появится такой орган, о котором ты мечтаешь, а о чем в нем будут писать?

— Ну, мало ли о чем...— Федор Иванович задумался.— Хотя бы о том, что идет больше русскому человеку— фрак или борода? Москва будет говорить, что борода, а Петербург...

— Конечно, борода,— серьезно сказала Лёля, радуясь, что наконец-то растормошила Тютчева.— Борода больше скрывает лицо. У бородатого непонятно, доволен ли он жизнью или нет. Это что-то вроде рыцарского забрала— борода.

— Прекрасное сравнение. Но что нам скажут парикмахеры?— Тютчев уже старался шутить.

— Но это же свободный орган, Федя! Парикмахеры выступают со статьей, в которой будут утверждать, что для заграницы нужен бритый русский человек. Ибо без бороды он выглядит глупее, а глупость любят. И знаешь, чем все это кончится?

— Знаю. Правительство, чтобы успокоить обе стороны, прикажет носить бакенбарды.

— Да!— Лёля, довольная, обняла Тютчева.— Ну вот, а был такой погасший, серьезный... Что с тобой происходит в последнее время?

— Болит... Вот здесь что-то болит, Лёля.— Тютчев показал на грудь.— Главное—растопить окостенение на-

шей мысли. Если не этим, так чем же?

— Ты никогда не думал о переиздании своего собрания сочинений?— неожиданно спросила Лёля.

— Так,— зловеще сказал Федор Иванович.— Что еще?

— Нет, право же... Я имею в виду не статьи, а стихи...

Федор Иванович хмыкнул.

О как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

— задумчиво прочла Денисьева.— Ведь это про меня, Феденька. Зачем же скрывать?

— Это не мое,— прошептал Тютчев,— я не чувствую это своим...

Елена Александровна даже вздрогнула.

— А это?! Это, думаешь, твое?!— она показала на исписанные листки.

— Елена! Не говори о том, чего ты не понимаешь!— взорвался в свою очередь Тютчев.

— Почему же? Понимаю. Понимаю, что ты задумал что-то такое, что не укладывается в голове. Тебе мало нашего горя? Еще получишь после этого письма! А как было бы хорошо,— мечтательно продолжила Денисьева,— если бы на твоём новом сборнике стояло бы... посвящение мне...

Тютчев вскочил с кушетки.

— Ну, пусть не полное имя,— просительно продолжала Лёля,— пусть только инициалы Е. А. Д. Или просто Е. Д. Я и на это согласна.

— Замолчи!— сорвался Тютчев на крик.— Я не могу тебя слушать!..

— Разве я не достойна такой малости?

Федор Иванович зло рассмеялся.

— Довольно,— сказал он.— Твой ребенок носит мою фамилию. Наша связь известна свету. И тебе этого мало? Нет, тебе еще захотелось в литературе прославиться? Знай, что этого не будет. Никогда.

Елена Александровна ничего не смогла на это ответить. Сказала после паузы:

— Ты можешь пожалеть об этих словах... И очень скоро!..

Тютчев возвращался от Лёли усталый, разбитый. Улицы были завалены снегом, темно. И, чтоб развеяться, Федор Иванович решил зайти в тот

самый трактир, в котором больше двух лет назад встретил диковинного человека, выдававшего себя за Пушкина.

В трактире на этот раз было пусто, тихо.

— Здравствуй, голубчик,— обратился Тютчев к половому.— Где же литераторы?

— Какие литераторы-с?— испуганно спросил половой.— Откуда прийти литераторам-с? Может быть, лучше водочки-с? Блинов-с? Расстегаев?

— Блинов,— ответил Федор Иванович,— и... рюмку водки.

Разделся, сел за стол. Напротив спал человек, положив голову на руки. И еще двое тихо беседовали в углу.

Половой принес блинов и водки.

— Послушай, голубчик... Два года назад я здесь встретил одного человека... Мне говорили, что он завсегда твой...

— Какого-с?

— Странного... За Пушкина себя выдавал...

— Пушкин-с? Был такой,— услужливо кивнул половой.

— Да не Пушкин,— рассердился Федор Иванович,— просто похож на него.

— Конечно, не Пушкин-с,— подтвердил половой.— Пушкину здесь делать нечего. Косицин была его фамилия-с. Чиновник-с.

— Да, да... Чиновник,— оживился Тютчев.— Где он? Ты не знаешь, что с ним стало?

— Сказывают, в желтый дом его увезли, для умалишенных-с.

— Этого следовало ожидать.— Федор Иванович вздохнул.— Ведь у него семья и дети были?

— Что вы-с? Откуда у него семья-с? Один-с, как палец, был.

— Один?— удивился Тютчев.

Замолчал. Взял рюмку водки и опрокинул в себя.

— У нас гости,— сказал слуга Эммануил по-немецки, помогая Тютчеву раздеться.

— Скажи...— пробормотал хозяин, пропуская мимо ушей его слова,— не было ли письма от князя Горчакова?

— Если было, я бы доложил.

Тютчев тяжело вздохнул.

В гостиной около камин сидел молодой человек, в усах, с широкоскулым лицом. Короткие волосы были зачесаны наверх и обнажали большой широкий лоб. Вряд ли сейчас в нем можно

было узнать того самого прапорщика, который помогал артиллеристам сбросить пушку при оставлении Севастополя. Напротив гостя в креслах сидели дочь Тютчева Екатерина Федоровна и Эрнестина Федоровна.

Увидев входящего хозяина, молодой человек порывисто вскочил, сделал шаг навстречу и тут же остановился, видимо, стесняясь своей неловкости.

— Очень рад вас видеть, граф,— Тютчев улыбнулся и подал ему руку.

— Рад, искренно рад.—Гость из всех сил вцепился в нее, как утопающий хватается за соломинку.

— Вы давно в Петербурге?

— Несколько дней. Уже собирался уезжать и вот решил заехать, попрощаться...

— У нас интересный разговор, папа,— подала голос Екатерина.— Лев Николаевич рассказывает о своей поездке в Париж.

— И чем же поразил вас Париж?— Тютчев сел в кресло.— Вы не находите, что французы очень походят на детей, которые никогда не вырастут?

— Если это и дети, то весьма странные.— Чувствовалось, что Лев Николаевич смущен и рад приходу Тютчева.— В первый раз мне пришлось их видеть в Севастополе, но это было малопримтно.

— Да, Севастополь...— пробормотал Тютчев.— У вас в «Севастопольских рассказах» есть чудное место. Там офицера убивают, и после него остается только дурной запах. А-а? Как тебе это местечко, Китти?— Он коротко рассмеялся, и Эрнестина Федоровна с испугом посмотрела на него.

— Мне больше нравится Вальтер Скотт, папа,— сказала Екатерина.

Тютчев даже скривился.

— Не обращайтесь на нее внимания, граф. Это плоды Смольного института.

— Отчего же... Да я и не считаю себя писателем,— смутился еще больше Лев Николаевич.— В «Севастопольских рассказах» я не сказал и половины правды.

— Половины?— удивился Тютчев.— Но если есть половина, так это уже хорошо.

— Нет. Когда-то надобно сказать и всю правду...— граф замолчал.

Воцарилось неловкое молчание.

— А что в Париже есть поразительное?— разрядила наконец атмосферу Эрнестина Федоровна.

— Да, да... Париж,— схватился за

это граф.—Страшно их преклонение перед этим людоедом, Бонапартом.

— Граф! Как вы можете называть так Наполеона!— вспыхнула Екатерина Федоровна.

— Отчего же не назвать людоеда людоедом? Но отвратительнее всего— гильотина. Когда живые здоровый человек целует Евангелие и через минуту его уже нет, а толпа жадно разглядывает то, что от него осталось... Нет, это хуже войны. Там хотя бы не было зрителей. И этот образ ножа на шее, признаться, преследовал меня всю поездку.

— Мне раньше казалось,— заметил Тютчев,— что Европа и есть это отсеченное от головы туловище.

— А голова— в России?— вдруг насмешливо спросил Лев Николаевич.— О чем вы? Зачем нам Европа? Сперва нам надо внутри жизнь устроить, а вы о Европе!— Граф судорожно отпил вино из бокала, что стоял рядом на столике, но так неловко, что напрочь забрызгал себе грудь.— Господи, вот медведь!— Покраснев, он начал вытирать платком залитую рубашку.

Тютчев сделал вид, что не заметил оплошности гостя.

— Жизнь устроить... Но кто же ее будет устраивать?

— Мы. Мы и устроим,— говорил граф, складывая платок.— Начнем с малого. Устроим жизнь, хотя бы у себя дома, хотя бы в своей деревне, а потом уже— по всей России.

— Неужели устроите?— ревниво спросил Тютчев.

— Устроим. Вот увидите.

— И все-таки я не понимаю,— вступила в разговор Екатерина,— как из всего Парижа можно было заметить одну гильотину? Как хотите, граф, а это ограниченность.— Чувствовалось, что она очень раздражена.

— Извините, Екатерина Федоровна. Я не знал, что вы так любите Париж...

— Я совсем не обижена, нисколько,— отрубил Катя.

Лев Николаевич хотел сказать что-то еще, но не решился.

— Уже поздно. Разрешите откланяться.— Он встал.— Надеюсь увидеть вас в Москве,— и Лев Николаевич приложился к руке Екатерины.

— Непременно, граф,— сухо отвечала Катя.

Лев Николаевич поцеловал руку также Эрнестине Федоровне.

— Смотрите там за Китти,— сказала та.

Граф кивнул...

— А мы ведь с вами так и не перего-
ворили, хоть встречаемся во второй
раз, граф.

— В третий, Федор Иванович.

— Нам надобно очень многое сказать
друг другу,— говорил Тютчев, прово-
жая гостя до парадного.— Мне хочется
знать вас не только как прекрасного
сочинителя, но и как человека.

Лев Николаевич застегивал шубу.

— А знаете, что мне больше всего
понравилось из последних публикаций?

— Что-нибудь господина Некрасова,
о нем сейчас много говорят,—
предположил Тютчев.

— Нет,— и Лев Николаевич прочел
вполголоса:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не оценит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготу твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя...

— Спасибо,— сказал Тютчев, и голос
его дрогнул.— Дай бог, чтоб ваше поко-
ление было удачливее нашего!

И они пожали друг другу руки. Тют-
чев вышел на улицу и стоял на ветру,
проводя Толстого взглядом. Потом
возвратился в дом. Спросил у Кати:

— И долго это будет продолжаться?
Ведь он за тобой приехал из Москвы.

Екатерина Федоровна пожалала
плечами.

— Мне с ним скучно, папа. Мне
кажется, граф— очень недалекий чело-
век!..

И здесь Тютчев захохотал. И так
громко и дико захохотал, что Китти
вздрагнула, Эрнестина Федоровна под-
нялась с места, и пришел всегда невоз-
мутимый Эммануил.

А Тютчев повалился на кушетку.

— Теодор!— с ужасом произнесла
Эрнестина Федоровна.— Ты пьян, как
будто сапожник!

А Федор Иванович схватил вдруг ее
руки, приложил к своему лицу и про-
бормотал, уже не смеясь:

— Единственная, скажи мне, когда
все это кончится? Когда кончится эта
страшная никчемная жизнь?..

На грязной кровати лежал худой че-
ловек в синем колпаке и смотрел вверх.
Потолок был черным, закопченным.
Ниже располагалось мутное зарешечен-
ное окно. Большой перевернулся к не-
ровной стенке и закрыл глаза...

— Чиновник Косицын! Поднимай-
тесь!

Косицын встрепенулся, открыл гла-
за. Перед ним стоял надзиратель и
держал в руках большое зеркало. Уви-
дев собственное изможденное лицо, Ко-
сицын вздрогнул от неожиданности. И
тут же был схвачен кем-то за обе руки.

— Подлецы! Подлецы!..— простонал
он.

Но двое здоровенных парней, заломив
ему руки, усадили на стул как раз
против зеркала. Палата заволновалась,
пришла в движение.

— В рожу захотел?— спросил миро-
любиво надзиратель и тем самым прек-
ратил дальнейшую борьбу.

В палату вошел набриолиненный се-
дой человек и накинул Косицыну по-
верх исподнего белый фартук. Вытащил
лезвие бритвы... Бедный Косицын,
готовый к любым ужасам, зажмурился.
Замерла пораженная палата.

А набриолиненный намазал пеной ще-
ки чиновника и начал осторожно сбри-
вать щетину.

— За что?..— только и пролепетал
Косицын.

Когда с бритьем было покончено,
парикмахер принялся за стрижку. Под-
равнил баки. Опрыснул голову одеколо-
ном. Припудрил синяк под глазом. И
Косицын стал похож на джентльмена.

— Скидайвай исподнее!

— Нет...— пробормотал чиновник,—
только не это!..

— Дурак,— скорбно ответил надзира-
тель.

И здесь в палату внесли свежевыгла-
женный костюм и белоснежную рубаш-
ку...

Федор Иванович не узнал Лже-
Пушкина: короткие, только что под-
стриженные волосы окончательно уби-
ли сходство с великим поэтом, и но-
венький сюртук делал чиновника слиш-
ком официальным по сравнению с тем,

кого встретил Тютчев раньше.

— Это тот человек, которого вы хотели видеть, Федор Иванович?— спросил ректор академии, вводя Косицына в свой кабинет.

— Кажется...— Тютчев сам сомневался и пристально вглядывался в лицо гостя.

— Я протестую,— заявил Косицын.

— А вы не протестуйте, вы располагайтесь.— Ректор почти насильно усадил чиновника в кресло и вышел.

— Не думайте, я пришел не за долгом,— сказал Федор Иванович, когда они остались одни.— Я просто захотел увидеться с вами, а что касается этого мундира,— он обвел рукой свой наряд,— то встреча состоялась только благодаря ему...

— Я протестую, ваше превосходительство,— повторил Косицын, но менее уверенно.

— А я вам фруктов принес,— и Тютчев передал ему смущенно большой пакет.

Чиновник заглянул в него.

— Не стоило беспокоиться... У нас этого всего навалом...

— Неужели и ананасы есть?— не поверил Федор Иванович.

— Угу...— Косицын вынул апельсин и, озираясь на дверь, стал судорожно его чистить.

— Откуда же у вас ананасы?— попытывался Тютчев.

— Из Пассажа... Нас же отпускают.— Косицын жадно глотал одну дольку за другой.— Бывало, накупишь ананасов... Так и сам не съешь. Все сторожу отдашь...

— А я представлял это место совсем другим... А вас, оказываются, балуют...

— Место отличное,— говорил чиновник, начиная второй апельсин.— Я только не понимаю, ваше превосходительство, зачем вам понадобилось это место?

— Я же сказал, что захотел увидеться с вами...

— А разве вы знаете, кто я?— тихо спросил чиновник, и голос его дрогнул.

— Знаю...

— Тс-с!— Косицын приложил палец к губам.— Только никому об этом, ваше превосходительство! Иначе мне— конец! На мне же нет такого мундира, как на вас!..

— А при чем здесь мундир?

— Сами знаете,— значительно про-

шептал чиновник.— Я ведь только до камер-юнкера дошел!..

Зрачки его глаз расширились, он снова выглядел безумным, каким был при первой встрече. Потом будто погас. Снова стал жевать апельсин.

— Так-то вот, ваше превосходительство!— сказал он громко.— Только где мы с вами встречались, не припомню?

— Трактир «Капернаум», весна пятьдесят пятого года, вы еще читали мне стихи...

Здесь Лже-Пушкин в досаде ударил кулаком по столу.

— Я же вас просил— ни слова о стихах!..— прошептал он и опять громко:— Но я все равно не припомню, ваше превосходительство!

— Не помните— и славно...— Тютчев решил больше не напоминать о прошлой встрече.

Лже-Пушкин нахмурил лоб, видно что-то тревожно припоминая.

— Извините, ваше превосходительство, вы в опере не пели?

— Нет,— сказал Тютчев,— я не очень люблю оперу.

— А другом балета вы не были?

— Не терплю балет...

Лже-Пушкин задумался.

— Я что-то устал,— сообщил он.— Я хочу спать.

— Идите,— коротко согласился Федор Иванович.

Лже-Пушкин, насытившись, вытер руки о края пакета.

— А политикой вы не занимались?— спросил он вдруг.

— Занимался,— ответил Тютчев.

И здесь чиновник порывисто схватил его за руку.

— Деньги?! Деньги, да?!

— Да...

— Ни слова больше!— Лже-Пушкин зажмурил глаза и опустил голову.— Я все вспомнил... Хозяин квартиры, в которой я жил, узнал о них... И вот теперь я здесь... Они-то и погубили меня, ваши деньги...

— Это ваш новый рассказ?— не удержался Тютчев.

— Я не пишу больше. А деньги... Деньги можете требовать с хозяина.

— Я пришел сюда не за этим,— стал успокаивать его Федор Иванович.— Я ведь хотел помочь вам...

— Врач, исцелился сам!.. А я ведь прочел тогда все ваши стихотворения!— И Лже-Пушкин возбужденно стал читать:

И, как виденье, внешний мир ушел,
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен, и гол,
Лицом к лицу над пропастью тем-
ной...

На самого себя покинут он,
Упразднен ум и мысль осиротела —
В душе своей, как в бездне погру-
жен,
И нет извне опоры, ни предела...

— Зачем?

— Что «зачем»? — не понял Тютчев.

— Зачем вы травите человека?

— Что вы... Одумайтесь!

— Не надо... Не надо этого описы-
вать... Все это невыносимо, невыноси-
мо...

— Но ведь это правда! — заметил Фе-
дор Иванович.

— Ну и что же? Что же из того, что
правда?! Поэзия должна примирять,
смягчать... А вы травите... Пусть соба-
ки травят...

— И это говорите мне вы? — Тютчев
был не на шутку изумлен. Он уже
разговаривал с ним как с поэтом, а не
как с умалишенным чиновником. — А
как же быть с вашими «пустыми небе-
сами»?

— Господи! — простонал Лже-
Пушкин. — Разве я мог знать, что эти
невинные строчки дадут такие плоды?
Я не придавал им значения... Я не
думал, что творил! А ведь это только
начало... Что будет дальше, ответь-
те! — Почти плача, он взглянул Тютче-
ву в глаза. — Что с человеком-то будет,
Федор Иванович?..

— Маша! Катя!..

Пустой коридор. Лунный свет в
окнах.

Эрнестина Федоровна вздрогнула.
Она стояла на коленях у себя в спаль-
не, собираясь молиться, но от этого
крика встепенулась, поднялась с колен
и в темном коридоре столкнулась в
Федором Ивановичем. Он был в шубе,
без шапки, с расхристанным шарфом.

— Зачем ты так кричишь, Теодор?!

— Где мои дочери? — спросил Тютчев.

— Маша — в Смольном, а Катя уеха-
ла в Москву. Ты ведь знаешь...

— А Эммануил?! Где этот проклятый
Эммануил?!

— Эммануил в театре. Ты сам его
отпустил.

— В театре, — хмыкнул Тютчев, —
театрал. А я — совсем один.

— Я же здесь. А что ты хочешь
сказать?

Федор Иванович замялся, взял себя в
руки:

— А может, нам тоже куда-нибудь
поехать?

— В театр?

— Дальше. Например, к тебе на ро-
дину?..

— Ну что ты, Теодор. Я здесь сов-
сем привыкла!

Федор Иванович с удивлением пос-
мотрел на жену.

— Ты — счастливая, — прошептал
он. — Из министерства иностранных дел
не было письма?

— Не было...

— Тогда помоги мне снять шубу.

Тютчев спал и сквозь сон услышал
встревоженный голос Эрнестины Фе-
доровны:

— Теодор! За тобою пришли,
Теодор!

Тютчев открыл сонные вежды:

— Что за вздор?..

— Это есть из-за твоего письма...
Тебя опять увезут в тюрьму! —
Эрнестина Федоровна выглядела ужас-
но испуганной.

— Господи! Скорее бы все кончи-
лось! — попросил бога Федор Иванович
и окончательно проснулся.

— Камергер Федор Иванович Тют-
чев! — Князь Горчаков выглядел тор-
жественно и грозно. — Некоторое время
назад вы написали мне письмо о цензу-
ре в России. Не изменились ли ваши
взгляды с тех пор?

— Нет, князь.

— Не отказываетесь ли вы от этого
письма?

— Я уже не в том возрасте, когда
отказываются от своих убеждений.

— А впору бы отказаться, —
посоветовал Александр Михайлович. —
Три года назад вас бы за такое письмо
в Сибирь. И честно вам скажу, никто
бы не протестовал. Ведь говоря о цен-
зуре, вы фактически потребовали ее
уничтожения, так?

— Вы очень точно выразили мою
мысль, князь, — сухо подтвердил Тют-
чев. Он был готов ко всему.

— Тогда не кляните судьбу. Озна-
комьтесь с формуляром, — и министр
иностраннных дел вручил Тютчеву лист.

Федор Иванович стал читать.

— Что? Что такое?..— бормотал он в потрясении.

— Драгоценный мой Федор Иванович!—и с лица Горчакова внезапно сошло казенное выражение, он снова стал самим собой.—Помните, как три года назад мы жаловались друг другу на несчастную судьбу? Но теперь пришли другие времена. И мы с вами понадобились России, поздравляю!—Александр Михайлович вышел из-за стола и крепко обнял пораженного Тютчева.

Федор Иванович молчал.

— Если бы не мое покровительство, скажу по чести, ничего бы не вышло,—говорил Горчаков с тенью самодовольства.—Государь был против, чтобы вы заняли место председателя иностранной цензуры, но я настоял!

— Председателя цензуры?..—деревянно спросил Тютчев.

— Комитета иностранной цензуры,—разъяснил князь.—Многие мечтали о такой карьере! А вы, я вижу, недовольны...

Тютчев молча положил формуляр на стол.

— Но я не понимаю причины вашей грусти,—недоумевал Горчаков.—Я чувствую, что ваше отношение изменилось ко мне. Что, скажите, может разделять нас?..

— Хотя бы этот стол,—сказал Федор Иванович.—Я могу идти, князь?

— Идите...

Тютчев вышел из кабинета, сказал сам себе:

— Браво!—и закрыл дверь.

Надзиратель жевал. Он жевал ананасы, которые принес Федор Иванович, заедал их мармеладом, а потом еще жевал апельсинные дольки. Кожуру с апельсинов он тоже жевал.

Чиновник Косицын лежал в темной палате в своем колпаке и зажимал уши, чтобы не слышать через стену это жевание, это чавканье. Старался заснуть, но не получалось.

— Братик, братик...—позвал его голос из гемноты, и чья-то рука дотянулась до его плеча.

Косицын раскрыл глаза. Перед его кроватью на коленях стоял конюх Бархоткин.

— Чего тебе, дурачок?

— Ты что, спишь, что ли?—спросил Бархоткин тревожно.

— Не видишь, что сплю?

— Ну, спи, спи...

Косицын перевернулся к стене, закрыл глаза. Но чавканье надзирателя так и лезло в уши.

— Братик, братик...

— Ну чего тебе, дурак?—воскликнул Косицын, садясь на кровати.

— Поговори со мною,—жалко попросил Бархоткин.—А то страшно что-то. Ночь такая тревожная. Воробьиная ночь.

— Это из-за луны,—сказал Косицын,—но я не могу с тобой говорить, дурачок. Мне спать надо. Мне сказали, что если я не буду спать, я никогда не поправлюсь.

— Да,—согласился Бархоткин,—а вот скажи мне, пожалуйста, ты лошадей любишь?

Косицын пожал плечами.

— А я вот люблю. Каурых, в яблоках, и без яблок люблю. Только не люблю их убивать. А я ведь убивал, приходилось...

— Все дураки любят лошадей,—сказал чиновник.

— Когда я служил у государя конюхом, у меня своя прислуга была. А вот у тебя когда-нибудь своя прислуга была?

— Была. Нянька была. Из крепостных. Все сказки рассказывала. Впрочем, тебе это не понять, дурачок.

— А у меня вот что есть!—похвастался Бархоткин и показал веревку.

— Ну и что?—обидел его равнодушием Косицын.—Я таких много могу достать.

— Только ты меня сейчас не выдавай, хорошо?

— Отстань.

Косицын лег. Закрыл глаза. Потом открыл, потому что Бархоткин, не двигаясь, пристально смотрел на него.

— Ну что ты привязался? Как же я могу спать, когда ты на меня смотришь?

— Вот,—сказал Бархоткин и снял с груди цепочку.

Косицыну показалось, что это он крестик снимает. Но это был не крестик. Это была пуля на цепочке. Косицын рассматривал ее, когда Бархоткин насильно вложил ему цепочку в руки.

— Возьми, братик, на память. Пуля-то царская.—Он поцеловал Косицыну руку и встал с колен.

Косицын зажал в руке цепочку.

— Эй, ты чего задумал?— тревожно спросил он.

— Ты потише, братик,— попросил Бархоткин,— а то разбудишь таких же дурачков, как я...

— Не разбуду,— сказал чиновник.

Лег. Взял одеяло. Натянул его на глаза, чтоб лучше спать.

И комнаты стало не видно.

Темнота. Какой-то шум. Слабый призрачный свет впереди. Как будто мы с болью и отчаянием протискиваемся через узкие створки какой-то воронки.

Свет. Бледные контуры какой-то комнаты. И человеческие руки, принимающие вас... И лишь потом— громкий крик.

В руках у доктора находился новорожденный младенец. Он кричал, громко заявляя о себе.

Уже запеленутого, доктор вынес его из-за ширм и представил бледному и растрепанному Федору Ивановичу:

— Поздравляю вас с сыном!..

...Елена Александровна лежала после родов в постели. Около нее в вазе стояли огненно-красные листья.

— Знаешь, я решила назвать маленького Федором... Тебе нравится это имя?

— Тебе мало одного Федора?— вздохнул Тютчев.— Знай же, что мне это имя очень надоело.— Он поцеловал Лёлину руку, задумался.— А под какой фамилией ты хочешь записать его в метрическую книгу?

— Ты еще ничего не понял?— улыбнулась Денисьева.— Конечно, под фамилией Тютчева. Федор Тютчев, я же тебе сказала...

— Не слишком ли много Федоров Тютчевых?— осведомился Федор Иванович. Встал. Отошел от постели.— Вот что, Лёля... Я, может быть, тебя огорчу... Но мне не хочется, чтобы этот ребенок носил мою фамилию!..

— Почему?— кротко осведомилась Елена Александровна.

— Это трудно объяснить...— Тютчев замялся:— Дело в том, что в ней нет никакого проку... Наследственных прав она все равно не даст...

Денисьева шевельнулась. Как будто хотела встать, но не встала.

— Да и что наследовать? Мои ошибки? Понимаешь, мне стыдно... Стыдно за фамилию неудавшегося человека, после смерти о котором никто и не

вспомнит... Ведь ничего же не останется... Ничего!

— Тебе не этого стыдно!

Тютчев не узнал ее голоса. Он стал каким-то надломленным, разбитым.

— Елена! Как ты могла такое...

Он не закончил и вдруг присел. Потому что в него была запущена бронзовая собака на малахите. Она попала в печку. Отбила здоровенный кусок изразца.

Тютчев безумными глазами посмотрел на этот изъян, а потом перевел глаза на Лёлю. И только тут понял, что с ней— припадок.

Он бросился за водой, хотел напоить ее, но тщетно. Она билась на кровати в истерике. Кашляла. На ее платке он заметил следы крови...

— Ну хорошо!— закричал он.— Пусть будет Федор Тютчев! Пусть! Успокойся, прошу!.. Я люблю тебя! Люблю! Неужели этого мало?!

Лёля не отвечала, уткнувшись лицом в подушку. Она теперь лежала неподвижно, и Тютчеву показалось, что она умерла. Говорить было нечего. Федор Иванович отошел к печке. Стал прилаживать кусок изразца...

— Федя!

Тютчев инстинктивно пригнулся, ожидая новой вспышки. Елена Александровна сидела на кровати. Слезы высохли, и в глазах явно читалось недоумение.

— Федя! Что ты сделал с печкой?

Тютчев не ответил. Он поставил малахитовую собаку на стол.

— Ты мне что-то хотел сказать? Говори, я слушаю.

— Я хотел сказать,— начал Тютчев,— что...— он запнулся,— что все будет хорошо.

— Вот как?— удивилась Лёля и попросила:— Подойди сюда, пожалуйста.

Тютчев с опаской сел на краешек кровати. Он был готов ко всему. А Лёля вдруг цепко обняла его.

— Ведь ты меня боишься, да?— спросила она вдруг.

— Боюсь, Лёля,— прошептал обреченно Федор Иванович.

— Так и надо. Ведь ты— мой. Я тебя и смерти не отдам. Мы умрем в один день, ясно?

— Ясно...— сказал Тютчев.— Я рад...

— И это случится еще не скоро. Как ты говорил... В пятьдесят пятый час пятьдесят пятой недели...

— Да,— соглашается Федор Иванович,— именно тогда.

Так они сидели на кровати, обнимая друг друга. Потерянные, счастливые собственным несчастьем...

Анна Федоровна обняла и крепко поцеловала отца.

— Только вы не утомляйте его, папа, он очень устал...

— У меня впечатление, Анна, что ты заботишься о нем больше, чем о собственном отце,— заметил Федор Иванович.

— Вы—мой отец, а он—отец всего народа,—объяснила дочь, глядя сквозь Тютчева.—Он сейчас у Кагульского обелиска. И да хранит вас бог!

И Анна Федоровна мелко перекрестила Федора Ивановича.

Царскосельский парк тонул в буйных красках наступающей осени. Федор Иванович пошел по тропинке. Оглянувшись. Анна махала ему рукой.

Пошел дождь. Тишина. Птицы уже покинули парк, а те, что остались, молчали. И вдруг в конце дорожки появился он.

Федор Иванович замедлил шаг. Низко поклонился.

— Доброе утро, ваше императорское величество!

— Доброе утро, камергер!—любезно сказал Александр II. В руках у него был небольшой букет из желтых листьев.—Здоровы ли вы? Я давно вас не видел...

— Здоров, ваше императорское величество. Спасибо за вашу заботу.

— Как идет служба в цензурном комитете?

— Я хочу поблагодарить вас за оказанную милость, только...—Тютчев набрался смелости,—только мне иногда кажется, ваше величество, что я совсем не гожусь для этой должности!..

— Полноте, камергер,—просто сказал царь,—именно из таких, как вы, и получают прекрасные председатели цензурных комитетов. Кстати, я недавно натолкнулся на вашу публикацию в «Русской беседе». Как это? «Над этой темной толпой непросвященного народа»?..

— «Непробужденного», ваше величество,—заметил Тютчев.

— Да, да... Но я думаю, что «непросвященного» было бы гораздо лучше, гораздо...

— Позвольте заметить, что...

— Вы любите мертвые листья?—неожиданно прервал его царь.

— Люблю,—ответил Федор Иванович и замкнул уста.

— И я тоже. Они напоминают мне дни безвозвратно ушедшей молодости. Всего хорошего, камергер.

— Всего хорошего, ваше величество! Государь пошел по тропинке. Но вдруг остановился.

— Кстати, камергер! Вы вырастили замечательную дочь!

— Что?!—с ужасом переспросил Тютчев, потому что расстояние уже было порядочное и он не расслышал.

— Замечательную дочь!—прокричал государь, сложив руки трубой.

В кабинет вошел маленький лысый человек с помятым лицом старого клоуна. Остатки волос венчиком обрамляли его круглый череп.

— Господа,—сказал он по-французски,—я прошу потушить все свечи.

Когда в кабинете воцарилась темнота, человек зажег масляную лампу, но притушил ее, чтоб неярко светила. Поставил на стол. Сам сел в середину.

— Кого будем вызывать, господа?

— Можно ли вызвать дух покойного императора Николая?—робко спросила Анна Федоровна Тютчева.

— Можно,—согласился спирт.—Что вы хотите от него услышать?

— Мы хотим, чтоб он показал нам будущее,—сказала старая графиня в открытом платье.

— Будущее России превосходит все наши ожидания,—не без самодовольства заявил князь Горчаков.

— Да, да... Только достойны ли мы этого будущего?—неожиданно осведомился Федор Иванович Тютчев, который тоже находился здесь.—И что может сделать наше правительство для будущего, если мы сами его не достойны, вот в чем вопрос?..

— Прошу положить руки на стол,—сказал спирт.

Он сосредоточился и закрыл глаза.

Тишина. И вдруг—стук в одном углу кабинета, потом—в другом. Оглушительно забили часы над головой.

Остатки волос над головой спирита поднялись дыбом. Стол заскрипел и медленно поднялся на несколько сантиметров вверх. Наклонился под большим углом к полу. Ни лампа, ни карандаш, лежащий на нем, не сдвинулись с места.

Внезапно в воздухе возникла рука, которая ущипнула за обнаженное плечо Анну Федоровну, и та вскрикнула. Юбки старой графини поднялись вверх с легким шелестом. И стул, на котором сидел Горчаков, начал медленно вращаться.

И вдруг Федор Иванович явственно ощутил, как мир вокруг стал гаснуть, растворяться. Уже не было видно ни стола, ни людей, собравшихся здесь, и звуки фисгармонии доносились нестройно, прерываясь...

Тютчев заметил, что и комната, в которой они собрались, начала меняться. Появилось настежь открытое окно. Свет за ним разгорался все ярче, стала видна яркая зелень. У окна стояла кровать, и на ней лежал какой-то дряблый старик. В его изголовье на маленьком столике синел огромный букет сирени.

Федор Иванович увидел фигуру, которая пряталась в тени у печки. Сердце его дрогнуло, он узнал своего спутника. Подошел к нему, спросил шепотом:

— Мы уже пришли, учитель?

— Пришли,— ответил Вергилий.— Как ты находишь это место?

— Еще не знаю. А кто это здесь лежит?— Тютчев указал на старика.

— Это ты через тринадцать лет.

— Ну, может быть, можно что-то сделать?— тревожно спросила поседевшая Эрнестина Федоровна у падчерицы Анны.

— Мама, как вы не понимаете,— говорила располневшая Анна,— цесаревичу очень плохо.— Она даже взяла руки Эрнестины Федоровны в свои.— Ведь у меня же не одна семья. Как я буду жить дальше, если с цесаревичем что-то случится?!

— С твоим отцом уже случилось,— заметила Эрнестина, которая совсем научилась говорить по-русски.

— Ему теперь поможет только один бог...

— Не смей так говорить, Анна! Он еще живет... Посмотри, какие стихи он мне продиктовал!— и Эрнестина Федоровна передала Анне листок.

Все отнял у меня казнящий бог...
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему еще молиться мог,

— прочла Анна.— Хорошо... Но не стоит так о боге...

Вошла в комнату умирающего. Приблизившись к изголовью, стала на колени.

— Как вы себя сегодня чувствуете, отец?

Тютчев закрыл глаза. Потом открыл. Постарелся улыбнуться.

— Иван Сергеевич Аксаков передает вам большой привет!

Тютчев закрыл глаза. Потом опять открыл. Значит, понял. Анна поправила ему подушку, одеяло. Федор Иванович вдруг заволновался, попытался подняться, даже сестра на кровати. Анна понимала, что он хочет ее спросить о чем-то важном. Наклонившись к нему, подставила ухо прямо к его губам. Они шептали что-то совершенно непонятное.

— Какие новости в политике?— предположила Анна, не уверенная в своей правоте.

Тютчев облегченно улыбнулся. Значит, понял.

— Цесаревич заболел. И я должна ехать.

Лицо Федора Ивановича изобразило тревогу. Он опять прикрыл веки, это значило— езжай.

Анна наклонилась и поцеловала его в лоб. Встала. Пошла к двери. Отец, не мигая, смотрел ей вслед.

— Ему сегодня гораздо лучше,— сказала Анна Эрнестине Федоровне.

— Скорее!— торопила священника заплаканная Эрнестина Федоровна.— Я боюсь, что он не успеет...

Священник торопливо вошел в спальню.

Тютчев был похож на куклу. Но глаза его еще жили.

Священник торопливо начал надевать на себя облачение для исповеди, поставил на стол «святые дары»— чашу, хлеб, вино...

Благословил Федора Ивановича.

— Вы будете исповедоваться открыто?..

Тютчев промычал что-то в ответ, и священник понял что исповедь будет «глухая». Прочел первые строчки молитвы:

— Верую, господи, и исповедую!

Сделал паузу, надеясь, что Тютчев сможет повторить эту строчку. Но Федор Иванович молчал.

— ... Яко Ты еси Христос, Сын Бога живаго...

Замолчал. Посмотрел на больного.

Но Федор Иванович не смог сказать ничего о Христе, не слушался язык.

И тогда священник начал читать всю молитву, не дожидаясь, чтобы умирающий, согласно ритуалу, повторил бы ее слова...

Тютчев умирал. Голова его лежала на высоких подушках, он почти полусидел. И лицо светилось каким-то страшным торжеством. Эрнестина Федоровна была с ним до конца. Она, пораженная новым выражением его глаз, пыталась что-то сказать ему, шевелила губами, но он не слышал ее голоса. И вся ее фигура стала призрачной, нереальной. Потому что она была живой и уже не интересовала Тютчева.

Федор Иванович ясно видел сейчас тех, кто ушли до него. Они подходили все ближе и, наконец, склонились над постелью, совершенно заслонив Эрнестину Федоровну. Среди них была его первая жена, Элеонора, спасшая детей во время пожара на корабле «Николай I». Елена Александровна Денисьева с дочерью Еленой... Брат, мать... Их становилось все больше, уже встречались совершенно незнакомые люди из прошлых времен...

И здесь вдруг что-то резко обрушилось и разбилось. Это упал стол, держимый в воздухе то ли духами, то ли мистической силой спирита.

Федор Иванович встрепенулся. Он по-прежнему сидел на спиритическом сеансе, а у ног валялась разбитая лампа.

Все в испуге ожидали, что будет дальше.

И только фисгармония, сбившись, проиграла несколько раз одну и ту же музыкальную фразу из «Боже, царя храни!», да и то быстро смолкла.

Спирит поднял глаза и в упор уставился на Тютчева, который до сих пор не мог прийти в себя от картин, открявшихся ему.

— Пусть он выйдет,— сказал спирит замогильным голосом.— Дух отказывается говорить при нем!

Федор Иванович встал и удалился из кабинета.

Эрнестина Федоровна сидела одна у себя в спальне и читала номер «Русской беседы». Масляная лампа светила тускло, и глаза болели.

Внезапно Эрнестине почудился звонок, шум... Она поднялась, вышла из комнаты и спросила:

— Маша! Это не Теодор Иванович приехал?

— Нет, мама,— сказала Маша,— я уже хочу ложиться спать.

— Спокойной ночи!— Эрнестина Федоровна поцеловала ее в лоб и перекрестила.

Возвратилась к себе. В последнее время она начала читать русские стихи, чтобы в языке была лучшая практика. Вот и теперь она читала публикацию своего мужа двухлетней давности:

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..
Блеснет твой луч и оживет,
И сон разгонит, и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,
Раствление душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет,—
Кто их излечит, кто прикроет?
Ты, риза чистая Христа...

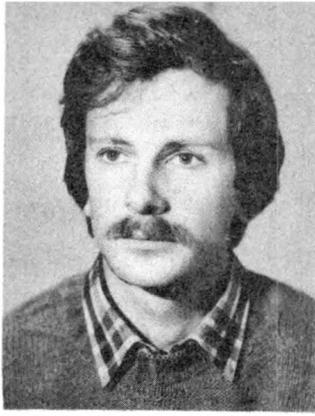
Хотелось спать. Она закрыла журнал, сняла очки...

В углу темнели образа. И Эрнестина Федоровна опустила перед ними на колени для своей вечерней молитвы:

— Господи!— шептала она по-немецки.— Об одном тебя прошу сегодня. Спаси и сохрани этого грешного человека, прости его прегрешения и ошибки. Дай ему многих лет жизни, спокойную смерть и благодарную память в потомстве. И вместе с ним— спаси всех нас и его Родину, Россию, в которой мы имеем счастье жить... Избавь ее от ошибок и сделай счастливыми детей ее...

Она еще долго шептала что-то, уже бессвязное, но искреннее, что шло из глубины души.

Потом перекрестилась, поднялась с колен и пошла спать.

ВЫСШИЙ ДАР

Приход в кино молодого талантливого драматурга — праздник. Приход же молодого талантливого комедиографа — праздник вдвойне, ибо способность найти крохи юмора в наших серьезных трудовых буднях — дар высший. Ведь можно писать серьезные сценарии о героизме, любви, чести, верности, предательстве, можно через драму человеческих отношений создать портрет своего времени, но можно на те же самые процессы взглянуть сквозь смех, и от этого образ времени не только не проиграет, но станет ярче, точнее, пронзительнее и, может быть, драматичнее.

Я помню, как поступал на Высшие сценарные курсы Владимир Вардунас — это было так недавно. Человек шел на отчаянный шаг — имея серьезную профессию, имея за плечами серьезный кусок прожитой жизни — все-таки под тридцать! — он решил начать как бы с нуля: новая профессия, новые интересы, новые проблемы, новые задачи... Человек решил стать кинодраматургом. Шаг действительно отчаянный, ибо случалось (да и случается), что годы учебы еще не есть гарантия, что в жизнь выходит кинодраматург.

Наверно, все поступающие похожи друг на друга — и робость, и зажатость, и странная надежда на то, что тебя поймут, тебе поверят, тебя примут. Поняли, поверили, приняли — и Вардунас с первых же работ дал понять, что в плотных рядах кинодраматургов должно быть для него место. Талант его так своеобразен, манера так оригинальна, что приходится только удивляться — как же обходилось без него наше кино!..

Прекрасный диалог, мгновенно схваченные характеры, тонкий и очень естественный юмор, и, может быть, самое главное в его работах — доброта и сострадание к тем людям, которые так нелепо, так бессмысленно, так жалко живут! Заклеймить позором недостатки — задача вполне достойная. Но ужаснуться этим недостаткам, засмеяться над ними так, что смех болью, криком вылетит из сердца, обнять и пожалеть недостойных людей в недостойной жизни — задача не только архисложная, но и в высшей степени нравственная.

Дар комедиографа — дар высший. И как важно, чтобы человек, наделенный этим даром, не растерял его по бесчисленным редакторским комнатам, не стер на поднимающейся волне популярности, не загнал в темные уголки души страхом и саморедактированием. У Владимира Вардунаса есть главное — талант, все же остальное в его будущей жизни зависит главным образом от него самого. Но если говорить о пожелании, то пожелать можно только одного — мужества и достоинства в постижении непостижимой загадки Ее Величества Комедии.

Виктор Мережко

ВЛАДИМИР ВАРДУНАС

ПРАЗДНИК НЕПТУНА

Поселок Малые Вятки был обычным периферийным поселком. Несколько многоквартирных коробок, двухэтажные деревянные дома, катушечная фабрика и Дом культуры с облупившимися колоннами— вот, пожалуй, и все его достопримечательности.

По верхушкам горбатых сугробов неслась злая декабрьская поэмка. Волком подывал ветер.

К висевшему на веревке белью пошла девушка в платке и огромном тулупе. Она сняла прищепки и, подхватив застывшую простыню, как лист фанеры, поволокла к дому.

— Варя!— Из дверей маленького домика с табличкой «Почта» высунулась женская голова.— Варя! Ты телеграмму в Дом культуры отнесла?!

— Ой, забыла!— отозвалась девушка, оставив простыню.— Сейчас отнесу.

Она занесла белье в дом и тут же появилась с тощей почтовой сумкой на боку. Девушка поплотнее закуталась в платок и, преодолевая сопротивление ветра, медленно побрела, обходя сугробы, по направлению к Дому культуры.

Жизнь в Доме культуры, как и везде в поселке, текла неторопливо и размеренно. В ДК не спеша готовились к Новому году.

В фойе двое пожилых электромонтеров наряжали огромную елку. На втором этаже кто-то брякал на расстроенном фортепиано и тоненько пел, поминутно сбиваясь:

— Спи, моя радость, усни... В небе... Спи, моя радость...

Один из монтеров зевнул.

Девушка-почтальон отряхнула с валенок снег, размотала платок и, пройдя через фойе, постучала в ближайшую дверь. За дверью оказалась мастерская художника.

Молодой усатый парень сидел на корточках перед плакатом «С новым учебным годом» и замазывал красной краской слово «учебным». Движение его руки невольно подчинялось ритму доносящейся песенки.

— Телеграмму примете?

— Это не ко мне,— отозвался па-

рень.— Это к директору.

— А где он?

Художник пожал плечами.

Директор— Василий Петрович Хохлов, невысокий, солидный мужчина с брюшком, лежал в своем кабинете на диване и делал несколько дел одновременно: курил, пил чай и разговаривал с бухгалтером Клавдией Васильевной— женщиной пышной и серьезной.

Клавдия Васильевна сидела на табуретке и ставила директору банки.

— Что бы вам не жениться второй раз, Василий Петрович?— медленно спросила она.

— Понимаете, Клавдия Васильевна... Я уже обжегся один раз,— задумчиво проговорил директор, стряхивая пепел в спортивный кубок-приз.— Сами понимаете, дело это серьезное. Нужно, чтобы семья была настоящая. Крепкая. А не так— видимость одна.

— Вам не дует, Василий Петрович?— ласково спросила Клавдия Васильевна, заботливо прикрывая банки полотенцем.

— Нет, нет, не беспокойтесь.

— Я вас понимаю, Василий Петрович. Конечно, чтобы человека узнать, нужно пуд соли съесть. Сразу и не разберешь— где любовь настоящая, а где так себе— увлечение полов.

— Вот, вот... Я рад, что вы меня понимаете... Спасибо вам за все.

— Что вы, не за что,— зарделась бухгалтер.— Пустяки.

— Нет, действительно, Клавдия Васильевна, я вам очень, очень признателен,— серьезно сказал он.

— Правда?— с надеждой спросила Клавдия Васильевна.

— Честное слово,— он замялся и добавил:— Вы простите меня, пожалуйста.

— Что вы, что вы, Василий Петрович... Это вы меня простите,— смутилась Клавдия Васильевна.

В дверь постучали, и сразу же просунулась голова почтальонши:

— Телеграмму примете?

— Ага, сейчас.

— Клавдия Васильевна, прочитайте, пожалуйста.

Бухгалтер надела очки и стала громко читать вслух:

— «Встречайте пятого шведов праздник Нептуна Иванов».

— Что за чушь?—зашевелился Хохлов.—Они что, с ума там все походили?! Декабрь месяц—какой Нептун?!

— Тут не сказано,—виновато сказала бухгалтер.

Хохлов задумался.

— Клавдия Васильевна, найдите, пожалуйста, план на новый год.

Клавдия Васильевна шагнула к сейфу и вытащила из кипы папок несколько скрепленных листов. Хохлов впился глазами в план и вдруг, забыв про банки, сел на диване.

— Дубова ко мне, срочно!

Клавдия Васильевна заспешила к двери. Хохлов принялся срывать с себя банки. Это было неудобно. Несколько банок так и осталось на спине. Василий Петрович накинул на них рубашку.

В комнату вошел долговязый худрук Дубов. В противоположность Хохлову—тощий и нервный.

— Что случилось, Василий Петрович?

— Это что?—ткнул Хохлов пальцем в план.—Это вы писали?

— Я. А что?

— Ничего. Читайте вслух!

Клавдия Васильевна зашла за спину директора и помогла избавиться от оставшихся банок. Хохлов быстро застегивал рубашку.

Худрук пожал плечами, вытащил очки и стал читать:

— «В текущем году работниками ДК планируется...»

— Дальше,—перебил Хохлов.—Где я показал.

— «Тридцатого декабря силами участников спортивно-оздоровительного клуба «Моржи» будет проведен традиционный праздник «День зимнего Нептуна»,—худрук замолчал.

— Дальше, дальше. Цифры!

— «На сегодняшний день количество участников составляет сто пятьдесят человек...» Что, нужно было больше написать?—не мог понять Дубов.

— Вы же знали, что клуба уже пять лет не существует!!!—вышел из себя Хохлов.—Куда уж больше! Это же половина всего поселка! Откуда такая цифра?!

— Так ведь не проверял же никто никогда, Василий Петрович,—попытался оправдаться Дубов.—Я каж-

дый год это из старого плана переписывал.

— Но ведь там было пятнадцать человек! Пятнадцать!!! Кто вам позволил заниматься самодеятельностью?!—перешел директор на крик.—Кто?!

— Я занимаюсь самодеятельностью уже двадцать лет!—гордо проговорил Дубов дрожащим от обиды голосом.—Двадцать! А потом, вы же сами говорили, что чем больше участников—тем лучше. И план, между прочим, вы подписывали. Могли бы и прочесть,—ехидно заметил он.

Хохлов молча подвинул к себе телефон, сел за стол и плохо гнуцимися пальцами стал набирать номер.

— Кто у нас на ставке руководителя клуба?—спросил он у Клавдии Васильевны.

— Столяр, Василий,—бухгалтер преданно смотрела на директора.

— А кто-нибудь из старых участников сохранился?

— Вряд ли,—буркнул Дубов.—Клуб этот геологи основали. Они и праздник «Зимнего Нептуна» придумали. Уехали все.

— Алё!.. Раечка, зайныка, соедини меня с обкомом профсоюзов... Почему? Связи нет?.. Чинят?.. А когда починят?.. Нет, Раечка, зайныка, мне позарез нужно... Да... Срочно...

Во время паузы Хохлов посмотрел на скованное морозом окно и непроизвольно поежился.

— Алё! Алё! Это обком?!—крикнул он в трубку.—Это Хохлов из Малых Вятков. Соедините меня с товарищем Ивановым!

Сотрудники ждали.

— Алё, это ты, Хохлов?—раздалось из трубки.—Получил телеграмму?

— Да, Юрий Васильевич... Понимаете, в чем...

— Шведы уже выехали. Как ознакомились с планом, так и вцепились. Вынь да положь «Зимнего Нептуна». Они сами все моржи. На конференцию к нам приехали.

— Юрий Васильевич...

— Ты молодец, Хохлов. Самый многочисленный клуб в области! Так что давай, не подводи! На международный уровень выходишь!

— Я!

— Ну, добро! Действуй! Они сначала к Степанову заедут в Стрелково, а потом уже к тебе. Может быть, и я подскочу. Все!

Из трубки полились короткие гудки.
— Все,—обреченно сказал Хохлов.

За окном кабинета была ночь. Выла метель. Над столом горела лампа. Хохлов сидел над картой района и, сосредоточенно сдвинув брови, водил линейкой по витиеватым коленам реки Хомутовки. То тут, то там, он рисовал пунктирные линии, ставил крестики и чертил жирные красные стрелки.

«Че-е-ерный во-о-орон, что ты вьешь-ся...»—несся из динамика голос Жанны Бичевской.

— «Над моею-ю го-о-оловой»,—тихонько подпел Хохлов и пририсовал еще один кружок.

Дверь бесшумно открылась, и в полутемную комнату вошла Клавдия Васильевна со стаканом дымящегося чая.

— Спасибо, Клавдия Васильевна,—разогнулся Хохлов.—Шли бы вы спать.

— Можно, я с вами посижу, Василий Петрович,—попросила бухгалтер, ставя стакан на стол.—Я мешать не буду.

Хохлов шумно отпил из стакана, пожал плечами и улыбнулся. Клавдия Васильевна присела на стул в углу, и теперь стали видны только ее сверкающие глаза. Директор снова склонился над картой.

— «Ты добычи-и-и не добые-е-шь-ся,—снова подпел он динамику.—Че-е-ерный ворон...»

По коридору прогрохотали шаги, и в комнату ввалился весь запорошенный снегом заведующий массовым отделом.

— Ну что, нашли хоть кого-нибудь?—живо вскинулся Хохлов.

— Счас, счас,—залопотал толстяк, растирая замерзшую щеку и стряхивая с шапки снег. Вторая щека у него была перевязана пушистым женским платком.

Хохлов протянул ему стакан с чаем. Толстяк отхлебнул и заговорил:

— Нашел... На озере Студеном,—он снова отхлебнул.—Есть два старца. Зимой, говорят, босиком ходят. Обоим под восемьдесят, а хоть бы хны. В проруби искупаться—это им раз плюнуть. Только не добраться. Все дороги замело. Вездеход нужен.

— Значит, так,—решил Хохлов.—Срочно телеграфируйте туда. Может, своим ходом доберутся. Тут не очень далеко. За сутки успеют... Больше никого не нашли?

Толстяк развел руками. Хохлов с

сожалением посмотрел на его внушительную фигуру:

— Да-а, жалко, что вы так внезапно заболели, Матвей Павлович, жа-алко. Как это вас угораздило?

— Сам не знаю, Василий Петрович, как прихватило вдруг и зубы, и горло. Хоть на стену лезь... Горло, а потом зубы.

— Ну, ну,—многозначительно сказал, Хохлов.—Вам это зачтется, Матвей Павлович.

— Что зачтется?—насторожился толстяк.

— Все,—туманно пояснил директор и снова склонился над картой.—Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Зав массовым отделом вышел за дверь, обреченно вздохнул, снял со щеки платок, сунул в карман и стал спускаться по лестнице.

К утру карта района была сплошь покрыта кружочками, стрелочками и какими-то значками. Василий Петрович разогнулся и допил остатки чая.

— Еще принести?—поднялась со своего поста Клавдия Васильевна.

Директор отрицательно покачал головой и широко раздвинул шторы. В кабинет ворвалось солнце. А вслед за ним в дверь влетел худрук с темными кругами под глазами.

— Вот,—сказал он и протянул Хохлову несколько исписанных листков.—По-моему, хорошо.

Директор по привычке вытащил ручку и уже хотел поставить на листочках свою подпись, но спохватился, сел и серьезно углубился в чтение.

— То, что Нептун выходит с караваном прямо из проруби—это вы хорошо придумали, Дубов.

— Вам тоже понравилось?—зарделся худрук.

— Остроумно. Ну что ж,—сказал Хохлов.—Вы эту кашу заварили, вы и будете Нептуном.

— Почему я?—опешил Дубов.

— А кто? Может, я? Мне делегацию встречать.

— А Гаврилов?—с надеждой спросил худрук.

— Заболел Гаврилов. Так что готовьтесь, репетируйте пока,—похлопал директор Дубова по плечу и стал собирать бумаги на столе.

Прыгая через две ступени, Дубов стремительно спулся по лестнице в подвал. В темноте он налетел на какой-то ящик, чертыхнулся и распахнул низкую дверь с жестяной табличкой «Не влезай—убьет».

В сумрачной глубине подвала, по колено в стружках, работал столяр Василий в тулупе. Он разогнулся над доской, выбрал из рубанка деревянную завитушку и устался на Дубова.

— Василий, ты ведь у нас на ставке руководителя клуба «моржей»,— задыхаясь, начал худрук.

— Ну, я,—хмуро сказал Василий.

— Значит, так. Послезавтра у нас праздник, и ты по сценарию будешь Нептуном.

— Про Нептуна не было уговора,—веско заключил Василий и снова взялся за рубанок.

— Да ты постой, послушай... Да ведь в этом нет ничего страшного,—захлебываясь, заговорил Дубов.

Василий ворвался в кабинет директора в распахнутом тулупе.

— Не было про Нептуна уговора!!!—надсадно прокричал он и припечатал к столу Хохлова листок бумаги с каракулями.

— Это вам Дубов про Нептуна сказал?

— Этот,—кивнул столяр.—В прорубь, говорит, полезешь.

— Идите, Василий Фомич, и работайте,—внятно проговорил Хохлов, разрывая заявление.—Никто вас в прорубь лезть не заставляет, а вот баньку на излучине Хомутовки нужно к завтрашнему дню поставить.

— Это как же?—выпучил глаза Василий.

— Аврал у нас, Василий Фомич,—сказал Хохлов, надевая полушубок.—Аврал.

Он вышел за дверь и быстро зашагал по коридору. Навстречу ему с лестницы скатился вспотевший Дубов. Хохлов косо взглянул на него и заспешил вниз.

— Василий Петрович, у меня жена на сносях,—заглядывая директору в лицо, бежал рядом Дубов.—И дети! Двое! Вы же знаете: Миша и Верочка!

Хохлов молча спустился по лестнице и распахнул дверь на улицу.

— Василий Петрович!!!—в отчаянии крикнул Дубов.—Вы не имеете права!

Хохлов оглянулся.

— Свяжитесь с воинской частью, Дубов,—холодно сказал он.—Может быть, помогут. Мы их не раз выручали. А вообще я вам даю отгул. Можете отдохнуть перед праздником. Трезубец возьмете на скотном дворе. Корону в костюмерной. Все. Я на фабрике.

— Ну, знаешь, Хохлов,—мотнул всклокоченной головой председатель профкома.—Ты меня в свои дела не впутывай. И так работы выше головы. Весь профком в декрете. Я один на всю фабрику.

— А вы представляете, что будет?—многозначительно спросил Хохлов.

— И представлять не хочу.

— А зря, под этим планом и ваша подпись имеется.

Председатель профкома отвернулся к окну и задумался.

Крошечный актовый зал фабрики был забит до отказа. Люди стояли в проходах, сидели на подоконниках, все взгляды были устремлены на сцену.

— Товарищи! Мы собрались здесь, чтобы обсудить важный вопрос. Речь идет о добром имени нашего поселка.—Председатель профкома стоял на сцене, широко расставив ноги, и, разрезая ладонью воздух, с воодушевлением кричал в зал.—Завтра к нам на праздник приезжают зарубежные гости! И от нас зависит, с каким чувством они уедут из малых Вятки! Я обращаюсь к вам, потому что помню, как вы не раз спасали честь нашей фабрики ударным, самоотверженным трудом на благо Родины! От этого мероприятия зависит, что подумают о Малых Вятках за рубежом! Администрация Дома культуры обратилась к нам за помощью! В нас верят!!! Так неужели мы не выступим за честь нашего родного поселка! Мы никого не принуждаем, дело добровольное. Но я прошу подойти к вопросу со всей ответственностью!

Добровольцы в шапках с опущенными «ушами» получали праздничный инвентарь у ворот склада. Они двигались длинной, молчаливой шеренгой, кутались в воротнички пальто, а пожилой, вислоусый рабочий с серьезным лицом выдавал им веники и мочалки. Подходили по одному, без лишних слов получали то, что нужно, и так же молча уходили в сторону.

По глубокому снегу, обходя вековые сосны и ели, ходко бежали на лыжах два старца в коротких полушубках. Бороду одного из них трепал ветер, с седых усов второго свисали сосульки. Лица были сосредоточены.

Трещали от мороза стволы, срывался с веток снег, но лыжники невозмутимо двигались вперед. Шли они налегке, с маленькими заплочными мешками, к которым были привязаны брякающие в такт шагам чайники.

На излучине реки, на краю вдающегося в Хомутовку мыса, за небольшой рощицей, спешно возводилась баня.

Стучали топоры, летели щепки, визжали пилы. Взмокший Василий гаранит за комель отесанное бревно. Горел костер. Клавдия Васильевна что-то комешивала в булькающем котле. Вокруг бревенчатого остова суетились люди. Закладывали паклю, вставляли окно.

— Сводку передают!

Все, кто был вокруг бани, оставили свои рабочие места и бросились к столбу, на котором висел репродуктор. Первым бежал Хохлов с молотком в руке. У столба он остановился и поднял руку. Все замерли.

— В ближайšie три дня сохранится ясная, безоблачная погода,— хрипел динамик.— Температура воздуха двадцать—двадцать пять градусов мороза, по области до минус тридцати.

Сводку дослушали, стали понуро расходиться. Никто не проронил ни слова.

Над поселком взошла луна. Мерцали радужные от мороза огни. Двигались по льду Хомутовки светящиеся точки. В темноте что-то бряцало, скрежетало, ухало, стучало, ворочалось и урчало...

Было морозное, ясное утро. На пологом заснеженном берегу заканчивалось строительство деревянного помоста. Кто-то еще заколачивал гвозди, кто-то пилил, но мокрый от пота Василий в красной рубахе и с огромным топором в руках уже бегал вокруг помоста, стучал по бревнам, проверяя прочность постройки, и с удовольствием оглядывал свою работу.

Из рощи, над мысом, стоймя поднимался дым. Возле черной, зияющей проруби, вырубленной в форме квадрата, был воткнут в снег красочный плакат: «В здоровом теле—здоровый дух!», а на другом берегу Хомутовки, вдоль поляны, протянулся громадный

транспарант: «Добро пожаловать на праздник Нептуна».

Хохлов, глубоко засунув руки в карманы полушубка, прохаживался на бугре, изредка поглядывая на часы и хмурился. Снег в радиусе пяти метров был уже плотно утрамбован его ногами и жалобно взвизгивал под валенками. Чуть в стороне стояла Клавдия Васильевна с караваем в руках и еще три человека. На берегу появлялись первые зрители.

На бугор на большой скорости вылетел «газик», из которого тотчас же выскочил зав массовым отделом с перевязанной щекой.

— Василий Петрович!— крикнул он.— Дубов пропал!

— Как пропал?!— опешил Хохлов.

— Все обыскал. Нет его нигде.

— А «моржи» где?— на ходу спросил директор, быстро направляясь к машине.

— Еще вчера вышли. Вот-вот должны.

— Где же они, черт! Давай к Дубову домой,— сказал Хохлов шоферу, распахивая дверцу.

«Моржи» сидели между сугробами у сосны и пили чай вприкуску. Над костром висел закопченный чайник, лыжи были воткнуты в снег, а на верхушке сугроба гремел на весь лес транзистор. Передавали арии из опер.

Хохлов выскочил из «газика» и быстро пошел к крыльцу бревенчатого дома, в котором жил Дубов. При его приближении занавеска на окне дрогнула, и не успел Хохлов подняться на крыльцо, как дверь в дом отворилась и навстречу ему в облаке пара выдвинулась огромная жена Дубова с засученными по локоть рукавами. Вслед за ней выскользнул черноглазый мальчик в шубке. Жена Дубова оттеснила директора внушительным восьмимесячным животом и, привалившись к двери спиной, молча скрестила на груди руки. Хохлов попятился, несколько секунд смотрел на нее, взвешивая неравные силы, потом отступил, криво усмехнулся и пошел обратно к «газику».

— Еду-у-ут! — пронеслось над толпой.— Еду-у-ут!!!

Стоящие на берегу вытягивали шеи и поворачивали головы туда, где на про-

тивоположном берегу Хомутовки, за дальним поворотом дороги, показался маленький ослепительно красный «Икар».

Этот крик услышал и Хохлов. Он стоял в банном тумане в окружении размалеванных, яростно хлещущихся вениками «чертей» с мочалками на бедрах. Директор уже сжимал в руке трезубец и, поправляя съезжавшую на нос корону, пытался залезть в громадную бочку, которая стояла недалеко от добела раскаленных камней. Там его и застал повторный крик.

— Тихо!—сдавленно крикнул Хохлов, заглушая шлепанье веников.

— Еду-у-у-ут!!!—явственно донеслось из-за стен бани.

Хохлов рванулся к двери, распахнул ее и высунулся наружу.

— Где солдаты?!—закричал он на Гаврилова, который топтался недалеко от дверей.

— С минуту на минуту...—залопотал толстяк.

Хохлов с силой захлопнул дверь, в сердцах сорвал с головы медную корону и шарахнул ею об пол.

— Все,—обреченно сказал он и опустил на скамью.—Опоздали.

И тут откуда-то издалека отчетливо донеслись бухающие звуки марша, сила которых увеличивалась с каждой секундой. Хохлов пружинисто встал и прикинул к окну.

На противоположный берег Хомутовки, с ходу выстраиваясь в безупречное каре, выходил из леса сводный духовой оркестр.

Музыканты все как один были одеты в одинаковые черные трусы и серые валенки, другой одежды не было. Профессионально маршируя, оркестр расположился на поляне перед огромным транспарантом и, продолжая шагать, отчаянно выдувал «Марш энтузиастов».

— Ну, спасибо тебе, Полищук. Век буду помнить,—выговорил Хохлов, вытер лоб и быстро полез в бочку.—Давайте, ребята! Быстрее! Долго они не продержатся!—торопил он «чертей», которые суетились вокруг него с ведрами, наполняя бочку горячей водой из чана.

Когда вода стала доходить Хохлову до груди, бочку подхватили на руки, стремительно выволокли из бани и, бухнув на приготовленные сани, потащили к реке. От «чертей» валил пар, они изо всех сил тянули сани за оглоб-

ли, но все равно двигались убийственно медленно.

— Вывозите, милые! Быстрее!—торопил директор, поеживаясь. В баню уже заскакивала очередная партия добровольцев.

Когда сани выкатились на лед, дело пошло быстрее. «Нептун» с пятнистой от банок спиной расправил бумажную бороду, окунулся в воду и, подбадривая гикающих «чертей», потряс трезубцем.

— Вода течет!—крикнул кто-то, тяжело дыша.

— Что?—Хохлов оглянулся и с ужасом обнаружил, что за бочкой тянется извилистый мокрый след.

Делегация выходила из автобуса. Засидевшиеся туристы разминали ноги, поплотнее запахивали пушистые беличьи шубы, доставали фотоаппараты, с любопытством оглядывались. Один за другим они потянулись к бугру, куда вежливо пригласил их человек в пыжиковой шапке.

С бугра излучина Хомутовки видна была как на ладони. На дальнем берегу маршировал блистающий трубами оркестр, а по заснеженной реке ватага улюлюкающих «чертей» катила на санях расплескивающую бочку, из которой царь морей приветствовал жителей поселка.

Шведы защелкали фотоаппаратами.

Когда бочка была уже недалеко от помоста, оркестр неожиданно смолк, так и не доиграв до конца, музыканты по команде развернулись и, с трудом сохраняя каре, бегом устремились к лесу.

«Черти» кое-как водрузили бочку на помост и тоже бросились обратно. Навстречу им, из-за мыса, уже бежала с криками очередная распаренная смена.

Кроме Хохлова, на помосте стояли Дед-Мороз со Снегурочкой, а также какие-то тепло одетые «звери».

— Приветствую тебя, повелитель морей!—громко провозгласил Дед-Мороз.—Да-а-авненько мы с тобой не виделись!

— Быстрее,—прошипел Хохлов.—Быстрее, чего тянешь?

— «Моржей» еще нет, кто в прорубь полезет?—тихо сказал Дед-Мороз.

— Вода уходит,—прохрипел Хохлов.

— Что?—не понял Дед-Мороз и снова заорал:

Да-а, вижу, не страшна для вас пурга!

Собрались вы на праздник

Нептуна!

Раз даже в стужу вам вода мила!!!

Пускай сегодня правит...

— Дед-Мороз смолк и задумался.

— Нептуна,— подсказал кто-то сзади и хихикнул.

— Царь морей!!!— нашелся Дед-Мороз.

— Что ты городишь?!— застонал Хохлов.

— Хорошие стихи, Василий Петрович, за полчаса не сочинишь,— резонно парировал Дед-Мороз.

Стоящий за помостом Василий с удивлением обнаружил, что в снег тоненькой струйкой откуда-то стекает вода. Он посмотрел на пятнистую спину Хохлова, снова перевел взгляд вниз и почесал затылок.

— Указ!— хрипло прокричал Хохлов и закашлялся. Непослушными пальцами он развернул берестяной свиток и посмотрел вниз— вода в бочке едва доходила ему до колен.

— Я, царь морей! Озер! Рек! Водоёмов!!!— в отчаянии заголосил он срывающимся голосом.— Приказываю!

Старцы безмолвно скользили вдоль обочины дороги. Рядом с ними бежала девушка в распахнутой шубе. Впереди уже виднелись строения поселка.

— Дедушки, миленькие, ну побыстрее,— дрожащим голосом просила она.— Побыстрее, миленькие, тут недалеко уже... Родненькие, поднажмите, пожалуйста... У нас ни одного «моржа» нет! Милые мои... Осраммися на весь мир...

— Считать праздник открытым!— закончил Хохлов и снова закашлялся.

Над собравшимися повисла мучительная пауза. Хохлов сжимал в руке прочитанный свиток и с надеждой смотрел на дорогу.

Люди вертели головами по сторонам, не понимая причины запинки.

— Может, черт с ними?— предложил Дед-Мороз.— Сразу к шествию зверей перейдем?

Замерзшие «звери» зашевелились. Хохлов молчал.

Над толпой вдруг пронесся ропот. Все лица повернулись в сторону мыса.

Иностранцы с двойным энтузиазмом зашелкали фотоаппаратами.

Хохлов повернул седую от инея голову вслед за всеми, и глаза его расширились.

Кротко улыбаясь, к помосту приближалась Клавдия Васильевна в цветастом купальном костюме. Осторожно ступая босыми ногами по белому снегу, она прошла еще несколько шагов, потом все с той же кроткой улыбкой посмотрела на Хохлова и повернула прямо к проруби.

Иностранцы заплодировали. Толпа замерла. Директор судорожно сглотнул.

Клавдия Васильевна подошла к черному отверстию во льду, еще раз посмотрела на Хохлова и, охнув, с зажмуренными глазами шагнула в воду.

Подоспевшие «черти» выхватили бухгалтера из воды и вложили ей в руки ритуальный каравай. Нетвердыми шагами Клавдия Васильевна поднялась на помост и вложила хлеб с солью в негнувшиеся руки Нептуна.

На бухгалтера тут же накинута шуба и оттеснили в задние ряды стоящих на помосте.

Спешивший к бочке Василий с двумя ведрами горячей воды увидел, как обмякшую Клавдию Васильевну неловко спускают с помоста, отставил ведро и, подхватив бухгалтера на руки, понес ее к «газику».

— Что же вы смотрите, мужчины!— крикнула из толпы женщина с грудным ребенком.— Совесть-то у вас есть или нет?!

— А что, мужики!— вдруг выбежал вперед краснощекий мужчина с тонкой жилистой шеей.— Покажем им!— Он сорвал с головы шапку, в сердцах швырнул себе под ноги и лихо скинул полушубок.

Толпа зашумела, задвигалась, загудела.

— Эх, была не была,— отчаянно крикнул кто-то.

К этому времени директор не мог уже пошевелить ни рукой, ни ногой.

— Не-си-те,— еле слышно выдохнул он, потому что говорить тоже уже не мог.

— Что такое? Василий Петрович!— наклонился к нему Дед-Мороз.

— Неси-те,— едва шевельнул Хохлов губами.

Дед-Мороз озабоченно посмотрел на белое лицо директора, заглянул в боч-

ку, охнул и сделал знак «чертям».

Примерзшую бочку с великим трудом оторвали от помоста, поставили на сани и застывшего как истукан Хохлова повлекли вдоль шеренги волнующихся зрителей к мысу.

Хохлов уже ничего не видел, кроме держащегося перед его носом каравая. За его спиной по одному, а то и целыми группами пробегали к проруби раздетые люди.

— Одну минуточку!— Из толпы внезапно выступил человек в пыжиковой шапке. «Черти» узнали начальство и остановились.— Ну, ты молодец, Хохлов,— хлопнул Иванов Нептуна по плечу.— Такого, честно говоря, даже я не ожидал, не говорю уже об иностранцах. Все в восторге!.. Вот не думал, что ты тоже «морж».

Хохлов, не мигая, смотрел прямо перед собой.

К заву массовым отделом, который, подчиняясь массовому порыву, сдернул со щеки платок и тоже было начал расстегивать пальто, подлетел краснолицый мужчина в трусах.

— Проруби давай!— заорал он гневно.— Не хватает!!!

— Проруби давай!— подхватило еще несколько голосов.

Толстяк запахнул пальто и побежал к помосту:

— Василий?! Где Василий?! Где топоры?!

У Деда-Мороза в глазах стояли слезы.

— Люди-то наши... Люди...— шептал он.

— Давай,— скомандовала Снегурочка.

От группы «зверей» отделился «заяц» с ушами, завязанными, как на шапке ушанке. Он прыгнул с помоста, вытащил из ящика ракетницу и, отвернувшись, выстрелил вверх.

Тотчас же из ближайшей рощицы на другом берегу ударил залп фейерверка.

— Ура-а-а!!!— прокатилось над Хомутовкой.

Туристы молча смотрели с бугра на разворачивающееся перед ними действие. Никто уже не фотографировал.

Обнаженные люди с яростным ликованием махали топорами. Брызгала в

стороны разноцветная от фейерверка ледовая крошка.

Слышались выкрики...

Кто-то пел...

«Моржей» на льду Хомутовки все прибавлялось. Толпа в единомысленном порыве рубила полыньи.

Погода портилась. Подул ветер. Запуржило.

Иностранцы плотнее запахивались в шубы. Кто похлопывал рукавицами, кто притоптывал, кто отворачивался от ветра. Один из гостей замотался шарфом так, что были видны только одни глаза.

За спинами шведов появился «Икарус». Туристы заспешили к раскрывшимся дверям, где стоял человек в сдвинутой на затылок пыжиковой шапке. Они быстро поднимались по ступеням, стремясь скрыться от пурги в теплом салоне.

Сейчас они напоминали пленных французов 1812 года.

На бугор карабкался зав массовым отделом Гаврилов. На самой вершине он неожиданно наткнулся на двух неподвижных лыжников. Старцы тяжело дышали и с изумлением смотрели вниз. Снежную пелену освещали ракеты.

— А где шведы?!— выкрикнул толстяк.

Лыжники не ответили.

«Икарус» с гостями был уже далеко.

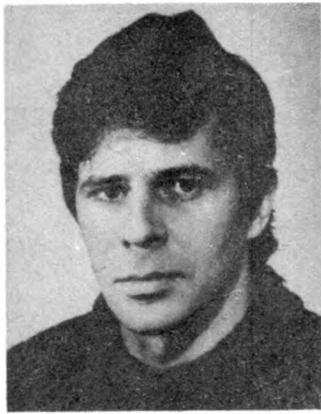
— Эх, жалко!— с досадой махнул рукой Гаврилов.— Народ только разошелся.

— Уехали?— подбежал сзади Василий.— Может, это... остановить?— кивнул он в сторону реки.

— Это уже не остановишь,— ответил зав массовым отделом.

В полутемном уютном салоне автобуса ехали скандинавские «моржи». Никто не разговаривал, не шутил, не смеялся... Лица были задумчивы и серьезны. Иванов украдкой поглядывал на подавленных гостей, прятал довольную улыбку в воротник пальто...

Снежная пелена за окнами время от времени окрашивалась разноцветными огнями фейерверка.

ЖИВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛЬНОСТИ

Активное отношение к жизни, желание разобраться в непростых проблемах сегодняшнего бытия— вот, по-моему, отличительные черты молодого ленинградского сценариста Андрея Зинчука. Его дипломный сценарий «...быть хорошо одетым и не иметь долгов», успешно защищенный на заочном отделении сценарного факультета ВГИК, это подтверждает. Он написан рукой человека равнодушного, призывающего нас всех внимательно взглянуть в «трудных», задуматься над причинами, их порождающими, увидеть в мире подростков отражение проблем взрослых. Появлению этого документального сценария предшествовало длительное и подробное изучение материала. На этот раз за скучными словами «изучение материала» скрываются долгие и трудные часы разговоров с подростками, совместные обсуждения их проблем, походы в дискотеки, беседы с педагогами и мастерами ПТУ, работниками детских комнат милиции и, наконец, с психологами лаборатории, возглавляемой Александром Файном—энтузиастом, ученым, которому удалось основать психологическую службу в рамках не только одного из ПТУ, но и города. Дело новое, сложное, оно еще только начинается, приобретает опыт, преодолевает собственные противоречия, а порой и ошибки. Но его суть, его основной принцип—желание и умение разглядеть в каждом трудном подростке его личностные качества, изучить их, помочь прорасти хорошим задаткам (а для этого найти для каждого свой педагогический подход), дать квалифицированную рекомендацию педагогам, мастерам, да и иным родителям— вот на что замахнулась лаборатория Александра Файна. Эту ее новаторскую суть точно и верно оценил Андрей Зинчук и раскрыл в своем сценарии.

Несколько слов о биографии автора. По первому образованию он «технар»—работал электриком, потом инженером. Начал писать пьесы, участвуя в самодеятельном молодежном театре-клубе «Суббота». Две его пьесы «Песнь о Сампо» и «Вперед, Котенок!» поставлены в кукольных театрах. Обе они родились в мастерской молодых драматургов при Ленинградском ВТО, руководимой И. М. Дворецким. Андрей Зинчук увлечен и прозой, пишет научно-фантастические повести.

С 1974 года Андрей Зинчук работает в семинаре молодых кинематографистов при Ленинградском отделении СК СССР. Здесь совместно с В. Тереховым им написан сценарий для киностудии «Ленфильм» по мотивам повести С. Токарева «После славы».

Публикуемая работа—свидетельство того, что А. Зинчук не случайный человек в сценарном деле. Материал, проблемы, стилистика, в которой он пишет, близки той школе кино, которую многие сегодня называют ленинградской.

Фрижетта Гукасян

АНДРЕЙ ЗИНЧУК

... БЫТЬ ХОРОШО ОДЕТЫМ И НЕ ИМЕТЬ ДОЛГОВ

На улице можно увидеть сцену: родители тащат за руку ребенка и через его голову обмениваются словами и выражениями, из которых в звуковом кино вряд ли можно воспроизвести больше трех: «колбаса», «сейчас же домой» и «зарплата».

И внутренний мир маленького человечка, смотрящего вокруг широко открытыми глазами, продолжает складываться самым удивительным образом: тут и таинственная бесконечность улицы, и жестокая месть отцу за недавнюю ссору с матерью, и непонятным образом приплетенный сюда кусок кинофильма, в котором он — ребенок — главное действующее лицо, и всевозможные предметы, выхваченные из окружающего мира и сгруппированные воедино по нелепому признаку — например, по цвету...

Тропинка, протоптанная множеством ног через пустырь, ведет к небольшому водоему, где по берегам торчат рыжие метелки камышей. Бросается в глаза серый цвет милицейской шинели, красный околышек фуражки.

Сотрудник ГУВД:

— В начале зимы тысяча девятьсот восемьдесят шестого года на этом месте было совершено убийство, которое потрясло город... Шиян ударил идущего впереди него Мишу Федотова молотком по затылку. Тот обернулся, упал на тропинку. Еще несколько ударов молотком... После этого Шиян взял в руки лопату...

Трое четырнадцатилетних подростков подготовили, а один из них осуществил убийство одноклассника. С интервалом в две недели в газете «Ленинградская правда» появились статьи: «Частное определение» и «Пропал человек...»

Сотрудник ГУВД продолжает:

— Шияна, Семенова и Мишу Федотова многие в четыреста девяносто четвертой школе Выборгского района считали друзьями. Они были одноклассниками и соседями по дому. Более того, с

Шияном, своим убийцей, Миша сидел за одной партой.

Вещи, конфискованные милицией у одноклассников Шияна.

— Шиян и Семенов воровали. Записывались в спортивные секции и тащили из раздевалок часы, сумки, джинсы, обувь. И продавали в школе. Миша Федотов, как и многие из его одноклассников, знал о воровстве. Знал, но молчал. Однако именно воровство стало причиной разлада с Шияном и Семеновым. «Я убью его» — однажды в разговоре с Семеновым сказал Шиян. И стал готовиться к убийству.

Фотография Миши Федотова.

— Сообщниками был разработан план, намечено время и место. Семенов посоветовал Шияну: когда ударишь первый раз, надень ему на голову полиэтиленовый мешок и бей по нему, чтобы не запачкаться...

Тропинка ведет дальше, и сотрудник ГУВД показывает место возле пруда, где загодя была вырыта могила для живого еще Миши.

Из дела. Фотография Шияна на суде и фонограмма:

— С какой целью совершили убийство Федотова, что хотели достичь этим для себя?

— Я считал, что без него будет лучше.

Из дела. Заключение судебно-психиатрической экспертизы о вменяемости Шияна и Семенова: «...психическими заболеваниями не страдают... следует считать вменяемыми... могут отдавать отчет своим действиям и руководить ими...»

Фотография класса.

Когда следствие было закончено, а дело передано в суд, одноклассники Шияна написали туда письмо: «...мы требуем для Шияна высшей меры наказания». «Вы действительно хотите его смерти?» — спросил корреспондент «Ленинградской правды». Они ответили: «Да, мы считаем, что без него будет лучше».

Из дела. Заключение психологиче-

ской экспертизы: «Шиян и Семенов — лживые, злопамятные, способные легко предать товарищей».

На пустырях, обычно возле общежитий, в садиках, как только начинает пригревать первое весеннее солнце, собираются стаи подростков — иногда человек до ста. Можно увидеть, как без дела толкуются они на месте, дерутся, выясняя одним им понятные отношения. В садиках, как рой, облепляют скамейки, курят, слушают магнитофон, задирают прохожих. Иногда без видимых причин срываются с места и уходят. Летом — купаться, во всякое другое время — искать приключений. Методы воздействия на таких подростков давно известны: несколько милицейских машин подруливают к месту скопления, и слышится из репродукторов: «Разойдись! Больше трех не собираться!» Если к этому времени подростки что-то уже успели натворить, из машин выскакивают милиционеры и, как зайцев, начинают гонять ребят по пустырю. Ловят поодиночке и парами и, бунтующих, запикивают в машины...

Пока милиция применяет к подросткам испытанные методы воздействия, дело Шияна комментирует заведующий общественной лабораторией психолого-педагогических проблем при ПТУ-22 Александр Файн, симпатичный человек лет тридцати трех:

— Типичная ситуация: в отношении ребят в классе никто не вмешивался. Педагогов как будто не было рядом. Современная же наука позволяет определить уровень деградации личности. Педагоги могли и обязаны были это увидеть. Кроме того, если бы в школе, хотя бы раз в полгода, проводили, например, социометрию, рассмотрели динамику межличностных отношений, стало бы очевидным, что налицо формирование комплекса: отношения преступника и его жертвы. Вспомним, такая психологическая экспертиза была проведена следствием. Но, к сожалению, поздно.

Утром в вестибюле ПТУ-22 собирается толпа подростков, похожая чем-то на ту, что была на пустыре. Толкотня, разговоры, свои дела. Звенит звонок к началу занятий, и толпа рассасывается по этажам.

Файн:

— Профилактическая социометрия помогла бы разобраться в авторитетах, и педагог смог бы расставить силы в классе таким образом, чтобы будущие «суперы» не чувствовали себя безнаказанно.

Фотография следствия, на которой Шиян показывает место преступления. Пристегнутый наручниками к сотруднику милиции, он улыбается, он позирует перед фотоаппаратом!

Файн:

— Подросток — натура в высшей степени эмоциональная и подвижная. Он и утвердиться хочет, и в то же время боится последствий. В школе он герой, а дома с мамой — мальчик, требующий защиты и ласки. У нас в училище иной такой — «волк», а у себя в уличной компании он никто, «шестерка».

Небольшая комната с табличкой на дверях: «Приемная комиссия». Четыре стола, книжный шкаф, заставленный учебниками, папками.

М. И. Поляков, заместитель директора ПТУ-22:

— Идея создания психологической службы в школе обсуждается уже давно. Мысль о создании такой службы в нашем училище пришла в ходе работы по профилактике правонарушений. Ее цель — выявление неблагополучных ребят, в большой степени подверженных влиянию улицы. Лаборатория — группа энтузиастов, работающих на общественных началах. Нина Калининская и Татьяна Таранова закончили психологический факультет университета и работают воспитателями общежития. Александр Файн — мастер производственного обучения. Лаборатория для всех троих — работа сверхурочная, неоплачиваемая...

В приоткрытую дверь частенько заглядывают любопытные лица. Эти подростки только что как угорелые носились по коридорам, шумели, курили в туалетах и под лестницами...

Нина Калининская, девушка лет 22:

— Сегодняшние подростки не похожи на своих сверстников семидесятых годов. Психологическая защита у них не такая сильная. Кроме того, они очень одиноки... Часто через семью у них формируется неверие, неприятие наших взрослых законов...

Физкультурный зал, шеренга подростков.

Глядя на лица подростков, поневоле с сомнением относишься к словам психолога: не очень верится в одиночество этих ребят, изоляцию...

Однако внутренний мир подростка более сложен, чем мир ребенка. Там часто царит весна, и есть широкая улица без прохожих, и светящийся локон любимой девушки, и глаза лидера, за которого он в огонь и в воду, и опасность, тащаясь в каждой подворотне. Все тут перемешано, на первый взгляд, запутано. Рядом могут соседствовать приглянувшийся в магазине «танкер»* и поездка в Петродворец, так же поразившая воображение. Искаженное гневом лицо учителя и механическое: «Разойдись! Больше трех не собираться!» — целый лес фантастических представлений и видений, и Маугли-подросток — в нем...

И в стае этих поступивших в училище маугли нужно тщательно разобраться, понять их взаимоотношения и взаимовлияния и, разобравшись, постараться переформировать стаю, превратить ее в общество, в новый культурный мир, поступив так, как издавна поступает человек, превращая первобытные жилища — в дома, а дома — в поселки.

О процессе формирования коллектива учащихся ПТУ-22, о перестройке их стихийно сложившихся отношений, их внутреннего мира, о педагогах и психологах — этот фильм.

Файн достанет из шкафа несколько папок и раскроет одну из них...

КОЛЯ**

В коридорах училища можно встретить невысокого шустрого паренька лет шестнадцати, одетого в бесшумную куртку с молниями. Серьезный, внимательный взгляд. При разговоре с ним обязательно обратит на себя внимание одна деталь: парень все время находится в движении, что-то теревит в руках.

Коля Фетисов поступил в училище с отсрочкой судебного приговора, с плохой характеристикой из школы. Мать Коли очень переживала за сына. Осо-

бенно ее беспокоило, что в прошлом он уже совершил преступление. Отца у Коли, как и у большинства правонарушителей, нет.

Файн:

— Коля — типичный правонарушитель. Образец педагогической запущенности. В школе его не знали, пытались давить, подходов не искали. В училище его мастер не понимал, отчего парень начинает бунтовать, отчего так остро реагирует на любые замечания. Способ же реагирования давно известен — хамство. Отношения с мастером осложнились. Работая с Колей две недели, мы удержали его в группе, отношения с мастером несколько нормализовались. Правда, иногда происходят столкновения с преподавателями, которые не хотят принимать во внимание его не совсем обычный характер. Если ему не помочь, остается вероятность срыва...

В коридоре на переменах Коля частенько бывает душой общества: что-то рассказывает, куда-то мчится, окруженный компанией ребят. Голос Файна за кадром:

— Это теперь. А тогда, когда отношения его с мастером Брюквинным обострились до чрезвычайности, он стал грубить уже не только ему, но и другим преподавателям, бросил занятия. Поэтому в тот период мы, психологи, обратились за помощью к мастеру. Тот дал резко отрицательную характеристику и предложил принять решительные меры, вплоть до перевода парня в другое училище, где, кстати, нет психологической службы, но зато наверняка есть такой же мастер, а следовательно, возможность конфликта с ним и вероятность ухода из училища. Куда? На улицу...

На улице таких праздношатающихся подростков много: идут куда глаза глядят, в поисках интересного. Иногда нарочито громко смеются, чтобы привлечь к себе внимание... Рано или поздно все они собираются в садике, один из которых мы уже видели в начале фильма; там можно встретить и Сергея Шарова, одного из бывших приятелей Коли. Крашеного, небрежно одетого.

Сергей:

— С Колей мы познакомились в драке за год до училища. Были злые на Карповку, пошли с ними драться. Наш район на садике распределяется: Матвеевский, Карповка... Ребята и говорят:

* Куртка (жарг.)

** Здесь и далее имена и фамилии подростков, отдельные элементы их биографий изменены по этическим соображениям.

там Карповка чего-то хочет, возбужает... Пошли разбираться. Там и познакомились. Они на улицах грабили, я знаю... А потом Коля пришел в училище. В училище уже так не хулиганил. Сначала у него с мастером было как будто неважно, потом все нормально стало... Файн помог. Теперь все хорошо...

Изображения Коли и мастера Брюквина лучше показать врозь, поскольку до сих пор у них сохранились напряженные отношения.

Действительно, парня вызывали, и не один раз, в лабораторию. Выяснили, что с ним можно обойтись без нотаций. Именно этого не учел мастер Брюквин и работал с ним по своей отлаженной «педагогической» системе, чем доводил парня до крайнего возбуждения, до того, что тот уже ничего не воспринимал. Дальше — больше. И наступил момент, когда парень пришел в училище с «установкой»: мастера не принимать.

Все педагоги отметят возбудимость Коли, его крайнюю подвижность на уроках. Можно увидеть, как на уроке иногда он мешает всей группе.

Роман Иванов и Коля Фетисов в лаборатории.

Коля:

— Я шел как соучастник грабежа: сумку у женщины вырвали. Я только убежал, вырвал Слепнев. Из моей школы в училище много ребят...

Роман:

— У меня в школе в шестом классе была комиссия: воровство.

Коля:

— Мне дядя сказал: если бы ты банк ограбил, я бы тобой гордился... С Брюквиным мы не поладили, мне он не понравился. Я потом с Файном говорил. Он посоветовал перетерпеть все это, и я стал больше молчать. Но все равно с Брюквиным невозможно... До училища занимался боксом. На улицах гуляли, собирались. Пердек — есть такой садик, Тринадцатый есть, Солдатский. Мы — матвеевские, лахтинские и Двенадцатый — собирались, ходили... разбирались с Тринадцатым и Пердеком. Было нас человек сорок, пятьдесят... может, больше. И их столько же. Милиция не вмешивалась, не видела. Даже если два милиционера идут, они отворачиваются и не видят...

В работе с Колей психологи использовали ряд специальных методик. Выяснили: сам по себе довольно коррек-

тный Коля бывает очень резок. А традиционно все педагоги излишне подвижную реакцию воспринимают как выпад в свой адрес. Своих проблем Коля не понимал. Не понимал, из-за чего конфликт. Психологи написали психолого-педагогическую характеристику и рекомендации по работе с Колей: формы работы, их особенности, специфику индивидуальных занятий, перечень внеклассных мероприятий, в которых Коля мог бы участвовать. Но главное — нужно было перестать «пилить» парня. Однако быть готовым к тому, что на следующий день придется все начать сначала. К примеру, просишь его: «Не жуй семечки!» — «Я уже не жую!», а сам, не замечая того, продолжает дожевывать. Пришлось объяснить педагогам, что если Коля отвлекается на уроке, «переключился» на короткое время, — это не вызов, это его особенность.

Некоторые особенности психики подростков являются педагогической тайной. И мы говорим о них лишь потому, чтобы понять сложность работы психологов.

После перемены мастер Брюквин Николай Григорьевич едва ли не силой загоняет ребят в мастерскую. За кадром его голос:

— О судимости Коли я не знал. Все учащиеся для нас одинаковы. Я на характеристики не смотрю, уже на второй день видно, кто из них пришел учиться, а кто валять дурака; один старается, а другой — меня мама сюда привела! Как они привыкли в школе, так и здесь: хотят быть лидерами, а мы их постепенно ставим на место. Все должны учиться, все должны трудиться.

Утренняя линейка, на которой подростки стоят причесанные, опрятные. Через несколько минут после окончания линейки они будут выглядеть иначе... Куда только что девается! А голос Брюквина продолжает за кадром:

— Разгильдяи никого не привыкли слушать еще в школе. Наша задача — убеждать их, и наш труд приводит, в конце концов, к тому, что через год-два все выравнивается. В противном случае, через комиссию по делам несовершеннолетних приходится отправлять подростков в места заключения...

Фотографии отчисленных из группы Николая Григорьевича ребят. Среди

них могла оказаться и Колина...

Брюквин:

— Из мест заключения пишут мне: большое спасибо, что вы меня учили-учили, но я сам виноват... Коля в училище удержится только в том случае, если его не собьют дружки. Роман Иванов регулярно его сбивает—они опаздывают с перемен, курят, грызут семечки, могут принести на занятия магнитофон. Коля Фетисов—тот старается. Иванов—нет, у него пустая голова...

А в лаборатории в этот момент продолжается работа с Колей и Романом.

Файн:

— У Захарова специфическое видение мира.

Роман:

— Он «валет».*

Файн:

— У Захарова, в отличие от тебя, отсутствует чувство сопереживания. Тебе, Коля, можно объяснить. Тебе, Роман, можно. А Захарову—нет. Он не может поставить себя на место другого человека. Вы, ребята, могли бы на него повлиять, но вам лень. Парень под угрозой отчисления.

Зрители, сидящие в кинотеатре, незаметно для себя переживают за вымышленного героя, волнуются вместе с ним, смеются, плачут...

У Васи Захарова сопереживание, или эмпатия, ослаблено. Поэтому Вася может позволить себе оскорбить, обидеть, унижить человека. Случай с Васей Захаровым—один из самых сложных. Но и с ним нужно работать.

Мать читает ребенку сказку—и мы видим огромные глаза ребенка и поражаемся этой странной, для чего-то данной человеку способности к сочувствию, сопереживанию, состраданию... Не так ли с детских лет воспитывается сочувствие? Где, когда, кто недодал чего-то важного Васе?

Роман:

— Что мы можем сделать? С нами он не будет разговаривать.

Файн:

— Я могу добиться, чтобы он вел себя нормально в семье, с матерью. Но чтобы с каждым человеком—не могу. Вы должны на него повлиять, помочь мне. Кто для него авторитет в училище?

Коля:

— Никто. Сам по себе.

Файн:

— А для вас?

Роман:

— Никого. Мы как вдвоем ходили, так и ходим.

Коля:

— Мне лично все равно, что он делает: плохое или хорошее. Так же и ему.

Файн:

— А вот Иванову не все равно. А если он говорит, что ему все равно, он врет. И я это знаю. Начнем с того, что будем теперь общаться втроем с Захаровым. Будем работать. Иначе Захаров замучает мастера...

Коля:

— Не замучает! Брюквин сам кого угодно замучает! Я два дня назад был у него, чуть не помешался с ним! Ужас какой-то! Он привык с глухими.* Все работают, а он свет погасил и кричит: сюда, сюда! Мы, как кролики, на свет... Или, к примеру, к одному подошел и в ухо как свистнет! Или еще... Кто-то сделает неправильно, так он всех зовет, всех! Понимаешь ты, не понимаешь—он все равно объясняет. Его не переговоришь никак!

Брюквин Николай Григорьевич:

— Все ребята одинаковы, все они хорошие. Фетисов... не собирался уходить из группы, стычек не было. Это ученые мужи со стороны только наблюдают и думают, что это стычки. А это работа. Изменения в детях—естественная вещь, это не заслуга какой-то лаборатории... Тем более, что первые рекомендации лаборатория дала месяца через четыре после начала занятий. Я уже тогда все сам знал: индивидуальная работа, особые задания. Фетисов бы из училища все равно не ушел, он пришел сюда с судимостью, и ему нельзя по-другому...

Фотографии моментов горячего спора Коли и Файна за столом в лаборатории. Эти споры вспыхивают тут ежедневно. Ведь на самом деле Коля каждый день перед занятиями шел в лабораторию, где психологи отрабатывали с ним формы поведения с мастером. Коле были объяснены особенности характера мастера, мастеру—характер Коли. Бóльший успех был достигнут в работе с парнем—он оказался сообразитель-

* Сумасшедший (жарг.)

* В училище есть группа подростков с ослабленным слухом.

ным. После занятий Коля снова шел в лабораторию работать над своим характером.

Файн:

— Когда Коля задумал уходить из училища, с ним собрались уходить еще человек восемь. Из них трое действительно ушли. А Коля, который фактически спровоцировал этот уход, остался...

Фотографии ребят по порядку, как перечисляет их Файн:

— Захаров, Иванов, Гарев — это была компания Коли. Все состояли на учете в детской комнате милиции. В этой компании был Саша Слепнев — второкурсник, самый неблагополучный. Это он вырвал у женщины сумочку в том самом деле, по которому свидетелем проходил Фетисов. Наша работа с ребятами дала результаты, и они сами отошли от Слепнева. Со Слепневым мы занимались отдельно...

Фотографии ребят разлетаются и вновь собираются вместе, но уже без фотографии Слепнева.

Параллельно с занятиями искали для Коли дело, где бы он мог проявить себя. Это было очень важно, так как на улице Коля был лидером и вокруг него группировалась большая компания ребят.

Захаров, Иванов, Гарев, Фетисов встретились случайно, случайно нашли друг друга. Общались, в основном, на улице: шатались, считая, что гулянье — дело, толкались в подъездах, били лампы, жгли почтовые ящики, дрались, воровали газеты.

Психологи начали работать с этой четверкой. В присутствии всех четверых разбирали недостатки каждого.

Выяснилось и еще одно обстоятельство: из-за того, что Коля долгое время находился в школе в изоляции, он оказался не способен на длительную привязанность. Его тянуло к экстравагантным формам поведения, ему нужны были сильные ощущения, чтобы было кругом ярко, красочно, дружно... Если идти в поход, то в дальний... Карнавал, маскарад — вот чего он страстно жаждал!

Дворец культуры, где можно встретить Колю и Романа.

Коля:

— Сейчас хожу на «брейк». Вот у нас пять вечеров в неделю, считайте, заняты...

Роман:

— Я тоже сначала ругался с педагогами, не хотел ничего делать. Уходил с уроков. Потом мне стало дома неинтересно. Я стал ходить на занятия.

Коля:

— После училища хочу в холодильный техникум идти. Вася Захаров там учился. Это у Московских ворот...

Это не у Московских ворот, а на улице Гастелло. Точный адрес еще предстоит выяснить Александру Файну и отвести туда Колю за руку, если к тому времени Коля не поймет, что и у педагогов должно быть личное время...

А в лаборатории продолжается работа:

Коля:

— Александр Павлович, брейк-данс уже съезжает. В «Сарае»* уже давно отошел. Были проводы брейка недавно... Сжигали кассеты. Последний день оттанцевали по-всякому, и все. И сейчас пока никто не танцует, будут теперь другого ждать...

Файн:

— Парни, я вас уверяю, брейк еще долго будет жить. Заключение так: на неделе я вас прихвачу, будем втроем работать — Захаров и вы двое. На вас есть жалобы... Если на первом курсе мы с вами все это не отработаем, до третьего нам не дойти. Сами тихо выясним...

Общий портрет группы, в которой учится Коля.

Запросы у пятнадцатилетних нехитрые — они хотят общаться со сверстниками, с противоположным полом, хотят зарабатывать и по-своему усмотрению тратить деньги, жаждут самостоятельности и уважения.

Общий портрет родителей на родительском собрании группы.

Взрослые в подавляющем большинстве случаев хотят прямо противоположного. Следовательно, по любому из перечисленных выше пунктов может возникнуть конфликт. И тогда начнется драма...

Фотографии типичных конфликтов в училище: педагог — учащийся, учащийся — родитель, учащийся — учащийся.

Резко упадет успеваемость подростка, он войдет в конфронтацию с родителями, педагогами, найдет себе компанию, «которая его понимает», а

* Один из Домов культуры (жарг.)

то и вовсе уйдет из дома. А это уже трагедия...

ИРА

Ира Немчина живет за городом.

Однажды к ней приехали две подружки и трое незнакомых молодых людей. Родственница одной из девушек, побывавшая в доме Иры, застала «веселую компанию» и вызвала милицию. Выяснилось, что одному из молодых людей 21 год, он только вернулся из заключения. Двое других тунеядствуют. Обе подружки на учете в детской комнате милиции. «Притон», по мнению милиции, существовал два дня. До этого случая Ира вела себя в училище тихо, но работала только под строгим надзором — иначе будет сидеть и ничего не делать. Отца у нее нет, мать в момент инцидента находилась в больнице. Теперь Иру могут поставить на учет в детской комнате милиции.

Фотография Иры.

Иру Немчину, пожалуй, отнести к трудновоспитуемым нельзя. Внимание психологов она привлекла лишь теперь, после инцидента с милицией.

В лаборатории появляется Ира — обыкновенная девушка пятнадцати лет. Между ней и Ниной Калининской, психологом, происходит разговор, который интересно привести в подробностях как пример, ибо с этого обычно и начинается большая работа.

— Расскажи мне немножко о себе, — просит Нина. — Чем ты увлекаешься, что любишь?

— Люблю музыку...

— Какую? Современную?

— Вообще.

— Вообще всю?

— Ну да.

— Ты немножко разбираешься в ней?

Или только пластинки крутишь?

— Разбираюсь я в современной.

— Света тебе подруга?

— Подруга, мы с ней учимся.

— А чем она увлекается?

— Спортом.

— И сейчас?

— Сейчас вообще-то собирается бросить.

— Я бы хотела еще поговорить о недавних событиях... То, что завертелось, рсхлебывать еще долго и тебе, и мастеру... Ты сама как к этому относишься?

— Ничего хорошего.

— Это твое обычное времяпрепровождение?

— Да нет. Такое вообще-то в первый раз.

— Понравилось?

— Нет. Тем более... ну, это самое... с уголовниками...

— А ты разве не видела, не понимала, что это за молодые люди?

— Нет. Я не знала, кто они. Нормальные, обыкновенные... Обращение у них вполне даже приличное.

— Ведь один из них недавно вышел. Наверняка, наколки на руках...

— Нет, наколок я не видела.

— А кто тебя с ними познакомил?

— Света с Машей. Они где-то с ними познакомились и приехали ко мне домой.

— А как ты считаешь, мама все узнает... Ей плохо не будет?

— У мамы просто, понимаете, инфаркт будет.

— А ты что же, совсем о ней не думала?

— Почему не думала? Ну, получилось так...

— Но у вас же там было не очень... безобидно. Собрались, посидели, разошлись... Милиция назвала это «притон». Название нравится? Пятнадцать лет тебе, да? Начиная в пятнадцать лет, можно даже очень определенную карьеру сделать. Включая колонию и все эти дела, откуда выйти очень сложно...

— Я думаю, что не будет никаких колоний.

— Ты плохо это себе представляешь. Если один раз тебе понравилось...

— Ну почему мне понравилось?

— Ты так спокойно об этом говоришь!

— Как спокойно? Я уже... не знаю!..

— Я понимаю, если напиться так, что отключается всякое сознание... А вы были трезвые. Почти. Так что если тебе не нравилось, как же можно заниматься тем, что не нравится, подряд сутками? В следующий раз это может кончиться хуже. В этот раз вы дома сидели. А если бы они вас потащили с собой... Или попросили постоять где-нибудь на углу... а они бы в это время ларек «толкнули». Да ты потом устала бы доказывать, что ты не при чем...

Этот разговор может закончиться наблюдением на одном из вокзалов, где иногда молодые люди сомнительного

вида знакомятся с девушками.

Нина Калининская:

— Цель подобной беседы — немного активизировать Иру. Не в смысле получения каких-то ответов. Если она не думала о своем поведении, то я их и не получу. А я и так вижу: не очень-то думала. В следующий раз я использую методики...

В лаборатории опять Нина и Ира. Обе склонились над столом, где лежат цветные карточки.

Нина:

— Из этих цветных карточек выложи мне, пожалуйста, маму. Так, как ты ее чувствуешь. А потом то состояние, в котором ты обычно находишься дома...

Цветные карточки, которые раскладывает на столе Ира, помогают раскрыть ее сложный, часто противоречивый мир переживаний...

Нина (комментирует за кадром):

— В уравновешенном состоянии человек выкладывает цвета в определенном порядке. Возбужденный или подавленный человек делает это иначе. Можно предположить, что у Иры не все в порядке в отношениях с мамой. То же самое можно сказать и о ее самочувствии...

И внутренний мир Иры, в котором до случая с милицией царил безраздельная весна, почернел, потемнел, в нем пошел мелкий нудный дождь, полиняли краски, и широкая улица, пустынная, прекрасная, вдруг наполнилась толпами. И все кричат, давятся, толкаются, лезут...

Психолого-педагогическая характеристика показала, что скрыто за обычно «бесцветным» поведением Иры в училище.

Чувствительная, наблюдательная, нерешительная и тревожная. Склонная к сомнениям. В поведении это выражено неявно, поскольку Ира знает об этих чертах и маскирует их.

Плохо переносит ответственность. Без склонности к алкоголю, к побегам из дома, эксцессам, протестам.

Самооценка занижена, неуверенность в себе отрицает. Способность отвечать за поступки отстает от ее возрастного уровня.

Не хочет видеть в себе причину своих неприятностей.

С матерью отношения конфликтные. В чем именно состоит конфликт — еще придется выяснить. Восприятие матери негативное. Это

важный факт в понимании психики Иры, поскольку мать — самый близкий для нее человек, отца у нее нет.

С близкой подругой Светой отношения натянутые, нет эмоционального контакта.

Теперь, вызвав мастера Иры, Нина напишет и выдаст ему рекомендации по работе с девушкой, которые так же, как и особенности ее психики, должны остаться в тайне. И с этого дня педагогам и мастерам училища предстоит большая работа по «коррекции» Ириной личности.

Работа с Ирой только-только начинается, что же касается Коли, то здесь она идет уже полным ходом. Зная особенности их поведения, можно с известной вероятностью предсказать, что с ними может случиться, и это, в свою очередь, использовать в фильме.

ДВЕ ТАНИ

Таня Пономаренко:

— Что делать с трудными? Раньше нужно было думать. А теперь их нужно чем-то увлечь, чтобы было интересно, устроить в кружок, например. Таких, которым ничто не поможет, у нас в училище нет. Всем можно помочь...

Таня Пономаренко в школе училась средне. В училище побывала заранее, так как ей посоветовала мама, которая сама закончила ПТУ-22. Сейчас Тане 16 лет. После училища она хочет пойти в техникум.

Возле училища Таню иногда встречает ее парень, и они вместе идут домой. Однако замуж она не торопится. Но хочет, чтобы ее жизнь оказалась такой же, как и у ее родителей, — у них дружная семья, хорошие отношения.

Фотография Тани Голубь.

С Таней Голубь психологи еще не работали. Но уже в начале года стало понятно: Тане учиться будет нелегко, что и подтвердилось в дальнейшем. Поначалу пропуски занятий были кратковременными, а нарушения дисциплины мелкими. Теперь все изменилось...

Ей 15 лет, она сирота. Есть тетя-опекушка. Отношения с ней тяжелые.

Таня сообразительна и очень контактна. Все время старается продемонстрировать перед всеми свою независимость. Если она чувствует слабину в людях, а она это чувствует довольно быстро, тут же ее реализует. Училище выбрала случайно. В школе ее профес-

сиональной ориентацией никто не занимался.

Мастер Крылов Павел Федорович:

— Таня учится на контролера ОТК. Как заинтересовать ее такой профессией? Она не из тех девочек, которые бы с удовольствием занимались этой работой. Тем более, что мы не можем ориентировать ее на высокую зарплату—контролер получает немного. И тем не менее, педагог, мастер обязаны находить хорошие стороны в любой профессии и ориентировать подростка на производственную отдачу, а не только на материальный интерес.

В настоящий момент Таню Голубь можно встретить в магазине, где работает одна из ее старших подруг, которая, в обход законов, позволяет Тане выйти за прилавок в качестве продавщицы...

Работа с Таней предстоит большая, и вестись она будет по двум направлениям. Во-первых, нужно решить, оставлять ее в училище или перевести в другое. И второе: что делать с ее досугом—ведь постоянное пребывание Тани в сомнительных компаниях, конфликты с тетей могут самым неприятным образом отразиться на ее судьбе. На этот счет уже есть идея: отвести Таню в театр-клуб «Суббота», где бы она реализовала свое желание быть на виду.

Давно-давно никто меня не слышит,
Давно никто не говорит со мной,
Лишь только дождик по железной крыше,
Лишь только дождик, дождик проходной...

Вот уже семь лет этой песенкой открывает «Суббота» свой спектакль «Круг».

На сцене—маски: Маня Ошибкина, Пуфик Гениальный, автобус «Икарус», собака Пифа...

Зал, декорации и костюмы ребята сделали сами. У «Субботы» большой опыт вовлечения трудных ребят и работы с ними. Например, Дима... Тот, что встречает зрителей гитарой. Год назад Дима был грозой окраин одного из районов Ленинграда. Быстро выучившись игре на гитаре, Дима влился в актерский ансамбль театра. Теперь он проводит здесь все свободное время: репетиции, подготовка к спектаклю, клубная работа.

В спектакле «Субботы» бывает заня-

то до 30 подростков. И сюда, в этот коллектив, может быть, придет Таня Голубь. Руководитель театра Ю. А. Смирнов-Несвицкий выделил для ПТУ-22 три места—для наиболее трудных ребят.

Дожди слезами улицу залили,
Блестит асфальт, как черное стекло.

Однажды ночью мы поговорили—
С тех пор воды немало утекло.

Как встретят Таню ребята? Как она себя поведет? Понравится ли ей тут настолько, что она решит остаться? Тогда она вместе с масками (а может быть, и в маске, например, Мани Ошибкиной) будет выбегать на сцену...

Выходит так, что мы сегодня квиты:

Я одинок, скучать тебе одной.

Пойду пройду по улице умытой
Один квартал, как дождик проходной...

И внутренний мир подростка начинает преображаться: сквозь нависшие тучи пробивается луч света... Еще хмуро и пасмурно, но уже видно, что где-то за облаками есть солнце...

Директора ПТУ-22 Виктора Васильевича Богданова, который до этого времени мелькал в коридорах училища, решая неотложные вопросы, мы наконец застанем в кабинете. Виктор Васильевич—бывший спортсмен. Энергичный, волевой человек.

Совет старост, который собирается в его кабинете каждую субботу, ставит перед руководством училища ряд проблем: о дисциплине, о связях с производством, о мероприятиях для училища. Через совет старост директор внедряет в училище зачатки самоуправления. И появляются у директора новые хлопоты. А есть еще старые—например, аэроклуб...

Богданов:

— Аэроклуб помог бы нам решить множество вопросов, и прежде всего—вопрос о дисциплине, о занятости ребят. Если подросток ничем не увлечен, если у него нет устойчивого занятия—он под угрозой...

Однажды директор уже «пробил» территорию под аэроклуб: исполком отдал под него один из искусственных островов-фортвов в Финском заливе,

насыпанных еще Петром I для обороны Петербурга. На форте сохранились некоторые постройки, пристань. Однако в связи со строительством дамбы форт пришлось отдать городу.

Болтающихся без дела по училищу ребят множество. Было бы интересно собрать их и отвезти, скажем, на аэродром ДОСААФ, где бы они потрогали самолеты своими руками. А Богданов между тем рассказал:

— Решил я создать авиационно-технический клуб: строить малую авиацию. Идея интересная. Министерство авиационной промышленности поддержало нас. Директор одного совхоза сказал мне, что платит за опыление полей огромные деньги, а вот если направить бы к нам в училище пять-шесть пацанов, которые уже освоили трактор,— пусть учатся. И пусть возвращаются с правами летчика малой авиации— высота полетов небольшая. Ребята, сказал мне мой директор, да я вас озолочу! Топлива достаточно, так что работу сделают и будут у меня миллионы экономии! Но никто не хочет на себя взять ответственность за клуб, за штатные единицы. А ведь сейчас на одном голом энтузиазме далеко не уедешь...

ЗАЧЕМ ОН НУЖЕН?

В лаборатории трое подростков: Сергей Шаров— тот, который познакомился с Фетисовым в драке,— и его друзья по микрорайону: Глеб и Андрей. Все трое крашенные. Перебивая друг друга, рассказывают:

— Однажды гуляли-гуляли, попить захотелось, случайно залезли в ларек «Пепси-кола», забрали три ящика. Было нас двадцать человек. Все ребята прошли огонь и воду, на учете в детской комнате милиции с шестого класса. Пили, гуляли, дома не ночевали. В квартиру залезли, тоже случайно. Взяли все, что можно. Но теперь осознали. Некоторые из наших друзей еще не осознали— играют в азартные игры с государством: залезть куда-нибудь, чего-нибудь украсть. Когда выходят из тюрьмы, говорят, что им очень понравилось, но что все-таки лучше гулять...

Сергей:

— Я дачу взял. В Токсово. Условно дали год.

Поселок Токсово, дача, которую год назад «взял» Сергей.

— ...была зима, февраль. Был я с друзьями, пять человек. Поехали погулять в Токсово. Видим— дача стоит большая. Мы говорим: удобно, к лесу стоит, никого. Темнело. Вошли. Вначале путались— было много комнат. Начали шарить по шкафам. Смотрю— цветной телевизор. Ну, думаю, большой, не унести. Один парень взял джинсы, другой кроссовки. Там большая вилла была... Поели. Там такой подвал, так мы консервы вытащили. Один выпил— бутылку водки взяли с собой. Чайку попили— там газ был. Ничего не ломали, только шкафы, так как были заперты. Один парень люстру снял. Дома вещи спрятали в подвал. Некоторые пропили, продали часы настольные, джинсы. Мать ничего не знала, так как домой вещей не носил.

Школа ДОСААФ Петроградского района.

— ...еще взяли школу ДОСААФ этой же компанией на улице Братьев Васильевых. Зачем-то залезли, не знаю... Унесли какую-то аппаратуру. Но я там не был... Я брал школу художников!

Художественная школа Петроградского района.

— ...ребята говорят: пошли. Я говорю: куда? Ну пошли! Там все отлично! Фомкой— дверь... Зашли, начали опять шарить. Нашли ящик коньяка, выпили не весь, половину. Было нас пять человек. Взяли кроссовки, печатную машинку, счетную машинку. Тоже спрятали в подвал, стали продавать...

Глеб:

— Мы пили чачу. Дома. Мне мать говорит, чтобы я лучше дома пил, а не на улице, чтобы ничего такого не сделал. Пошли гулять. Видим, двое дяденек дерутся у «Пушкаря», человек десять смотрят. Ну, друг разнял их. Ему из кучи кто-то крикнул: ты что, мол, давно не получал? А он такой заводной, спросил: ты крикнул?— Ну, я.— Ну тогда получи!— И ударил его— хватило. И никто не полез. Я ему: ты что, дурак, да нас тут оставят! Мы развернулись и пошли. Там милиции не бывает, там она не останавливается. Там люди собираются очень крутые...

Андрей:

— С Романом Ивановым тачку брали. Он говорит: вон там «Ява», новье, пойдем возьмем. Ну, значит, пошли с ним. Дождались ночи. Подошли, на нейтраль ее, сняли с подножки и покатили. По Большому милиция ехала.

развернулась. Мы в арку, тачку кинули... Если бы не кинули, теперь бы катался на ней. Сдал бы на права. Матери бы сказал, что купил. Угнанный мотоцикл ищут три месяца. Номера можно перебить. Сто пятьдесят рублей выложил—новые документы, и кататься!

Сергей:

— Отец? Зачем он нужен? Без отца человеком, что ли, не станешь?

Можно взять короткие интервью у всех пострадавших: у хозяина дачи, у директоров ограбленных школ, у владельца едва не угнанной «Явы», у нескольких избитых мужчин. Ответ на вопрос, какие меры воздействия следует применять к трудновоспитуемым подросткам, может потрясти своей простотой, ибо многие из них скажут: их нужно расстреливать!

Садик, один из тех, где собираются подростки Петроградской стороны. Человек до полусотни, а то и больше, целая стая.

Тут можно увидеть свою жизнь: пэтэушный «волк» превращается в «шестерку» — сбегать в магазин за вином, закуской, посмотреть афишу кинотеатра, купить билеты... Здесь быстро выясняется, кто главный, и поэтому царит в садике строгая иерархия. В случае чего здесь сводят счеты.

Собравшись в садике, подростки идут куда-нибудь по своим делам. Чаще всего просто болтаются по улицам.

И счастье, если ничего страшного с ними не случится в этот вечер, если не познакомятся они сегодня поближе с компанией «крутых» людей у пивного бара «Пушкарь».

Часто подростки, сами того не сознавая, копируют взрослых, от которых на словах так страстно стараются отмежеваться. И одеться стараются так же, и жаждут такого же уважения и признания... И игры их так похожи на жизнь взрослых, на их мир, где до сих пор существует безумие: обман, несправедливость, насилие, разврат, преломившиеся в душах подростков в драки, хулиганство, пьянство, бродяжничество, неоправданно жестокие поступки. Ведь подростки живут не в вакууме!

Соблазны подстерегают их на каждом шагу.

Они видят ларек «Табак». Видят аптеку. Ларек «Пепси-кола». Отдел электроники универсама.

И если оградить их от всего того, что им по праву не принадлежит, значит, что-то нужно дать взамен!

Хотя бы спорт.

Кстати сказать, свои лекции о спорте директор ПТУ-22 Виктор Васильевич Богданов начинает с наглядной агитации: пробивает рукой лист фанеры...

Глеб продолжает разговор:

— Занятие выбрать трудно, трудно куда-нибудь записаться. Особенно туда, чем хочешь заниматься. Взять мотоспорт, автоспорт... Туда не попасть. Городской Дворец пионеров смотрит характеристику, а там у нас про все... мастер напишет! Пошли мы в секцию горнолыжного спорта... Говорят: все покупайте сами и приходите. А одни ботинки стоят двести рублей да лыжи рублей двести... Опять же везде стоит вопрос: милиция, состоишь на учете. И помещения не дают. Вон у нас подростковый клуб «Спутник» — полтора года закрыт, и хоть бы что!

Постояв у одной из витрин, подростки продолжают свой бесцельный поход по улице.

Беда не в том, что многие педагоги плохо владеют основами своей профессии, а в том, что даже очень хороший педагог не в состоянии оградить подростка от влияния улицы: очень часто она предлагает вещи куда более привлекательные, чем те, которые может дать училище. Улица — это риск, смена впечатлений, компания понимающих людей, опасность... Дело для настоящих мужчин. А в училище педагоги говорят правильные, но очень скучные вещи: нужно учиться, нужно трудиться. А зачем? Из-за лишней десятки? И еще у педагогов есть любимое словечко — «нельзя». А на улице, наоборот, все можно...

«...быть хорошо одетым и не иметь долгов» — даже это примитивное, но в чем-то трогательное своей наивностью определение счастья, данное одним из подростков и вынесенное в название фильма, после сегодняшнего вечера может оказаться недоступным для кого-то из этих ребят, уходящих сейчас на вечный свой промысел — поиски интересного. Для кого-то из всех этих коллек, сережек, романов, васек и генок...

Подростки уходят и растворяются в уличной толпе.

Файн:

— Они очень одиноки! Они одиноки, потому что не находят понимания ни у

родителей, ни у педагогов. Причин тому много... Но часто и мы, взрослые, оказываемся не на высоте. А ведь за три года мы должны дать ребятам специальность и отправить их на работу...

Разбор одного из учащихся ПТУ на комиссии по делам несовершеннолетних. Строгие судьи, перепуганный, но старающийся держаться независимо подсудимый...

Дать человеку специальность! Как много, оказывается, скрывается за этой фразой... А если он не хочет? Если вообще не приходит в училище? Если уже понял, что в нашем обществе все равно с ним будут возиться? Если для его родителей комиссия по делам несовершеннолетних единственное место на земле, куда они, родители, приходят трезвыми?

ПОПЫТКИ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Дворец культуры, полупустой актывый зал. Да и те, кто тут сидит,— учащиеся нескольких ПТУ, для которых организован этот вечер,— стараются его покинуть. Но не тут-то было! При выходе из зала стоят педагоги и загоняют их обратно в зал, где на сцене сидит лектор и проводит скучнейшую беседу о международном положении. В зале шум. Несмотря на то, что по залу ходит педагог и осаживает ребят: «Сейчас я тебя выведу!», шум не стихает. Иной такой нарушитель спокойствия и сам готов ударить куда глаза глядят, но пока страшится угрозы публичного наказания.

После невыносимо скучной, даже по меркам взрослых людей, лекции—серенькие актерские миниатюры, явно рассчитанные на непритязательную пэ-тэушную публику.

Наконец мучения заканчиваются, и подростки дружно выкатываются из зала на танцплощадку.

Затемненная танцплощадка. Первое, что бросается в глаза, это яркие наряды подростков, одетых куда более привлекательно, чем только что виденные ими актеры. Есть тут и привычная для дискотеки группа «стебков»*, в стороне от основной массы танцующих.

* Слово «стебаться» не имеет точного значения, это нечто среднее между «издеваться» и «подсмеиваться». Это и ирония, и самоирония, и все что хочешь.

Группа «стебков», явно стараясь эпатировать окружающих, совершает странные движения—резкие, жутковатые, напоминающие быстрые и кажущиеся бессмысленными движения роботов. На лицах—маска непроницаемости, даже, пожалуй, идиотизма. Обращает на себя внимание тот факт, что в компании нет девушек. Это—типично мужская группа.

А в основной массе танцующих можно разглядеть старых знакомых: Фетисова, Иванова, одну Таню из двух (Голубь не придет, у нее своя компания), Сергея, Андрея, Глеба... Сегодня они собрались здесь, а не в печально известном «Сарае» (жаргонное название одного из Домов культуры, где, если верить слухам, могут снять хорошие вещи и даже вырвать из ушей сережки).

В одном из загородных клубов можно понаблюдать за проводками брейка, о которых рассказывал Коля,— если уж это где-то началось, то теперь, как чума, помчится по всем дискотекам города: подростки вываливаются из помещений на улицу и жгут на костре кассеты и бобины с пленкой...

Почему же все многообразие форм активного проведения досуга молодежи на деле все чаще сводится к одной лишь дискотеке? Неужели шумный, многоликий, многоязыкий двадцатый век не сможет заговорить с подростком на понятном ему современном языке?

Но в Домах культуры висят при входе скучные и, наверное, мало кем читаемые объявления о наборе в хорошей кружок, в кружок бального танца, в шахматный, баяна и аккордеона и так далее.

Шахматы и аккордеон—это совсем не плохо, но интересно было бы выяснить, многие ли подростки посещают эти занятия. А ведь круг активных увлечений, доступных взрослому человеку, сразу и не охватить взглядом—тут горные и водные лыжи, и виндсерфинг, и дельтопланеризм, и подводное плавание, и конный спорт, и альпинизм, и многое, многое другое, часто яркое и экзотическое, то есть именно то, на что особенно падки подростки...

В слесарной мастерской мастер Крылов Павел Федорович в перерыве между занятиями:

— У нас тридцать рабочих мест. Ребята проводят в мастерской по шесть часов в день, проходят слесарную прак-

тику. Вначале учатся на простых операциях: токарям, к примеру, нужны подкладки под резцы — мы их размечаем и делаем из листового материала, стараясь с самого начала ориентировать ребят на изготовление продукции для реального использования ее в мастерской. Если дать учащемуся только тренировочные работы, то через пару месяцев желая работать у него не будет. Заставить работать можно, но вкус к работе уйдет, что, безусловно, отразится на качестве.

Звонит звонок к началу занятий, из коридора заходят ребята, и сразу же мастерская наполняется шумом: смехом, скрежетом металла, ударами молотков...

Директор Богданов (за кадром):

— Есть идея провести в училище День самоуправления. Подготовка к нему займет не один день и не одну неделю. Необходимо психологически подготовить сотрудников, педагогов... Вначале желательно провести такой День на одном кшрсе.

Несколько широких панорам и проездов по коридорам училища, по кабинетам, классам, мастерским. Видно, с каким трудом справляются мастера и педагоги со своими подопечными, пытаются поддерживать в училище элементарный порядок. Директор между тем продолжает:

— В период подготовки необходимо будет выявить тех ребят, которые смогут заменить мастера в группе. Один проведет урок производственного обучения, другой будет осуществлять контроль за посещаемостью, режимом. Сначала это будет всего один день. А потом так: курс живет без мастера два-три дня. Ребята сами приходят на завтрак, на обед, сами оформляют талоны на питание, накрывают столы, то есть их никто не контролирует. В эти дни они полностью самостоятельны...

За время работы над сценарием нам удалось придумать и несколько новых форм психологического воздействия на учащихся. Например, собрать фотографии ребят, которые были отчислены из училища, и описание их «подвигов» в один альбом, туда же подшить письма, которые шлют в училище бывшие ученики из мест заключения.

Второй формой может стать обряд «прощания» с отчисляемыми из училища. Своего рода гражданская казнь, когда при общем собрании бывшему

учащемуся возвращается его личное дело и уничтожается его билет учащегося...

Мастер Брюквин:

— Работа лаборатории нужна... Но если бы она дала сведения о группе заранее, это было бы безусловной помощью. Я бы уже не тратил время на их изучение в течение первых недель. Потом, в течение года, в лабораторию я бы обращаться не стал. Я сам знаю, что нужно делать. Если бы в лаборатории работали люди опытные, все испытанные, можно было бы прислушаться. А книжных знаний мало. Фетисов может вдруг вскочить и убежать из мастерской по-прежнему, хотя время прошло и он учится, работает лучше. Иванов по-прежнему не учится, грубит, ходит по мастерской: нет берета, нет халата...

Изображения мастера Брюквина и учащихся училища лучше дать врозь, так как борьба продолжается: на экране Брюквин что-то говорит без звука застывшему в стоп-кадре подростку.

Слышит ли подросток мастера? Вряд ли. Часто оказывается, что к словам он попросту безразличен...

На экране возникают слова:

«ТУПОЕ БЕЗРАЗЛИЧИЕ БЫЛО ПРОДУКТОМ ДЛИТЕЛЬНОГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И В ИЗВЕСТНОЙ МЕРЕ ДОКАЗЫВАЕТ ВЕЛИКОЕ МОГУЩЕСТВО ПЕДАГОГИКИ». А. МАКАРЕНКО. «ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА».

Живые лица девушек-подростков в мастерской во время занятий. Все вместе и каждое в отдельности. Камера как будто ищет что-то в них... Голос за кадром читает:

— «Самый симпатичный Александр Павлович! Уже три месяца я не решаюсь вам сказать...»

— «Александр Павлович! Вы для меня тот самый идеал мужчины...»

— «Александр П.! Я вас люблю и не могу без вас жить! Зина С.»

Александр Павловичу Файну, психологу, заведующему лабораторией, наверное, как и многим учителям в школе, пишут девушки любовные записки... Иногда даже назначают свидания... На которые почему-то не принято ходить. Может быть, зря? Если тебе подросток признается в любви, значит, ты чем-то ее заслужил? И, наверное, стоит что-то сказать ему, как-то ответить на это чувство, чтобы поддержать

его веру в умных, добрых, тактичных взрослых людей?

Может быть, однажды мы и застанем Александра Павловича где-нибудь на месте назначенного свидания с одной из этих смышленных, симпатичных девушек, ради которых и затеяна работа по формированию личности?..

Файн Александр Павлович. 1954 года рождения. Инженер-связист. С институтской скамьи занимается вопросами педагогики. Был общественным инструктором комитета ВЛКСМ института. Организатор клуба досуга. Два года исполнял обязанности общественного директора дискотеки при ДК им. Ленсовета. Шесть лет работы в ПТУ-22 в качестве мастера производственного обучения. Им организована в училище психологическая служба. В настоящий момент заканчивает психологический факультет ЛГУ им. А. А. Жданова.

Пройдет время. Полгода, год. И возле училища к началу занятий соберется толпа подростков. Они будут гоняться друг за другом, шептаться, чем-то обмениваться, устраивать свои дела. Но прозвонит звонок к началу занятий, и подростки ворвутся в училище... Чтобы как смерч летать с этажа на этаж, из кабинета в кабинет, из коридора в коридор...

И хочется верить, что День самоуправления, о котором мечтает директор училища, будет проведен. И ребята сами придут на уроки, сдадут рапортичку, проведут линейку, политинформацию. Они будут весь этот день жить сами, без взрослых. Роли расписаны уже сегодня: если Колю Фетисова оставить в этот день рядовым, он будет неуправляемым. Значит, нужно дать ему «должность», рискнуть. Например, назначить ответственным за режим. И именно потому, что он сам не всегда в ладу со временем. Роману Иванову можно поручить подготовку к производству. На теории его не задейству-

ешь — тут он пока слабоват и может не справиться. Такая ситуация, по мнению директора, может нанести ему психологическую травму. А вот инструмент он может подготовить, это ему по силам. Для Тани Голубь, Иры Немчиной, Сергея Шарова задание нужно еще найти...

Звенит звонок к началу занятий, и толпа подростков начинает вливаться в двери училища.

В Ленинграде и области более двухсот ПТУ со средним числом учащихся около семисот. Это целый город! И чтобы для большинства из них сбылось хотя бы одно из самых примитивных определений счастья: «... быть хорошо одетым и не иметь долгов», с каждым из них нужно научиться работать индивидуально.

Стоп-кадр: раскрытые двери и уже не стоя, а некий первоначальный коллектив подростков в вестибюле училища.

И снова на экране — слова:

«...Я ПРИШЕЛ К ТЕЗИСУ, КОТОРЫЙ ИСПОВЕДУЮ И СЕЙЧАС, КАКИМ БЫ ПАРАДОКСАЛЬНЫМ ОН НИ КАЗАЛСЯ. НОРМАЛЬНЫЕ ДЕТИ, ИЛИ ДЕТИ, ПРИВЕДЕННЫЕ В НОРМАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ, ЯВЛЯЮТСЯ НАИБОЛЕЕ ТРУДНЫМ ОБЪЕКТОМ ВОСПИТАНИЯ. У НИХ ТОНЬШЕ НАТУРА, СЛОЖНЕЕ ЗАДАЧИ, ГЛУБЖЕ КУЛЬТУРА, РАЗНООБРАЗНЕЕ ОТНОШЕНИЯ. ОНИ ТРЕБУЮТ ОТ ВАС НЕ ШИРОКИХ РАЗМАХОВ ВОЛИ И НЕ БЬЮЩЕЙ В ГЛАЗА ЭМОЦИИ, А СЛОЖНЕЙШЕЙ ТЕХНИКИ». А. МАКАРЕНКО. «ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА».

P.S. Решением коллегии главного управления профтехобразования г. Ленинграда общественная лаборатория реорганизована в Психолого-педагогический центр по индивидуальной работе с подростками города и области. А. П. Файн назначен руководителем центра.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

В альманахе № 3 за 1986 год опубликован литературный сценарий «Мотылек». Авторами этого сценария являются Олег Осетинский, Константин Гердов, Роман Цурумья.

1р.20к.
70434

КИНОСЦЕНАРИИ

1987

1